

Миссия (не)выполнима

ДОВЕРИТЬСЯ

БАБНИКУ

Время не стоит на месте, а преподносит множество сюрпризов. Как меняются отношения, когда вы вместе уже больше года? Как на это влияют окружающие? И что делать, если в любой момент может произойти то, что пошатнёт доверие как в семье, так и между вами?..

===== Глава первая =====

Как бы нам порой ни хотелось, мы не в состоянии остановить время. С недавних пор в моей жизни было очень много моментов, из-за которых хотелось кричать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!», однако я не Фауст, так что мои попытки ни к чему не привели. Дни сменяли друг друга, перетекая в другие месяцы, а постепенно — другие времена года. И вот, с того момента, как началась вся эта кутерьма, связанная с тем, что однажды ничем не приметная девчонка решила влюбиться в себя бабника, прошло полтора года. На дворе начало марта.

Много чего произошло за всё это время. Та девчонка, которой по чистой случайности являюсь я, всё ещё встречается с тем самым бабником, Филом, на деле оказавшимся очень даже неплохим парнем. Говоря «неплохим», я имею в виду, что Гардинер оказался на удивление неконфликтным человеком, способным терпеть все мои недостатки во всех их проявлениях. Без ссор мы не обходимся, но я надеюсь, что они нам не мешают. Иногда так даже жить веселее. Что касается моего отношения к недостаткам моего парня, то... пожалуй, умолчу об этом. Иначе, в сравнении с ним, окажусь не совсем приятным человеком.

Как бы то ни было, мы до сих пор вместе, во что даже мне немного сложно поверить, учитывая, как я относилась к нему в самом начале. Скажи мне кто раньше, что я стану девушкой Филадельфия Гардинера, я бы рассмеялась тому человеку прямо в лицо, забыв об этих словах, как о страшном сне. Но жизнь порой преподносит весьма неожиданные сюрпризы. Одним из этих сюрпризов, кстати, стала специальность, которую я выбрала для поступления. Вернее, не совсем я. Хотелось бы думать, что это решение было принято коллективно всеми членами моей семьи, но моё мнение не особо учитывалось, так что это не вариант. Родители посоветовались и решили, куда мне лучше поступать. После нескольких истерик, которые я устраивала только перед Сосисочкой, не стремясь ссориться с мамой и папой, согласилась с ними, решив, что мне, в принципе, всё равно. Не то чтобы у меня никогда не было цели, скорее, я об этом даже не задумывалась. Будучи отличницей, я так стремилась оставаться лучшей по всем предметам, что даже подумать не успевала о том, к чему у меня по-настоящему лежит душа. Наверное, именно поэтому сложившаяся ситуация меня нисколько не напрягает, хотя, казалось бы, должна.

В общем, всё решилось мирным путём и было решено, что я пойду по отцовским стопам, а именно — свяжу свою жизнь со всякими скучными бумажками, договорами, расчётами и прочим. Для этого, возможно, мне понадобится получить даже несколько высших образований, но моя цель — поступить хотя бы сейчас и узнать все тайны экономики, которые только может поведать мне ВУЗ. Естественно, я не должна и пытаться пробиться в достойное заведение неподготовленной, так что, начиная с этого месяца, буду посещать курсы при университете, чтобы улучшить свои знания. Формально, я должна была

заняться этим с середины февраля, но Роберт пожалел меня и устроил незапланированные каникулы, куда была приглашена также и семья Фила. К сожалению, кроме него никто поехать не смог.

С Эллиотом ни у кого из членов моей семьи никогда не было особо тёплых взаимоотношений, но не позвать его было бы просто невежливо, хотя никто особо не расстроился, когда мистер Уильямс объявил, что они с женой пропустят сие мероприятие. Гораздо обиднее было то, что Сэм тоже отказалась от поездки, хотя мы с родителями ожидали этого. В последнее время дела с её здоровьем были совсем плохи. Некогда жизнерадостная женщина, которая своей активностью, несмотря на проблемы со здоровьем, могла дать фору любому моему ровеснику, с каждым днём всё больше становилась похожа на тень прежней себя.

Она и раньше была очень худой, но за последние месяцы стала чуть ли не миниатюрной, отчего начало казаться, что любое прикосновение может разрушить эту, словно сделанную из хрусталя, женщину. Синяки под глазами было всё труднее скрыть с помощью косметики, так как они глубоко залегли под её веками, а сухость губ была видна даже тогда, когда на них был нанесён блеск. Сколько ни пытался мой отец выяснить, что происходит с Сэм и насколько это опасно, все отмалчивались. На вопросы, почему она никак не ляжет в больницу, мама Гардинера со смехом отвечала: «Мой муж — медик по образованию, а также владелец одной из крупнейших больниц в городе. В его подчинении сотни, даже тысячи сотрудников. Мы оба перестанем уважать себя, если не сможем заботиться о моём здоровье в стенах нашего дома».

На этом всё и заканчивалось. Как бы то ни было, сам Фил, сколько бы ни переживал из-за своей матери, старался не подавать виду, что у этого гадёныша со временем получалось всё лучше и лучше. Практика приносит результаты, как говорится...

Во время нашей поездки парень был бодр и весел, так что вряд ли кому-нибудь могло прийти в голову, что у него вообще могут быть проблемы. Он учил моего отца кататься на лыжах, так как Роберт, в виду своей занятости, редко выбирался на отдых, а мы с мамой лишь со смехом наблюдали за ними, то и дело обгоняя на трассе. Мы пробыли на заграничном курорте всего неделю, но за это время папочка значительно улучшил свои навыки езды на лыжах, а Фил сделал то, о чём мечтал, как он мне признался, всю жизнь, — научился кататься на сноуборде. За его обучением было наблюдать и то веселее, чем за Робертом, который в этот момент чувствовал себя королём Мира, поскольку наконец-то смеялись не над ним.

Но самым запоминающимся для меня случаем стал последний вечер, который нам предстояло провести в гостинице. Вещи, в большинстве своём, уже были собраны, а мои родители ушли на последнюю вечернюю прогулку, оставив нас с Гардинером прозябать в одиночестве. Так уж получилось, что я делила номер с мамой, а Фил — с моим отцом, так как мужчина «не хотел оставлять подростка без присмотра надолго». Но и это нам не повредило. Стоило Люси и Роберту уйти, как я заскочила в комнату к своему парню (мне до сих пор нравится, как это звучит), предложив убить время вместе. Тот был не против.

Немного поговорив, мы занялись самым тривиальным и скучным делом, которое только могли придумать люди нашего поколения, — принялись искать, что можно посмотреть по телевизору. Если кому-то кажется, что влюблённые даже спустя годы должны продолжать вести себя так, словно только начали встречаться, а вокруг них так и должны летать сердечки, раздражая случайных прохожих, то он глубоко заблуждается. Нет, я не стала

любить Гардинера меньше ни на йоту. Думаю, чувства парня с течением времени тоже не особо изменились, иначе он бы порвал со мной уже раз десять, так как опыта в таких делах у него много. К тому же, он всегда подтверждал своё отношение ко мне какими-то мелочами и, наверное, сам даже не осознавал, насколько счастливой я становлюсь в такие моменты.

Одним из них стало событие того вечера. По телевизору, как обычно, не было ничего интересного, пока мы наконец-то не наткнулись на один фильм. Поначалу показалось, что это очередное документальное кино, так как там то и дело мелькала собака и один и тот же человек, но потом я услышала, как он произнёс кличку той собаки. Хатико.

Услышав это, Фил глубоко вздохнул, после чего потянулся к пульту, чтобы переключить канал, но тут я ринулась к нему и воскликнула:

— Подожди, давай посмотрим!

— Серьёзно? — недоверчиво произнёс тот. — Хочешь сказать, что действительно хочешь посмотреть это?

— Ну... Я никогда не смотрела этот фильм, а все вокруг только и говорят о том, какой он хороший, чувственный и всё такое... Дома мне всегда есть, чем заняться, дай хоть здесь его посмотреть.

— Ты всегда можешь вернуться в свой номер и посмотреть его сама, — продолжал упрямствовать Гардинер, не желая отпускать пульт, который я пыталась у него отнять. — Я его уже видел и, если честно, не впечатлился. Это всё грустно, это всё трагично, но это всё не для меня. Да хватит уже!

Шатен сжал мои руки в своих, не оставляя ни малейшей возможности дотянуться до заветного пульта, после чего буквально навис надо мной, прижав к дивану. Придвинувшись поближе, Фил прошептал мне на ухо:

— Запомни. Я не собираюсь смотреть с тобой подобную ерунду.

По моему телу прошла приятная лёгкая дрожь, отчего на руках тут же стали видны мурашки. Заметив это, парень довольно усмехнулся, всё ещё не отпуская меня, и продолжил:

— Или ты так сильно этого хочешь?..

— Прекрати говорить об этом таким тоном, словно я тебе порно предложила посмотреть! — не выдержав, крикнула я, отодвигаясь от него. Вырвать свои руки из его захвата мне не удалось. — Я просто прекрасно понимаю, что могу не посмотреть его в одиночестве, поэтому и хочу, чтобы мы сделали это вместе. Разве я так много прошу?

Я посмотрела в глаза Гардинера, попытавшись сделать свой взгляд похожим на тот, которым смотрел котёнок из «Шрека», но скривившееся лицо парня подсказывало мне, что у меня не очень хорошо получалось. Тогда я решила пустить в ход всю свою хитрость. Подняв ноги на диван, на котором мы расположились, я начала медленно подползать к парню, продолжая смотреть ему в глаза, а заодно начала бессовестно ныть:

— Ну, давай. Тебе же всё равно нечем заняться. Это же наш последний вечер здесь... Давай последуем примеру родителей и проведём его вместе. Ну?

Шатен немного ослабил хватку, начав беспомощно отодвигаться от меня, сдаваясь под моим напором, и так мы переползли с одного края дивана на другой, отчего Фил спиной вжался в стену, к которой тот примыкал. Стоило же мне открыть рот, как парень закатил глаза и обречённо спросил:

— Ты не отстанешь, если я не соглашусь, да?

Я покачала головой, подтверждая его догадку. Тогда Фил в очередной раз вздохнул и сказал:

— Я делаю это в первый и последний раз, тебе ясно?

Ничего не ответив, я просто обняла его, потом выхватила пульт и прибавила звук, поудобнее устраиваясь рядом с Гардинером на диване. Как многие говорят, за столь долгое время, проведённое вместе, мы начали напоминать женатую пару, и в такие моменты мне казалось, что они в чём-то правы. Кому-то может показаться, что парень стал слишком уступчивым, но, к сожалению, это совсем не так. Просто в тот день в кои-то веки победила я, а не он.

И потом пожалела об этом. Нет, фильм оказался очень даже неплохим, просто под конец я буквально редела белугой, отчего мои глаза покраснели и начали болеть. Подозреваю, что внешний вид у меня тоже был на «троечку». Максимум. Никогда бы не назвала себя особо чувствительной или сентиментальной, так как всегда отдавала предпочтение фильмам ужасов и почему-то не рыдала, когда на экране маньяки потрошили своих жертв, но в этот раз что-то пошло не так. Вообще, если в фильме была хорошая предыстория, я могла разрыдаться, к примеру, за просмотром боевика, а тут в течение всего времени только и делали, что нагнетали обстановку. Показывали все эти хорошие моменты, а потом взяли... и оборвали всё. Подозреваю, что именно из-за этого разрыдалась.

Но в тот момент, когда я не могла остановить собственные слёзы, больше всего меня раздражал сидящий рядом Гардинер, который даже не пытался скрыть, что смеётся надо мной. Пока я рыдала, этот гад чуть ли не по полу со смеху катался, отчего я не выдержала и всё же стукнула его разок со словами:

— Мог бы и посочувствовать!

— Кому? Пёсику? Поверь, я ему всем сердцем сочувствую.

— Да при чём тут он?! — не выдержала я. — Вместо того, чтобы хохотать, посмотрел бы на меня и хотя бы попытался сделать вид, что тебе немного жаль!

— Может, ты хочешь, чтобы я рыдал, как ты?

— Не обязательно прямо так! Хотя твои слёзы увидеть я бы не отказалась...

В этот момент карие глаза Гардинера округлились, а с лица внезапно пропало насмешливое выражение. Когда я спросила, что с ним, он лишь спросил:

— Ты сейчас серьёзно? — недолго думая, я кивнула. Покачивая головой из стороны в сторону, шатен смерил меня неодобрительным взглядом, сказав: — Садистка. В прошлой жизни ты точно мучила невинных младенцев, — и, даже не успев выслушать мою гневную речь, добавил: — Хорошо, сиди здесь.

После этого он встал с дивана и направился к выходу из комнаты. Это было настолько неожиданно, что я даже не успела сориентироваться и так и не спросила, куда же он направился. Некоторое время сидела и тупо глядела на дверь, за которой только что скрылся Гардинер, после чего решила, что сидеть зарёванной не стоит, а потому забежала в ванную и быстренько умылась. Пока была там, с каким-то странным чувством осмотрела полочку, на которой вразнобой стояли гели для душа, шампуни, лежало мыло... Всё бы ничего, просто странно было видеть две бритвы, лежащих рядом. Я всегда жила только с одним мужчиной в доме — с Робертом, — потому не привыкла видеть такое. Даже когда Гардинер оставался у нас, ничего подобного в ванной комнате я не видела. Хотя о чём это я? Даже в загородном доме Майка, в котором мы отмечали Новый Год, хоть там и собралось множество представителей мужского пола, я ни разу не видела чьей-либо бритвы! Поэтому, глядя на это, я испытала какое-то странное чувство, которое до сих пор не могу охарактеризовать.

Кто знает, сколько я могла бы пробыть в ванной, просто рассматривая эти два

бритвенных станка, если бы Фил вдруг не вернулся. Наспех вытерев лицо полотенцем, я выбежала в комнату, как вдруг встретилась взглядом с шатеном, глаза которого были полны слёз. Самых настоящих слёз! В тот момент мне начало казаться, что с моей головой что-то не так, но сколько бы я ни протирала глаза, всё равно видела перед собой плачущего Гардинера!

— Это... что? Это как вообще? — только и смогла спросить его, подойдя поближе, оказавшись совсем рядом с парнем.

— Теперь довольна? — на удивление спокойным голосом осведомился тот. — Просила моих слёз — держи. Запомни этот день, потому что в следующий раз я буду рыдать только на свадьбе. И стоит ещё подумать: от счастья или от чего-то другого.

— Но как?! — тупо повторила свой вопрос я, всё ещё не веря собственным глазам и ушам.

Фил самодовольно ухмыльнулся.

— Мне показалось, что ты не оценишь, если я накапаю в глаза воды, поэтому пришлось пойти на крайние меры. Кстати... Лучше никогда не используй много лука. Глаза от него болят невероятно.

Первые секунд пять я просто соображала, что он сказал, а потом, когда до меня, наконец, дошло, то не выдержала и рассмеялась, прикрыв лицо руками. Видеть парня, который стоит и, как обычно, ухмыляется, но в то же время по его щекам текут слёзы, которые он продолжает то и дело вытирать рукавом свитера, было, как минимум, непривычно. А ещё смешно. Очень даже смешно.

— Да-да, знаю, что выгляжу нелепо, — без тени стеснения или какого-либо подобия на смущение сказал тот. — Но теперь ты довольна?

— Более чем, — стараясь прекратить смеяться, ответила ему, потому что не хотелось насмехаться над человеком, который пошёл на такие жертвы ради меня. Однако кое-что всё же хотелось узнать. — Скажи, где ты хоть лук достал?

— На кухне работает такая очаровательная женщина лет пятидесяти, — моментально последовал ответ. — Стоило сказать, что я простыл, как мне тут же и чай предложили сделать, и чесноком нагрузили. Правда, пришлось объяснять, почему мне лучше помогает лук... Но с этим я как-то смирился. И она тоже.

подавить улыбку, как бы ни старалась, я не смогла. В тот момент было сложно понять, рада я этому или мне просто весело, но было всё равно очень приятно. Сама не знаю, почему. Однако из-за этого поступка Гардинера мне вдруг так захотелось его обнять, что я, собственно, не преминула сделать. Хоть за всё то время, пока мы встречаемся, Фил так и не смог полюбить все эти «телячьи нежности», в тот раз он смирился и позволил мне всё же сделать то, что хочу. Однако не смог не спросить:

— Хочешь, чтобы я порыдал на твоём плече?

— Давай обойдёмся без этого, — только и ответила я, продолжая обнимать его.

Шатен хихикнул, после чего наклонился и потёрся щекой о моё плечо, скорее всего, для того, чтобы смахнуть слезинку. Они уже останавливались, но глаза у него всё ещё были красные и, как говорится, на мокром месте. Пожалуй, это мог бы быть очень милый и романтический момент, мы могли бы даже поцеловаться, если бы в номер вдруг не вошёл Роберт. Вот внезапно ему захотелось зайти к себе.

Я моментально отскочила от Гардинера, так как до сих пор не терплю, когда кто-то наблюдает за нами, и тогда моему отцу стало прекрасно видно красные глаза парня, из

которых, к счастью, больше не текли слёзы. Только мужчина открыл рот, дабы что-то сказать, как я злобно процедила:

— Мог бы и постучаться, прежде чем войти!

— В свою комнату? — удивлённо переспросил тот, не сводя глаз с Фила. — Если здесь и есть кто-то, незаконно находящийся в данном помещении, то это ты, а не я.

В первую секунду я даже хотела ответить ему, но так и не нашлась, что сказать. Всё это время парень, оказавшийся предметом пристального наблюдения Роберта, безучастно наблюдал за нами, периодически потирая покрасневшие глаза. Однако скоро, по всей видимости, ему надоело то и дело ловить на себе взгляд мужчины, который так и не решился что-либо сказать, поэтому он улыбнулся и бодрым тоном заявил:

— А я тут вдруг понял, что лучше не сталкиваться с огромным количеством лука в ближайшее время, а то глаза жжёт. А вы знали об этом? — всё ещё обескураженный отец неуверенно кивнул. Улыбка парня стала шире, а после он сказал: — Вот, а я не знал. Пожалуй, мне стоит промыть глаза, да? Что же, я, пожалуй, займусь этим, а вы с Кэтрин пока можете поговорить.

— Но ванная же... — попыталась вставить я, но Гардинер не слушал. Ловко обойдя нас с папой, он вышел из комнаты в мгновение ока, оставив меня самостоятельно разбираться со всем, что тут наворотил.

— Итак, — Роберт пристально посмотрел на меня. — Я хотел бы знать, что здесь произошло.

В тот момент я неожиданно подумала, что тактика, избранная Филом для того, чтобы выйти из ситуации, является очень даже верной, поэтому, сказав, будто парень уже рассказал обо всём, сослалась на то, что уже поздно, и вышла из комнаты, поспешив в свой номер, где меня уже ждала разговаривавшая по телефону мама. Я сказала, что мне срочно нужно в душ, и просидела там чуть ли не весь остаток вечера, пока отец, пришедший к нам, дабы всё же разобраться в ситуации, не ушёл обратно в свой номер. К счастью, на следующий день он вёл себя нормально и ни разу не вспомнил о том, что произошло минувшим вечером. Когда я попыталась узнать у Гардинера, что же он наплёл Роберту, тот лишь скромно отмолчался. Больше никто об этом инциденте не вспоминал.

К сожалению, на отдыхе время летит быстро. Я и оглянуться не успела, как снова оказалась в школе вместе со своими друзьями, а до начала дополнительных занятий оставалось буквально несколько часов. Меня нельзя назвать пугливой или же стеснительной, однако весь день я чувствовала себя не в своей тарелке. В виду моего весьма специфического образа жизни, уже очень давно я не оказывалась в большом новом коллективе совершенно одна. В тот же лагерь я ездила с лучшей подругой и ребятами из школы, с которыми я, пусть на тот момент не очень хорошо, но общалась. Теперь же мне предстояло попасть в компанию, где все уже немного подружились за прошлые недели занятий, и быть там совершенно одной. Это напрягало.

— Да ладно тебе, успокойся! — весело восклицала Лили, приобняв меня за плечи, когда мы уже выходили за территорию школы. — Ты же знаешь, мы с Дженни мысленно с тобой! Так что нечего бояться.

— Кто сказал, что я боюсь? — уклончиво ответила я, неловко высвобождаясь из хватки подруги. Вот не понять мне никогда прелести тесного человеческого контакта, хоть убейте... — Просто я не знаю, какие люди там будут. Представляете, если все девчонки будут похожи на Рокси? Я же с ума сойду!

— Оу, — протянула шатенка, лукаво улыбнувшись. — Похоже, кто-то всё ещё не может забыть, как эта самая Рокси встречалась с твоим Филом, да?

— Больно надо! — воскликнула я, однако отвела взгляд. Услышав, как хихикает подруга, я повернулась к Дженни и спросила: — Хотя бы ты понимаешь, что не в этом дело, да?

Брюнетка, в тот момент что-то усердно искавшая в своей сумке, повернулась ко мне и, мягко улыбнувшись, сказала:

— Конечно. Но я всё же понимаю, к чему клонит Лили. Ты всё ещё злишься на Филадельфию из-за его предыдущих походов.

— А я радоваться должна? — прямо спросила я. — Разве тогда я не буду мазохисткой?

— Я не об этом говорю, — вздохнув, сказала девушка. — Просто хочу напомнить, что вы с Гардинером вместе уже больше года, пора бы научиться спокойно относиться к тому, что было уже давным-давно.

Я вздохнула. Мне прекрасно известно, что все эти недельные романчики для Филадельфии значили ровно столько, сколько для меня то, что ел на завтрак троюродный брат моего двоюродного дедушки, если таковые вообще имеются, но ничего поделаться с лёгкой обидой не могла. Хотя вся злость буквально испарялась, когда я замечала, как многие стали относиться к Гардинеру после того, как произошла вся та неразбериха с Коди. Та ситуация в парке стала поводом для множества весьма нелицеприятных слухов, которым люди верили куда охотнее, нежели достоверным фактам. Пусть с того момента и прошло так много времени, часто я замечала, как на Филадельфию косо поглядывали остальные учащиеся школы. Ему устраивали так называемые подлянки, пытались издеваться, только парню будто было наплевать на всё это. Он настолько успешно игнорировал выходки своих бывших «друзей», что со временем тем надоело, вот и прекратили свои нападки на него. Некоторые девушки, которым он некогда нравился, до сих пор нормально относились к Филу, а со временем и некоторые парни подтянулись. Всех не убедишь, а люди, у которых есть хотя бы подобие на мозги, уже давно поняли, где собака зарыта. Былую популярность Гардинеру не вернуть, но он, по всей видимости, и не стремился к этому.

— Мы в выпускном классе, у нас есть дела поважнее, не находишь? — однажды ответил он мне на мой вопрос, не хочется ли ему вернуть свою репутацию хотя бы частично. — К тому же, пора бы понять, что популярность — это не то, что поможет мне в жизни. Ну, стану я опять широко известным в пределах школы, а что потом? В том-то и дело, что ничего.

Не знаю, почему, но я всегда улыбалась, вспоминая эти слова. Хотя не мне это говорить, но всё же было видно, как Фил повзрослел за это время. Совсем скоро ему исполнится восемнадцать лет, так что парень стал куда более решительным и ответственным, хотя и раньше его нельзя было назвать безалаберным. И в то же время меня радовало, что это всё тот же Фил Гардинер, которого я знаю. Что же до меня... Если кому из нашей компании и удалось остаться ребёнком, упорно не желающим взрослеть, то это мне.

Дженни стала куда более ответственной, внимательной и, я бы сказала, заботливой с того момента, когда родился её братик. Я и раньше понимала, что дети — это ходячая катастрофа, но теперь до конца убедилась в этом. Чего стоили её рассказы о том, как Джесси любит выдирать им с мамой волосы, как ему нравится брать в руки ложки и стучать по кастрюлям или любым другим предметам, которые способны звенеть. Брюнетка часто жаловалась на то, как устаёт помогать маме сидеть с ним, однако всякий раз, когда мы втроём ходили гулять с малышом, я видела, как сияют её глаза, стоит Джесси что-нибудь

учудить. Иногда случалось такое, что подругу принимали за молодую мамочку, но даже тогда она не расстраивалась. И это было по-настоящему здорово. Особенно радовало то, что с рождением ребёнка ситуация в её семье наконец-то наладилась, поэтому Дженни не особо волновалась перед поступлением.

Что касается Лили, то я затрудняюсь сказать, что именно на неё повлияло. Самым значительным событием, произошедшим за всё это время в её жизни, мог стать разве что разрыв с Майком. Все удивились, когда в один день эти двое вдруг заявили, что больше не вместе, но остаются хорошими друзьями, однако ещё больше поразились, когда никто из них не смог назвать причины расставания. Обоим было так же хорошо вместе, оба продолжали общаться не хуже, чем в то время, когда встречались. Единственным, что отличало их от парочек, было то, что они больше не оставались наедине надолго, больше не держались за руки, а также не ходили вместе всегда и везде. Хотя при всех они общались друг с другом не хуже, чем с остальными. Не знаю, стало ли это причиной перемен в характере девушки, но именно после этого она стала меняться. Оставаясь всё такой же весёлой, Лили всё же стала серьёзнее подходить ко многим вещам, а также стала упорно заниматься, чего не замечалось за ней ранее. Может, родители что-то сказали, может, Майк... Но она изменилась. И это факт.

Однако я не могла заметить особых перемен в характере Майка. Тот же Генри, раньше любивший прогулять занятия и интересовавшийся только спортом, как-то остепенился. Джевонс же, как был серьёзным и немного отчуждённым, таким и остался. Он мог сидеть и делать какие-то наброски даже тогда, когда все что-то живо обсуждали, но в то же время мог и веселиться с остальными. Пожалуй, из всех нас, помимо меня, не изменился только он. Однако парень и раньше понимал, что такое ответственность и с чем её едят, так что тут удивляться нечему. Зато Генри всеми силами старался снять напряжение всех друзей, то и дело разряжая обстановку своим присутствием. Нет, как бы все ни менялись, они оставались теми же интересными людьми, какими я их помнила в самом начале.

Кстати, об интересных людях. С моей стороны будет крайне невежливо не вспомнить об Алексе, с которым я общаюсь до сих пор, несмотря на то, что наши дороги разошлись. Мы не учимся в одной школе, у нас нет общих друзей, но мы до сих пор дружим и периодически гуляем вместе, что не может не злить Гардинера, так как у недорыжика вот уже несколько месяцев нет девушки. Памятуя, что я когда-то нравилась этому человеку, Фил порой не может сдержаться и кривится, когда я упоминаю имя Алекса, но мы ни разу не ссорились по этому поводу. К тому же, отчасти мне нравится такая реакция парня. Люблю его позлить, ведь не только же я должна мучиться всякий раз, когда с ним флиртует какая-то девушка. Зуб за зуб, как говорится.

— А вот и святая троица! — воскликнула Лили, прервав поток моих мыслей. Вновь схватив меня за плечо, девушка указала пальцем на стоявших возле какого-то магазинчика Фила, Майка и Генри, после чего спросила: — Это они нас ждут?

— Было бы странно, если бы они ушли, учитывая, что мы с Филом договорились встретиться и пойти вместе, — буркнула я.

— А как же занятия? — тоном строгой мамочки спросила Дженни. — Или вы туда и идёте?

— Именно, — вздохнув, ответила я. — Он решил пойти со мной, как бы я ни сопротивлялась.

— Так это же здорово! — искренне сказала Лили. — Разве плохо, что твой парень

провождает тебя?

— В этом и проблема, — ответила я, однако прежде, чем подруги успели хоть что-то спросить, ускорила шаг и подошла к ожидавшим нас ребятам. Здраваться не приходилось, так как виделись уже, поэтому всё, что я сделала, приблизившись, так это спросила: — Давно ждёте?

— Около часа, — успел всё же ответить Майк, тут же получив лёгкий удар локтём по рёбрам от Генри, моментально вскрикнув. Злобно посмотрев на светловолосого парня, Джевонс процедил: — А сейчас за что?

— За то, что тактичности в тебе кот наплакал, — серьёзно сказал тот. — Даже если давно ждёшь, необязательно говорить об этом девушке. Ничему тебя жизнь не учит!

— Если это правда, то не вижу смысла молчать, — только и ответил брюнет, после чего посмотрел на меня и добавил: — Если бы всякий раз, как Кэтрин опаздывала на наши встречи, я молчал, то она бы делала это постоянно. Я же прав?

— Пожалуй, да, — сконфуженно улыбнувшись, ответила я, вспоминая, как терроризировала парня, желая разузнать побольше о Гардинере.

— Опять, — обречённым голосом сказал Генри. — Тактичность, Майк. Хотя бы немного!

— По-моему, это не так уж и плохо, — сказала Лили. — Зато он честный.

Из-за слов девушки повисла неловкая пауза. Джевонс не выглядел смущённым или же уязвлённым, хотя в её словах всё же прозвучали нотки сарказма, а вот все остальные не знали, что сказать. Расстались эти двое немногим больше месяца назад, так что никто ещё не научился тактично выходить из ситуации.

Или почти никто.

— Будем считать, что это одна из привлекательных черт Майка, — сказал Гардинер, похлопав друга по плечу, тем самым переводя всё в шутку. — В конце концов, если Кэтрин не скажешь всё напрямую, то она же и не поймёт ничего.

— Эй, — недовольно протянула я.

— Это горькая правда, Кэтрин, научись принимать её, — и прежде, чем я успела открыто возмутиться по этому поводу, он спросил: — Так мы пойдём или ты решила опоздать в первый же для тебя день?

Пару секунд я молчала, собираясь с мыслями, так как очень уж хотелось врезать ему или ещё что сделать. Стиснув зубы, я так спокойно, как только могла, проговорила:

— Конечно, идём.

Фил победно улыбнулся, после чего наспех попрощался со всеми и пошёл в сторону университета, где должны проходить занятия. Я следом. Да, стоит упомянуть, что за этот год мы оба так и не научились вести себя так же, как большинство пар, а именно — ходить под ручку и сюсюкаться у всех на виду. К счастью, ни ему, ни мне такое не по душе. И хоть остальные пытались что-то там нам доказать, мы оба оставались непреклонны. Зато мы чем-то не похожи на других. Во всяком случае, так я утешала себя в моменты, когда думала, что с нами действительно что-то не в порядке. Однако отвлечёмся от самокопания.

— Значит, не пойму, пока не скажут, да? — гневно спросила я, поравнявшись с парнем.

— Хочешь сказать, что это не так? — ответил тот, ухмыльнувшись. — Тебе напомнить события прошлого Нового Года?

— Ты не считаешься, Мистер Загадка! Тебя вообще никто понять не может.

— Печально, что ты так думаешь, — только и сказал Фил.

Я покосилась на него. По лицу шатена невозможно было достоверно определить, что именно он сейчас чувствует. Впрочем, как всегда. Однако и дураку было ясно, что здесь что-то не так. Интересно, как только разговор перешёл в подобное русло?..

— Итак, какие, говоришь, будут занятия? — быстро сменил тему парень, что меня не радовало. Однако я решила не углубляться в проблему именно сейчас, пока мы идём по улице, поэтому подыграла ему и принялась рассказывать, что именно меня ждёт там.

Формально, это то же самое, что ещё раз ходить в школу, только по вечерам. Поэтому рассказывать было особо нечего, но я старалась растянуть наш разговор на всё время нашего пути. К моему счастью, под конец, когда мы уже подходили к назначенному месту, а тема была практически исчерпана, потому что я понятия не имела, чего ждать, у меня зазвонил телефон. Каково же было моё удивление, стоило увидеть, кто именно мне звонит.

— Да, Алекс, — ответила я, заметив удивлённый взгляд Гардинера. Я пожала плечами, показывая, что удивлена не меньше.

— Приветик, Китти-Кэт, — послушалось из трубки. — Ты где?

— Возле университета, практически на его территории. Я же говорила, что у меня сегодня занятия.

— Я помню, именно поэтому и хочу узнать, где конкретно ты сейчас находишься. Ах, погоди...

Я решительно не понимала, что имеет в виду парень, но в следующий момент Фил дёрнул меня за плечо. Пришлось повернуться к нему лицом, так как обычно я отворачиваюсь от того, с кем нахожусь рядом, пока разговариваю по телефону. И тогда я увидела, как шатен кивком головы указал куда-то влево от себя, а после, проследив за его взглядом, заметила приближающегося к нам Алекса.

— Что за?.. — пробормотала я, повесив трубку, а после громче крикнула, чтобы недорыжик меня услышал: — Ты что здесь делаешь?!

Парень, продолжая всё так же улыбаться, как и за секунду до этого, подошёл ещё ближе и спокойно сказал:

— То же, что и ты. Пришёл на занятия.

— Чего-чего? — тупо переспросила я. — На какие занятия? И почему я об этом ничего не знаю?!

— Сюрприз! — разведя руки в стороны, радостно сказал парень, улыбнувшись ещё шире. — Мне было немного сложно хранить это в секрете, учитывая, что ты прогуляла прошлую неделю, но я всё же сдержался. И вот, вуа-ля! Ты, кажется, боялась быть одной? Будем считать, что я пришёл тебе на помощь.

— Только я не понимаю, что здесь происходит? — спросила я, с надеждой воззрившись на Гардинера.

Тот снисходительно посмотрел на меня, ухмыльнувшись, и спросил:

— И ты ещё возражала, когда я сказал, что ты не понимаешь с первого раза?

В этот момент, клянусь всеми Святыми, я готова была прибить его на месте. Однако меня сдерживали хорошее отношение к этому человеку и наличие огромного количества свидетелей, так как студенты в это время как раз возвращались с пар. Причём второе имело большее значение. И всё же, я решила не продолжать расспросы, дабы не выглядеть глупой, так как догадалась, что происходит, а подробности у Алекса можно узнать и тогда, когда мы останемся наедине.

— Да-да, я уже поняла, что ты считаешь меня глупой, — так спокойно, как только

могла, ответила шатену, хотя нотки сарказма всё равно были слышны. — Но тебе всё же придётся смириться с этим.

— Я уже понял и принял это в тот момент, когда мы стали встречаться, — в тон мне ответил парень.

Я скривилась. Совсем забыла о том, что хотела поговорить с Гардинером по поводу того, что хочу сохранить наши отношения в тайне ото всех, с кем теперь буду учиться. Нет, дело не в том, что я стесняюсь его или у меня свои странности появились, просто, зная меня, мне обязательно удастся нажать врагов. Хоть мама и настраивала меня на позитив, откровенно говоря, я не особо верю в то, что у меня получится мирно сосуществовать со всеми людьми, с которыми ещё предстоит встретиться. Поэтому не хочу, чтобы это как-то отражалось на Филе или моих друзьях. Есть ещё одна не менее веская причина. Это моя личная жизнь и я хочу, чтобы она таковой и осталась. Я не из тех, кто кричит о том, что встречается с кем-то, лишь бы остальные заметили. Пока я не найду человека, которого смогу подпустить к себе, я не хочу знакомить его со своим кругом общения. Хоть моя точка зрения кажется мне самой вполне логичной, в такие моменты даже я считаю себя несколько асоциальной, но не суть. Надеюсь, Фил поймёт меня, когда я всё ему спокойно объясню.

— Ладно, — вдруг сказал Гардинер, взглянув на наручные часы, — думаю, мне пора. Дела есть не только у вас двоих, — он перевёл взгляд с часов на меня и, улыбнувшись, добавил: — Удачи тебе. И постарайся не угодить в неприятности хотя бы в первый день.

Только я открыла было рот, чтобы ответить ему, как недорыжик обнял меня и, широко улыбаясь, весело сказал:

— Не волнуйся, я присмотрю за ней. Даю слово, что буду делать это не хуже тебя.

В этот момент мне показалось, что в голове Фила что-то сломалось, так как услышала характерный звук ломающейся пластмассы. Позже я заметила, что одна рука парня была в кармане, и, кажется, он сжимал её в кулак, но решила не обращать на это внимания. Во всяком случае, пока не встречу с ним ещё раз. Внутренний голос подсказывал мне, что сегодняшняя встреча с Алексом мне аукнется...

— Большое и человеческое тебе спасибо, — натянуто улыбаясь, сказал Фил. — Ты представить не можешь, как я рад тебя видеть.

— Ох, не надо комплиментов, — всё так же весело отвечал недорыжик. — Ты знаешь, что это взаимно.

Гардинер кивнул, после чего, бросив последний взгляд на меня, начал:

— В любом случае, Кэтрин, тебе... — но так и не закончил, потому что у него вдруг зазвонил телефон.

Вытащив его из другого кармана своей куртки, Фил только и взглянул на экран, после чего, нахмурившись, попрощался со мной, приобняв на прощание и как бы ненавязчиво отпихнув Алекса куда подальше, а затем отправился по своим делам, быстрым шагом удаляясь от нас. Проводив его взглядом, я повернулась лицом к недорыжику, который с трудом удержал равновесие на ещё не размёрзшейся скользкой дороге, и, скрестив руки на груди, требовательно спросила:

— И что это было?

— Ты о чём? — невинно спросил тот.

— Обо всём, — всё в том же тоне спросила я. — И зачем тебе понадобилось злить Фила?!

— Я так понимаю, если скажу, что это весело, — ты меня убьёшь, да? — я кивнула, ни

секунды не мешкая. Я могу доставать Гардинера так, как хочу, потому что он точно так же изводит меня, но другим делать этого не позволю. Однако Алекса не пугал мой грозный взгляд, он, продолжая улыбаться, сказал: — Должен же я был его расшевелить. А то вы, ребята, уже столько времени вместе, а ваши отношения с точки «ноль» сдвинулись в «минус один».

— Неправда! — как-то по-детски возразила я, но это меня мало волновало. — То, что мы не сюсюкаемся на каждом углу, ещё не значит, что у нас плохие отношения!

Недорыжик покачал головой из стороны в сторону. В этот момент улыбку с его лица словно водой смыло. Когда он посмотрел на меня, на секунду даже показалось, что в его взгляде есть капля сочувствия.

— Самое ужасное в этом то, что вы, ребята, даже не осознали проблему, — только и сказал он, а потом быстро добавил: — Но я лучше не буду лезть в ваши отношения. Третий лишний и всё такое. Давай лучше поторопимся, иначе опоздаем.

Парень кивком головы указал куда-то в сторону. Проследив за его взглядом, я увидела огромные часы, расположенные прямо над входом в здание университета, где мне сегодня предстояло заниматься. Если они показывали точное время, то следовало поторопиться, так как до начала занятий оставалось пять минут. В тот момент я впервые за всё время обрадовалась тому, что Алекс здесь, так как благодаря ему мы быстро очутились в нужной аудитории и уселись рядышком друг с другом за первой партой в ряду возле окна. Большинство ребят, пришедших до нас, располагались как можно дальше от преподавательского стола, поэтому нам пришлось довольствоваться тем, что осталось.

— Это не так уж плохо, — сказал недорыжик, когда мы сложили курточки на подоконник и уселись. — Можешь хоть навсегда здесь обосноваться — никто и слова не скажет. Зато у тебя будет постоянное место.

Я кивнула, хотя не имела ни малейшего желания сидеть прямо напротив преподавателей. Во всяком случае, пока что. А вдруг они страшные, как моя жизнь? Это мне только предстояло узнать.

Пока Алекс разбирался со своей курткой, которая никак не желала моститься на подоконнике рядом с моей, то и дело падая, я решила осмотреться. Аудитория оказалась не такой большой, как я ожидала, — скорее всего, нам выделили не самые лучшие помещения для занятий, что, в принципе, немудрено, так как мы ещё не студенты. Это помещение было примерно как полтора кабинета в моей школе, что, пусть и не особо, но впечатляло. Наверное, именно поэтому столы здесь стояли в два ряда и были такими большими, что за ними спокойно могло поместиться четыре человека, а то и больше.

Пробегаясь взглядом по лицам незнакомых ребят, которые уже расселись по компаниям, я вдруг наткнулась на двоих, расположившихся довольно странно. За одним столом сидели парень и девушка, разместившись по разным краям. Парень буквально вжался в стену, что-то ища в своём телефоне, а девушка разве что не падала со стула, примостившись на самом краю. Заметив, что я рассматриваю её, она оторвалась от навверняка увлекательного созерцания собственной ручки и посмотрела на меня. Через секунду ученица улыбнулась и весело помахала рукой. Хоть это и удивило меня, я тоже сконфуженно улыбнулась и помахала в ответ. Девчонка улыбнулась ещё шире и, схватив в охапку свои вещи, подлетела со стула и подбежала ко мне. Очутившись рядом, она спросила:

— Могу я сесть с тобой?

На секунду я замешкалась, бросив взгляд на паренька, который безучастно посмотрел

вслед своей бывшей соседке по парте, а после неуверенно кивнула и придвинулась поближе к Алексу, то и дело поглядывая на того незнакомца. Что-то в его внешности показалось мне странным, но я уже не могла сказать, что именно, так как он вновь склонился над своим телефоном, отчего лица я больше не видела. То ли он сидел так, то ли ещё что, но этот парень вдруг показался мне каким-то маленьким, хотя уже в следующую секунду я смотрела не на него, а на свою новую соседку.

— Ты новенькая, да? — спросила она, разложив свои вещи. — Приятно познакомиться. Меня Кэтрин зовут, а тебя?

Несколько секунд я лишь глупо моргала, а потом ответила:

— Кэтрин.

— О, так мы тёзки? — тон моей новой знакомой стал веселее. — Здорово! Тогда мы просто обязаны подружиться.

Я неуверенно кивнула, осматривая её повнимательнее. У девушки были большие голубые глаза и пшеничного цвета волосы, подстриженные в аккуратное каре, из-за которого её лицо казалось кругловатым. В глаза тут же бросился необычайно длинный прямой нос Кэтрин, из-за которого ямочка над верхней губой девушки показалась мне не очень заметной. Хотя, быть может, это просто так показалось. У неё были узкие губы, которые казались ещё меньше, когда та улыбалась. Хоть у девушки было такое же имя, внешне мы были абсолютно не похожи. Взять хотя бы губы. В сравнении с её, мои казались необычайно полными, хотя я бы не сказала, что они такими и являются.

Алекс шепнул мне на ухо, что это довольно неплохая девчонка, мол, он сидел с ней на прошлом занятии, но больше ничего не успел сказать, так как в аудитории показался высокий молодой человек. Стоило всем увидеть его, как отовсюду послышались приветствия, даже мой друг и Кэтрин тут же поздоровались с парнем. Именно парнем, потому что я не дала бы ему больше двадцати пяти, хотя, наверное, он был и того младше.

— И вам всем добрый день, — с улыбкой сказал он, поставив что-то наподобие портфеля на стул, а потом принялся снимать своё пальто, в котором он казался ну очень уж худым. Когда же этот человек оказался в джинсах и свитере, я заметила, что с его фигурой ещё не всё так плохо, как показалось на первый взгляд.

— Только не говори мне, что это преподаватель, — прошептала я на ухо Алексу, недоверчиво покосившись на того, кто стоял прямо передо мной и доставал из портфеля какие-то тетради.

— Это и не преподаватель, — спокойно ответил друг. — Стивен всего лишь лаборант, он заменяет нашего математика, который слёг в больницу.

Мои брови приподнялись от удивления, когда Алекс назвал того, кого пока что можно считать преподавателем, всего лишь по имени, но я ничего не сказала, лишь кивнула. Повернувшись лицом к парню, чтобы внимательнее рассмотреть его, я вдруг встретилась с тяжёлым взглядом синих глаз, с любопытством смотревших на меня.

— Я вас раньше не видел, — сказал Стивен, положив последнюю тетрадь на стол. — Прогуливали?

— Нет! — как-то позабыв о вежливости, грубовато ответила я. — Меня не было в городе некоторое время, поэтому я не могла приходить сюда.

— Ясно, — кивнул тот, отчего прядка из его чёлки, которая была явно длиннее всей стрижки, выбилась и попала ему прямо в глаз. Он зажмурился, после чего убрал этот клочок чёрных волос куда подальше, сказав: — Может, представитесь, чтобы я знал, как к вам

обращаться?

Я неуверенно посмотрела на недорыжика, который кивнул, призывая к действию, после чего опять повернулась к Стивену и сказала:

— Кэтрин Моллиган. Приятно с вами познакомиться.

Послышалось хихиканье с задних парт, даже лаборант улыбнулся, хотя я искренне не понимала, что ещё можно сказать в сложившейся ситуации, поэтому считала, что справилась со своей задачей.

— Стивен Фейн. Можешь обращаться ко мне по имени — так мне комфортнее. И да, мне тоже приятно с тобой познакомиться.

Сказав это, он повернулся к доске и, взяв мел, принялся писать число и тему, а я подумала, что это мало отличается от того, что обычно происходит в школе. Открыв тетрадь, чтобы переписать тему, я посмотрела на число и начала переписывать его, как вдруг ужаснулась.

— Пятое марта? Серьёзно?! — вырвалось у меня, отчего по аудитории опять пронеслись смешки.

Я заметила, как Алекс и Кэтрин удивлённо посмотрели на меня, а у парня даже рука дрогнула, отчего он сделал помарку. Стивен тоже вздрогнул, после чего повернулся ко мне и обескураженно сказал:

— Серьёзно. Утром, во всяком случае, так и было.

В тот момент я поняла, что мир сходит с ума. Попросившись выйти, я пулей вылетела из аудитории, принявшись звонить своей маме. В тот момент я ощутила нечто сродни паники, так как у меня напрочь вылетело из головы, что сегодня папин День Рождения! Сама не знаю, как так получилось, потому что ещё ни разу я не забывала столь важную для всей семьи дату... Хотя, если учесть, что я периодически забываю о собственном празднике, это простительно, но... Нет, непростительно! Это же Роберт!

— Вот же дырявая башка! — прошептала я, принявшись ударять себя ладонью по лбу, пока пыталась дозвониться маме, но та упорно не отвечала. После нескольких тщетных попыток я уже решила было сдаться, как вдруг на меня обратили внимание.

— Алло, — наконец-то послышалось из трубки, но я вдруг поняла, что не могу вымолвить ни слова.

Ответила не Люси. Я отчётливо услышала мужской голос, причём не папин. И человек, говоривший сейчас со мной, явно был не моего возраста, так что надеяться, что я не смогла узнать Фила или ещё кого-то, бесполезно.

— Говорите, — послышалось из трубки ещё раз.

— А... — растерянно пробормотала я. — А где мама?..

— Люси? — осведомился незнакомец. — Она отошла. Вы простите, что самовольно взял телефон, но вы так настойчиво звонили, что я подумал, вдруг что случилось... К сожалению, я не могу найти её. Это срочно?

— Не совсем... — всё ещё не могла прийти в себя я. — А когда она вернётся?

— Увы, я не знаю, — тон мужчины смягчился. — Но я передам ей, что вы звонили. Извините, что удивил вас.

— Ничего страшного, — только и ответила ему, после чего положила трубку. Продолжать разговор не хотелось.

Я плохо помню, как вошла в аудиторию и села на своё место. И, если честно, вообще не помню, что там рассказывал этот Стивен. Скорее всего, это лишь небольшое недоразумение,

но меня так поразило, что какой-то мужчина ответил мне вместо мамы... Она ведь должна была быть сегодня дома, разве нет? Может, поехала покупать подарок отцу? Но с кем? Этот человек явно знает её, причём близко, раз назвал по имени. Всё это не давало мне покоя, так что всю пару я сидела как на иголках и даже немного подпрыгнула на месте, когда зазвонил телефон.

— Можно выйти? — спросила я, уже попросив Кэтрин подвинуться.

— Что, опять? — удивился Стивен. — Выходи, конечно, но...

— Спасибо! — не став дослушивать его, ответила я и выскочила из аудитории.

— Алло, мам! — буквально крикнула я в трубку, оказавшись в коридоре. — Кто это был?!

— Что?.. — не сразу поняла женщина, а потом сказала: — Ах, ты о том человеке, который ответил?.. Это вышло совершенно случайно, не бери в голову. Что-то случилось? Арон сказал, что ты была очень обеспокоена.

Ах, Арон, значит?.. Ну ничего, я ещё добьюсь от тебя правды! Правда, сделать это лучше дома, так как здесь явно не лучшее место для выяснения отношений...

— Я звонила, чтобы спросить, какой подарок мы сделаем папе, — попыталась спокойно сказать я. — А то я совсем забыла о его Дне Рождения...

— Боже мой, Кэтрин! — недовольно сказала Люси. — Я уж думала, что случилось что-то серьёзное! Ты и Арона напугала! Ты забыла, а я нет, так что подарок уже выбран и упакован. Поговорим потом, хорошо? А сейчас живо на занятия!

— Но...

— Я вешаю трубку, Кэтрин. Будь умничкой, ладно?

— Хорошо, — ответила я, но это был ответ в пустоту, так как мама отключилась.

Сложно описать, что я чувствовала в тот момент. Умом я понимала, что у всего этого должно быть логическое объяснение, но... Нет, серьёзно, вы бы нормально отреагировали на то, что на телефон вашей матери отвечает другой человек, причём мужчина, и это при живом-то супруге?! Я, например, не собиралась спокойно к этому относиться и уже знала, что устрою этой женщине допрос, как только попаду домой.

Внезапно дверь аудитории, в которой должна была сидеть я и заниматься, открылась, после чего оттуда начали выходить мои так называемые одноклассники. Вскоре я заметила среди них голову Алекса, который явно искал меня. Недорыжик подошёл ближе и спросил:

— Что с тобой случилось? Всю пару словно шило в одном месте! — и, не дав мне ответить, сказал: — Ладно, потом расскажешь. Тебя Стивен к себе зовёт. Наверное, отчитать хочет.

Я даже не стала что-либо говорить, только кивнула. У меня не было настроения спорить с кем-либо или что-то кому-то объяснять. Я довольно спокойно зашла обратно в аудиторию, где меня действительно ждал лаборант. Не знаю, почему, но в тот момент мне начало казаться, что в моей жизни начинается не самый лёгкий период...

===== Глава вторая =====

Сложно описать все те чувства, что я испытывала, когда возвращалась в аудиторию. Могу сказать лишь, что они никак не были связаны с тем, что меня, возможно, хотят отчитать в первый же день занятий, когда даже пара толком не закончилась, а лишь наступил небольшой перерыв. Войдя обратно, я тут же отметила, что помещение пусто. Кроме меня и Стивена там был лишь тот самый паренёк, с которым за одной партой сидела Кэтрин ещё до того, как явился лаборант. Этот незнакомый мне человек в данный момент

просто лежал на парте, подмяв под голову куртку. Можно было бы предположить, что он спит, но глаза этого рыжего паренька были открыты. Этот оттенок волос сразу же бросался в глаза, так как был невероятно ярким — ярче, чем у Фиби, хоть она и была огненно-рыжей. Если поставить Алекса рядом с ним, то у меня язык не повернулся бы даже для того, чтобы его недорыжиком назвать, так как его цвет не шёл ни в какое сравнение с этим.

— Не обращай на него внимания, — сказал Стивен, заметив, как я остановилась и начала бесцеремонно разглядывать паренька. Тот же никак не отреагировал, услышав эти слова, будто его и не было здесь вовсе. Лица мне опять не удалось разглядеть, да и не особо хотелось, поэтому я тут же отвлеклась от созерцания незнакомца, повернувшись лицом к Стивену, сидевшему за преподавательским столом, и неуверенно подошла к нему ближе.

Лаборант смерил меня недовольным взглядом, оглядывая с головы до ног, а после, положив ручку, которую до этого просто катал по столу, скрестил руки в замок и положил на них голову, посмотрев мне прямо в глаза. Несколько секунд мы будто играли в гляделки, так как никто из нас даже не моргнул за это время, но потом парень, поняв, что я ничего говорить не собираюсь, начал:

— Если это не тайна, мне хотелось бы узнать, что с тобой происходило в течение всей пары.

— Тайна, — коротко ответила я, но, подумав, что это могло прозвучать чересчур неуважительно, добавила: — Но я не только вам не говорю. Это просто личное.

Стивен кивнул, убрав руки и откинувшись в кресле, а потом, вздохнув, сказал:

— Я всё понимаю. У всех есть личная жизнь и всё такое, но я просто хочу, чтобы ты кое-что поняла. Мы не в школе, где учителя, словно няньки, носятся с вами и пытаются разобраться со всеми вашими проблемами, наплевав на свои. В университете такого не будет, здесь тоже. Если у тебя есть какие-то дела, будь добра, разбирайся с ними так, чтобы не мешать остальным, хорошо? Мне, в принципе, всё равно, сколько из вас поймёт меня, потому что насильно впихивать знания ни в чью голову я не намерен, но вы всё же платите за это деньги, поэтому давай обойдёмся без просьбы отлучиться минут на десять, потом зайти, а потом опять отлучиться минут на двадцать. Договорились?

Всё это время мы неотрывно смотрели друг другу в глаза. В тот момент я и так чувствовала себя паршиво, но ещё хуже становилось от его слов, потому что я понимала, что Стивен прав. Учащимся, может, и всё равно, но ему наверняка не нравится, когда то и дело сбивают с мысли, так что я прекрасно понимала, с какой целью он мне это говорит. Именно поэтому сказала:

— Да, я поняла. Могу я в последний раз решить свою проблему, чтобы во время пары больше никого не беспокоить?

Лаборант ухмыльнулся, а после, покачав головой, быстро взглянул на часы, висевшие прямо над доской, и сказал мне:

— У тебя есть ещё две минуты законного перерыва. Надеюсь, тебе этого хватит?

— Вполне, — ответила ему я, и, не дожидаясь какой-либо реплики от парня, вышла из аудитории, попутно набирая номер, который за это время уже успела выучить наизусть.

В коридоре меня попытался поймать Алекс, но я кое-как отделалась от него, сказав, что надо срочно позвонить, а сама решила отойти подальше от вечно кричащих подростков, некоторые из которых употребляли больше нецензурных выражений, чем мне довелось слышать за всю свою жизнь, но я старалась не обращать на это внимания. Из трубки уже послышались гудки, отчего я начала нетерпеливо теребить прядь собственных волос, желая

как можно скорее услышать ответ.

— Алло, — сказал Фил, а я не сдержалась и облегчённо вздохнула, услышав его голос.

— Привет. Ты сейчас занят? — без лирического вступления спросила у него, так как времени было не так уж и много.

— Конкретно сейчас — да, — ответили мне. — У тебя что-то случилось? Запыхалась так, словно не на занятиях сидишь, а марафон бежишь.

Только в этот момент я заметила, что действительно шла очень и очень быстро, поэтому успела отойти достаточно далеко от аудитории, оказавшись в холле, возле выхода из здания университета. Остановившись, я начала нетерпеливо приплясывать на одном месте, продолжая накручивать прядь на палец, отчего так сильно тянула за волосы, что становилось больно. Постаравшись не выдавать своего волнения, максимально спокойно произнесла:

— Ты занят до конца дня или есть шанс, что скоро освободишься?

— Дай-ка подумать, — задумчиво проговорил Фил. — Думаю, через полтора часа я уже буду свободен. А что надо хоть?

Через полтора часа? Это же так хорошо! У меня только две пары, а значит, Гардинер должен был освободиться даже раньше, чем я. Это был один из немногих случаев, когда я посчитала, что мне действительно повезло.

— Значит, чисто теоретически, ты можешь оказаться возле моего университета тогда, когда занятия здесь окончатся, да? — с надеждой спросила его.

— Не просто теоретически, я могу оказаться там на практике.

— Отлично! — не сдержав радости, воскликнула я. — Тогда ты сможешь забрать меня? Обещаю, что это только один раз. Так можешь?

— Пожалуй, мне лучше даже не пытаться спрашивать, что произошло, да? — спросил парень и, даже не дав мне возможности ответить, добавил: — Хорошо, я буду там к восьми. Занятия же в восемь заканчиваются?

— Да. Спасибо тебе большое! — искренне поблагодарила его я.

— Должна будешь, — насмешливо сказал тот, а после попрощался.

По окончании этого разговора я почувствовала себя гораздо лучше, но неприятный осадок в душе оставался. Я понимала, что, скорее всего, просто создаю проблему из ничего, но ничего не могла поделать с голосом того мужчины, звучавшим у меня в ушах, и осознанием того, что это и близко не папа. Хотелось прямо сейчас бросить всё и поговорить с мамой, дабы убедиться, что это не более чем совпадение, но я не могла. Всё равно, когда вернусь домой, если там кто и будет, так это Роберт, а он последний, с кем я хочу обсуждать сложившуюся ситуацию.

Взглянув на время на дисплее телефона, я с ужасом отметила, что перерыв уже закончился и мне следует возвращаться в аудиторию, поэтому резко развернулась на сто восемьдесят градусов и побежала обратно, надеясь, что Стивен не пристанет ко мне хотя бы на сей раз. Чуть не сбив старенькую уборщицу по дороге, я всё же подоспела вовремя, пристроившись в конце толпы входящих. Усевшись за парту, я поймала на себе пристальный взгляд лаборанта и сказала:

— Я же вроде успела.

— А я и не спорю, — только и ответил тот, легко улыбнувшись, после чего невозмутимо принялся объяснять тему, которую мы проходили на этом занятии, напугав всех тем, что на следующем занятии у нас практика — то есть, будем выходить к доске и под его строгим началом решать задания.

Я изо всех сил попыталась сосредоточиться хотя бы на второй части пары, чтобы не опростоволоситься на практике, но это было не так легко. Однако мои переживания, связанные со звонком Люси, здесь не при чём. Виноват во всём был Алекс, который с невероятной скоростью строчил мне записки. Не успевала я прочитать одну, как рядом оказывалась другая, а этот гад успевал ещё и тему записывать, и вопросы задавать! Бог знает, как ему это удавалось, но я в тот момент чувствовала себя Бумажной королевой, так как записки в буквальном смысле уже сыпались отовсюду, ведь надо было их ещё и от Стивена прятать! Под конец бумажки были у меня в карманах джинс, в рукавах, рассредоточены по всему периметру тетради, одну даже в горлышко на свитере пришлось спрятать, так как лаборант повернулся как раз в тот момент, когда я читала её.

То же самое повторилось и на следующей паре. Как бы я ни просила, недорыжик всё время подсовывал мне свои короткие сообщения, которые мог бы написать и на одной бумажке, но как будто специально разделял их на миллионы маленьких, словно у него деньги снимаются за превышение определённого количества символов на одном листке. А стоило мне попытаться поговорить с ним на перерыве, как он резко пропал, а потому то время, что было выделено для отдыха, превращалось в погоню за парнем.

В конце дня, когда мы уже выходили из здания университета, я злилась на Алекса, то и дело говоря:

— Вот делать тебе было нечего! Я думала, что утону во всей этой макулатуре раньше, чем занятия окончатся!

— Да ладно тебе, — весело отвечал тот. — Зато ты смотри, как расшевелилась. И только попробуй сказать, что у тебя было время думать о чём-то плохом.

Я уже открыла было рот, чтобы ответить ему какой-нибудь колкостью, но на полпути задумалась. А ведь и правда — за всё время, что парень терроризировал меня своими сообщениями, я просто физически не успевала подумать о чём-то ещё, так как параллельно приходилось записывать за преподавателями. Я остановилась, зная, что Алекс тоже остановится из-за меня, что и случилось, а потом посмотрела ему в глаза и спросила:

— Получается, мне стоит тебя поблагодарить?

Тот улыбнулся и, пожав плечами, сказал:

— Вообще-то, я из тех обалденных людей, которые помогают бескорыстно, но от «Спасибо» не откажусь. Если ты, конечно...

— Спасибо, — сказала ему я. — Потому что благодаря тебе я действительно думала лишь о том, как скомкаю эти бумажки и запихну их тебе в глотку, но совсем не задумывалась ни о чём другом. Спасибо.

Всё время, что я говорила, выражение лица Алекса постепенно менялось. Сначала он удивился тому, что я действительно начала его благодарить, но уже потом сжал губы и сощурил глаза, с неодобрением глядя на меня.

— Вот нельзя было хотя бы раз нормально поблагодарить? — спросил недорыжик, потянувшись в карманы куртки и выуживая оттуда перчатки.

— Нет, — с улыбкой ответила я, спрятав свои руки в карманах пальто, так как у самой перчаток не было.

Пока Алекс что-то недовольно бормотал себе под нос, я оглянулась по сторонам в поисках Гардинера, но того не было. Скорее всего, что-то пошло не так и парень опаздывал, так как, стоило мне взглянуть на телефон, я не увидела никаких сообщений от него, в которых говорилось бы о том, что он не придёт. Парень, стоявший до этого в нескольких

шагах от меня, подошёл поближе и тоже посмотрел на экран моего телефона.

— Кого-то ждёшь? — спросил Алекс.

— Да. Фил должен прийти за мной, — ответила я ему, поставив блокировку и спрятав мобильник в карман.

Может, недорыжик и хотел что-то сказать, но в этот момент рядом послышался знакомый девичий голос, окликнувший нас, отчего мы оба, словно по команде, повернулись к говорившей.

— Ого, — сказала Кэтрин, которая нас позвала. — Какая синхронность.

Мы с Алексом одновременно посмотрели в глаза друг другу, а после одновременно отвернулись в разные стороны, чем спровоцировали смех девушки.

— Вы такая милая парочка, — сказала она, чем вызвала у меня приступ негодования.

— И вовсе мы не парочка! — резко ответила ей. — Не стоит делать столь поспешных выводов!

— Ой, прости, — девушка заметно смутилась из-за моего тона. — Просто вы так ворковали, вот я и подумала...

— Кто ворковал? — послышался из-за спины до боли знакомый мужской голос, услышав который я захотела провалиться сквозь землю. Прямо здесь и прямо сейчас.

Натянув на лицо какое-то корявое подобие улыбки, я медленно повернула свою голову в сторону, откуда прозвучал голос Гардинера, встретившись с его насмешливым взглядом и с удивлением отметив, что парень улыбается. И всё бы ничего, но было что-то нехорошее в этой улыбке. Очень нехорошее. Заметив, что я смотрю на него, шатен поздоровался.

— Приветик, — сказала я, помахав ему ручкой, а сама думала, что мне, наверное, не суждено хотя бы раз не попасть впросак.

— Ой, тогда понятно, чем я тебя обидела! — вдруг сказала Кэтрин, а я начала молиться всем известным Богам, чтобы она не ляпнула то, о чём я думаю, но не помогло. — Это твой парень, а я грешным делом на Алекса подумала! Прости, пожалуйста!

— Нет же! — рывкнула я, заставив недорыжика чуть ли не подпрыгнуть на месте от неожиданности. — Ты всё не так поняла!

Одногруппница прикрыла рот рукой, округлив глаза, а я злилась так, что, готова поклясться, у меня из ушей пар валил. Вот же чёрт! Не хотела же, чтобы создалась такая идиотская ситуация, но мне же, как всегда, «везёт»!

— И что она не так поняла? — с издёвкой спросил Фил, явно наслаждаясь ситуацией.

Я заметила, как ухмыльнулся Алекс и, скрестив руки на груди, так же издевательски посмотрел на меня, очевидно, желая увидеть, чем всё это закончится. Глубоко вздохнув, я решилась сказать то, что планировала с самого начала. По взгляду Гардинера было понятно — он уже отчасти понял, что я пыталась сказать, поэтому можно было не бояться, будто он всё поймёт неправильно. Ну, надеюсь...

— Кэтрин, — начала я, не без удовольствия отметив, как округлились глаза парня, стоило произнести это имя. — Ты неверно истолковала наши отношения, на самом деле, мы не встречаемся... Как-то так.

В этот момент мне показалось, что Алекс будет первым, кто меня побьёт за это. Его глаза округлились, брови приподнялись, рот приоткрылся, а руки сжались в кулаки. Фил же отреагировал на удивление спокойно, лишь улыбнулся как-то странно.

— Ой, — сказала девушка, казалось, совсем растерявшись. — Наверное, я поставила вас всех в неудобное положение своими догадками. Наверняка и у Алекса, и у Фила есть

девушка...

— Нет у него девушки, — злобно процедила я, чувствуя, что эта особа меня доконает. Кто же делает столько поспешных выводов за один раз?!

— Ты это таким тоном сказала, словно у меня её вообще быть не может, — сказал Гардинер, чем окончательно меня взбесил, если учесть, что настроение у меня и так было ни к чёрту.

— Конечно, не может быть! — злобно воскликнула я. — Ты уже больше года не по девушкам, как же она у тебя появится?!

И только после того, как слова были произнесены, до меня дошло, как это, должно быть, звучит со стороны. Однако мои искренние молитвы о том, чтобы ничей извращённый ум не углядел подтекста в этих словах, по всей видимости, не подействовали. Спустя секунду Алекс начал истерически хохотать, поочерёдно глядя то на меня, то на Фила; Кэтрин тоже улыбнулась, но отвернулась, чтобы скрыть это. Сам Гардинер лишь ухмыльнулся, причём явно не по-доброму, а после положил руку на моё плечо и сказал:

— Тебе же лучше сейчас не сопротивляться и просто пойти со мной.

Хоть на улице давным-давно стемнело и единственным источником света были фонари, я всё равно видела, как подрагивали уголки губ шатена, который с каждой секундой всё сильнее сжимал моё плечо, отчего даже стало немного больно. Сконфуженно улыбнувшись, я попрощалась с Алексом и Кэтрин, а после пошла за Гардинером, который, в последний раз посмотрев на меня, быстро развернулся и направился к выходу с территории университета. Когда я прощалась, по глазам недорыжика видела, что он явно хочет сказать какую-нибудь глупость, поэтому пригрозила ему кулаком. Парень немного удивился, но понял, что я имела в виду, а потому промолчал.

Отвернувшись от своих одноклассников, я побежала за Филом, чтобы догнать его, но парень лишь ускорял шаг, не позволяя мне сделать этого. Какое-то время я просто следовала за ним, думая, что мне кажется, но когда Гардинер буквально побежал, запаниковала. Ринувшись за ним, я начала звать шатена по имени, но какое-то время тот не откликался. Лишь когда мы оказались уже достаточно далеко от университета, парень резко развернулся, оказавшись лицом ко мне, и, расставив руки в стороны, поймал меня, поскольку я просто не успела среагировать и затормозить. Когда я в него врезалась, Фил, конечно, неслабо пошатнулся, но всё же устоял на ногах, удержав и меня. Я больно стукнулась носом о его грудь, но даже не пискнула, потому что в следующий момент злобно посмотрела на него и спросила:

— Что это ты делаешь?!

Я запыхалась, пока бежала за ним, и никак не могла отдышаться, даже Гардинер ещё не до конца привёл дыхание в порядок, но у него справляться с усталостью получалось куда лучше. Сделав последний вздох, он недовольно спросил:

— Не находишь, что это я должен спрашивать тебя об этом?

Наши взгляды встретились. Я увидела, как Фил нахмурился и теперь смотрел на меня с неким подобием на осуждение и недоверие, и немного стусевалась. На самом деле, это мне нужно было объясниться с ним, а не наоборот. Прекрасно понимая это, я сказала:

— Извини, — однако ничего больше выдать не смогла. Оказалось, что делать это в теории куда проще, чем на практике, когда парень смотрит на тебя, требуя объяснений.

Какое-то время Гардинер буквально сверлил меня взглядом, отчего я почувствовала себя крайне неловко, поэтому поспешила отвернуться. Я действительно чувствовала себя

паршиво и понимала, что он недоволен, но почему-то была абсолютно уверена, что шатен не злится. Всё это время мы стояли очень близко друг к другу, ведь, поймав меня, Фил всё ещё не отпускал, сомкнув руки на моей талии. От этого и появлялось чувство уверенности и убеждённости в том, что он не злится.

— Ладно, — вздохнув, сказал Гардинер, отпуская меня. — Молчи, сколько влезет. Твоё дело.

А вот в этот момент я немного забеспокоилась, потому тут же посмотрела на него и спросила:

— Ты?..

— Нет, не злюсь, — перебил меня тот, не дав закончить вопрос. — Только в следующий раз предупреждай меня о моих новых увлечениях, а то в этот раз я был к такому не готов.

Несколько секунд я стояла и глупо хлопала глазами, уставившись на парня, который мне улыбнулся. По его лицу всегда было сложно понять, являются ли эмоции, которые он сейчас показывает, искренними, однако за столь долгое время, что мы вместе, я научилась читать это в его глазах. Но в этот раз что-то было не так. Я видела, что Фил не злится, понимала, что в данный момент он просто решил немного надо мной поиздеваться, но что-то всё равно было не так. Что-то едва уловимое и очень трудно различимое.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила я, делая шаг навстречу, отчего буквально вжалась в парня, так как мы и так стояли очень близко друг к другу.

— А не должен быть? — только и спросил тот, глядя на меня сверху вниз, а потом добавил: — Лучше выкладывай, что с тобой произошло. Мы ведь не договаривались, чтобы я тебя встречал, значит, у тебя что-то произошло, я ведь прав?

Я вздохнула. И вот так всегда. Стоит мне заметить, что с парнем творится что-то не то и спросить его об этом, как он тут же переводит тему, расспрашивая обо всём меня. Не спорю, Фил стал гораздо более открытым с того момента, когда мы начали встречаться, но до сих пор так и не научился говорить со мной о том, что его действительно беспокоит. Не могу не сказать — это меня задевало. Я прекрасно понимаю, что Гардинер преследует совершенно иные мотивы, но всегда казалось, будто он попросту не доверяет мне, а это злило. Очень злило.

— Я расскажу по дороге. Перед этим нам надо кое-куда зайти, — сказала я, отстраняясь от него.

Не так давно мне в голову пришла интересная мысль. Возможно, в том, что парень ведёт себя так, есть и моя вина, так как меня тоже особо откровенным человеком не назовёшь. Мне проще перебеситься у себя в комнате, срывая злость на какие-то предметы мебели или ища успокоения, обнимая Сосисочку, нежели рассказать кому-то о том, что я чувствую. Даже Роберту я очень редко выговариваюсь, что же говорить о посторонних? Однако недавно мне подумалось, что со стороны мои действия тоже выглядят не так, как мне бы того хотелось. Поэтому я решила, что, раз уж хочу доверия со стороны Гардинера, то следует начать с себя. Понемногу я приучала себя рассказывать ему о своих переживаниях, надеясь, что в один прекрасный день мы оба сможем делать это без стеснения. Пока получалось слабо, но прогресс определённо есть.

И почему мне вдруг показалось, что наши отношения развиваются слишком медленно для парочки, которая вместе уже больше года?..

— Да уж, — сказал Фил, когда я закончила свой рассказ о телефонном разговоре с Люси. — И что ты планируешь делать?

— Не знаю, — честно сказала ему я. — Но ясно одно: папе об этом знать не стоит.

— Однозначно, — согласился тот. — К тому же, это ведь может быть простое совпадение, тебе не кажется?

— Возможно... — неуверенно пробормотала себе под нос.

— Не делай поспешных выводов, — неожиданно серьёзно сказал Гардинер. — Ты могла понять всё неправильно, а своими подозрениями можешь лишь привести всех к никому не нужному скандалу. К тому же, — он вдруг остановился прямо посреди улицы, по которой мы шли, заставив меня тоже остановиться и повернуться к нему, ожидая продолжения. Неожиданно тепло улыбнувшись, парень сказал: — Сегодня ведь всем должно быть весело и радостно, не так ли?

Всего секунда понадобилась мне, дабы понять, что он имеет в виду. Улыбнувшись, я согласилась с шатеном, который одобрительно посмотрел на меня, стоило мне это сделать, а после кивком головы указал куда-то влево от себя. Посмотрев в ту сторону, я заметила, что мы оказались возле огромного торгового центра, который был как раз по пути к моему дому.

— Не хочешь зайти? — спросил Фил. — Разве ты не собиралась купить подарок Роберту?

Я улыбнулась ещё шире, посмотрев на него, и кивнула. Пусть порой мне и думалось, что наши отношения немного странные, в такие моменты казалось, будто всё это — лишь накрутка самой себя. Как бы то ни было, а парень частенько понимал меня буквально с полуслова, словно заранее зная, что именно я хочу сделать. Собственно, в этот раз произошло то же самое.

Не мешкая, мы быстро зашли внутрь. Оказавшись в хорошо освещаемом торговом центре, я тут же зажмурилась, так как на улице хоть и было светло благодаря фонарям и свету из магазинчиков, которые чуть ли не стояли друг на друге, всё равно это несравнимо с освещением в помещении. В первые несколько секунд у меня была полная дезориентация, но после, когда глаза привыкли к свету, я начала внимательно осматриваться по сторонам, ища те отделы, в которых чисто теоретически может быть то, что мне нужно.

— Уже придумала, что будешь дарить? — спросил Фил, тоже смотря по сторонам, как и я.

— Если честно, то понятия не имею, — сказала ему я. — А ты?

В любой другой ситуации этот вопрос мог бы показаться неприличным или неуместным, так как Роберт всё-таки мой отец, но только не сейчас, учитывая, как хорошо эти двое ладят друг с другом. Поэтому Гардинер несколько не удивился, услышав подобное, лишь сказал:

— Кое-что есть на примете, но я так же хорошо выбираю подарки, как делаю сальто назад. Для справки: в последний раз, как попробовал его сделать, я упал с помоста и сломал себе руку.

Я хихикнула.

— Радуйся, что не шею. Мало ли, какие могли быть последствия.

— Ага, — как-то отстранённо сказал парень, уставившись в одну точку. Только я собиралась спросить, что такого он увидел, как Фил схватил меня за руку и поволок куда-то вглубь торгового центра.

Не став сопротивляться, я позволила ему вести себя, по пути продолжая осматриваться, так как всё ещё не теряла надежды заметить что-то стоящее. Однако этого не произошло, зато Гардинер привёл меня к отделу, где продавались кошельки, отчего я немного удивилась,

но не стала его останавливать. Отпустив мою руку, шатен подошёл к продавцу и довольно быстро объяснил, что ему надо, причём в таких подробностях, словно у него перед глазами картинка была, а он лишь её описывал. Мужчина, стоявший за небольшим подобием прилавка, быстро понял, что от него хотят, после чего попросил немного подождать, пока он подберёт необходимый товар. Гардинер кивнул, отпуская его, а я воспользовалась паузой в их разговоре и, подойдя ближе, спросила:

— Скажи, а зачем тебе кошелёк?

— Роберту подарю, — коротко ответили мне. — Учитывая, что не так давно он свой где-то потерял, это может стать довольно полезным подарком, даже если он успел купить себе новый. Всё равно больше идей у меня нет.

— Папа потерял кошелёк? — удивлённо спросила я.

— Ага. Но ты не переживай, ты и не могла знать, всё равно он обнаружил это тогда, когда мы с ним выгружали вещи после поездки, а вы с твоей мамой уже зашли в дом.

— Всё равно это нечестно, — буркнула я. — Он же мой отец, а не твой.

Фил, до этого внимательно наблюдавший за действиями продавца, посмотрел на меня и со смехом сказал:

— Давай, начни ревновать меня к своему отцу. Или его ко мне... В любом случае, на это будет интересно посмотреть.

— И ничего я не ревную! — громче, чем требовалось, воскликнула я, чем привлекла внимание продавца, уже подошедшего к прилавку с несколькими моделями портмоне.

Пока Гардинер выбирал тот, который, по его мнению, устроит Роберта, я слонялась по магазину, надеясь найти хоть что-нибудь полезное и купить всё здесь, не теряя времени, но самым оригинальным был разве что набор для сигар, который был бы совершенно бесполезным, учитывая, что папа не курит. Поэтому из того магазина мы с парнем вышли с абсолютно разным настроением: он был доволен, что его мучения продлились недолго, а я была подавлена, так как никак не могла ничего придумать. Спросив совета у парня, я получила отчет, который мне никак не помог.

— Ты должна выбрать сама, так как лучший подарок — тот, который привлёк перво-наперво твоё внимание. Единственное, что могу сказать, как по мне, он должен быть практичным.

Как можно было понять, эти слова мне никак не помогли, поэтому следующие полчаса я таскала за собой Гардинера от магазина к магазину, перепробовав всё от духов до предметов одежды. В голову даже закралась шальная мысль купить Роберту шарфик и больше не мучиться, но совесть не позволяла так поступить. Под конец, когда мы с Филом оба были вконец измучены бегом по торговому центру, я решила ненадолго остановиться возле цветочного прилавка, присев на корточки возле букета, состоявшего из маленьких разноцветных цветочков, и принялась разглядывать его. Гардинер вздохнул, а после присел на корточки рядом со мной и спросил:

— Ты же не собираешься дарить своему отцу цветы?

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответила я, вытащив из букета какой-то жёлтенький цветочек и принявшись тереть его в руках. — Всё равно идей никаких нет.

— Значит, надо ещё подумать, — сказал парень, отвернувшись от меня и посмотрев на огромный подсолнух прямо перед собой.

Я тоже вздохнула, глядя на него, после чего поднесла цветочек, который терела в руках, к глазам, словно примеряя его на шатене. В следующий момент я улыбнулась и,

сказав, будто у Гардинера что-то запуталось в волосах, попросила его не двигаться, а сама закрепила этот цветочек за ухом так, чтобы его было отчётливо видно. К счастью, волосы на висках у него, как обычно, были выбриты, так что ничего не помешало мне сделать это. Однако Фил даже не заметил, что я сделала это, продолжив созерцание подсолнуха, который почему-то привлёк его внимание. Я же сидела и смотрела на него, пытаясь подавить улыбку, которая так и норовила показаться на лице, но вскоре не выдержала и, достав из кармана пальто мобильник, сделала фото. Услышав характерный звук, парень резко обернулся, удивлённо посмотрев на меня, а я, продолжая глупо улыбаться, протянула ему телефон со словами:

— А тебе идёт.

Гардинер, увидев фото, тут же покачал головой из стороны в сторону, стряхивая цветок, после чего резко поднялся на ноги и сказал:

— Итак, мне надоело здесь ошиваться. Иди за мной, — после этого развернулся и пошёл в сторону магазина игрушек.

Я буквально подпрыгнула на месте, так как заодно он прихватил мой телефон, что вселяло беспокойство, и поспешила за парнем, хотя и удивилась, когда он никуда не свернул по пути, а всё же зашёл в магазин игрушек. Я то и дело пыталась его окликнуть, но шатен будто не слышал меня, петляя между рядами, заставляя бегать за ним хвостиком. Вскоре он, наконец, нашёл то, что искал, и чуть ли не швырнул мне моё средство связи, отчего я даже вскрикнула, так как с трудом поймала его, а после приподнялся на носки, принявшись доставать игрушки с самой верхней полки.

— Это — папа Сосисочки, — сказал Гардинер, протянув мне первую игрушечную таксу, которая размером была, наверное, раза в два больше моей. Я удивлённо посмотрела на неё, но не успела даже взять в руки, как он протянул мне вторую со словами: — Это — мама Сосисочки, а это, — парень ещё раз потянулся на верхнюю полку, буквально впихнув мне в руки предыдущие игрушки, — её младший брат, — в следующую секунду у меня в руках оказалась маленькая-маленькая такса, которая помещалась у меня на ладони. — Это ты и подаришь Роберту.

— Это? — с недоверием спросила я. — Но это же детские игрушки!

— Это не просто игрушки. Это семья единственной выжившей со времён твоего детства и самой дорогой для тебя вещи, — философски заметил Фил. — Если не знаешь, что нужно близкому человеку, подари то, что имеет значение для тебя.

— Думаешь, прокатит? — задала вопрос я, со скепсисом посмотрев на игрушки.

— Это же Роберт. Я удивлюсь, если он не обрадуется.

Ещё какое-то время я пристально рассматривала такс, что держала в руках. Три пары игрушечных стеклянных глаз уставились на меня, а я пыталась представить, что они чувствуют. Знаю, что это глупая идея, но я, наверное, ещё не вышла из того возраста, когда так и хочется услышать голос неодушевлённого предмета, чтобы почувствовать связь с ним. Да уж, наверное, это очень глупо...

Пока я созерцала своё отражение в глазах собачек, Гардинер зря времени не терял. В следующую секунду прямо поверх игрушек парень положил небольшую соломенную шляпку, к которой были прикреплены две ленточки — с их помощью её можно было закрепить.

— А это тебе от меня, — сказал парень, когда я вопросительно посмотрела на него. — Точнее, не совсем тебе. Скоро ведь теплеть будет, да? Самое время ехать на пляж и всё такое, а у Сосисочки до сих пор головного убора нет — того и гляди солнечный удар

получит.

Я издала какой-то странный звук, который был похож на смешок, смешанный с недоверчивым вздохом. За всё время, что мы вместе, это был наш первый совместный поход по магазинам, так что многие действия Фила казались настолько непривычными, что я даже не знала, как реагировать.

— Ты всегда так себя ведёшь в магазине? — спросила я, пытаюсь поудобнее обхватить свою ношу руками, дабы ничего не выпало.

— А в чём проблема, если деньги есть? — спокойно произнёс тот. — К тому же, я же не себе. И вообще, надоело мне здесь торчать, надеюсь, мы закончили?

Я широко улыбнулась и кивнула. Даже если я немного сомневалась, стоит ли дарить своему отцу мягкие игрушки, всё равно другого варианта не было, а идея Гардинера казалась не такой уж и плохой. Именно поэтому и согласилась, после чего мы проследовали к кассе. Я решила расплатиться за всё, но шатен настоял на том, что здесь есть подарок и для меня, так что сам заплатил за шляпку. Со стороны это смотрелось немного смешно и нелепо, но я осталась довольна.

Пока игрушки прятали по пакетам, я бросила взгляд на парочку, стоявшую возле игрушек для младенцев. Это были молодые парень и девушка, которые внимательно осматривали какой-то предмет в коробочке, но, к сожалению, я не смогла разглядеть, какой именно. Поначалу они оба стояли к нам спиной, но когда девушка повернулась вполборота, я заметила, что она беременна, и не смогла сдержать улыбки. Поставив коробку на место, она что-то сказала своему спутнику, после чего он с широкой улыбкой на лице шепнул ей что-то на ухо и, приобняв за плечи, повёл к соседнему ряду. Я так засмотрелась на этих двоих, что даже не сразу услышала, как Фил позвал меня по имени.

— Кэтрин! — в который раз крикнул парень, потрепав меня по плечу. — В каких облаках ты витаешь?

Я повернулась к нему, продолжая так же глупо улыбаться, и чересчур умилённым тоном произнесла:

— Собственно, нигде.

Парень скептически посмотрел на меня.

— Так я тебе и поверил, — сказал он, после чего посмотрел в ту сторону, где была влюблённая парочка. Заметив, что девушка беременна, парень тоже улыбнулся и спросил: — Ты из-за них такая?

— Ага, — кивнув, ответила я. — Милые, правда?

— Они все милые в такое время, — пожав плечами, сказал Гардинер. — Теперь мы можем идти?

Я недовольно посмотрела на него.

— Мог бы и поддержать меня.

— Я же признал, что они милые, — только и ответил тот, обойдя меня и направившись к выходу из магазина. Мне же ничего не оставалось, кроме как следовать за ним.

Тем не менее, когда мы уже спускались по эскалатору на первый этаж торгового центра, я всё же сказала:

— Между прочим, нас тоже такое ждёт.

— Оу, — каким-то странным тоном произнёс Фил, повернувшись ко мне. Он стоял на пару ступенек ниже, так что теперь я смотрела на него сверху вниз. — У тебя такие масштабные планы касательно наших отношений. Но, знаешь, я не против. Ты только

свистни, чтобы я рядом в этот момент оказался. Не факт, что ребёнок у нас получится сразу же, но я не прочь попытаться несколько раз.

— Идиот, я же не об этом! — воскликнула я, чувствуя, что у меня начинают гореть уши, а Гардинер лишь рассмеялся из-за такой моей реакции. Глядя на то, как тот буквально заливается, я отвернулась и пробубнила: — И всё же, кое-чему ты мог бы у того парня поучиться.

— Да? — с трудом вытерев глаз тыльной стороной ладони, так как обе руки у него были заняты пакетами, спросил шатен. — И чему же?

Я вновь перевела взгляд на парня, который с интересом смотрел на меня, а потом посмотрела на наше отражение в огромных окнах торгового центра, которыми был отделан весь первый этаж. Вот мы двое. Мы встречаемся. А со стороны больше похожи на брата с сестрой — он меня достаёт, а я дуюсь и планирую всё рассказать маме с папой. Хотя я и говорила, что не люблю все эти телячьи нежности, все эти сюсюканья на публике и прочее, это не значило, что мне не хотелось бы немного большего участия со стороны своего парня. Нет, меня абсолютно устраивало наше взаимопонимание, а также то, как мы сосуществуем друг рядом с другом, но... Хотелось чего-то большего. А вот чего — этого даже я понять не могла. И что-то подсказывало мне, что я не совсем сама пришла к данному выводу...

— Забудь, — только и сказала я, после чего обошла парня и первой спустилась со ступенек эскалатора, чтобы как можно скорее выйти на улицу и замять эту тему.

Однако спокойно забыть об этом не получилось. Нет, Фил не стал у меня ничего расспрашивать, мы даже толком не разговаривали пока шли домой, однако когда уже оказались у меня во дворе, он вдруг остановился и, поставив пакеты на землю, позвал меня по имени. Повернувшись, я заметила, что парень стоит с разведёнными в стороны руками, и не преминула спросить, что же такое он делает.

— Иди сюда, — немного натянуто произнёс он. — Давай обнимемся.

От удивления я даже рот открыла, а через несколько секунд закрыла. Пока Гардинер стоял всё в той же позе, я тоже не двигалась с места, продолжая смотреть на него.

— Чего-чего? — после затянувшейся паузы только и смогла выдавить я.

Шатен вздохнул и дунул на чёлку, которая лезла ему в глаза, отчего та разлетелась в разные стороны, прикрывая места, где волосы были выбриты. После этого он посмотрел на меня так, словно я непроходимая тупица, и сказал:

— Я, может быть, и не гений, но уж точно не идиот, Кэтрин. Ты же этого хотела, когда увидела ту парочку в магазине? Что же, вот он я — весь такой послушный и доступный. Делай со мной, что хочешь.

Я опять открыла рот, чтобы кое-что сказать, но в следующую секунду закрыла его, так как передумала. Вместо просьбы не издеваться я произнесла:

— Во-первых, не разбрасывайся такими словами, а то я ведь и воспользоваться могу. А во-вторых, мне не нужно, чтобы ты делал это только потому, что я кого-то там увидела.

Фил опять вздохнул.

— Я никогда не предлагаю того, чего не хочу попробовать. И долго мне ещё так стоять?

Я неуверенно покосилась на него. Со стороны всё это смотрелось, прямо скажем, не очень, поэтому никак не решалась сделать ни шагу на встречу. Но терпения Фила надолго не хватило.

— Нет, ну в самом деле! — воскликнул он, а после сделал несколько уверенных шагов мне навстречу и буквально сгрёб в охапку, притягивая к себе.

В первую секунду я растерялась, поэтому попросту уткнулась носом в его грудь, но в следующий момент скорее рефлекторно, нежели осознанно, начала обнимать шатена. Какое-то время мы стояли в полнейшей тишине, абсолютно позабыв о том, что находимся рядом с моим домом, а это значит, что кто-то из моих может нас увидеть. Когда парень обнял меня, моментально стало гораздо теплее — именно в этот момент я поняла, что замёрзла, поэтому прильнула к нему сильнее, наслаждаясь даже его тёплым дыханием на своей макушке. От этого мои волосы совсем немножко развевались, отчего по телу пробежала приятная лёгкая дрожь. Пусть момент получился далеко не самым романтичным, в то время я чувствовала себя действительно хорошо. Куда-то на второй план улетучились все проблемы и переживания, которые мучали меня совсем недавно. Когда Фил вот так обнимал меня, буквально все мысли вылетали из головы, как будто так и надо.

— У тебя, конечно, очень приятный шампунь, — начал парень, — но в какие земли отправилась путешествовать твоя шапка?

Я улыбнулась.

— Не так далеко, как ты думаешь. Всего лишь высыхает после испытания стиркой, — я немного отстранилась, отчего шатену тоже пришлось немного отклониться назад таким образом, чтобы мы смогли смотреть друг другу в глаза. — Хотя кто бы говорил, в самом деле.

— Один-один, — легко улыбнувшись, сказал тот.

— Два-один в мою пользу. Потому что твоя догадливость в последнее время дала сбой.

— Тогда два-два, — недовольно произнёс Фил. — Могла бы и сказать, чего ты хочешь, я же не экстрасенс. А вот если бы попросила, я бы сделал.

— Значит, я могу просить тебя о чём угодно? — пользуясь случаем, пока Гардинером овладело некое подобие азарта, спросила я.

— В разумных пределах, — сказал тот, не до конца попавшись в мою ловушку.

Но и этого мне хватило с головой. Разумные пределы? Интересно, меня хоть когда-нибудь можно было назвать разумным человеком? Думаю, ответ на этот вопрос ясен, как день. Но это, собственно, может являться очень и очень хорошим оправданием для моих дальнейших действий.

— Тогда какое-то время не двигайся, — сказала я, вызвав тем самым у Гардинера искреннее недоумение.

Парень недоверчиво посмотрел на меня, однако выполнил мою просьбу, оставаясь на месте. Если честно, я слабо представляла, как у меня получится воплотить в жизнь собственную задумку, но желание было сильнее всех проблем, ожидавших меня, и возможных последствий. Так как мы всё ещё стояли в обнимку, я лишь немного подалась вперёд, притулившись к парню, который сейчас смотрел на меня с неким подобием интереса. Готова поспорить, что он наверняка понял, как именно я собираюсь поступить, поэтому и выжидал. Я же, посмотрев ему в глаза, вздохнула, после чего решила медленно приблизить своё лицо к его лицу. Сердце и так начало стучать с бешеной скоростью уже в тот момент, когда я наконец-то решила на это, но когда я почувствовала дыхание парня на своих губах, то оно принялось в буквальном смысле плясать сальсу.

Чёрт, к этому нереально привыкнуть! Не скажу, что за всё это время я накопила много баллов опыта, но должна же уже как-то спокойно реагировать на такие вещи!.. Видимо, для меня это было попросту невозможно, поэтому я, немного струсив, подалась назад, но в следующий момент в голове прозвучали слова Алекса: «Вы, ребята, уже столько времени

вместе, а ваши отношения с точки «ноль» сдвинулись в «минус один»!»

Именно тогда я ощутила некое подобие решимости и тогда же поняла, что причиной моего несколько более странного, чем обычно, поведения были именно эти слова друга. Они задевали меня, оставляя в душе крайне неприятный осадок. Меня нельзя назвать чересчур самоуверенным человеком, если дело касается отношений, поэтому даже такое незначительное высказывание могло обидеть меня и побудить к действиям.

Страхнув остатки нерешительности, я подалась вперёд, схватившись руками за куртку парня, притягивая его к себе. Гардинер не сопротивлялся, покорно подавшись вперёд, после чего еле-еле прикоснулся к моим губам. Пока инициатором была я, это было похоже на лёгкие утренние поцелуи, однако вскоре ему, по всей видимости, это надоело, так что Фил перехватил инициативу. Прижав меня к себе, крепко сцепив руки за моей спиной, он уже в следующий момент углубил поцелуй, отчего у меня невольно глаза округлились. Я крепче схватилась руками за его куртку, хотя не была уверена, по какой именно причине — от удивления или желания продолжить. В следующую секунду я закрыла глаза, чувствуя, что становится жарко, несмотря на весьма холодную погоду на улице и пронизывающий до костей ветер.

Всегда сложно описывать свои чувства во время поцелуя. Однако если попытаться сделать это после, то тут уже можно получить хоть что-то связное. Всякий раз я чувствовала, как покалывало губы, а со стороны сердца словно что-то щекотало прямо изнутри, и ничего с этим чувством нельзя было поделать. Так же было и в этот раз.

Отстранившись от Гардинера, я не стала позволять ему обнимать себя — напротив, сделала шаг назад. Парень не стал удерживать меня, лишь как-то странно смотрел, часто моргая и немного учащённо дыша. В следующую секунду он ухмыльнулся, что вызвало во мне смешанные чувства.

— Немного не об этом я думала, когда начинала... — пробормотала я, отводя взгляд, а после прикоснулась рукой к губам. Они теперь были влажные, но вытирать их почему-то не хотелось, хотя и был риск обветрить их, на таком-то холоде.

— Хочешь сказать, что тебе не понравилось? — ухмылка на лице Фила стала ещё шире, превращаясь в самодовольную улыбку.

— Если бы не нравилось, я бы не захотела сделать это, — ответила ему, целиком и полностью осознавая, что творю. Просто захотелось сказать. Вот так внезапно.

На секунду парень удивлённо приподнял брови, но в следующий момент вернул себе прежнее выражение лица. Скрестив руки на груди, он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Хочешь продолжить? — увидев, как я опасливо покосилась в его сторону, шатен рассмеялся, а после, закусив губу, дабы хоть как-то подавить этот приступ смеха, сказал: — Что-то ты сегодня странно себя ведёшь. С каких пор мы настолько смелые и сентиментальные?

Я открыла рот, собираясь что-то сказать, но уже через секунду закрыла его, так и не придумав ничего в своё оправдание. Хотя нужно ли оно мне было, то самое оправдание? Этого я тоже не могла понять. Пока стояла под испытывающим взглядом Фила, в голове крутилась фраза, произнесённая днём Алексом. Вот же гад, знает, что сказать, дабы в душу запало! Надо бы меньше его слушать...

— Итак? — напомнил о своём существовании парень. — Если тебе есть, что сказать, то говори.

Я наконец-то посмотрела ему прямо в глаза. Гардинер стоял и всё так же улыбался, а завидев, что я теперь тоже смотрю ему в глаза, кивнул, призывая к действию. Тогда я, в последний раз совсем не подумав, всё же решилась предложить то, чего никогда не предлагала. Вообще никому.

— Дело в том, — начала я издалека, — что мы с тобой, в принципе, уже долго вместе. Так ведь? — он кивнул, справедливо соглашаясь со мной. — Вот... А за всё это время у нас с тобой нормальной встречи так и не было. В смысле, мы ходили и гуляли, но это было больше похоже на то, что я тебя использую так же, как Лили и Дженни. Что-то типа: «Алло, мне скучно, давай куда-нибудь сходим?» Но, если верить остальным, то что-то в этой фразе не так. Тебе так не кажется?

— погоди, — сказал шатен, став немного серьёзнее. — То есть, ты сейчас меня...

— Я тебя никуда не зову! — если кто-то объяснит мне, зачем я вообще это лягнула и какая в этих словах логика, буду благодарна. — Просто хотела сказать, что... В общем...

Чёрт, я же ненавижу, когда кто-либо мямлит! Почему же сейчас сама занимаюсь тем же?!

— Боже мой, — послышался голос откуда-то сверху. — Да пригласи ты её на свидание, она же не отстанет!

В первый же миг мне показалось странным, что это действительно слышно откуда-то сверху, но в следующий момент, когда подняла глаза и увидела Роберта, стоявшего на балконе и наблюдавшего за нами с высоты второго этажа, аж рот открыла от удивления. Отец стоял, опираясь локтями о деревянную перегородку, и с интересом смотрел на нас. Заметив, что теперь мы с Гардинером, выпучив глаза, смотрим на него, отец помахал нам ручкой, сказав:

— Вы продолжайте, я вам не мешаю. Просто захотелось ускорить процесс, а то вы здесь уже минут пятнадцать стоите — того и гляди, замёрзнете.

— Ты что, наблюдал за нами всё это время?! — не выдержав, крикнула я так громко, что Фил, стоявший совсем рядом, даже вздрогнул.

— Что вы, нет, — отрицательно покачал головой мужчина. — Я уходил, когда у вас всё... скажем так, наладилось. Не хотел вас смущать, к тому же, я ещё слишком маленький для подобных сцен.

Удивление и паника, которые я испытывала поначалу, сменились полнейшей растерянностью, утопавшей в гневе. В тот момент, клянусь, я готова была придушить собственного отца, который всё стоял на том же месте, мило улыбаясь.

— Тебе совсем заняться нечем, да?! — грозно спросила я, часто задышав. Если бы умела, давно бы бросила в него молнию какую-нибудь или ещё что-то в этом роде.

— Есть такое. Казалось бы, у меня День Рождения, а дома никого. Вы случайно Люси не видели, детвора?

И в тот же момент весь мой гнев куда-то исчез. Благодаря Гардинеру мне на какое-то время действительно удалось забыть об инциденте, произошедшем совсем недавно. Сейчас же, когда Роберт спросил о маме, я даже не знала, что ответить...

— А она вам разве не звонила? — пришёл на выручку Фил, заметив, как я растерялась.

— Звонила, — сказал мужчина, показав нам телефон, что он держал в руках, словно доказательство. — Час назад она обещала прийти через полчаса, но потом не звонила и телефон, похоже, отключила.

Я сглотнула подкативший к горлу комок. В голове быстро промелькнул тот разговор с

Ароном, который ответил вместо мамы, отчего на душе стало как-то паршиво. Я даже собиралась спросить отца, не знает ли он, куда направилась Люси, как та объявилась сама.

— Ещё бы мне не опоздать! — послышался её хриплый голос откуда-то издалека. — Эта вещь просто до жути тяжёлая, а в багажник машины не помещается! Ради всего святого, я думала, что умру прежде, чем дотащу её!

Все мигом посмотрели туда, откуда доносился голос, но я свою маму не увидела, так как её не было видно за деревьями, посаженными вдоль забора. Тогда мы с Филом, не сговариваясь, выбежали во двор, где увидели женщину с огромным прямоугольным предметом в руках, из-за которого она шла крайне медленно.

— О, Фил, и ты здесь? — спросила она, заметив нас. — Как же вовремя! Не поможешь?

Парень кивнул и с готовностью подбежал к ней, а я оставалась на месте, не зная, как мне сейчас себя вести. С одной стороны, ничего страшного ведь не произошло, а с другой... Какая нормальная женщина даст другому мужчине, который прежде среди её друзей и родственников замечен не был, отвечать на её звонки?!

Ладно, мне нужно успокоиться. У отца День Рождения, не стоит ему что-то подозревать, тем более сегодня. Вдох-выдох...

— Что у вас там? — спросил Гардинер, взяв ту вещь в руки, а Люси лишь улыбнулась от этого.

— Сюрприз для именинника, — сказала она. — Идёмте в дом, там всё и посмотрим, — и тут она посмотрела на меня. — Я же обещала подарок.

Я улыбнулась, а после позволила ей обнять себя за плечи и повести в дом. Фил немного медленнее пошёл за нами, придумывая, как бы поудобнее обхватить этот подарок. Стоило нам оказаться в доме, как мы встретили Роберта, который спустился вниз, ожидая нас. Быстро раздав всем указания, мама смогла организовать всё так, что буквально через пять минут все очутились в гостиной и поздравляли папу, причём никто так и не понял, как всё так быстро случилось. Однако так мы все смогли справиться довольно быстро, чтобы отпустить Гардинера, которому внезапно позвонили, домой.

Когда Люси подарила мужчине картину — а это была именно она, — парень подарил кошелёк, а я — собачек, которые пусть удивили, но порадовали отца, мне вздумалось проводить шатена, пока мама скомандует по поводу праздничного стола. Роберт довёл нас до двери, спросив, всё ли хорошо, на что в ответ получил лишь кривоватую улыбку от Фила. Однако никто не стал акцентировать на этом внимание, скорее, из чувства некоей обязанности перед шатеном, нежели из-за отсутствия любопытства.

Стоило нам выйти на улицу, как парень сказал:

— Тебе необязательно было меня провожать. Или хотела что-то спросить?

— Не то чтобы... — пробормотала я, прекрасно понимая, что сейчас не стоит расспрашивать его о проблемах так же, как и не стоит говорить о своих.

На пару секунд мы замолчали, а когда дошли до выхода с моего участка, Гардинер вдруг остановился и, посмотрев мне в глаза, спросил:

— Так ты действительно хочешь сходить со мной на прогулку под кодовым названием «Это точно свидание, самое настоящее свидание»?

— Чего-чего? — меня настолько удивил этот вопрос, что я даже забыла возмутиться из-за фразы парня.

— Тебе хочется, чтобы я официально пригласил тебя на свидание и сделал из этого что-то особенное? — пояснил тот.

На секунду я замаялась. С одной стороны, мне этого действительно хотелось, а с другой — время, на мой взгляд, не совсем подходящее. Фил занят, у него и своих дел по горло... Пусть я и эгоистка, но не настолько же.

— Если у тебя много дел, то... — начала я, однако меня перебили.

— Ответь: ты хочешь или нет?

Я с вызовом посмотрела на Гардинера, так как услышала в его голосе нотки азарта. По ухмылке можно было понять, что шатен в буквальном смысле брал меня «на слабо», заранее угадывая мой ответ. Глядя на него сейчас, ни за что бы не сказала, будто его вообще может что-либо беспокоить, хотя и понимала, насколько ошибочны мои суждения. Однако в тот момент не хотелось обременять его ещё и собственным беспокойством, так как понимала, что именно этого ему хочется меньше всего. Поэтому, сделав вид, будто всё в порядке, я спросила:

— Что будешь делать, если скажу: «Да, я действительно хочу, чтобы ты позвал меня на свидание и сделал что-то особенное»?

Фил лишь ухмыльнулся и ответил:

— Встреться со мной в эту субботу. Тогда и узнаешь.

===== Глава третья =====

Все дни, которые последовали вслед за тем, когда Фил сделал мне весьма странное, но приятное предложение встретиться в субботу, казались просто сном. То ли у меня действительно было много забот, то ли я просто настолько задумалась над этим, но на всё, что происходило за это время, я попросту не обращала внимания. Точнее, обращала, но не такое, как следовало.

Всё немного успокоилось. Пусть от мамы не удалось добиться внятных объяснений, во всяком случае, до пятницы она вообще из дома практически не выходила, разве что с подругами, которые заезжали прямо за ней (стоит отметить, что наш водитель заболел, а Люси водить машину вот вообще не умеет). Поэтому хотя бы в эти дни я была спокойна, несмотря на то, что Роберт пропадал на работе и эти двое всё равно толком не общались из-за аврала у папочки.

Что касается курсов, то там тоже всё было относительно спокойно. К нам с Алексом прицепилась Кэтрин, которая старалась заполнить собой всё время, что было свободным от занятий. Нет, она оказалась довольно неплохой девчонкой, только до жути болтливой и, я бы сказала, самолюбивой. На каждое слово у неё была история о себе, а то и несколько, которые она очень любила рассказывать окружающим. Самое удивительное, по мнению девушки, это то, что при всей своей дружелюбности и разговорчивости она никак не могла сблизиться с кем-либо в новом коллективе. Вот ведь странно, да?

И всё же, если её поведение объяснялось хоть чем-либо, то мне стало совершенно неясно, чего от меня хочет Стивен в последнее время. Не стоит думать, что он начал оказывать мне какие-то двусмысленные знаки внимания или в принципе мог оказаться человеком, способным приставать к ученице, но вот то, что он меня выделил среди остальных, это точно. Нет, не из-за моих знаний — там всё плохо. Хоть в школе я по-прежнему оставалась отличницей, здесь казалось, будто в мою голову вообще никогда не поступало необходимой информации. Что-то подсказывало мне — дело было в том разговоре, который лаборант специально «случайно» подслушал.

Я, Алекс и Кэтрин стояли в коридоре и разговаривали, пока наши одноклассники носились туда-сюда. Меня и моего друга, казалось, абсолютно устраивала сложившаяся

ситуация, чего нельзя было сказать о девушке, которая сетовала:

— Я сейчас себя чувствую так, будто нахожусь в компании изгоев. Без обид, вы очень классные, но то, что с нами больше никто не общается, угнетает.

— Странно, но меня нет, — высказался недорыжик. — Я уже попробовал пообщаться с парнями, нашёл двух нормальных, а они взяли и перевелись в другую группу. Остальные как-то... не вдохновляют. К тому же, маловато их.

— Ты хочешь сказать, что вообще людей мало? — спросила я, окинув взглядом сборище людей, состоявшее из десяти-пятнадцати человек. У нас действительно была маленькая группа, а многие ещё и прогуливали чаще, чем приходили, так что найти кого-то нормального было сложно, если вообще возможно. Хоть поначалу я не очень обрадовалась тому, что Алекс решил учиться вместе со мной, сейчас была этому несказанно рада, так как боялась возникновения множества проблем в общении с девушкой. Говорю, исходя из личного опыта, так как Фиби я до сих пор не полюбила. — Лица одного из наших одноклассников я до сих пор не видела!

— Да? — удивилась Кэтрин. — И кого же?

— Я даже не знаю, как его зовут, — обречённо пробубнила в ответ. — Но он рыжий. Рыжее всех рыжих, что я видела.

В этот момент лицо девушки скривилось от отвращения. Она быстро взглянула куда-то в сторону, однако до того, как я успела проследить за её взглядом, спросила:

— Неужели ты о Рэнди? Поверь, лучше тебе и не видеть его лицо.

И опять же мне не дали даже обдумать до конца фразу, которую я хотела произнести, как послышался голос Алекса:

— Да ладно тебе. Его и так все шпыняют, не стоит уподобляться.

— Может, тогда начнёшь с ним дружить? — язвительно протянула Кэтрин.

Вопреки моим ожиданиям, недорыжик промолчал. Посмотрев на него, я заметила, как парень сжал губы, а стоило ему заметить мой взгляд, как он потупил взор. Скрестив руки на груди, Алекс так ничего и не сказал Кэтрин, победно смотревшей на стусевавшегося оппонента. Я же в тот момент почувствовала какую-то острую необходимость при любой удобной возможности заговорить с тем самым Рэнди. Говорят, что запретный плод сладок, и я знаю это не понаслышке. Меня в своё время тоже недолго любили в коллективе, однако если бы со мной никто не захотел водиться, то я бы точно сошла с ума. Моей проблемой был дрянной характер, который изменить можно, а если здесь проблема во внешности, с коей ничего нельзя поделать, я хочу посмотреть, в чём она заключается.

— Я точно должна с ним поговорить, — изрекла я после кратковременного молчания.

— Шутишь?! — брезгливо выдавила девушка, однако больше не успела ничего сказать, так как на горизонте появился Стивен и бесцеремонно влез в наш разговор, сказав:

— Вместо того чтобы косточки своим одноклассникам перемывать, лучше бы об учёбе думали.

— Не стоит обобщать! — тоном оскорблённой невинности сказала я.

Парень посмотрел на меня сверху вниз и, пренебрежительно улыбнувшись, спросил:

— Напекаешь на то, что отличаешься от других?

— Я такого не говорила, — буркнула в ответ. — Просто редко доверяю другим. Хочу сначала составить собственное мнение о человеке. А для этого надо с ним поговорить, согласны?

Я смотрела в его глаза, мысленно посылая в них воображаемые молнии, так как очень

уж хотелось в тот момент стукнуть Стивена, несмотря на то, что в данный момент он мой преподаватель. Тогда мне казалось, что лаборант делает выговор, призывая меня к большему уважению к старшим, но тот неожиданно довольно улыбнулся, после чего сказал:

— Меньшего и не ожидал.

Мои брови приподнялись от удивления, но никто, естественно, ничего не собирался объяснять. Буквально в следующую секунду мистер Фейн громко объявил о том, что пора занимать свои места, отчего к двери начало подходить всё больше учащихся. Именно после этого случая мне начало казаться, что этот лаборант явно проявляет ко мне повышенное внимание, но все мои мысли были заняты вовсе не им, а тем, что поджидало меня в ближайшую субботу.

Свидание с Филом. Каждый раз, задумываясь об этом, я чувствовала себя четырнадцатилетней девочкой, которая впервые начала встречаться с мальчиком, так как предвкушала эту встречу, буквально жила в ожидании этого дня. Однако как бы я ни пыталась узнать у парня, что же меня ждёт, он всё время отмалчивался, говоря, будто это сюрприз. В пятницу, когда занятия в школе уже закончились, я решила в последний раз попытаться выяснить хоть какие-то детали предстоящей встречи.

Наша компания, состоявшая из меня, Гардинера, Лили, Дженни и Майка с Генри, уже достигла ворот в школьном дворе, как я вдруг остановилась и, решив начать издали, спросила:

— Значит, со мной сегодня никто не погуляет?

Подруги виновато улыбнулись, а все парни, как один, отрицательно покачали головами, заставляя меня чувствовать себя одиноким человеком, покинутым даже самыми близкими людьми. Предатели.

— Ладно, — вздохнув, сказала я, удивляясь, как у пятерых человек в один день могли появиться планы, но стараясь не заострять на этом внимание. — Фил, скажи...

— Я не собираюсь рассказывать, куда мы идём, — на полуслове оборвал меня тот.

— Хотя бы примерно! — взмолилась я. — Надо же мне знать хотя бы, что надеть.

Гардинер окинул меня придирчивым взглядом, после чего, ухмыльнувшись, сказал:

— Любая повседневная одежда подойдёт, хотя я настоятельно рекомендую тебе надеть джинсы и обувь сапоги, которые не жалко испачкать. А также лучше отказаться от этого белоснежного пуховика, заменив на самую тёмную куртку, какая у тебя есть.

— Мы что, траншеей рыть будем? — спросила я, удивляясь такому дресс-коду. — И это на нашем свидании?

— Что поделать? Я непредсказуем, — весело сказал шатен, после чего взглянул на время в своём телефоне и, ойкнув, быстро произнёс: — Так, в мире кризис и безработица, поэтому у меня совсем нет времени на пустые разговоры. Пока, ребята, — он пожал руку Генри и Майку, кивнул Дженни и Лили, а после внезапно притянул меня к себе, целуя в щёку, попутно прошептал: — Хорошенько выспись. Траншеей рыть — нелёгкое дело.

Парень ещё не успел отстраниться, как я уже прикоснулась к тому месту, куда он меня поцеловал, плотно сжав губы и напрягшись всем телом. Перед тем, как развернуться и уйти, Фил бросил на меня издевательский взгляд, посмеиваясь над тем, как я отреагировала. Готова поклясться, что мои глаза в тот момент были размером с тарелки, я даже рот приоткрыла от удивления. Ничего не сумев сказать Гардинеру на прощание, мне оставалось лишь провожать его удаляющуюся фигуру взглядом.

— Вау, — чересчур бодрим и довольным тоном выдала Лили, вкрадчиво посмотрев на

меня. — Какой прогресс. Признавайтесь, ребятки, когда вы перешли границу целомудрия и наконец-то стали показывать свои отношения хотя бы друзьям?

— Вот и я не в курсе, — отняв руку от лица, ответила я, после чего внимательно посмотрела на ребят, каждый из которых, без исключения, смотрел на меня странным-странным взглядом, в котором ничего хорошего не было видно. — Да что не так?!

Все прыснули со смеху, после чего перестали так пристально смотреть на меня. Первой нашла, что сказать, Дженни.

— Ничего, — ответила она. — Ты прости, но со стороны это действительно смешно выглядит.

После этого она опять прыснула, а я же, обидевшись на всех и вся, тихонько сказала: «Зануды». Лили какое-то время предавалась общему веселью, а потом внезапно охнула, словно вспомнив что-то важное, и воскликнула:

— Нам же бежать пора, Генри! Опоздаем!

— Уже так поздно? — казалось, он искренне удивился. — Ладно, тогда мы пойдём, ребята.

Оба быстро распрощались, помахав напоследок руками, так что я даже не успела задать вопрос, какие дела могут быть у них вместе. Все провожали их удивлённым взглядом, а девушка с парнем, весело переговариваясь, спешили по своим делам. Как бы Майк ни старался, от меня не укрылось, что он смотрел им вслед с неким раздражением, недовольно поджав губы. Я хотела спросить у него кое-что, но тут Дженни сказала:

— Ладно, мне тоже пора, иначе тоже могу опоздать.

— У тебя очень важное дело? — жалобно спросила я, рассчитывая, что подруга найдёт хоть немного времени для того, чтобы поговорить со мной, но мои мечты не стали реальностью.

— Примерно такое же, как у вас с Филом завтра, — загадочно улыбнувшись, проговорила брюнетка, после чего тоже решила быстро попрощаться.

Знаете выражение «Доходит как до жирафа»? Так вот, оно абсолютно верно касательно меня! Ведь только тогда, когда Дженни отошла достаточно далеко и даже успела перейти на другую сторону дороги, до меня дошло, что она имела в виду. Свидание! У неё тоже свидание! Девушка, которая говорила, что заводить отношения, когда на носу важные экзамены, глупо, идёт на свидание!

— Ты можешь в это поверить?! — воскликнула я, повернувшись лицом к Майку. — Она, конечно, никогда не была особо разговорчивой, но до последнего держать в секрете собственное свидание...

Я недовольно смотрела на парня, словно это он во всём виноват, а он же просто молча сносил это, несколько сконфуженно улыбаясь. Какое-то время я ждала от него ответа на свою реплику, однако скоро решила, что лучше не терять времени понапрасну, поэтому решила выяснить у него, знает ли брюнет хоть что-то о сюрпризе, который подготовил мне Гардинер. Видимо, мои мысли как-то отразились на моём лице, так как Джевонс резко растерялся, посмотрев на меня весьма удивлённо, а в следующий момент, вновь неловко улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, мне, наверное, пора, а то дома ждут, — парень начал медленно отступать назад, но я среагировала вовремя.

— Стоять! — крикнула, хватая его за рукав куртки. — Прежде ответь на один вопрос, а потом я тебя отпущу, обещаю!

— Не знаю я, что Фил тебе приготовил! — чуть повысив голос, ответил парень, пытаясь выдернуть свой рукав из моей хватки. — И нет, дело не в том, что я такой вредный и не хочу говорить, просто он предвидел такое развитие событий и специально мне ничего не говорил, чтобы я не проболтался.

Я вдруг замерла и разжала руки, позволяя Майку освободиться. Тот моментально отскочил от меня, принявшись рассматривать рукав, проверяя на повреждения, а мне же вдруг захотелось спросить:

— Так и сказал, что именно поэтому не будет говорить о своих планах?

— Практически, — исподлобья взглянув на меня, ответил парень. — Он же знает, что ты и мёртвого достанешь, поэтому вообще никому ничего не говорил, от греха подальше.

Я нахмурилась и скрестила руки на груди, потупив взор, посылая Гардинеру мысленное сообщение, которое гласило, что он идиот. К тому же, очень хитрый. Надо же, всё просчитал, даже друзьям ничего не сказал! Это просто верх наглости, имею же я право знать, куда меня везут, в самом деле!

— Знаешь, что я тебе скажу, Кэтрин? — вдруг подал голос Майк, привлекая моё внимание. Я внимательно посмотрела на него, ожидая продолжения. — Это свидание... Я не говорю, что это плохо, ведь вам давно пора было переступить через барьер в ваших отношениях, но ты лучше не пытайся угадать, что он приготовит. И ещё кое-что. Не ожидай, что он будет вести себя абсолютно так, как подобает парню на свидании, и, Боже упаси, не заставляй его так поступать. Вам не нужно копировать остальных, чтобы хорошо проводить время вместе.

Я приоткрыла рот, намереваясь что-то сказать, но так и не смогла подобрать нужных слов. Первый вопрос, возникший в моей голове, состоял в желании узнать, помогло ли это им с Лили, однако я побоялась, что прозвучит он слишком грубо, несмотря на отсутствие злорадного подтекста. В тот момент мне подумалось, что лучше ничего не говорить, так как парень явно знает своего друга лучше, чем я, ведь знакомы они гораздо дольше. Именно поэтому, вместо споров и вопросов, я предпочла кивнуть, молча соглашаясь с предложением Джевонса. На этой ноте мы и расстались.

Вопреки ожиданию, которое должно было противно растягивать время, остаток дня пролетел быстро. Оставшись одна, я пыталась себя хоть чем-то занять, поэтому уселась играть в игру, заботливо подкинутую мне Филом, который, по всей видимости, предвидел, что я буду страдать в одиночестве, так как родителей дома не было. Итог: я забылась допоздна, полностью поглощённая процессом, и легла спать, когда стрелки часов показывали два часа ночи.

Несмотря на это, мне удалось выспаться, так как Гардинер должен был заехать за мной в десять, а встала я за полчаса до этого, будучи абсолютно уверенной, что, раз нет никаких пожеланий в одежде, смогу управиться за это время. Стоило спросонок подумать, будто я отношусь к тому типу девушек, которые не особо переживают из-за свиданий, как у меня раскрылись глаза. Нет, никаких проблем с одеждой не возникло — уж в чём, а в своём вкусе я была уверена. Проблема была во мне самой. Хотя я редко опускаюсь до критического самоанализа, тогда вдруг начало казаться, что я поправилась, лицо опухло, синяки под глазами кошмарные, губы тусклые, нос какой-то неправильной формы, да и вообще вся я — одно сплошное недоразумение, которое ходит не на ногах, а на баллонах, наполненных жиром. Именно в тот момент, когда я была уже одетой и, в принципе, готовой к выходу в свет, но абсолютно неуверенной в себе, зашёл папа.

— Итак, — даже не пытаясь скрыть радостной улыбки, озарявшей его лицо, сказал Роберт. — Я понимаю, что истинная леди должна заставить кавалера подождать, дабы помучить, но Фил уже приехал. Не хочешь спуститься?

Я посмотрела на мужчину с выражением полной растерянности на лице, после чего жалобно проскулила:

— Если начать прямо сейчас, можно что-то сделать с моим лицом, пока я не спустилась вниз?

Поначалу отец, казалось, немного обеспокоился и проникся ко мне сочувствием, однако, услышав мои слова, улыбнулся и сказал:

— Прости, но с этим ничего не поделаешь. Гены у тебя ни к чёрту. Так что смирись с неизбежным и поторапливайся, иначе все планы Фила пойдут коту под хвост!

И в тот момент расстройство как рукой сняло.

— Так ты знаешь, куда мы едем?! — с обидой выдавила я. — Мне единственной никто ничего не сообщил?

— Возможно, — с ехидством ответили мне. — Мне неизвестно, куда именно вы едете, хотя я знаю ваш распорядок довольно хорошо, кажется, что могу там даже присутствовать.

— Вот и езжай тогда вместо меня!

Я скрестила руки на груди, отворачиваясь от Роберта, так как изнутри начало терзать чувство обиды. Я всё понимаю: Гардинер хотел сделать мне сюрприз и всё такое, но это же нечестно! Почему мой отец знает, где и как будет проходить моё свидание, а мне никто сообщить не удосужился?!

— Ой, — картинно воскликнул мужчина. — Но мне же совсем нечего надеть! Нет уж, в этот раз подмени меня, пожалуйста, а потом посмотрим, хорошо? Я же должен быть во всеоружии, раз уж это свидание!

— У кого это, интересно, свидание? — послышался недовольный голос мамы, отчего я не смогла сдержаться и хихикнула. Повернувшись к ним лицом, я увидела, как Люси с притворной злостью смотрит на своего супруга и говорит: — Кажется, у вас проблемы, мистер.

Папа закусил губу, а я подошла поближе и, похлопав того по плечу, сказала:

— Мужайся. Хотя я уверена, что ничего мама тебе сделает. Она просто не способна навредить человеку, которому подбирала подарок с таким упорством, что даже посторонние инстанции подключила. Я права, мам?

В тот момент с лица женщины пропала улыбка. Мой отец остался единственным, кто воспринимал происходящее в качестве шутки, а я же не преминула поддеть Люси. Она обещала всё мне рассказать, однако до сих пор не сделала этого, что меня злило. В тот момент во мне боролись два противоречивых чувства: сохранить семью или раскрыть обман, если таковой имел место быть. Хоть мама и не вела себя подозрительно, такой вот нелепой подростковой выходкой я пыталась заставить её объясниться хотя бы со мной. Поступала я плохо, но язык родился раньше меня, а после смерти ещё три года трепаться будет.

— На что ты намекаешь? — довольно спокойно спросила та.

— Ни на что, — в тон ответила я. — Просто хочу вернуться домой в полную семью.

У этих слов опять был двойной смысл, однако Роберт, к счастью, до сих пор ничего не понял. Наспех попрощавшись, я поспешила покинуть комнату, провожаемая строгим взглядом матери. Наверное, она подумала, будто я собираюсь сказать что-то не то папе, но она ошибается. Какой бы ни была действительность, я до последнего не собираюсь

рассказывать ему об этом, а подобными действиями лишь хочу добиться откровенного разговора с Люси. И больше ничего. Лучше бы это всё оказалось выдумками импульсивного и мнительного подростка...

Так как эти мысли были не особо радостными, я поспешила отбросить их, как только вышла во двор. Стоило закрыть за собой дверь, как я встретилась взглядом с Гардинером, который, по всей видимости, собрался позвонить нам. Только завидев меня, парень улыбнулся, а я ему в ответ. Стоило оказаться рядом с ним, как всё беспокойство куда-то исчезло. Удивительный Фил человек — он всегда заставляет меня нервничать и сам же успокаивает одним своим присутствием. Это магия, не иначе.

— Привет, — произнесла я на выдохе.

— Привет, — ответили мне. — Отлично выглядишь, — хм, в кои-то веки решил сделать комплимент?

— Скажешь тоже. Я похожа на садовника.

— На весьма привлекательного садовника, — со смехом произнёс шатен. — Что же, не будем терять время. Поехали?

Гардинер сделал шаг в сторону такси, которое стояло прямо под нашим домом, а я, последовав за ним, спросила:

— И куда же?

— Узнаешь, как приедем. Потерпи, недолго же осталось.

Я вздохнула. В который раз за день осталась с носом, ну и ладно, ведь сегодняшняя встреча особенная. Только в этот момент мне наконец-то стало ясно, что настоящих свиданий у нас всё-таки не было, так как с самого начала атмосфера была другой. Что-то неуловимо изменилось, и меня это радовало. Даже получасовая поездка на такси не казалась утомительной, ведь всё это время мы болтали. Обо всём. В общении с Филом мне по-настоящему нравилось то, что с ним можно было обсуждать действительно всё, даже причину, по которой деревьям нужна кора. Да, мы дошли даже до такого, потому что под конец въехали в небольшой пролесок, за которым был скрыт маленький городишко, где машина и остановилась. Когда мы расплатились с водителем и вышли на улицу, я не преминула спросить:

— И что же здесь есть интересное? Чем займёмся?

— Увидишь, — вновь уклончиво ответил парень. — Это место недалеко. Следуй за мной.

По какой-то нелепой причине в голове появилась нелепая ассоциация с фразой «Следуй за белым кроликом», но я поспешила поскорее отбросить ненужные мысли в сторону и просто пошла за Гардинером. Пройдя несколько улочек, мы остановились возле светофора, чтобы перейти дорогу. Как-то так получилось, что я, поправив шнуровку на своей обуви, пошла немного не туда, поэтому мы оба оказались разделены друг от друга какой-то бабушкой. Не успела я удивиться, что в этом маленьком местечке есть светофор, как Фил что-то спросил, но из-за проезжающих мимо машин, коих было на удивление много, а мотоциклов ещё больше, его не было слышно, поэтому я поинтересовалась, что же он сказал. В тот момент бабушка, стоявшая между нами, вдруг сказала:

— Он спросил, в порядке ли ты, а то какая-то хмурая.

Я не без удивления посмотрела на пожилую женщину, которая выглядела, как ни в чём не бывало, словно так и надо, однако ответила:

— Да, это просто погода так влияет, пасмурно же.

— Чего-чего?! — еле расслышала я вопрос Гардинера.

— Говорит, что погода дрянная, вот и хмурится! — передала ему незнакомка. Фил что-то сказал, а та, повернувшись ко мне, воспроизвела: — Спрашивает, не замёрзла ли ты.

— Нет, всё в порядке, — ответила я, начав улыбаться, но моя улыбка стала ещё шире, когда старушка вдруг сказала:

— Да, очень. Особенно руки замёрзли, холодрыга же такая!

Я увидела, как парень удивился таким словам, а сама с трудом сдерживала смех, толком даже не обратив внимания на то, что маленькие цепкие ручки невысокой женщины уже впились в мою ладонь. После этого незнакомка посмотрела на Фила и невозмутимо спросила:

— Не подашь ли ты мне руку? — как только она увидела на его лице неподдельный шок, тут же спросила: — Что, я слишком стара для тебя?

Парень со скепсисом посмотрел на протянутую ему худую руку, однако взял её после недолгих колебаний. Старушка довольно улыбнулась, после чего посмотрела вперёд и, кивнув, проговорила:

— Отлично, а теперь переведите бабушку через дорогу. Уже зелёный горит.

Не успели мы с Гардинером переглянуться, как нас уже потащили вперёд. Решив, что это бесполезно, я не сопротивлялась и позволяла тянуть себя. Так же поступал и мой спутник. Когда мы добрались до противоположной стороны дороги, наша новая знакомая победно улыбнулась и, сделав шаг назад, сцепила наши руки со словами:

— Большое спасибо за помощь. Хорошо проведите время вместе!

Я посмотрела на свою ладонь, которую зажал в своей Гардинер, и уже хотела было спросить, как женщина догадалась обо всём, на нас ведь не написано, что мы встречаемся, как та сказала:

— Если бы мы с моим мужем так же медлили, то я бы сейчас не шла к своим внукам, — и, покачав головой из стороны в сторону, коротко попрощалась, после чего пошла своей дорогой.

Некоторое время мы с парнем глядели ей вслед, а потом посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Наверное, мы выглядим жалко, — сказал шатен, после чего покрепче сжал мою ладонь в своей. Я бросила быстрый взгляд на сомкнутые руки, а потом и вовсе отвернулась. Фил же не растерялся и добавил: — Зато теперь у тебя нет шанса сбежать — я же не отпущу.

Я только улыбнулась и кивнула, абсолютно не зная, что сказать. Кем бы ни была та странноватая женщина, сейчас я была ей благодарна. Обычно Гардинера под дулом пистолета не заставишь ходить по улицам, держась за руки, а тут такой подарок, да ещё и совершенно бесплатно. Я подумала, что стоит воспользоваться моментом, поэтому тоже покрепче схватилась за руку парня, после чего мы продолжили свой путь.

Пока шли к нужному месту, меня посетило множество догадок. Что бы это могло быть? Кафе? Фил не стал бы меня тащить в такую даль для того, чтобы посидеть в кафешке. Отдых на природе? Но мы даже не взяли ничего, что могло бы пригодиться для этого. Навестим какого-то его родственника? Но не на свидании же!

В общем, я так ни к чему и не пришла. А за это время мы успели отдалиться от более-менее жилых улочек этого маленького городка, который я бы назвала скорее деревушкой. Вскоре асфальтированная дорога закончилась, и мы вышли на обычную, земляную, с обеих сторон окружённую деревьями и кустами, от которых остались лишь ветки. Эта тропинка

была довольно крутой, так что невозможно было разглядеть ничего конкретного за множеством поворотов. Пока Фил уверенно вёл меня вперёд, немного подгоняя, я заметила, как изменилось его лицо, стоило нам оказаться здесь. Парень улыбался и явно хотел поскорее оказаться там, куда мы шли.

Внезапно он остановился и, посмотрев на меня, счастливым тоном сказал:

— Сейчас ты увидишь то место, где я просто обожаю бывать. Идём.

Он потянул меня вперёд, а через несколько секунд деревья по обе стороны тропинки перестали закрывать обзор, поскольку их просто не росло здесь, и тогда я увидела то, что так хотел показать мне Гардинер. Среди огромного пустыря, который был полностью чёрным из-за подчистую убранного снега, стоял огромный дом. Рядом с ним в линию выстроилось множество маленьких деревянных строений, больше похожих на гаражи, нежели на помещения, в которых чисто теоретически могут жить люди. Только мы вышли сюда, как в ноздри ударил довольно резкий и, признаться, далеко не самый приятный запах, будто мы оказались на ферме.

— И куда мы пришли? — спросила я, стараясь скрыть в голосе отвращение, вызванное запахом.

— К моему очень хорошему знакомому. Ох, а вот и он, — Фил улыбнулся ещё шире и приветливо махнул рукой. В тот момент, готова поклясться, он выглядел, как ребёнок, раньше я видела его таким только рядом с Робертом, поэтому думала, что он может вести себя так только с ним. Я даже немного приревновала, причём не могла объяснить, кого и к кому.

Решив не заикливаться на подобных мыслях, я посмотрела туда же, куда и Гардинер. Признаться, я несколько удивилась, увидев буквально бегущего к нам высокого мужчину. Стоило тому оказаться рядом, как я смогла рассмотреть его — не просто высокий, огромный, он был где-то на голову выше Фила. Каштановые кудрявые волосы выглядывали из-под шапки, а густые усы немного прикрывали губы. Я бы не сказала, что человек, представший перед нами, был полным, однако он казался таким массивным, что, встретить я такого в тёмной подворотне, хотела бы оказаться его хорошей подругой, лишь бы не остаться на всю жизнь зайкой.

— Эх ты, балбес, — беззлобно сказал тот, подперев бока руками, — сколько ещё собирался скрываться от меня?

— От вас скроешься, — со смехом сказал парень. — Дела были, поэтому и не мог приехать.

— А набрать телефонный номер и сказать, что всё ещё жив-здоров, тоже не мог? Руки бы отсохли, да? Самый настоящий балбес! — незнакомец попытался отвесить Гардинеру подзатыльник, но тому посчастливилось увернуться, так что он лишь улыбнулся данному действию, а я охнула. Впервые в жизни видела, чтобы с ним так обращались.

И только тогда мужчина заметил меня. Переведя свой тяжёлый взгляд в мою сторону, он принялся внимательно рассматривать нового человека на своих владениях, придирчиво задерживаясь чуть ли не на каждом участке моего тела. Под таким взглядом я почувствовала себя весьма неловко, поэтому даже осознать не успела, как спряталась за Филом, обхватив его локоть обеими своими руками. Шатен бросил быстрый взгляд на меня, после чего коротко прыснул, тогда мужчина перевёл свой взгляд на него и спросил:

— Это ещё кто? Заявился сюда без предупреждения, привёл с собой кого-то, да ещё и девушку. Не думаешь, что должен мне кое-что сказать? — он скрестил руки на груди,

угрожающе посмотрев на Гардинера.

— Не злитесь, я же вам уже говорил, что собираюсь сделать. Лучше познакомьтесь с Кэтрин, — Фил попробовал сделать шаг в сторону, чтобы представить меня, но я не дала ему сделать этого, крепче ухватившись за локоть парня. Я лишь немного выглянула из-за его плеча и пробормотала приветствие, чем позабавила обоих, даже незнакомец ухмыльнулся. Тогда шатен положил свободную руку поверх моих ладоней и сказал: — Кэтрин, знакомься с Малышом. Не бойся, он тебя не съест.

Малышом?! Это кого он только что Малышом назвал?! Вот этого здорового амбала который в два раза больше Роберта?! Как смешно, сейчас со смеху лопну! Боже, это всё похоже на плохой анекдот...

— Как ты уже понял, это Кэтрин, — продолжил Фил, делая вид, что не заметил моей заминки. — Мы с ней хотим съездить домой.

В тот момент удивились двое: я и тот мужчина, именуемый Малышом. Если честно, я с самого начала не понимала того, что происходит сегодня, потому и поражалась каждому действию парня, однако новый знакомый, казалось, сразу же понял, что к чему.

— Правда? Ты наконец-то решил кого-то туда привести? А ничего в лесу не умерло? — спрашивал он, тем самым вызвав на лице Гардинера ухмылку.

— Не знаю, я там не был, — сказал он. — Итак, одолжишь лошадок?

— Стоп-стоп-стоп! — воскликнула я, выйдя вперёд, становясь между Малышом и Филом. — Я здесь единственная не понимаю, что происходит?! Если да, то требую объяснений! Лес, лошади, дом... Ничего больше не хочешь мне сказать?

Шатен улыбнулся ещё шире, после чего посмотрел на мужчину, теперь стоявшего у меня за спиной. Я не видела, что он сделал, но услышала, как тот сказал:

— Сейчас найду вам лошадок поспокойнее. Знаешь же, как они у меня не любят по снегу бродить, — и после этого удалился.

Гардинер перевёл свой взгляд на меня. Посмотрев в эти бесстыжие карие глаза, я заметила, что он целиком и полностью наслаждается сложившейся ситуацией и моим неведением. Внезапно парень положил свои руки мне на плечи, несильно похлопав, и сказал:

— Ты просила сделать этот день особенным, добавив чего-то необычного? — он замолчал, дожидаясь моего ответа, так что я кивнула, а Фил продолжил: — Что же, надеюсь, тебе нравится кататься на лошадях, потому что я решил устроить тебе небольшой мастер-класс. Неспешная прогулка по окончании урока прилагается.

— Ездить верхом, что ли?! — зачем-то задала я очевидный вопрос. — Нет, нет и ещё раз нет! Это невозможно! Да я к лошадям ближе, чем на полметра, даже не подходила!

Гардинер хмыкнул.

— Это большое упущение, которое мы просто обязаны исправить. Идём, буду учить тебя кататься, — он взял меня за руку и поволок в сторону конюшни (к тому моменту я уже успела понять, что это именно они и есть), однако я стояла на месте.

Фил повернулся ко мне, желая проверить, отчего же я не двигаюсь, а я даже не знала, что сказать. С одной стороны, это казалось довольно интересным занятием, к тому же, мне всегда хотелось хотя бы разок посидеть на настоящей лошади, а не участвовать в виртуальных скачках, но всё происходящее было слишком неожиданным. Новое окружение Гардинера, о котором я никогда не слышала, снова какие-то тайны... А я считала, что мы уже избавились от этого.

— Знаешь, — начала я, зачем-то покрепче схватив его за руку, — иногда мне кажется, что я о тебе ничего не знаю. Чем больше ты говоришь, тем запутаннее всё становится. Только мне начало казаться, будто наконец-то начала понимать тебя и узнала всё, что могла, как ты опять вытворяешь очередную ерунду. Ты так и не собираешься мне ничего толком рассказывать, да?

Я внимательно посмотрела в его глаза, ожидая того, что парень сейчас разозлится и наше свидание будет испорчено. Однако этого не случилось. Фил довольно спокойно ответил:

— Именно для того, чтобы мы поняли друг друга, я тебя сюда и привёл. Даже маму я сюда не возил. Всё ещё считаешь, что знаешь обо мне меньше остальных?

Этот вопрос остался без ответа, так как в следующий момент шатен с новой силой потянул меня вперёд, увлекая за собой, а у меня же больше не было желания сопротивляться. Гардинер вдруг начал много говорить, рассказывая о том, что здесь живут лишь два брата — Малыш, которого по-настоящему звали Джоном, и Эндрю. Он заверил меня в том, что они отличные парни, решившие на склоне лет перебраться куда подальше от городской суеты. Лошади им, в принципе, без надобности, однако для развлечения у них имелось их около пяти. Недешёвое удовольствие, зато от детишек обычно отбою нет, а сегодня мы одни, поскольку суббота — день, в который братья никого не пускают. Кроме, разве что, Фила, сказавшего, будто у него есть привилегии.

Пока он рассказывал мне всё это, я заметила одну странную вещь. Раньше мне редко удавалось увидеть Гардинера, который был бы искренне чем-то увлечён, заинтересован в высшей степени. Порой даже казалось, будто ему вообще ничего не интересно, кроме прогулок, хотя ветреным парня назвать язык не поворачивался. Просто сейчас я видела, как ему это нравится, а потому пессимистический настрой, что начал было одолевать меня несколько минут назад, потихоньку развеивался, уступая место интересу и чему-то наподобие восторга. Мне нравился такой Фил. Очень нравился.

Миновав забор, окружавший свободные от зданий куски участка, мы попали во внутренний двор, где не совсем приятный запах усилился, однако вскоре я привыкла настолько, что перестала его ощущать. Внутри нас встретил всё тот же Малыш (кстати, так его звали в шутку, ведь он младший из братьев, хотя по виду и не скажешь), стоявший рядом с двумя лошадьми и подготавливая их. Я не очень хорошо разбираюсь в этом, но вроде как он закреплял седло и поводья. Увидев нас, мужчина тут же сказал, что Эндрю поехал в город, так что веселиться придётся без него, на что я лишь скептически хмыкнула. Веселиться, да? Конечно, легко такое говорить человеку, который лишь немногим меньше лошади! Я же стояла и с недоверием смотрела на этих созданий. Вроде не выглядят злыми, но так и чувствуется в этой показной невинности подвох...

— Итак, — сказал Джон, закончив со всеми приготовлениями, после чего посмотрел на меня и, указав на белую лошадь в серую крапинку, сказал: — Это Рейн. Он у нас самый спокойный — самое то для новичка.

Ой, так эта лошадка — мальчик? Прости, друг, я не специально...

— Откуда вы знаете, что я новичок? — спросила я мужчину, закончив мысленно извиняться перед конём.

Малыш оглядел меня придиричивым взглядом, после чего, фыркнув, сказал:

— Это легко угадать, стоит лишь взглянуть на тебя. Выглядишь хилой, всё время горбишься. Если бы регулярно ездила верхом, то хотя бы осанку держать научилась.

Такое заявление задело моё самолюбие, заставив поджать губы и выпрямиться. Странно, мне никогда не казалось, что я горблюсь...

— Не обращай внимания на его слова, — ободряюще сказал Фил, заглядывая мне в лицо. — Он у нас никогда за языком не следит, так что может сморозить глупость. Если такое случится, просто напомни о том, что ему давно полвека стукнуло, а он до сих пор не женат.

— Я сейчас чьей-то головой в футбол играть начну, — угрожающе сказал мужчина, однако я, кажется, начала разбирать, что эта злость была притворной. — Не подсказешь, чьей?

— Напугал, — с иронией сказал Гардинер, подходя ко второй лошади — точно такой же по окрасу, как и моя. — Мы с Генералом можем навернуть кружок-другой, пока вы готовитесь будете?

— Генералом? — улыбнувшись, спросила я.

Фил, казалось, на секунду стушевался, после чего закусил губу и, сделав несколько шагов ближе к жеребцу и подальше от меня, сказал:

— Когда-то мне очень нравились все эти военные штучки. И так как этот дружок с самого начала был моим, я дал ему такую кличку. Проблемы?

— Нет, никаких, — сказала я, примирительно подняв руки вверх. — Развлекайся, я присоединюсь каплю позже.

Гардинер, даже не взглянув на меня, коротко кивнул, после чего начал взбираться на лошадь. Джон, тем временем, подошёл ко мне и принялся объяснять, что к чему. Пока парень привыкал к позабытому ощущению, я пыталась до конца осознать, что сейчас буду ездить верхом на настоящей лошади. Когда же пришло время взбираться на неё, что-то, по всей видимости, пошло не так, поэтому я весьма неловко плюхнулась всем телом на несчастное животное, когда моя нога выскользнула из руки Малыша, помогавшего мне подняться. Рейн под моим натиском заржал и сделал пару шагов из стороны в сторону, однако мужчина успокоил его.

— Боже мой, — прошипел он. — И ты будешь доказывать мне, что не новичок? Да ты варвар! Фил! — он повернулся к парню, как раз подъехавшему к нам. — Женщина, которую ты приволок, варвар!

— Тебе всё-таки стоит научиться следить за языком, — довольно серьёзно сказал тот. — Или ты и с детьми, которые первый раз сели на лошадь, так же обращаешься? — Джон попытался что-то возразить, однако шатен вдруг сказал: — Спасибо за помощь, но порцию оскорблений можешь оставить себе, мы её не заказывали.

Если мужчина и хотел что-то сказать, то ему по каким-то причинам пришлось проглотить свои слова, хотя я искренне сомневалась, что на него так подействовал грозный вид Гардинера. Пробурчав что-то себе под нос, Малыш бросил напоследок злое «Делайте, что хотите!», а после направился ко входу в дом. Мне даже не хотелось смотреть ему вслед, поскольку слова, произнесённые им, действительно обидели меня. Обычно я просто пропускаю их мимо ушей, но очень не хотелось слышать подобное от знакомого Фила, ещё и в его присутствии.

— Извини за это, — вдруг сказал парень. — Джон всегда таким был, поэтому его и к детям особо не пускают. Был бы здесь Эндрю, он бы тебе понравился.

— Что, даже больше, чем ты? — я решила перевести всё происходящее в шутку, так как больше, чем слышать оскорбления, мне не хотелось выглядеть обиженной перед парнем.

Тот издал короткий смешок, после чего сказал:

— Не дождётся. Я слишком сильный конкурент, чтобы кто-то смог со мной тягаться.

— И чересчур самоуверенный, — в тон ему ответила я. — Сходи в аптеку и спроси, нет ли у них средства от наглости. По-моему, это болезнь.

Гардинер коротко рассмеялся, после чего внимательно посмотрел на меня.

— Несмотря ни на что, отлично смотришься в седле, — сказал он. — Что же, поехали?

— Куда? — спросила я, напрягшись. Ехать? Да я еле сижу!

— Не волнуйся, я помогу тебе добраться в целости и сохранности. Доверься мне.

Шатен вкрадчиво посмотрел на меня, явно бросая вызов. Выглядело это не так, словно он хотел заполучить моё доверие, скорее парень ждал, что я захочу доказать ему, будто могу справиться с любыми трудностями. В любом случае, чего бы он ни желал, это подействовало.

— Учи, сенсей, — только и сказала я, мысленно пожелав, дабы этот кошмар поскорее закончился.

Однако кошмаром это назвать было трудно. Оказывается, если быть очень послушной и делать только то, что тебе говорят, может получиться что-то хорошее. Пока я следовала всем советам Гардинера, прогулка казалась действительно интересной и нисколько не напрягала. Но больше всего мне нравилось украдкой от парня наблюдать за тем, как он сам держится в седле. Со стороны он выглядел так уверенно, что могло создаться впечатление, будто шатен всю жизнь только и делает, что на лошадях ездит.

— Ты как давно этому научился? — с плохо скрываемой завистью спросила я, так как буквально минуту назад еле заставила своего парнокопытного друга повернуть туда, куда мне надо, а не развернуться и пойти домой.

— Немногим позже времени, когда познакомился с Эллиотом, — ответили мне. — Когда-то он здесь часто бывал, но потом стал слишком занятым, вот и начал сплавлять меня сюда на выходные под маркой того, что ребёнку полезно много бывать на свежем воздухе. Мама всё порывалась сюда приехать, но после первой поездки сюда я всегда просил её не делать этого.

— Это почему же?

— Потому что я на удивление быстро сошёлся с братьями и мне здесь понравилось. К тому же, в этом месте у меня всегда был уголок, о котором никто, кроме меня и этих двоих, не знает, а я так не хотел, чтобы моя тайна стала кому-то известна. И была ещё одна немаловажная причина, — парень, всё время ехавший вровень со мной, посмотрел на меня и убийственно-серьёзным тоном произнёс: — Это мои лошадки, мои развлечения, мои друзья. Я не мог никому позволить прозвать об этом.

От этого выражения лица шатена я не выдержала и рассмеялась. Тот тоже улыбнулся и прежде, чем я успела что-либо сказать в ответ, произнёс:

— Приехали.

Я посмотрела вперёд и заметила стоявший впереди деревянный домик, который поначалу показался мне до жути маленьким, однако по мере приближения казался всё больше, поэтому я поверила в то, что он предназначен для людей, а не для гномов. Стоило же моим ногам коснуться земли, как я не сдержалась и облегчённо вздохнула, в который раз бросив взгляд на одноэтажное деревянное строение. Фил, взяв обоих коней за поводья, внимательно посмотрел на меня и, чему-то улыбнувшись, сказал:

— Ты пока заходи, а я заведу их в денник.

— Здесь даже денник есть? — спросила я, удивлённо посмотрев на него.

— Да, за домом. Маленькое такое, не больше двух лошадей поместится, — спокойно ответили мне. — Идеально, не правда ли?

— Наверное, — неуверенно пробормотала я, а после задала интересовавший меня вопрос: — А чей это дом? Ничего, если я просто зайду одна?

— Поверь, хозяин обрадуется, если ты сделаешь это. Он скоро будет, но ты не волнуйся, там открыто. Можешь осмотреться, пока я занят.

Не дав мне возможности что-либо спросить, парень развернул лошадей и повёл их за дом, оставляя мне лишь две возможности дальнейшего развития событий. Первая: я всё-таки останусь дожидаться его здесь, продолжая мёрзнуть, так как за время моего пребывания на улице у меня порядком замёрзли ноги. Вторая: плюну на всё и зайду внутрь. Нетрудно догадаться, какую я выбрала, так как буквально через минуту очутилась в малюсенькой прихожей этого домика. Так и не нащупав выключатель, я в крошечной темноте повесила куртку на еле обнаруженную мной вешалку, а после прошла вперёд, буквально уткнувшись носом в единственную на весь коридорчик дверь. Открыв её, попала в следующую комнату.

На сей раз мне повезло гораздо больше, так как удалось быстро во всём разобраться и включить свет за считанные секунды. Мне сразу показалась странной темнота, царившая внутри, учитывая, что на улице было ещё довольно светло, так как время едва перевалило за полдень. Однако вскоре я поняла причину этого, ведь в комнатухе было всего-навсего одно окно. Нет, я, конечно, всё понимаю — помещение очень маленькое и всё такое, но второе окно отлично поместилось бы тут, проливая свет на столь мрачную жизнь обитателя дома. И какому человеку только могло это принадлежать?.. Помещение ведь совсем не выглядело жилым.

Рядом с дверью стоял шкаф, в который, казалось, вместили всё, что только могли, — и отделение для одежды, и для посуды, и для книг, и даже телевизор туда умудрились поставить! Напротив стоял небольшой диван-уголок, занимавший практически всё оставшееся свободное место в комнате. Страшно представить, что случилось, когда его раздвигали для того, чтобы на нём спать, а я не сомневалась, что кровати, как и ещё одной жилой комнаты, здесь больше нет. Мои догадки подтвердились, когда я открыла ещё одну дверь, которая разве что чудом не цеплялась ни за диван, ни за шкаф, когда открывалась. Тут же попав в маленький коридор где-то метр на метр размером, я увидела там ещё две двери и заглянула туда. За одной скрывалась ванная комната, за другой — кухня. И всё. Больше в этом доме не было ничего.

Именно к тому моменту, как я закончила детальный осмотр помещений, появился Фил. Не успел он войти в комнату, как я спросила:

— Ты сказал, что хозяин скоро будет. Но кто же может здесь жить? Да никакой глупец не согласится поселиться в такой халупе добровольно!

Гардинер поначалу удивился такому заявлению, но в следующую секунду сказал:

— Что же, видимо, найдётся, поскольку этот глупец перед тобой. И живу я здесь вовсе не по принуждению.

Я открыла рот, словно собиралась что-то сказать, однако не могла издать ни звука. Просто смотрела на парня, которого, казалось, несколько не смущала такая моя реакция, поскольку он лишь стоял и ухмылялся. Когда же я всё-таки смогла собраться с мыслями и удостовериться, не ослышалась ли, он сказал:

— Этот дом изначально не был моим. Не зная, что подарить мне на День Рождения,

Эллиот как-то отвёз меня к Джону с Эндрю и оставил, пожелал отлично провести время. Эти двое отвели меня сюда, сказав, что дом когда-то строился для мистера Уильямса и он собирался приезжать сюда на рыбалку, но всё никак не получалось. В общем, как-то так это место стало моим. Сомневаюсь, что даритель сам помнит о нём, а больше я никому об этом не рассказывал.

— Почему же? — хриловато спросила я, чувствуя, как на меня накатила обида.

Я, конечно, знала о весьма прохладных отношениях между этими двумя людьми, но это... слишком. Да, подарок казался дорогостоящим и отчим Фила вполне справедливо мог заметить, что большинство никогда не решилось бы сделать такой подарок чужому ребёнку, но это мерзкое чувство не желало покидать меня. Я уважала и любила Сэм, но неужели за столько лет женщина не заметила, что её супруг обращается с её сыном, как с собачкой? «Я не хочу доедать этот кусок мяса, ешь» вполне равносильно этому подарку. «Мне этот дом не нужен — держи». Так это выглядело в моих глазах. Но я не решилась ничего сказать Гардинеру, так как это всё же его мама. К тому же, учитывая проблемы с её здоровьем, сейчас не время спрашивать о подобном, а если учитывать, что я не знаю всей ситуации, то это просто верх наглости.

— Не хотелось, — ответил шатен на ранее заданный вопрос. — У всех ведь бывает время, когда хочется побыть одному, чтобы тебя никто не нашёл? Вот и у меня так. Эти двое, — он зачем-то кивнул в ту сторону, откуда мы приехали, — ни за что не выдадут меня. К тому же, никому и в голову не придёт, что я общаюсь с такими людьми, поэтому в любой момент я могу начать играть в прятки, точно зная, что выиграю.

— Если не хочешь, чтобы об этом месте кто-то знал, — осторожно начала я, словно боясь озвучить мысль, что неожиданно пришла мне в голову, — зачем рассказываешь мне?

Парень издал короткий смешок, после чего покачал головой из стороны в сторону.

— Сам не знаю, — сказал он. — Может, я всё же хочу, чтобы хоть кто-то меня нашёл, если пропаду надолго?

Мне сразу не понравились эти слова. За столько времени можно было привыкнуть, что Фил редко говорит что-то просто так, поэтому я взяла это на заметку, мысленно дав себе клятву, что не забуду эту фразу. На всякий случай. Но в следующий момент эту мысль вытеснило из моей головы кое-что другое, не сразу мною замеченное.

— А рана-то у тебя откуда?! — тоном мамочки, готовящейся отчитывать ребёнка, спросила я. — Тебя же не было всего пять минут, когда успел?

В следующий момент Гардинер поднял левую руку, по которой стекала кровь, ладонью вверх, а я подошла ближе и, аккуратно взяв её в свои, принялась осматривать. Прямо на ладони был довольно глубокий по виду поперечный рваный порез, тянувшийся от большого пальца до середины запястья. Я поморщилась, так как не переношу вида крови ещё с того случая в парке, хотя и раньше не особо любила глядеть на подобное зрелище.

— Не «всего пять минут», а «целых пять минут», — поправил меня парень. — Порезался, когда закрывал денник. Там гвоздь торчал в двери, а я совершенно забыл о нём, ничего страш...

— Где аптечка? — даже не дав ему договорить, спросила я, заглядывая в глаза. — Надо обработать, а то гвоздь-то явно не стерильный.

— По-моему, на кухне. Но тебе не стоит...

— Стой, где стоишь, — приказным тоном сказала я, однако в следующий момент передумала и, схватив Фила за плечи, потащила к дивану, пытаясь усадить. — Хотя будет

лучше, если ты посидишь здесь и подождёшь, пока я сбегаяю за всем необходимым.

— Да это не в первый раз происходит, — попытались возразить мне, однако я была непреклонна.

— Сиди здесь, — повторила ему, после чего пошла в сторону кухни. Хорошо, что узнала её местоположение заранее.

Оказавшись в тёмной комнате, в которой, естественно, не было окон, я очень долго пыталась нащупать выключатель, а когда наконец-то удалось это сделать, долго боролась с ним, дабы свет соизволил включиться. Такое ощущение, что никто сюда даже не заходил, ей-Богу.

Кухня, как и ожидалось, была сделана в духе минимализма — холодильник, плита, две тумбочки (Боже, а где же он ест?..), а сверху два подвесных шкафчика. Справедливо решив, что ни в холодильнике, ни в плите аптечки быть не может, хотя я уже не была в этом так уверена, принялась искать её в другом месте. Обшарив два комода и удостоверившись, что там пусто, я открыла первый из двух шкафчиков, как вдруг в комнате что-то щёлкнуло, а после свет погас. Просто взял и погас. От неожиданности я, так как стояла на носочках, пытаясь дотянуться до самого верха, пошатнулась и задела что-то в том шкафчике. Оно угрожающе затрещало и грозило упасть на меня, однако я, вскрикнув, всё же успела подхватить этот булькающий предмет. Но мне же не могло повезти до конца, правда? Поэтому в следующую секунду какая-то часть этой жидкости пролилась на меня, отчего я вскрикнула второй раз.

Вскоре послышался голос Гардинера, спрашивавшего, в порядке ли я, и его шаги. Я продолжала стоять всё в той же неудобной позе, стараясь удержать бутылку с жидкостью, потом дверь открылась, проливая каплю света на эту ситуацию, и я услышала голос Фила, говоривший:

— Здесь выключатель заедает, поэтому свет иногда сам отключается. Ты как? — сразу после этих слов свет включился, и я предстала перед парнем во всей красе — мокрая, злая и с дрожащей рукой, уставшей держать бутылку.

Когда темнота рассеялась, я первым делом посмотрела наверх и без удовольствия отметила, что в прозрачном пластике было что-то жёлтое, да и пахло оно не очень приятно, но всё же опустила руку, больше не опасаясь, что могу пролить на себя ещё больше. Мне и так достаточно. Я взяла свободной рукой прядь своих волос и, поднеся к носу, понюхала, а в следующую секунду брезгливо поморщилась. Пахло отвратно. Однако в комнате нас было двое, поэтому по крайней мере одному человеку было весело. Заметив мой конфуз, Фил от души рассмеялся, чем вызвал у меня новый приступ гнева. Не особо задумываясь, я резко развернулась и брызнула на него этой странной субстанцией со словами:

— Я ему помочь пыталась, пострадала, а он ещё и смеётся! Верх наглости!

— Фу, Боже! — отчего-то не переставая смеяться, воскликнул парень, делая шаг назад. — Что это?

— А я почём знаю? Не я же здесь живу! Ещё хочешь? Вдруг распознаешь, а?

— Нет, спасибо, воздержусь, — ответил Гардинер, после чего за пару шагов преодолел расстояние между нами и выхватил бутылку из моих рук. Повертев её в руке пару секунд, он вдруг скривился ещё больше и сказал:

— Соус, приготовленный Эндрю. Три года назад. Я и забыл, что он мне его давал.

— Поздравляю. Теперь мы оба в какой-то непонятной жиге и нам срочно нужно принять душ, — сказала я, пытаясь с помощью рук убрать хотя бы немного этого соуса со

свитера и волос.

— Что, вместе? — лукаво посмотрев на меня, спросил парень, на что я лишь фыркнула.

— Мечтать не вредно, — только и сказала ему, а потом поморщилась. — Одежду тоже постирать надо — воняет. Стиральная машинка есть?

— К счастью, да, но кое-чего у меня, к сожалению, нет. Прости меня за это, Кэтрин, — он наигранно виновато посмотрел на меня, чем вызвал мой интерес, и сказал: — Прости за то, что у твоего парня в числе хобби нет переодеваний в женскую одежду. В качестве смены тебе придётся надеть то, что есть у меня.

В первую секунду я опешила, однако потом прыснула и несильно стукнула того в плечо.

— И на том спасибо, — только и сказала ему. — Зато это тебе урок: вещи должны лежать на своих местах, так что нечего прятать аптечку на кухне. К следующему моему приезду постарайся исправить.

— Есть, сэр, — весело ответил Фил, чем вызвал мою улыбку, и добавил: — Пойдём, я дам тебе вещи, в которые можно переодеться.

Стоило мне возмутиться, что мы ещё его рану не обработали, как парень сказал, будто прекрасно справится и сам, пока я буду в душе, но больше не даст мне ничего трогать в его доме — мало ли. Я особо не спорила, подумав, что это лучшее решение. Однако в следующую секунду меня ждала новая подстава, когда Гардинер протянул мне в качестве сменной одежды футболку. И всё. Больше ничего не было. Предугадав, что сейчас у меня будет новый всплеск возмущения, он сказал:

— Я здесь обычно долго не живу, так что из одежды, хранящейся тут, у меня только пижама, а она состоит только из штанов и футболки. Нет, мне, в принципе, всё равно — я могу походить по дому в ней, а ты давай, разгуливай в нижнем белье. Устраивает такой расклад?

Несмотря на недовольное ворчание с моей стороны, другого варианта не было, так что пришлось согласиться на то, что было. Схватив футболку, я с недовольной миной проследовала в ванную, выслушав просьбу не начинать стирку, пока душ не примет Гардинер. В тот момент на секунду показалось, что мы ведём себя, как супружеская пара, но я быстро выбросила эти вредные мысли из головы. Быстро приняв душ, я с облегчением обнаружила в ванной множество полотенец, радуясь, что не пришлось искать их, и вышла в комнату, где заметно потеплело. Я понимала, что определённую температуру здесь поддерживают каждый день, но за время моего отсутствия Фил, похоже, успел немного повысить её.

— Отлично, моя очередь, — сказал он, закрывая аптечку и ставя её на полку рядом с книгами. — Дождись меня.

Я коротко кивнула, внезапно почувствовав себя не в своей тарелке. Из-за того, что злилась, как-то запоздало поняла, что мне предстоит разгуливать в таком виде перед парнем довольно долго, так как надеяться на то, что вещи высохнут быстро, не приходилось. Пытаясь натянуть футболку чуть ли не на колени, я переминалась с ноги на ногу, чем вызвала лишь улыбку Гардинера. Несмотря на все мои надежды, он и не думал облегчать мне жизнь и, проходя мимо, внезапно схватил край футболки, резко потянув его вверх, оголив моё тело до живота. Я же издала звук, похожий на что-то среднее между визгом и криком, попытавшись вернуть всё в прежнее положение.

— Занятое бельишко, — сказал он, после чего отпустил край футболки и под мои проклятия скрылся в ванной комнате.

Какое-то время я не могла сделать ни шагу в сторону, чувствуя, что с каждой секундой здесь становится всё жарче. Как же мне в тот момент хотелось выбить к чертям дверь, разделявшую нас теперь, и всыпать ему по первое число, но я пыталась сдержаться, прекрасно понимая нелепость этой затеи. Пока занималась самоуспокоением, присела на диван, думая о том, что придётся объясниться с родителями, если вдруг всё пойдёт не по плану и я задержусь. Просидев в одной позе все десять минут, что Фил отсутствовал, я отметила, что комната, несмотря на отсутствие многих необходимых вещей, начала казаться мне уютной. Странное чувство...

— Я поставил вещи на короткую стирку, скоро можно их сушить, — вдруг послышался голос парня, от которого я вздрогнула, поскольку не слышала, как он вошёл. — Повесим прямо на батарее и будем надеяться, что скоро высохнут.

Я посмотрела на шатена, представшего передо мной в одних штанах с небрежно накинутым на плечи полотенцем, которым он вытирал мокрые волосы. Первое, что бросилось в глаза, так это то, что Фил заметно похудел, и дело тут не в занятиях спортом. Ему и раньше нравилось проводить время в спортзале, но выглядел он всё же покрепче... Надеюсь, что я просто надумываю лишнее.

— Что-то не так? — спросил Гардинер, подойдя и присев рядом со мной. — Ты злишься, да?

— За что? — удивлённо спросила я, даже не подумав, что он может интерпретировать моё поведение подобным образом. Как ни странно, за инцидент, произошедший совсем недавно, я больше не хотела убивать его.

— За всё, наверное, — пожал плечами тот, откинув голову на спинку дивана. — При всём желании, это нельзя назвать идеальным свиданием, которое тебе хотелось бы, — он вдруг повернулся и заглянул в мои глаза, улыбнувшись. — Но я пытался.

— У тебя всё хорошо получилось, — с улыбкой ответила я, не колеблясь.

Фил был прав в том, что это сложно назвать обычным хорошим свиданием, у некоторых даже язык не повернётся сказать, что это именно свидание и есть, но он ошибался касательно моих чувств. Я не злилась, я была благодарна. За то, что отвлек меня от проблем, которыми я сама себя загрузила, и за то, что позволил узнать о себе немного больше. Хотя я сегодня больше сердилась, в целом, мне понравилось, ведь мы же были вместе. Гардинер выкроил время и попытался сделать этот день особенным только потому, что я его попросила. Большого мне и не надо.

— Надеюсь, — сказал шатен, принимая более удобное положение. — Но, думаю, я обязан кое-что сделать. Я тебе задолжал.

— И что же это? — заинтересовавшись, я развернулась к нему с ногами и, приняв позу лотоса, внимательно посмотрела на парня, который выглядел увереннее, чем раньше, когда пытался сказать что-то непривычное для себя. А что-то подсказывало мне, что именно это он и собирается сейчас произнести.

Фил улыбнулся и, усевшись точно так же, как и я, начал:

— Давай поговорим о детях. А конкретно — о Джесси. Милашка, правда?

— Ну... Да, — не сразу ответила я, так как не понимала, к чему он клонит. — И что ты хочешь этим сказать?

— Слушай дальше. Он очень милый маленький мальчик, который пока говорит немногим лучше, чем я пою, а значит, ему сложно сделать так, чтобы его поняли, да? — я улыбнулась и кивнула, хотя всё ещё слабо понимала, что мне пытаются сказать. — Для

передачи нужной информации ему приходится прибегать к языку тела. Хочешь узнать, что он делает, когда хочет показать, как ему человек нравится?

Я улыбнулась ещё шире и кивнула, хотя знала этот жест. Братик Дженни делал так только со своей мамой и сестричкой, что буквально значило: «Вас я люблю больше всех остальных». Во всяком случае, все привыкли думать именно так. Получив моё согласие, Гардинер кивнул в ответ, после чего потянулся рукой к моему лицу, но обогнул его, и в следующий момент я почувствовала, как тёплая ладонь прикоснулась к моему затылку. Несильно надавив, парень приблизил моё лицо к своему, а в следующую секунду прикоснулся своим лбом к моему. Я машинально закрыла глаза, чувствуя, как с каждой секундой улыбка становится всё шире, хотя больше, казалось, невозможно.

Я чувствовала дыхание парня на своих губах, чувствовала тепло его рук, так как одной он сжал обе мои ладони, а в следующий миг сказал:

— «Я люблю тебя и доверяю тебе больше всех». Вот, что значит этот жест. Я подумал, что должен сказать тебе это.

После этого он медленно провёл рукой по моим волосам и несильно оттолкнул от себя, чтобы взглянуть в мои глаза. Продолжая улыбаться, я посмотрела на него и, недолго думая, сказала:

— Тогда мне стоит ответить на это, — после чего взяла его руку, до сих пор державшую мои, и приставила к грудной клетке. Парень неуверенно посмотрел на меня, но не одёрнул её, ожидая того, что я скажу, но какое-то время я просто молчала, лишь через некоторое время сказала: — Чувствуешь, как быстро бьётся? «Я люблю тебя, потому что только из-за тебя со мной происходит подобное». Вот, что это значит.

Фил прыснул и как-то странно на меня посмотрел.

— Какие мы сентиментальные, — сказал он.

— И не говори, — в тон ответила я, отпуская его руку. — Зато пусть ещё хоть одна зараза заявит, будто мы на пару не похожи! Лично укушу!

Гардинер что-то ответил, после чего завязалась беседа. Нам нужно было как-то убить время, пока вещи стирались, а впоследствии и сушились, так что мы много разговаривали и занимались всякой ерундой. Сначала задавали друг другу провокационные вопросы, но вскоре поняли, что ничего хорошего из этого не выйдет, потом старались послушать музыку друг друга, но где-то на пятой песне сдались и скоро обнаружили, что заняться нечем. Из дому, чтобы поиграть в таящие снежки, выйти было невозможно, телевизор не работал, а дом был таким маленьким, что даже подушками не подерёшься — вдруг зацепишь что.

— Заплести тебе косичку? — вдруг предложил Фил после того, как в очередной раз сходил проверить, высохли наши вещи или нет. — Когда мама лежала в больнице, я каждый день ей причёски делал, так что опыт у меня богатый.

— Если умеешь, то заплетай. Только у меня нет резинки с собой, — странно, но я даже не удивилась, когда он сказал подобное, словно это было в порядке вещей.

— Ничего страшного. Я же её почти сразу расплету.

Не говоря больше ни слова, Гардинер принялся плести, а я, усевшись поудобнее, получала удовольствие от происходящего. Не знаю, почему многие мои знакомые девушки не любят, когда прикасаются к их волосам, я же всегда находила это прелестным. Чьи-то руки перебирают их, случайно едва-едва касаются кожи головы, щекочут шею кончиками, заставляя тело покрываться мурашками... Мне всегда нравилось испытывать подобное, так что я не выдержала и закрыла глаза, пока шатен колдовал над моей причёской. Стоило

парню закончить, как он взял мои волосы покрепче и показал мне результат. С неохотой открыв глаза, я посмотрела на косичку, заплетённую парнем, после чего что-то сказала, похвалив его.

Фил отпустил мои волосы, и я уже подумала повернуться к нему лицом, как вдруг почувствовала, что его руки коснулись моих плеч. Оставаясь на месте, я, почему-то затаив дыхание, смиренно ожидала от него дальнейших действий, но какое-то время казалось, будто парень вообще не двигается. Лишь через какое-то время я ощутила, что он неспешно наклоняется ко мне, и вздрогнула, стоило почувствовать его дыхание на своей коже. Но ещё большая дрожь электрическим зарядом прошла по моему телу, когда губы парня нежно прикоснулись к моей шее, целуя её. Было немного щекотно, поэтому я слабо дёрнулась, но старалась сохранять спокойствие. Парень не отстранялся, казалось, целую вечность. Не ограничившись одним поцелуем, он напоследок поцеловал ещё и моё плечо, а потом отстранился. После этого Гардинер обвил свои руки вокруг меня и, притянув поближе к себе, обнял, поцеловав ещё и в макушку.

— И зачем ты это сделал? — спросила я после короткой паузы, всё ещё чувствуя, как дрожат руки и странно покалывает в тех местах, куда он меня поцеловал, хотя последнее ощущение казалось надуманным. Дышала я глубоко, словно пыталась успокоиться, но никак не получалось.

— Захотелось, — коротко ответил Фил. — Такой ответ устроит?

Нет, такой ответ меня не устраивал, но я не решилась говорить что-либо по этому поводу. В тот момент, удобно примостившись в объятиях парня, я молилась лишь об одном: только бы происходящее не оказалось сном, а если это всё же явь, пусть это не будет предвестием чего-то плохого. Один раз. Хотя бы один раз...

Не знаю, что было сильнее: моя вера в то, что всё будет хорошо, или желание верить, однако мне начало казаться, будто мечты могут сбываться. В тот день мы засиделись и сами не заметили, как заснули. Проснувшись ближе к ночи, поняли, что нас разыскивают все, кто только может, поэтому всё воскресенье старались объяснить родным, что ничем криминальным не занимались, попутно поддерживая друг друга по телефону в этой неравной борьбе с родственниками. Что-то в наших отношениях едва уловимо изменилось после того дня и подобные перемены не ускользнули от зоркого глаза Лили, которая начала требовать подробностей нашего свидания, заявив, что вокруг нас «аура стала другой».

Я же не могла объяснить этого. Знала лишь, что дело было не только в поцелуе и словах, произнесённых нами в тот день. Шаг за шагом мы становились ближе, всё ещё учась доверять друг другу и искренне стараясь преуспеть в этом. Я подумала, что Фил раскрыл практически все карты, но в тот же школьный день поняла свою ошибку. Если бы знала всё, обратила бы внимание на те слова, а точнее, на выражение лица Гардинера в тот момент, когда они были произнесены.

Дело было на уроке английского. Сюю затеяла очередную авантюру, собрав в одном кабинете всю параллель, так что уже четвёртый раз я оказывалась с Филом на общем уроке. Задание было простым и сложным одновременно: подобрать слова, чтобы описать абсолютно незнакомого тебе человека. Учительница даже специально рассаживала нас по кругу так, чтобы рядом не оказывалось двух одноклассников, не говоря уже о друзьях. В тот день мои мысли витали где-то далеко, так как я продолжала думать о проблемах, которые казались такими далёкими ещё в субботу, так что не особо слушала то, что говорили обо мне, да и сама брякнула что-то невпопад. По этой же причине не стала заострять внимание

на словах какой-то девушки о Гардинере.

— Холодный, — первое, что сказала она. — Порой мне кажется, что он либо не хочет показывать эмоции, либо у него их нет. Даже когда многие с ним общались, он держался отстранённо, теперь же и подавно. Лицо красивое, но неподвижное... Фарфоровая кукла. Наверное, так я могу о нём сказать.

Да, я не стала обращать на это внимания, поскольку слышала подобное уже не первый и не второй раз. Все они говорили практически одинаковые слова, когда описывали Фила, и все жестоко ошибались. Почему я не пыталась мешать? Потому что ещё в первый раз парень ясно дал понять, что не нуждается в этом. Было обидно, но я молчала, стараясь думать о своём.

Не заметила, как попросилась с ним, полностью поглощённая своими мыслями. Не заметила, что по окончании следующего урока так и не смогла встретиться с ним в коридоре. Не заметила, как прозвенел звонок на урок. Поэтому слова, прозвучавшие после этого, стали самой большой неожиданностью за прошедший день.

— Эй, слушайте сюда! — прокричал мой одноклассник, со скоростью света влетев в кабинет, в который пока не успел вернуться вышедший немногим ранее учитель. — В школьном дворе драка! А знаете, кто участники? Торнтон и Гардинер!

===== Глава четвёртая =====

Комментарий к Глава четвёртая

В первую секунду я не поверила собственным ушам. Только что действительно была названа фамилия Фила? Может, слышалось? Может, кто-то всё перепутал? Напрасные ожидания, правда?..

Не отдавая отчёта собственным действиям, я сорвалась с места, побежав к выходу из класса и по пути чуть ли не сбив одноклассника, озвучившего сию весть, с ног. Только обогнув его, я едва не столкнулась с учителем, медленно направлявшимся в класс к ученикам, которым, собственно, всегда наплевать, придёт ли он вообще. Заметив, что кое-кто сбегает с урока, тот попытался меня остановить, но моё появление было чересчур внезапным, так что я смогла обежать его в мгновение ока, а после, приблизившись к лестнице, буквально перелетала через ступеньки, быстро оказываясь на этаж ниже и ниже, и ниже.

Тогда я не задавалась вопросом, как парней вообще занесло на улицу при такой-то погоде, меня также особо не волновала причина драки, так как одно то, что это происходило на самом деле, было для меня шоком. Вырвавшись во двор, я остановилась на секунду на крыльце, чтобы осмотреть окрестности, но, к своему удивлению, никого не заметила. Вообще. Секунда понадобилась мне на то, чтобы сообразить, где они находятся. Конечно, устраивать потасовку возле главного входа учебного заведения явно не лучшей вариант, так что они должны были быть на заднем дворе — там, где спортплощадка. Не теряя ни секунды, я направилась туда.

Мне посчастливилось оказаться там раньше, чем на место происшествия сбежалась половина учеников и преподавателей, так что не составило труда прорваться сквозь эту небольшую толпу, оказавшись в первом ряду. Ещё издали я обратила внимание на то, что эти двое просто стоят, и это вселяло надежду на благополучный исход, но, увидев картину полностью, я поняла, насколько ошибалась.

Двое парней действительно стояли. Один, пусть сам едва держался на ногах, всё же выглядел более уверенно и, часто дыша, смотрел на своего соперника сверху вниз. Другой

же, опираясь на двух друзей, зажимал рукой нос, из которого текла кровь, и, казалось, с трудом переводил дух, делая глубокие вдохи и выдохи. И всё же, несмотря на то, что выглядел более побитым, он, казалось, устал куда меньше другого, который стоял. Первым парнем был Гардинер. Вторым — Торнтон, поддерживаемый своими друзьями. Костяшки пальцев у обоих были содраны в кровь, одежда — мокрой, ведь на улице всё ещё лежал снег, на котором можно было разглядеть следы возни. И не только. Прямо под ногами обоих парней были небольшие капли крови. Они были действительно маленькими, словно кто-то через пипетку их оставил, но ощущение от такого вида всё равно было мерзким.

Я остановилась. Дыхание спёрло, а внутри всё болезненно сжалось от этой картины, поэтому я не смогла произнести ни слова при виде всего этого. Не знаю, почему, но стало страшно. Однако причиной этому был не внешний вид этих двоих, даже не вид крови, который до сих пор пугал меня. Я забоялась, стоило увидеть Фила. Тяжело дыша, он смотрел на другого парня так, словно действительно мог и собирался его убить. Взгляд был настолько пугающим, что на какое-то время моё сознание словно отключилось, поэтому я толком даже не разбирала их слов и не сразу среагировала, когда, буквально прорывав какое-то ругательство, Торнтон отпихнул в сторону своих друзей и кинулся на Гардинера. Я вскрикнула, машинально зажав рот руками, когда они оказались близко друг к другу, но Филу повезло увернуться.

Схватившись за руки оппонента, тем самым останавливая его, парень остановился, не предпринимая никаких дальнейших действий, после чего мельком взглянул на меня. Стоило встретиться с ним взглядом, как по спине пробежал холодок, отчего я вздрогнула. В этот раз Фил был не растерянным, как в тот день, когда мы встретили Коди. Он был злым, просто до ужаса злым. Не думала, что когда-нибудь испытаю это чувство по отношению к нему, но в тот момент я действительно испугалась его. К счастью, довольно быстро ко мне пришло осознание того, что это может и подождать, ведь сейчас главное было закончить это и как можно скорее.

Буквально отпихнув подростков, так и норовивших оттолкнуть меня куда подальше, чтобы снять это, я, мысленно проклиная их за такое безрассудство, не задумываясь о последствиях, ринулась вперёд. В тот момент мне оставалось лишь надеяться, что мои подруги или хотя бы Майк с Генри позовут учителей, которые, несомненно, сразу же прекратят это. Что же собиралась сделать я? На какой результат рассчитывала, бросившись к ним? Сама не знаю. Я просто хотела, чтобы всё это закончилось.

Гардинер и до этого не делал толком ничего, просто сдерживая натиск Торнтона. Может на него так повлияло то, что я пришла, а может он действительно не хотел дальше драться — этого мне уже не дано узнать. Однако тогда, когда я стремительно приблизилась и буквально влезла между ними, отпихнув одного очумевшего парня от не менее удивлённого другого, Фил, казалось, совсем растерялся. За ту долю секунды, что я смотрела на него, я успела заметить, как злой взгляд исчез, сменившись удивлённым, и даже смогла порадоваться, однако счастье моё длилось недолго.

Сложно сказать, было это сделано специально или же произошло досадное недоразумение, однако буквально в следующую секунду меня будто оглушило. Я почувствовала, как что-то тяжёлое весьма крепко приложилось к моей правой скуле и даже немного задело ухо, после чего сделала шаг назад, хватаясь за ушибленное место. В голове зазвенело, а особенно сильно как раз в том месте, куда пришёлся удар, а во рту я почувствовала солоноватый привкус крови. Поначалу была полная дезориентация, но позже

я почувствовала острую боль в прокушенной мной же щеке и ухе, которое по странному стечению обстоятельств болело сильнее скулы. Я не вскрикнула и даже не охнула, просто посмотрела на Торнтон, ударившего меня, словно собиралась испепелить его взглядом. Да уж, если бы это помогало, я бы сожгла Гардинера ещё год назад...

Вспомнив о Филе, я перевела свой взгляд на него, но в следующую секунду прямо перед глазами что-то пронеслось, отчего я зажмурилась, а после послышался звук удара, сопровождаемый вскриком. Мгновением позже я услышала глухой стук и, открыв глаза, заметила, что другой парень упал на землю и теперь держался за челюсть.

— Тебе мало было?! — чуть ли не прорычал Гардинер, становясь возле него и глядя на того сверху вниз. — Мне добавить?!

По какой-то причине Торнтон молчал, что, казалось, взбесило шатена ещё больше. Присев на корточки, он силой убрал руку парня от лица и даже, казалось, немного вывернул её, отчего тот с шумом втянул в себя воздух и нахмурился, с вызовом посмотрев на противника.

— Сама виновата, лезть не надо было! — только и крикнул он, после чего выдернул свою руку и отпихнул Фила.

Не думаю, что парень стал бы мешкать, но ему пришлось на время остановиться, чтобы вытереть кровь, каплями стекавшую уже по губам. Кровотечение из носа изначально было не таким сильным, как обычно показывают в тех же фильмах, однако оно ещё не остановилось, что позволило выиграть время. Уж не знаю, каких дел могли бы наворотить эти двое, если бы буквально в следующий момент на площадке не раздался громopodobный голос директора.

— Живо прекратили! — кричала женщина, незаметно появившаяся на улице, словно призрак. — Разошлись по углам! Оба!

Однако никто из них даже ухом не повёл. Оставаясь всё в том же положении и глядя друг другу в глаза, парни, казалось, вели какую-то мысленную борьбу друг с другом, победителя в которой никак нельзя было определить. Директриса, будучи дамой в теле, шла не слишком быстро, поэтому, не успев добраться до двух провинившихся, строго повторила своё требование, на сей раз не прошедшее мимо виновников.

— Закончим позже, — сказал Торнтон, поднимаясь на ноги.

— Нет желания тратить на тебя своё время, — в тон ответил Гардинер, после чего повернулся ко мне.

Кажется, первый раз в жизни я заметила разительную перемену в выражении его лица. Если секунду назад парень смотрел озлобленно, то, стоило ему увидеть меня, как это чувство, казалось, испарилось. Я снова увидела перед собой прежнего Фила, несколько обеспокоенно смотревшего на меня. Казалось, он хотел о чём-то спросить, но не успел, так как в этот момент женщина уже подошла ближе и начала разбор полётов. Она говорила громко и много, поэтому я предпочла её не слушать, особенно в тот момент, когда она заметила меня и принялась винить парней ещё и за то, что покалечили ни в чём неповинную девочку. Я в её представлении была настолько несчастной, что самой себя пожалеть захотелось.

— Я немедленно вызову ваших родителей в школу! — кричала директор, хотя её лицо оставалось каменным. Обычно она была очень невозмутимой, но больше всего не любила драки, вот и раскричалась. А я уж было начала бояться, что не увижу её кричащей до самого выпуска, но нет же... — А сейчас все шагом марш в медпункт! И чтобы сидели в разных

углах, не высовываясь! Поняли?

Она посмотрела на Гардинера и Торнтона, добиваясь их согласия. Женщина решила самолично конвоировать нас в названное ранее место, а потому ни Майку с Генри, только что подбежавшим на место происшествия, ни друзьям другого парня не разрешили сопровождать нас. Лили и Дженни тоже пришлось остаться в стороне, хотя я, проходя мимо, одними губами прошептала «Спасибо», благодаря их за то, что додумались позвать директора, чтобы остановить всё это. Не сказала бы, что всегда была такой паинькой или же стукачкой, как многим наверняка захотелось меня назвать, просто понимала, что по-другому их не остановить, а превращать драку двух людей в массовое побоище не хотелось. И так до сих пор было слишком много людей, желавших всыпать Филу по первое число...

— А где были Майк и Генри? — шёпотом спросила я у парня, удостоверившись, что директор занята выяснением отношений с кем-то по телефону.

— Искренне верили, что я жду их совсем в другом месте, — быстро шепнул тот, после чего внимательно посмотрел на меня и, потянувшись рукой к моему лицу, прикасаясь холодными пальцами к ушибленной скуле, спросил: — Ты в порядке?

Поначалу я хотела чётко ответить на заданный мне вопрос, но тут в глаза бросились его окровавленные руки, поэтому я, поморщившись, убрала ладонь Гардинера от своего лица и сказала:

— Кто бы говорил. На себя посмотри. Точно сильно не ушибся?

Я старалась не смотреть на него, однако вовсе не потому, что он до сих пор меня пугал (это чувство испарилось, стоило ему обеспокоенно посмотреть на меня), а из-за того, что не хотелось смотреть на разбитую губу и покрасневшее веко, на котором наверняка вскоре будет синяк... Прямо не верилось, что приходится снова смотреть на побитого Фила.

— Жить буду, — коротко ответили мне и после этого мы не разговаривали.

Мне было нечего сказать ему даже тогда, когда все раны у всех пострадавших были обработаны, а сама я уселась на кушетку рядом с шатеном. Всё, чего мне хотелось, — это спросить его о причине этой потасовки, но почему-то казалось, что он не скажет, поэтому я и молчала. Первым неожиданно заговорил сам Гардинер.

— Надеюсь, до моей мамы слух об этом не дойдёт, — сказал он.

Признаться, я удивилась подобному заявлению. Директор же ясно сказала, что вызовет в школу родителей, так почему же Фил надеялся на неведение Сэм? Этот вопрос я всё же решила ему задать.

— Увидишь, — внезапно ухмыльнувшись, ответил он, чем удивил меня ещё сильнее.

Может я и хотела что-то спросить, однако следующее действие парня не оставило шанса моему любопытству. До этого он сидел и всё время смотрел перед собой, потом же внезапно повернулся ко мне, заглядывая в глаза, и, вновь прикоснувшись рукой к месту ушиба на моём лице, спросил:

— Сильно болит?

Если честно, болело действительно сильно. Медсестра даже предупредила, что, скорее всего, у меня на скуле останется приличный синяк, что подтверждалось опухолью, которая становилась всё больше со временем. Однако прикосновение холодных пальцев, казалось, немного сняло эту боль, поэтому я практически честно ответила:

— Теперь гораздо меньше.

Несмотря на то, что я улыбнулась, желая разрядить обстановку, Гардинер оставался серьёзным.

— Извини, — вдруг сказал он, застав меня врасплох.

«Извини»? А где же «Зачем ты туда полезла?!» или «Я же тебе миллион раз говорил, чтобы ты была осторожнее! Делать тебе нечего»? Почему он просто взял и попросил у меня прощения, если даже не он меня ударил? За что?..

— Это же не твоя вина, — пробормотала я, радуясь, что Торнтон вывели из медпункта несколькими минутами ранее, так как его родители уже приехали.

Фил как-то странно усмехнулся, после чего отнял руку от моего лица и, приняв прежнее положение, по-прежнему глядя на меня сказал:

— Но я же мог не поддаваться на провокации этих придурков.

— Множественное число?

— Джон и Эйтан, — назвал он имя Торнтон и того, о ком я в последние месяцы даже не вспоминала, несмотря на то, что мы учимся в одном классе.

— Эйтан?! — не веря собственным ушам, воскликнула я. — А он здесь каким боком? Я его даже не видела там!

— Червяки суются в драки двух птиц? — задал Фил риторический вопрос. — Так и он. Эти двое давно начали дружить против меня, но как минимум у одного нет смелости, а у другого — мозгов. Вот и имеем то, что имеем.

— И что же такого они тебе сказали, раз ты поддался на провокации? — задала я вопрос прежде, чем успела одёрнуть себя. Чёрт! Решила же, что пока лучше не спрашивать ни о чём! Теперь он точно разозлится...

— Ничего нового я о себе не узнал, — на удивление спокойно ответил парень, не углубляясь в детали.

Я с подозрением посмотрела на него. Так и подмывало спросить, кто это передо мной и что он сделал с моим Филом, но я не решалась. Дабы не накручивать себя и не сделать ничего, что может привести к нашей ссоре, я решила думать, будто у него просто слишком плохое настроение. Так было легче. Однако пора было бы понять, что «легче» почти никогда не значит «лучше».

Мы не успели сказать друг другу больше ни единого слова, как вдруг дверь в медпункт с шумом раскрылась, а в следующую секунду в помещении показалась моя мама, которая метала гром и молнии. Мы с Гардинером невольно открыли рты от удивления, а женщина, тем временем, обнаружила нас и, смерив недовольным взглядом, приблизилась к кушетке, на которой мы сидели, в несколько шагов со словами:

— Я, конечно, всё понимаю, но соизвольте объяснить, что здесь происходит!

Я смотрела на Люси круглыми от удивления глазами, лихорадочно соображая, что же она могла тут забыть. Первую догадку, пришедшую в голову, я поспешила озвучить.

— Тебя тоже вызвала директор?..

— Нет, меня как раз никто вызывать и не собирался, — бросив быстрый взгляд на меня, ответила та, после посмотрев на парня. — А вот маму Фила видеть в школе все очень хотели бы. И, знаешь, я, конечно, давно считаю тебя почти родным сыном, но всё же хотелось бы знать, с каких пор ею стала я.

Я перевела удивлённый взгляд на Гардинера, который, казалось, сам не до конца понимал, что происходит.

— А позвонили разве вам? — только и спросил он.

— Нет, Роберту. Но он спит, поэтому ответила я, как вдруг... — тут женщина вдруг запнулась, словно внезапно поняла что-то важное, и, немного повысив голос, сказала: — Так

это специально! Получается, ты дал номер Роберта, как номер своего родителя, и надеялся, что придёт он?

Я тряхнула головой, словно собираясь привести мысли в порядок, переваривая полученную информацию. После этого ещё раз посмотрела на маму, которая, казалось, готова была вспылать от праведного гнева, потому что её взгляд явно не предвещал ничего хорошего ни для Фила, ни для Роберта. Пожалуй, она даже хотела бы закричать, однако, стоило открыть рот, Люси остановилась, так и не начав. Вместо этого она почему-то несколько раз вдохнула и выдохнула, успокаиваясь, а после более-менее ровным голосом произнесла:

— Наверное, злиться и требовать ответа у тебя будет несколько несправедливо. Подозреваю, что это была затея Роберта, а даже если и нет, то без его согласия ничего подобного не случилось бы. Поэтому и спрошу я с него. А вы пока собирайтесь, я же пойду вызволять вас из лап директора.

Она развернулась, направившись было к выходу, но я, не успев даже удивиться тому, как быстро ей удалось взять себя в руки, решила всё же задать один интересующий меня вопрос.

— Подожди, — подала голос я. — Если мы со всем разобрались и больше никто не злится, не могла бы ты объяснить, что здесь происходит?

Мама посмотрела на Фила, после чего перевела свой взгляд на меня и сказала:

— Твой отец сегодня остался дома и отсыпался, потому что работал всю ночь. Я обычно не отвечаю на его звонки, но сегодня мобильный телефон будто с цепи сорвался — всё трезвонил и трезвонил. В общем, я решила ответить и попросить, чтобы они подождали, как вдруг ваша директриса начала описывать мне ужасную картину кровавого побоища и требовать, чтобы я, мама Гардинера, срочно явилась в школу. Если честно, я даже не знаю, что в тот момент удивило меня больше: первый её звонок нам за всё время, что ты учишься в этой школе, или же то, что я мама Фила. Это ещё хорошо, что никто из учителей почти ни разу меня не видел, в отличие от твоего отца. Может быть, даже поверят... — она, казалось, на секунду задумалась, а потом добавила: — Ладно, я всё же пойду, а с остальным вы вдвоём разберитесь, хорошо? Когда выйдете, садитесь в такси. Оно там единственное стоит, а я попросила нас подождать.

Так и не дождавшись ответа от кого-либо из нас, Люси вышла из медпункта, оставляя нас с Филом наедине. Не успела она сделать и пары шагов в сторону от двери, как я требовательно посмотрела на парня, ожидая от него объяснений. Хоть в моей голове уже начала складываться определённая картинка, всё равно хотелось убедиться, права ли я в своих предположениях.

— Я дал вместо номера своей мамы номер Роберта, причём уже достаточно давно, — словно поняв, чего я именно от него хочу, начал Гардинер. — Мы с ним поговорили и решили, что это лучший вариант на тот случай, если я опять найду приключения на оное место, о которых маме лучше не знать.

— И? — попросила я продолжения, так как парень вдруг замолчал.

— И всё, — он пожал плечами. — Как ты могла понять, трубку взяла твоя мама, поэтому теперь она здесь. И, знаешь, это действительно лучший вариант, потому что она редко появляется в школе, а директриса даже не помнит всех учащихся, чего уж об их родителях говорить. В общем, хорошо всё закончилось. А теперь давай собираться.

Он встал и, поправив бинты на правой руке, которая была особо сильно повреждена, принялся с горем пополам надевать куртку. Я, хоть и возмущалась тому, как резко он

прервал разговор, всё же помогла ему, получив вместо благодарности грубые слова о том, что он не инвалид. Да, конечно, не инвалид, особенно учитывая то, как он поморщился, стоило ему схватить эту злосчастную куртку.

Однако мы были бы не мы, если бы всё прошло без казусов. Непонятно откуда в медпункте оказалась медсестра (странно, правда?), сидевшая на своём рабочем месте, что могло означать лишь одно: она всё слышала. Мы с Филом опасливо переглянулись, после чего я решила спросить, что эта женщина собирается делать с полученной информацией, на что та ответила лишь:

— Семейные дела учащихся меня не касаются.

Это несколько успокоило, однако всё равно не до конца, поэтому мы с Гардинером поспешили как можно скорее ретироваться. К счастью, занятия были в самом разгаре, поэтому удалось избежать любопытных взглядов со стороны учащихся, а также расспросов друзей, которых тоже заставили разойтись по кабинетам. Что-то подсказывало мне: оно и к лучшему. Не стоило сейчас пытаться всё выяснить у парня, это понимала даже я. Наверное, только поэтому и молчала, а не устраивала допрос с пристрастием. Нужно время. А уж потом я оторвусь.

Моя мама освободилась достаточно быстро, так что долго ждать её нам не пришлось. К сожалению, она вообще ничего не рассказала, ограничившись простым «Всё улажено». В обычное время я бы удивилась, почему же она молчит и не причитает, но в этот раз молчание, царившее в машине, казалось вполне объяснимым, хотя тяжёлым и неловким. До самого дома никто так и не сказал ни слова, только тогда, когда мы все вышли на улицу, Люси вдруг проговорила:

— Думаю, тебе лучше денёк-другой пожить у нас. Хоть мы и скрыли сегодняшней инцидент от Сэм, всё станет ясно, когда она тебя увидит. Мы же не хотим это допустить?

Фил, казалось, просто не знал, что сказать. Возразить он не мог, но и согласиться, видимо, почему-то тоже. Но эта женщина никогда не относилась к людям с хорошей выдержкой, ждать ответ долго было просто не в её стиле.

— Соглашайся, — практически приказным тоном сказала она. — Сам же понимаешь, что это лучший выход. К тому же, когда ещё я сама предложу тебе пожить здесь?

Шатен глубоко вздохнул, после чего всё же согласился. Этот ответ, казалось, целиком и полностью удовлетворил Люси, потому что она заметно успокоилась и даже сказала, что поможет придумать отговорку для его мамы, а если понадобится, то поговорит с ней сама. После того, как такие детали были улажены, мы зашли в дом. Однако если мы с Гардинером принялись снимать верхнюю одежду, то моя мама быстро удостоверилась, спит ли Роберт, и поспешила к выходу.

— Ты куда? — спросила я, выйдя в коридор, буквально поймав её возле выхода.

— Для начала заберу вещи Фила, — спокойно ответили мне. — Он же не сможет ходить в одном и том же несколько дней, а забирать их самому — не вариант, правда?

— Пожалуй, — согласилась я, с трудом спрятав улыбку. Люси никогда не отличалась желанием заботиться об окружающих, поэтому такое её поведение могло значить лишь то, что Фил ей нравится, даже очень. Не знаю, почему, но меня это радовало. — Значит, скоро ты вернёшься, да?

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом сразу его закрыла. На секунду мама потупила взгляд, однако позже, посмотрев мне прямо в глаза, сказала:

— У меня ещё встреча сегодня. С Ароном.

Даже лёгкий след от улыбки пропал с моего лица. Кажется, скоро я начну ненавидеть это имя. В этот раз я впервые захотела, чтобы Люси соврала, однако в следующую секунду подумала, что отсутствие лжи, наверное, хороший признак. Во всяком случае, она этого не скрывает...

— И что это за лицо? — мне показалось, будто в её голосе были слышны нотки обиды. — Ты всё ещё думаешь, что я изменяю Роберту, да?

Мои глаза расширились от удивления, стоило ей озвучить эти слова. Нет, я, конечно, всячески намекала женщине на эти свои подозрения, но когда она так прямо сказала об этом... Сложно передать всё то, что я почувствовала. Растерянность, неловкость, даже гнев... Ни одно из этих чувств не могло описать всего, что я испытала. На секунду даже показалось, словно я совершенно потерялась, запуталась во всех этих чувствах, поэтому проще было сказать, будто я не испытывала вообще ничего, даже если это было не так.

Люси вздохнула, после чего, несколько печально улыбнувшись, сказала:

— Значит, на самом деле так думала. Что же, пожалуй, я сама в этом виновата. Кэтрин, — не знаю, почему, но я вздрогнула, как только прозвучало моё имя, — ты кое в чём ошиблась. Да, я встречаюсь с Ароном, но эти встречи исключительно деловые. Если хочешь, можешь даже поискать в интернете информацию о том, что скоро в городе пройдёт выставка. Так как у меня соответствующее образование, он попросил меня помочь ему с организацией этой самой выставки, зная, что я всё равно не работаю. Как он нашёл меня? Моя подруга посоветовала. Захочешь знать, какая, я могу дать тебе её номер — позвони и узнай, правду ли я говорю. Почему он ответил на твой звонок? Я тогда отошла, а ты звонила достаточно часто для того, чтобы он подумал, будто что-то случилось. Нет, мы не состоим с ним в достаточно близких отношениях для того, чтобы постоянно отвечать на звонки друг друга. И, в конечном счёте, у него есть жена и дочь.

Пока я стояла и слушала это, пришлось потупить взгляд. Вроде в тоне мамы не было ничего такого, но в тот момент я почему-то ощущала себя нашкодившим ребёнком, которому убийственно-спокойным тоном разъясняют, в чём причина гнева родителя. Лучше бы она злилась, лучше бы кричала, а не смотрела на меня так, словно я её очень сильно обидела. Самое мерзкое — то, что я начала осознавать свою ошибку. Мои подозрения действительно могли оскорбить её. Но ведь она и сама хороша, могла же рассказать всё сразу, да?..

— Я просто хочу, чтобы ты кое-что поняла, — вдруг сказала Люси. — Какой бы заманчивой ни была перспектива, я не стала бы менять практически двадцать лет счастья с твоим папой на сиюминутное удовольствие. Веришь мне?

Не в силах ничего сказать, я кивнула, надеясь, что на этом мы закончим, но перед тем, как уйти, женщина вдруг спросила:

— Скажи, я что, действительно вела себя настолько странно, раз своими действиями заставила тебя предположить такое?

— Что? — не поняла я.

— Просто... — маме, казалось, было немного неловко продолжать, но, перешагнув через какой-то внутренний барьер, она всё же сказала: — Мои слова прозвучат сейчас не как речь взрослой и разумной женщины, а как возмущение обиженного ребёнка, но я действительно хочу знать. Попади в такую ситуацию Роберт, стала бы ты его подозревать? Знаю, что это очень некорректный вопрос, но всё же ответь.

Она посмотрела мне прямо в глаза, ожидая ответа, а я в ту же секунду почувствовала, как застрял какой-то комок в горле. Почему-то в тот момент я больше не могла смотреть ей

в глаза, поэтому попросту отвела взгляд, уставившись в пол, словно это могло что-то решить. И не решило же.

— Конечно, не стала бы, — ответила Люси за меня. — Потому что такого, как он, ещё надо поискать. Твой отец действительно прекрасный человек, поэтому подобная ситуация была бы расценена, как досадное недоразумение. Я никогда не считала себя лучше его, ведь прекрасно знала, что даже приблизиться не могу к его уровню. И всё же хочу узнать: я вела себя так, словно он мне стал безразличен? Или же сделала что-то, заставившее тебя так подумать и засомневаться? Если это так, я действительно хочу знать, дабы подобное не повторилось. Итак, Кэтрин, что же я сделала?

Что я могла сказать? Сейчас, если хорошенько подумать, то я попала в определённую ситуацию, сама всё поняла не так и сама же всё надумала. С самого начала ведь сомневалась, что за всем этим может скрываться что-то подобное, однако не смогла поступить по-умному, потому и спустила всех собак на маму. И кто после этого будет утверждать, что с возрастом люди становятся умнее?..

— Ты подумай об этом, ладно? — странно, но в голосе женщины не было злобы, скорее сожаление. Будто она действительно считала себя виноватой. — Я хочу поговорить с тобой и решить всё раз и навсегда.

Как-то вымученно вздохнув, она открыла дверь, после чего скрылась за ней. Стоило маме покинуть дом, как я тоже тяжело вздохнула, а после опустилась на корточки, накрыв голову руками. Какое-то время посидев спокойно, я начала лихорадочно тереть голову, ероша волосы, а потом, не выдержав, негромко вскрикнула от отчаянья, убирая руки подальше. В тот момент я чувствовала себя так паршиво, что хотелось запереться в каком-нибудь подвале и просидеть там всю оставшуюся жизнь, но моим планам помешал голос Гардинера.

— Если будешь так сидеть, ситуация всё равно не наладится, — сказал он, причём голос звучал настолько близко, что я даже не удивилась, когда, обернувшись, увидела его прямо за своей спиной.

— Ты всё слышал? — только и спросила я, даже не подумав возмутиться. Пожалуй, так даже лучше. Зато ему не надо ничего объяснять.

— Не собирался подслушивать, просто единственным вариантом не слышать это оказалась возможность выброситься в окно. Прости, конечно, но мне пока хватит повреждений.

Я легко улыбнулась, чувствуя, что настроение, пусть совсем немного, но улучшилось. Голову посетила такая странная мысль, что мне всякий раз становится лучше, стоит увидеть Фила. Очень странная мысль, ведь ощущение, будто на душе легче лишь от одного его вида...

— Ты сейчас думаешь, что тебе хорошо даже когда я просто рядом и ничего не говорю? — вдруг спросил парень.

Этот вопрос так удивил меня, что я лишь и смогла пробубнить:

— Ты читаешь мысли?

Шатен тихонько рассмеялся.

— Нет, просто я очень самоуверенный.

На это я даже отвечать не стала. А смысл отрицать очевидное? Вместо этого я поднялась с колен и предложила Гардинеру что-нибудь выпить, пока я на курсы не ускакала, чтобы отвлечь и себя, и его. Мы вошли в гостиную, где я предложила ему присесть и подождать, пока я справлюсь, и в этот раз он не стал спорить. Стоило спросить, что он

будет, как парень моментально ответил:

— Кофе. Очень крепкий. Иначе я усну во время разговора.

— Мало спал сегодня? — спросила я, уже заходя в кухню, поэтому еле услышала ответ.

— Если бы только сегодня...

Я в очередной раз подумала, что не стоит ничего спрашивать, ведь так будет лучше... Но теперь только подумала, решив поступить совсем иначе. Сама я кофе не пью, поэтому быстренько справилась, налив себе стакан сока, а пока пыталась вспомнить, сколько там ложек сахара нужно Гардинеру, нужны ли они вообще, а также какой кофе можно считать достаточно крепким, уже подготовила для него множество вопросов. Почему подрался? Какой мотив? Кто начал? Если не ты, зачем поддался?.. Так хотелось всё это спросить.

Но не судьба. Как только я вошла в гостиную с чашкой и стаканом в руках, увидела полулежащего на диване Фила, мерно посапывавшего. Он так уютно устроился в углу на подушке, подложив одну руку под голову, что самой спать захотелось. Однако я была бы не я, если бы хотя бы не попыталась проверить, дремлет он или уже крепко заснул.

— Спишь? — спросила, подойдя поближе.

Ответа не было. Тогда я повторила свой вопрос, но Фил не отзывался. Только я хотела было посетовать, что это просто невероятно — так быстро заснуть, как взглянула на часы, висевшие на стене, и увидела, что провозилась с кофе больше пятнадцати минут. Что я там так долго делала?.. Варила его два раза, так как вспомнила о том, что привереда Гардинер пьёт только нерастворимый, уже после того, как приготовила первую порцию. И ещё я очень долго искала нерастворимый кофе... Вот тебе и результат.

Вздыхнув, я взяла плед, лежавший на кресле, стоявшем по соседству с диваном, и накрыла им парня, после чего уселась рядом, взяв в руки стакан с соком. До начала курсов ещё больше часа, а в моём доме два спящих мужчины. Чем бы заняться?..

— До меня донёсся запах кофе, — о, уже один спящий мужчина. Точнее говоря, спящий парень.

Я обернулась на звук голоса Роберта, уже зная, чем занять себя. Буду объяснять ему, почему Фил тут очутился и останется в нашем доме на какое-то время. И да, надо бы не забыть упомянуть, что это мама предложила. То-то он удивится...

Всё прошло так, как я и думала. Практически всё время было потрачено на разговоры, а дорогой и любимый мною папочка, не без удовольствия выпивший кофе Фила, удивлялся чуть ли не через каждое произнесённое мною слово, поэтому было сложно сказать, какая же часть рассказа удивила его больше: драка, момент, когда Люси помогла нам, или же её предложение Гардинеру пожить здесь. В общем, разговор с сонным отцом был не совсем продуктивным, потому что он не сразу начал всё понимать, а когда начал, было немного поздно. Самое весёлое в этом было то, что мы не разбудили Фила. Видимо, он очень хотел спать... Он всё ещё находился в царстве Морфея, когда я уходила.

И всё же, подведём итоги. Итог первый: с трудом, но Роберт всё понял. Итог второй: я опоздала на курсы. Итог третий: я идиотка, которая плохо сходится с людьми и не всегда слушает даже друзей. Почему? А потому, что первая пара была отменена. И кто же оказался единственным неудачником, который об этом не знал? Я, я и ещё раз я.

Узнав об отмене занятия с помощью надписи, висевшей на стенке возле кабинета (видимо, специально для таких, как я, сделали), я всё же решила попытать счастья и зайти внутрь. Домой возвращаться не было смысла, так как пришлось бы почти сразу же идти обратно, а там я могла бы посидеть и подождать Алекса, которого собиралась лишить

законного отдыха и вызвать сюда. К моему величайшему удивлению, дверь оказалась открыта — более того, там горел свет. Войдя в помещение, я быстро осмотрелась вокруг, к ещё не меньшему удивлению заметив там Стивена, чьё занятие, собственно, и было отменено. Увидев меня, парень удивился и спросил:

— А что ты тут делаешь?

— Следует ли мне спросить то же самое? Вы отлыниваете от работы?

Растерянность мигом исчезла с его лица, так что теперь он улыбался.

— Нет, просто думал, что не смогу сегодня, а оказалось всё совсем иначе, но было немного поздно опять оповещать всех, что занятие состоится. А что тут делаешь ты?

— Я... просто не знала, что его быть не должно. Прослушала, наверное.

Лаборант коротко рассмеялся, после чего сказал:

— И такое бывает. А некоторые приходят даже тогда, когда знают, что ничего не будет, — он кивком головы указал куда-то позади меня, отчего я обернулась.

Стоило сделать это, как я заметила Рэнди, лицо которого мне так и не посчастливилось увидеть до сих пор. Да и как бы я сделала это, если даже сейчас парень лежал на парте, подоткнув под свою голову куртку? Поэтому я до сих пор не видела его, но на сей раз хотя бы посчастливилось услышать голос.

— Сам же попросил составить тебе компанию, — пробубнил рыжик, не поднимая головы.

Я даже не успела задуматься, насколько странно звучит эта фраза, ведь с чего бы преподавателю просить ученика прийти и составить ему компанию, как вдруг мистер Фейн раздражённо проговорил:

— Ты не мог бы поднять уже голову и нормально поздороваться с Кэтрин? А если вы не знакомы, то и подружиться не мешало бы. Иначе ты такими темпами вообще ни с кем не найдёшь общий язык.

В тот момент я почему-то подумала, что дело в разговоре, подслушанном Стивеном не так давно. Неужели он решил помочь мне в исполнении моей прихоти, потому и просит Рэнди познакомиться?..

— Она уж точно ничего не скажет тебе, — заверил лаборант своего студента, в очередной раз загнав меня в тупик непонятной фразой.

Какое-то время парень лежал неподвижно, после чего, тяжело вздохнув, медленно поднял голову и посмотрел на меня. Признаться, из-за разговоров о его внешности, которые вела Кэтрин, и слов Стивена я ожидала увидеть всё, что угодно: огромный шрам, выпученные глаза, перебитый нос, просто уродливого человека или ещё что-то в этом духе. Но ничего подобного не было. На меня посмотрел обычный парень, правда... Я бы сказала, что он был... немного не мужественным. Пожалуй, так будет сказать правильное всего. Большие глаза, пухлые губы, тонкие черты лица... Всё это гораздо больше подошло бы девушке, но я быстро отогнала от себя эту мысль.

— Привет, — сказала я. — Меня зовут Кэтрин, если ты...

— Я знаю, — коротко ответил Рэнди. — Стивен много говорит о тебе.

— Эй, — прикрикнул вышеупомянутый человек. — Не говори вещей, из-за которых тебя могут неправильно понять!

— Извини, — спокойно сказал Рэнди, словно это его не касалось, после чего пристально посмотрел на меня.

Не знаю, как у меня получилось его не заметить, ведь сидел рыжик прямо возле входной

двери, но это было уже не так важно. Сейчас он смотрел на меня так, словно ждал какой-то определённой реплики или выражения лица. Кажется, я догадываюсь, чего именно ожидал этот человек, но, дабы сменить тему, вдруг воскликнула:

— Ух ты, у тебя глаза синие! — после чего наклонилась ближе. — Совсем, как у меня.

Рэнди настолько удивился моему действию, что даже отпрянул, настороженно глядя на меня, но я не растерялась.

— И родинка под глазом! Здорово, однако. Знаешь, как я мечтала о чём-то таком? — я с завистью посмотрела на большую родинку под правым глазом парня, подумав, что это просто нечестно. Даже у Фила полно родинок по всему телу, на лице тоже есть, над губой, а у меня одна на шее и парочка на спине, да и о тех я знаю со слов мамы, а так я чиста. Это очень нечестно...

— Это твой фетиш? — неуверенно спросил рыжик, несколько напрягшись.

— Ну, можно и так сказать, — с улыбкой ответила ему, после чего отодвинулась, дабы не напрягать. — Саму Бог обделил, вот и...

Чёрт, в данный момент я была какая-то чересчур милая, отчего самой не по себе становилось, ведь обычно я веду себя совсем не так, но ужасная догадка просто не давала мне покоя. Я вдруг подумала, что никто не хочет с ним общаться не потому, что Рэнди сделал что-то плохое, а лишь из-за его внешности. Я уже слышала от Алекса, что наши парни его достают... и всё лишь из-за этого? Разве может быть что-то абсурднее? Внешность ведь не изменишь, как ты ни старайся. Разве что если у тебя есть деньги на пластического хирурга...

— Что же, — вдруг подал голос Стивен, — вы пока поболтайте, а я кое-куда схожу. Присмотрите за кабинетом?

— Да, — ответили мы с Рэнди, после чего парень, улыбнувшись, вышел из кабинета.

Какое-то странное чувство, что я упустила из виду важную деталь, являющуюся причиной, по которой он желает, чтобы мы с рыжиком сошлись, не покидало меня ещё очень долго, но я решила постараться забыть о нём. Вместо этого, оказавшись наедине с абсолютно незнакомым мне человеком, я под села к нему, решив просто поговорить. Темы находились как-то сами по себе: музыкальные предпочтения, любимые фильмы, увлечения... Рэнди, конечно, почти всё время молчал, слушая меня, но я не без удовольствия отметила, что через некоторое время нашего общения он расслабился. Пожалуй, я могла бы даже сказать, что он довольно приятный.

Спешу заметить: это высшая похвала от меня, ведь обычно я не люблю знакомства с новыми людьми, но этот парень был действительно таким... обычным, что ли? Типичный подросток, с которым у меня оказалось немало общих интересов и тем для разговора. Казалось бы, это не самая лучшая характеристика, но, если учитывать обстоятельства, при которых я решила с ним сойтись, то...

— Надо же, какие люди! — послышался со стороны двери знакомый мужской голос, услышав который, Рэнди переменялся в лице.

Только мне удалось вызвать у него какое-то подобие улыбки, как она тут же куда-то исчезла, сменившись полным безразличием и отчуждённостью. Парень словно отгородился от внешнего мира. Казалось, он не услышит ничего, даже если рядом с ним начать в рупор кричать.

А тем временем человек, заставивший моего нового знакомого заметно напрячься, подошёл ближе, посматривая то на меня, то на него. Кажется, я его уже видела... По-моему,

его зовут Джон и, если мне не изменяет память, Алекс отзывался о нём далеко не самым лучшим образом. Чувствую, сейчас мне представится возможность самолично в этом убедиться...

— Ох ты, — выдал парень, посмотрев на меня. — Что, малышка нашла себе подружку, да?

Я с недоумением посмотрела на него. Почему-то мне смутно представлялось, о чём конкретно говорит одноклассник, но подсознание шептало: «Тебе это не понравится».

— Ты куда-то шёл? Не смею задерживать, — безразлично произнёс Рэнди, отчего сразу же получил подзатыльник от Джона.

Это действие парня заставило меня охнуть от неожиданности, так что я даже не сразу нашла, что сказать.

— А с каких это пор ты у нас такой борзый? — воспользовавшись тем, что мы оба молчим, проговорил парень. — Давно не получал? Ещё захотелось?

— Эй! — вмешалась я, чувствуя, что ничем хорошим это не закончится. — Мы вам чем-то мешали? Нет? Так какого вы пристали?!

Блондин — а именно такого цвета были волосы у Джона — повернулся ко мне лицом и посмотрел так, словно призрака увидел. Будто я тут не сидела с самого начала.

— Надо же, — протянул он. — А у нашей малышки защитник объявился. Что, хотите вместе выгребать, да?

Только я открыла было рот, чтобы ответить на оскорбление, в кабинете появился Стивен. Нужно ли говорить, что ему не понадобилось и секунды для того, чтобы разогнать эту шайку, большинство членов которой молчало, по углам? Думаю, нет. Однако лаборант, сделав это, даже не спросил, что тут произошло и по какой причине. Он лишь бросил на нас с Рэнди быстрый взгляд, словно желая удостовериться, в порядке ли мы, после чего направился к преподавательскому столу, дабы освободить место для следующего занятия. Тем не менее, парень не стал выходить раньше, чем пришёл новый преподаватель, что давало нам с Рэнди возможность спокойно сидеть и наблюдать за тем, как помещение медленно наполняется учащимися.

Краем уха я слышала, как Джон и его соратники обсуждают нас, но старалась делать вид, будто не слышу их колких слов, чего не скажешь о рыжике. С каким-то сожалением посмотрев на меня, он сказал:

— Отсядь от меня. Ничего не будет, если просто перестанешь со мной общаться.

— А что, если продолжу, то может что-то произойти? — как можно более беспечно спросила я, принявшись вытаскивать всё самое необходимое для следующей пары.

— Да, — без обиняков ответили мне. — Но я не обижусь, если отсядешь. В конце концов, мы никто друг другу.

Я внимательно посмотрела на парня, отвлѣкшись от своего занятия, после чего, скрестив руки на груди, уверенно произнесла:

— Это правда. Так и будет, если мы не будем общаться, но всегда можно подружиться, правда ведь?

— Тебе что-то от меня нужно?

Рэнди смотрел на меня с лёгким недоумением во взгляде. Что же, на его месте я бы тоже, наверное, подумала, что собеседник общается со мной из каких-то корыстных побуждений, но в данный момент всё было иначе. Я вообще не любила несправедливость, а сегодняшний разговор с мамой заставил меня почувствовать, что я и сама порой поступаю

далеко не так, как следует. Это мерзкое чувство не покидало меня до сих пор и, я чувствовала, не покинет меня ещё долго. Я давно хотела пообщаться с этим парнем, но если тогда это было простым любопытством, то теперь к этому примешалось кое-что ещё. Принцип. Я же не люблю, когда кого-то делают изгоем по совершенно нелепым причинам. А ещё желание очистить совесть. Хотя как-то. Странно, но, когда я видела множество косых взглядов, направленных в нашу сторону, однако оставалась рядом с ним, словно не замечая этого, чувствовала себя лучше.

Возможно, я цинична. Возможно, всё, что мне хочется услышать от Рэнди, это: «Ты вовсе не плохая, спасибо за то, что была на моей стороне». Возможно, мои мотивы настолько поверхностны и низки, что не заслуживают ни малейшего внимания, а я сама использую этого человека лишь как возможность для собственного душевного успокоения. Пусть так. Но это то, что я решила сделать, поэтому так легко от своей цели я не отступлюсь.

— Да, нужно, — после недолгой паузы ответила я. — Нужно лишний раз доказать себе, что я не всегда ошибаюсь. Понимаешь, мне кажется, что ты не такой, каким тебя считают эти типы. Вот я и хочу узнать, права ли. Глупая причина, правда?

Я посмотрела в глаза Рэнди, ожидая увидеть там удивление, осуждение или ещё какую-либо эмоцию, но ничего не было. Совсем ничего.

— Понятно, — только и сказал он. — Поступай, как знаешь. Со мной всё равно больше никто общаться не хочет, так что я не против.

На этом и решили. Так как я твёрдо решила стоять на своём, то не пересела даже тогда, когда в кабинете появился Алекс. Я собиралась было попросить парня сесть с нами, но тут вдруг рядом возникла Кэтрин и, скривившись при виде нового и весьма неожиданного дуэта, образовавшегося в нашем коллективе, схватила парня под руки, увлакивая в сторону. Недорыжик виновато посмотрел на меня, после чего позволил себе отправиться за ней. Буквально через минуту мне пришло сообщение, гласившее: «Прости, в следующий раз я так не поступлю, но сегодня эта пиявка с меня не слезет!»

Я улыбнулась, когда посмотрела на парня, в тот момент с величайшим сожалением смотревшего на меня, сидя рядом с девушкой, после чего написала: «Всё хорошо, мне и здесь неплохо».

Однако это было слишком громко сказано. Когда началась пара, мы с Рэнди не сказали друг другу ни слова и даже тогда, когда я напросилась идти с ним вместе к выходу после окончания занятий, мы молчали. Я пыталась хоть как-то завести разговор, вспоминая смешную речь нашего преподавателя, но практически безрезультатно. В момент моего полнейшего отчаянья в жизни вновь появился лучик солнца, коим на сей раз оказался Фил, неожиданно возникший на горизонте, когда мы уже отделились от здания университета.

— Ты что здесь делаешь? — спросила я, стоило его увидеть, даже не пытаясь скрыть довольную улыбку.

— Решил встретиться тебя, раз уж являюсь иждивенцем, — улыбнувшись, сказал тот, после чего посмотрел на моего нового знакомого и спросил: — А это кто?

Признаться, в тот момент я немного занервничала. А как Гардинер отреагирует на Рэнди? Он, конечно, не такой, как Джон и его друзья, но мало ли... Недорыжик тоже всегда казался мне достаточно гуманным в таком отношении парнем, но стоит вспомнить его слова, произнесённые на прошлой неделе...

— Это Рэнди, — сказала я, молясь всем богам, чтобы Фил нормально отреагировал, после чего повернулась к рыжику и сказала: — Знакомься, это Фил. Он мой... парень.

В тот момент оба несколько удивились, причём Гардинер, казалось, был удивлён куда больше, чем другой парень, но он быстро нашёлся, что сказать. К моему величайшему счастью, шатен протянул новому знакомому руку и, пристально глядя в его лицо, спокойно произнёс:

— Приятно познакомиться.

На секунду Рэнди, казалось, растерялся, но охотно ответил на рукопожатие, сказав:

— Взаимно.

Мы перекинулись парой ничего не значащих фраз, рассказывая Гардинеру, как мы познакомились, опустив остальные детали. Вскоре мой одноклассник попрощался, оставив нас вдвоём, но я даже не успела порадоваться тому, как спокойно всё прошло.

— Почему ты раньше говорила, что я просто друг, а тут внезапно рассказала, что парень? — с лёгким упрёком в голосе спросил Фил. — Он к тебе клеился?

— И близко нет, — на удивление спокойно ответила я, решив, что уколую его. — Раз ты мне ничего не рассказываешь, стоит ли мне говорить тебе о причинах своего поведения?

— О чём ты?.. — парень так и не задал свой вопрос, потому что быстро понял, что я имею в виду. В одну секунду его лицо переменилось, и он сказал: — Кажется, это мы уже проходили. Мне нечего рассказать. Он задел меня, я ответил. Обычный спор.

— Если бы это был обычный спор, вы бы не подрались! — возмущённо сказала я. — Послушай, я же не прошу тебя выкладывать всё, что на душе лежит. Но тебе не кажется, что за всё время, что мы вместе, я заслужила хотя бы капельку доверия к себе?

— Не в недоверии тут речь! — раздражённо ответил Гардинер, но, глубоко вздохнув, уже более спокойно продолжил: — Давай не будем ссориться на ночь глядя, особенно учитывая то, что сегодня мы ночуем под одной крышей. Я клянусь, что говорю тебе правду. У нашей драки с Торнтоном нет никакой таинственной подоплёки, он просто меня взбесил. Снова запел песню о том, что я «собака с помойки». Если в последний раз, когда мне об этом говорили в лицо, мне помешал гипс, то на сей раз никакого сдерживающего фактора поблизости не оказалось, поэтому я и ответил. Теперь довольна?

Нет, я была недовольна, потому что знала правду. В принципе, я уверена — Фил не соврал, напротив, мне думается, что в его словах не было ни доли лжи. Просто он не рассказал и половины. Сомневаюсь, что человек, в течение года слушавший нападки со стороны знакомых и незнакомых людей в свой адрес за спиной, вдруг рассердился бы, подойди кто-то и озвучь это ему в лицо. Тут определённо было что-то ещё. Но, раз уж Гардинер не собирался сегодня откровенничать, я в который раз согласилась подождать. В конце концов, это уже прогресс — раньше я о таком объяснении и мечтать не могла.

— Твоя очередь, — внезапно сказал он. — Говори, почему на сей раз разоткровенничалась.

В голове промелькнула шальная мысль поступить так же, как он, но я быстро отказалась от этой затеи. В конечном счёте, я не Фил, и это моё главное достоинство. Поэтому, недолго думая, я сказала правду:

— Потому что Рэнди я не считаю плохим человеком.

— И как это понимать?

— Сама не знаю, — пожала плечами я. — Но он меня не раздражает. Возможно, с ним мне даже хотелось бы подружиться. С Кэтрин всё иначе, поэтому я тогда и соврала. Это моя личная жизнь, зачем же говорить о ней тому, кого ни во что не ставишь? Я не собираюсь говорить о тех, кого люблю, с кем ни попадя.

Гардинер ухмыльнулся. Я ожидала, что он зацепится за слово «люблю», но вместо этого он сказал:

— Жёстко ты о ней. Совсем бесит?

— Ох, ты не представляешь, как! Идём домой, я расскажу тебе, что она сегодня учудила!

И мы пошли ко мне домой. Не знаю, с чего вдруг Филу захотелось этого, но он обнял меня за плечи, внимательно слушая все мои сетования по поводу Кэтрин. Было что-то странное в таком его поведении, однако я долгое время не могла объяснить даже самой себе, что же именно. В конечном итоге, я решила забыть об этом и сдаться.

Когда мы вернулись, оба моих родителя уже были дома. Мама привезла вещи Гардинера, о чём не преминула сообщить ему, после чего пригласила нас к столу. Весь вечер мы даже не встречались взглядами, хотя Люси довольно спокойно спросила, как прошёл мой день, и с не меньшим, чем Роберт, вниманием выслушала меня. Отправляя нас с Филом спать, она ещё раз обработала все раны парня и даже намазала мою скулу каким-то кремом, помогающим поскорее избавиться от синяка, после чего, как обычно, поцеловала на ночь в лоб и попрощалась.

Мне очень хотелось с ней поговорить, но я не могла этого сделать, пока рядом был папа, который, как мне казалось, ничего не знает о происходящем. Более того, я была уверена, что мужчина даже не догадывается об этом, поэтому даже не придавала значения тому, что за весь ужин он толком ничего не сказал, что было совершенно несвойственно для этого человека. Вместо этого я, затащив Гардинера в свою комнату, начала выпрашивать у него совета по поводу того, как лучше поговорить с мамой, но он не смог предложить ничего стоящего. Совсем отчаявшись, я рухнула на кровать, желая умереть.

— Почему с проблемами так сложно справиться? — спросила я, не особо надеясь получить ответ.

Однако парень вдруг улёгся со мной рядом на кровать, после чего, неожиданно просунув свою руку под мою голову, словно заменяя её подушку, притянул к себе и сказал:

— Это не всегда так сложно, как кажется. Просто людям нравится усложнять себе жизнь.

Я, не без удовольствия подумав о том, что мы неплохо устроились, охотно придвинулась поближе, обнимая шатена одной рукой, после чего спросила:

— Разговаривал сегодня с Сэм?

— Да.

— И что она?

Последовала короткая пауза, после которой Фил сказал:

— Не поверила ни единому слову, но сильно не волновалась, потому что я остаюсь у вас. Вроде бы сильно не волновалась...

Я вздохнула. Мне нечего было сказать, потому что я не имела ни малейшего понятия, как выразить своё участие. Жалеть его? Тогда сразу же можно заказывать себе гроб, потому что больше всего ему не нравится, когда его жалеют. А больше мне сказать было нечего... Я не очень хорошо умею поддерживать людей, поэтому решила хотя бы обнять его крепче, чтобы выразить свои чувства хоть как-то.

Внезапно в коридоре послышались чьи-то шаги, а после я услышала голос своего отца.

— Кэтрин, ты ещё не спишь? Уже полночь скоро, завтра опять буду стаскивать тебя с кровати, чтобы разбудить!

— Закрой глаза и притворись, что спишь, — шепнул мне Гардинер, после чего я

почувствовала, как его тело внезапно расслабилось, а дышать он стал глубже и более равномерно.

Дверь открылась, а я еле успела закрыть глаза до того, как папа увидел, что они открыты. Мне было неясно, зачем Фил сделал это, но я решила прислушаться к нему, потому и поступила так, как он просил.

— Спят, что ли? — негромко спросил мужчина, после чего подошёл ближе и, потрепав шатена по плечу, попытался «разбудить» его, но ничего у него не вышло, поэтому он прошептал: — И что с вами делать будешь?..

Коротко рассмеявшись, он ненадолго отошёл, а после я почувствовала, как что-то прохладное и тяжёлое легло на меня, в следующую секунду сообразив, что это одеяло, которое тут же начало нагреваться от тепла наших тел. Я почувствовала, как Роберт подоткнул нам обоим одеяло, а после, поцеловав меня в лоб, направился к выходу из комнаты, выключая свет и закрывая за собой дверь. Когда его шаги стихли, я открыла глаза, после чего, пытаясь привыкнуть к темноте, посмотрела на Филадельфию, намереваясь рассмотреть его очертания с помощью света с улицы. Я забыла закрыть шторы, поэтому думала, что заснуть будет трудно, ведь я очень чутко отношусь к таким вещам, но в тот момент меня волновало не это.

— Зачем ты решил так сделать? — спросила я, начав различать черты лица парня.

Тот открыл глаза, а потом, посмотрев на меня, кажется, улыбнулся, хотя я была не уверена, и сказал:

— Просто не захотелось расставаться этой ночью. Такая причина устроит? Или ты против?

— Ещё чего! — чуть громче, чем требовалось, сказала я, но не стала заикливаться на этом, а лишь обняла его ещё крепче, прижимаясь всем телом. — Теперь точно не сбежишь.

Гардинер коротко рассмеялся и сказал:

— Даже не собирался.

Я улыбнулась, после чего предложила ему рассказать мне что-нибудь, чем загнала парня в тупик, а сама закрыла глаза и, слушая какую-то историю из его жизни, быстро заснула. Пожалуй, это была одна из самых спокойных ночей за последнее время. Экзамены и прочие проблемы очень волновали меня, истощая физически, но этой ночью мне было хорошо. Наверное, я была бы не против засыпать так каждый день...

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. Наступило утро, заставив нас собираться в школу. Ну, «нас» — это громко сказано. На какое-то время Филадельфию отстранили от занятий, поэтому он всего лишь проснулся от звонка моего будильника, а после изъявил желание проводить меня. Расставшись с ним у школьных ворот, я получила обещание, что сегодня вечером меня опять заберут с курсов, чему была невероятно рада. И даже то, что в школе то и дело натыкалась на Эйтана, страдавшего без временно исключённого Торнтона, не смогло испортить мне настроение, потому что рядом были Дженни и Лили, которые не давали приуныть ни на секунду, заставляя забыть о проблемах как с Филом, так и с мамой.

Наблюдая, как Лили, которой я проболталась о свидании Дженни (честно, это было случайно!), пытается вытащить из другой подробности, я на время успокоилась. Глядя на Майку, который то и дело посматривал на одну из моих подруг, пока та не видела, смогла занять свои мысли чужими проблемами, забыв о своих. И даже на курсах, казалось, я могла отвлечься от всего, потому что твёрдо решила разговаривать Рэнди, который действительно был не против моей компании. Гораздо легче было бы, если бы в тот день явился Алекс, но

буквально за несколько минут до начала занятий он прислал сообщение, в котором говорилось, что он заболел, поэтому сегодня не придёт.

Я расстроилась, но не сильно, так как сегодня Кэтрин, проигнорировавшая моё существование, сидела в гордом одиночестве. Так тебе и надо, сопля противная. Говорила я, что нужно быть гуманнее по отношению к другим людям? Нет? Значит, сама виновата, раз не знаешь элементарных вещей, а ещё умной себя считаешь.

Довольно долгое время я про себя негодовала из-за девушки, хотя и знала, что это плохо. Если она меня не волнует, то я не должна обращать на неё внимания, но успокоиться никак не получалось. Возможно, причиной тому было то, что сегодня я собиралась поговорить с мамой так, чтобы уж наверняка. Пора расставить всё по полочкам в наших отношениях, разъяснить все недопонимания, помириться и снова зажить спокойной семейной жизнью. Я была готова извиниться, поскольку признавала свою ошибку, но раньше я крайне редко это делала, поэтому сейчас очень сомневалась и волновалась. Именно из-за этого весь день занималась любой ерундой, лишь бы отвлечь себя.

Кто же знал, что найдутся добрые люди, которые смогут выбить из моей головы любые посторонние мысли на достаточно долгий срок? Уж я точно не знала, именно поэтому, получив от преподавателя в качестве задания отнести наш журнал секретарю, так как там надо что-то заполнить, а уже конец пар, поэтому вышеупомянутый преподаватель не успевает, спокойно направилась выполнять его. Быстро справившись со всем, предварительно послушав долгие охи-вздохи замученной девушки, мечтавшей попасть домой до девяти вечера, я спустилась на первый этаж, где проходило наше занятие, и зашла в кабинет. Все так спешили домой, что, когда я вошла, там остался только Рэнди, склонившийся над моей сумкой. Мне показалось, что он рылся в ней, поэтому поначалу захотелось закричать, но каким-то волшебным образом удалось взять себя в руки и спросить:

— И что это ты делаешь?

Спокойно не получилось — это всё равно было сказано обвинительным тоном, но что бы вы подумали, если бы, зайдя в аудиторию, заметили, что кто-то роется в ваших вещах? Явно бы не то, что он конспекты в алфавитном порядке складывает.

Услышав мой голос, Рэнди подскочил на месте, после чего повернулся и ошалелыми глазами посмотрел на меня. Парень выглядел настолько удивлённым, что мне даже страшно стало. А когда я заметила кровь на его губе, мой страх только усилился.

— Эй, — вырвалось у меня. — Что здесь произошло?

Он молчал. Закусив и без того окровавленную губу, рыжик спрятал за спину руки, которые, как я успела заметить, были очень грязными. Отведя взгляд, он сказал:

— Я пытался помешать, но, как видишь, ничего не вышло, — сделав короткую паузу, после этих слов он всё же посмотрел на меня и добавил: — Прости. Но я говорил, что не стоит даже начинать общаться со мной. Из-за меня они будут донимать и тебя.

— Да что за чушь ты несёшь?! — воскликнула я, а потом, в несколько шагов сократив расстояние между нами, подошла к своей сумке и заглянула внутрь.

Сказать, что меня удивило то, что было внутри, — ничего не сказать. Там, помимо вымокших тетрадей и плавающих в жиже ручек, было полным-полно грязи. Буквально вся моя сумка была заполнена землёй, причём настолько влажной, даже мокрой, будто её со дна реки поднимали. Сложно даже описать, что я чувствовала, глядя на всё это. Обиду? Злость? Унижение? Наверное, всё вместе. Но почему-то в такие моменты мне в голову приходят не такие нужные вопросы, как «Зачем? Почему? Кто? Как?», а тот, который я задала Рэнди.

— И где им удалось достать землю?

— Высыпали из цветочного горшка, а потом залили водой, — после секундной паузы ответил тот.

— Они и тебе такой «подарочек» сделали?

— Не только такой.

Я с трудом отвела взгляд от своей сумки, после чего посмотрела парню в лицо. Щека опухла, на губе кровь... Такое ощущение, словно его ударили лицом о парту. В тот момент, глядя на него, я вдруг вспомнила, как выглядел Фил после драки, от чего накатила злость, даже негодование. Мне было непонятно, зачем люди вообще это делают, непонятно, почему дерутся. Я не понимала, что такого мог сделать тем парням Рэнди, что они его так задирают. Родился с таким лицом? Какое преступление, давайте казним его!

С каждой секундой гнев становился всё сильнее. Я злилась из-за всего: из-за ситуации с мамой, непоняток с Филом, издевательств над новым знакомым, порчи моего имущества... Но было то, что бесило меня ещё больше. Я прекрасно понимала, что это только начало, и мысленно готовилась выплёскивать волны гнева на тех, кто перейдёт мне дорогу, даже если самой придётся получить. Вот только говорить я об этом, пожалуй, никому не буду. Тот же Фил хочет всё решать сам, почему же я не могу? Око за око. Ни слова ему не скажу, решу всё сама.

===== Глава пятая =====

Интересно, если я скажу, что со мной всё в порядке, кто-нибудь поверит? Если заверю, что всё происходящее ни в коей степени меня не трогает и мне вообще на всё наплевать, буду ли я выглядеть убедительно?

Именно об этом я думала, когда заперлась в женском туалете и принялась отмывать сумку и всё её содержимое. Какое-то время я оставалась в кабинете с Рэнди, проклиная тех недоумков, по вине которых мои личные вещи оказались в таком состоянии, но потом с позором сбежала, почувствовав, как слёзы подступили к глазам. Сама не знаю, почему так получилось, вот и решила побыть одна, пока не разберусь.

Вещи были в ужасном состоянии. Из всего, что находилось в сумке, спасти удалось только кошелёк, содержимое которого лишь чудом не вымокло и не испортилось. Всё остальное — тетради и методички — смело можно было выбрасывать. Также с уверенностью можно было избавиться ото всех записок Алекса, которые рука не поднималась выкинуть до этого дня. Благо, что телефон я всегда ношу в кармане.

Я сама не понимала, зачем пытаюсь отмыть сумку. Проще выбросить, купить другую и забыть об этом. К тому же, не так уж она мне и нравилась, чтобы ей дорожить, с ней не было связано ничего особенного. Но почему-то я стояла и всеми силами вымывала грязь, попутно ломая ногти и втайне надеясь, что подкладка когда-нибудь вновь приобретёт нежный кремовый оттенок. Не удивительно, что ничего не получалось...

— Кэтрин, — послышался голос из-за закрытой двери. — Ты там... как?

Я сразу же узнала Рэнди. Поначалу захотелось иронично спросить его, как он сам думает, в порядке ли я, но потом вспомнилось, что этот парень оказался точно в такой же ситуации. И он не плакал, как я, а пришёл, чтобы узнать, всё ли со мной хорошо. Пусть он и парень, а значит, по общим меркам, должен быть сильнее, сомневаюсь, что он совсем ничего не чувствует. Но терпит. Я тоже не первый раз стала жертвой нападков со стороны посторонних людей, но, видимо, так до конца и не научилась справляться с этим. Такая вот я слабая.

Внезапно перестав отмывать сумку, я выключила воду в кране, а потом подошла к двери, после чего открыла её, представ перед рыжиком. Поначалу я смотрела в пол, потому увидела только его обувь, но потом медленно подняла глаза, оглядывая его с ног до головы. Прежде, чем посмотреть парню в лицо, я заметила, что его руки мокрые, а рукава кофты закатаны по локоть. На плече же висел промокший насквозь рюкзак, который тот тоже старался отмыть. Из-за этого свитер, что был на нём, промок насквозь, но парень стоял передо мной с таким видом, будто так и надо.

Встретившись с ним взглядом, я внезапно почувствовала, словно смотрю на своё собственное отражение в зеркале, коим имела честь любоваться, пока он не пришёл. Тот же взгляд, те же эмоции. Но поведение разное. Мне хотелось закрыться ото всех и пережить всё это в одиночку, а вот ему, по всей видимости, меньше всего сейчас хотелось оставаться одному. Пусть мы общаемся всего ничего, я уже прекрасно поняла, что лишний раз он бы ко мне не подошёл, если бы не хотел.

— С этим ты всё равно ничего не сделаешь, — сказал Рэнди. — Ладно мой рюкзак — он тёмный, а твою сумку уже не спасти. Иди домой. Думаю, эти парни ничего тебе не сделают, к тому же, я опять видел твоего... как его... Фил, да?

— Пришёл? — сама не знаю, почему, но я удивилась. По какой причине я даже не ждала его, хотя раньше первым делом подумала бы о том, что хочу видеть именно Фила?

— Да. Мы встретились, когда я был в холле. Он...

— Что ты там делал? — спросила я, желая сменить тему.

Если сейчас отвлекусь, то смогу сделать вид, словно всё в порядке, когда увижусь с Гардинером. Я очень не хочу, дабы он знал о сегодняшнем происшествии.

Рыжик же, услышав мой вопрос, явно не понял, с какого перепугу я решила спросить об этом, поэтому несколько удивлённо выдал:

— С другом... встретился. Я попросил его прийти, чтобы помог вещи донести. Как-никак, у меня в сумке не только тетрадки и ручки были.

— Ясно, — сухо сказала я.

Как ни крути, настроение было ужасное, поэтому желания реагировать на слова Рэнди не было. В тот момент я чувствовала себя отвратительно ещё и потому, что этот человек смог найти в себе силы, дабы поддержать меня, а я стою тут вся такая оскорблённая и несчастная, будто случилось что-то сверхъестественное. Ничего ведь не случилось. Во всяком случае, именно так должны думать остальные.

Я постаралась улыбнуться, после чего схватила мокрую сумку и свои вещи, направившись к выходу. Парень всё это время был рядом. Он ничего не говорил, даже не предложил помочь мне, просто шёл вместе со мной. Я же даже не смогла спросить его, нужна ли помощь, но одним своим присутствием этот человек давал понять, что не ждёт от меня подобного вопроса, который я почему-то была сейчас не способна задать. И благодаря этому мне становилось чуточку легче, поэтому, когда мы вышли в холл, где обоих уже поджидали знакомые, я даже смогла улыбнуться Филу, который тут же внимательно посмотрел на багаж в моих руках.

— Мне больше нельзя садиться там, где есть горшки с цветами, — беспечно сказала я, всучив шатену тетрадки и методички. — У нас не было первой пары, ребята начали беситься, а пострадали в итоге мои вещи.

— Мои тоже, — вдруг сказал Рэнди. — Мы же рядом сидели.

Я с благодарностью посмотрела на него, прекрасно понимая, что он не обязан был

принимать участие в этом маленьком спектакле, но всё же была рада этой помощи. Встретившись со мной взглядом, рыжик почему-то вздохнул и отвернулся, а после, посмотрев на своего, как он выразился, друга — довольно высокого парнишку нашего возраста, — сказал:

— Нам пора. Пока, ребята.

Последнюю фразу Рэнди произнёс, даже не взглянув на нас с Филом. Он просто пошёл своей дорогой, так и не надев куртку, тем самым заставив своего знакомого нервно поглядывать то на себя, то на нас. В конце концов, не найдясь, что сказать, тот парень просто кивнул нам, после чего пошёл за рыжиком, оставляя нас с Гардинером в холле одних. Ну, не считая охранника, бродившего вокруг.

— Вот ещё! — фыркнув, сказала я. — Даже не представил нас друг другу! А мог бы и повежливее быть.

— И как же вас угораздило так в цветок вляпаться? — спросил Фил, проигнорировав сказанную мной фразу.

Чёрт. Вот всегда он задаёт вопросы, на которые я не хочу отвечать.

— Я же уже сказала, что нам помогли, — буркнула в ответ, надеясь, что это весьма похоже на моё привычное поведение. — Идём домой, а? Я немного устала.

Я посмотрела в глаза Филу, уже даже не предполагая, что он может сделать. В последние дни он вновь стал тем непредсказуемым Гардинером, с которым я начала общаться в прошлом году. Раньше нам не приходилось искать двойной смысл в наших словах, теперь же всё, что было нами произнесено, казалось, могло бы трактоваться совершенно иначе. Поэтому я не знала, чего ожидать.

Какое-то время Фил молчал. Потом он посмотрел на мокрые и грязные предметы у себя в руках и сказал:

— Предлагаю даже не пытаться спасти всё это, а попросту отправить в мусорное ведро, после чего отправиться в странствие.

Я удивлённо заморгала. К моему же удивлению, не из-за предложения выбросить все мои вещи.

— Странствие?.. А поподробнее?

Фил поднял на меня переполненные хитростью глаза, после чего лукаво улыбнулся.

— Будем повышать тебе настроение, — сказал он, после чего в несколько шагов преодолел расстояние между ним и небольшим мусорным ведром, стоявшим у выхода, и демонстративно бросил туда мои вещи.

Хоть я и сама собиралась сделать то же самое, поскольку намерений переписывать конспекты из тетрадей, где вряд ли можно будет разобрать хотя бы половину букв и слов, всё же охнула от неожиданности, стоило Филу сделать это. Он же лишь взглянул на меня и спросил:

— Неужели ты собиралась оставить всё это у себя?

— Нет. Но...

Я смотрела на вещи, выброшенные в мусорное ведро с такой лёгкостью, и не знала, что сказать. С одной стороны, это должно было меня злить, но я почему-то не испытывала ничего подобного. Напротив, глядя на всё это, мне казалось, что точно так же можно выбросить ненужные воспоминания. Более того, в голову вдруг прокралась дикая мысль, что сейчас Фил избавился именно от этих воспоминаний, а не от моих вещей.

— Тебе просто нужно забыть об этом, — сказал он, словно прочитав мои мысли. —

Идём же. Только предупреди родителей, что сегодня мы задержимся.

— И куда же мы пойдём?

— Я же уже сказал, — Гардинер, уже направившийся к выходу, вдруг остановился в дверях и, повернувшись ко мне, улыбнулся и добавил: — Будем поднимать тебе настроение.

Готова была поклясться, что в тот момент он резко стал выглядеть младше. Во взгляде было какое-то детское предвкушение, а на лице отражалось нетерпение. Словно он придумал настолько потрясающую идею, что сам дождаться не мог её осуществления. Из-за этого я не сдержалась и тоже улыбнулась. Таким я не видела его очень давно. Даже на свидании он вёл себя по-другому.

— Полагаю, ты не скажешь, пока мы не придём, да? — спросила я, начав думать, что такие перемены настроения скоро начнут пагубно сказываться на моём характере. Если уже не сказались.

Фил кивнул, после чего неожиданно протянул мне свою руку, в который раз удивляя меня. Он и так недавно был очень милым, а теперь снова согласился идти по улице и держаться за руки? Ну и что, что мы ещё даже из университета не вышли, не оттолкнёт же он меня, как только мы это сделаем, в самом деле!

Тем не менее, я поскорее ухватилась за эту протянутую мне руку, пока парень не передумал, чем вызвала его смех.

— Побоялась, что изменю своё решение? — спросил он.

— С такими непостоянными людьми, как ты, стоит быть начеку, — сказала я, заставив Фила довольно улыбнуться.

Мы вышли на улицу, отчего я тут же ощутила холод. Надев пуховик ещё минут пять назад, я чересчур долго пробыла в нём в помещении, отчего теперь ощущала некий дискомфорт. Было так холодно, что тело тут же покрылось мурашками, а я невольно прислонилась к Филу, словно так могло стать гораздо теплее. Парень посмотрел на меня, а потом, ухмыльнувшись, взял меня под руку — так, что теперь мы довольно плотно прижимались друг к другу, — а потом, покрепче сжав мою ладонь в своей, спрятал наши руки в свой карман. Когда я, с удивлением посмотрев на всё это дело, перевела свой взгляд на него, Гардинер изрёк:

— Я, конечно, проигрываю обогревателю, но тоже на кое-что способен. А сейчас звони родителям, иначе потом забудешь. Поверь, это может случиться.

Я улыбнулась, после чего потянулась свободной рукой в карман пуховика, дабы достать оттуда телефон. Машинально набрав номер мамы, я начала было звонить ей, но, вовремя опомнившись, повесила трубку. Почему-то мне вдруг подумалось, что не стоит временно обращаться к ней с подобного рода просьбами. Стоило вспомнить о том нашем разговоре, как настроение опять ухудшилось. И именно тогда, когда я готова была опуститься на холодную землю и зарыдать из-за всего, что на меня в последнее время навалилось, Фил вдруг крепче сжал мою руку. Не говоря ни слова, он лишь сильнее прижался ко мне, давая понять, что на моей стороне. И тогда я пересилила себя. Вновь набрав номер Люси, я позвонила ей, чтобы предупредить о нашем желании прогуляться.

Я ожидала, что мама не ответит вовсе или же будет разговаривать со мной бесстрастно, но ни одно из моих опасений не подтвердилось. Женщина спокойно выслушала меня, после чего дала согласие, попросив нас сильно не задерживаться. Я тоже старалась говорить спокойно, но, стоило нам попрощаться, не сдержалась и тяжело вздохнула, пряча телефон обратно в карман.

— Отлично справилась, — вдруг сказал Гардинер. — Как видишь, ничего страшного в этом не было.

Я в который раз ничего не ответила. Просто не знала, что можно сказать. Фил помог мне, но я вдруг подумала, будто никаких моих слов не будет достаточно для того, чтобы описать всё то, что я чувствую. Уверена, что простого «Спасибо» ему было бы достаточно, но я вдруг почувствовала себя такой сентиментальной, захотев сделать для него хоть что-нибудь, но никак не могла понять, на что же способна.

Мы молча шли по знакомым улицам мимо магазинов, неторопливо направляясь к своей цели. Каждый, казалось, задумался о своём. Парень всё время смотрел прямо перед собой, словно не замечая ничего вокруг, я же вглядывалась в витрину каждого магазина. Мне всё время казалось, будто там я смогу увидеть хоть что-нибудь, что подскажет мне, как я могу выразить свою благодарность, а ведь она была огромна. Не будь здесь Фила, я бы не спокойно прогуливалась по улице, забывая обо всех проблемах, а бежала бы домой, вытирая слёзы. Не будь его здесь, я бы не на яркие витрины смотрела, а придавалась бы самоистязанию. Как бы банально это ни звучало, но я была бы сейчас совершенно другой.

Эти мысли вдруг перестали меня тревожить, когда я наткнулась на одну вещь. Желая получше рассмотреть её, я резко остановилась, чем немало удивила ушедшего в свои мысли Фила. Сначала он проследил за моим взглядом, но, по всей видимости, так и не найдя ничего для себя интересного на витрине, спросил:

— На что смотришь?

Пришла моя очередь хитро улыбнуться. Посмотрев Гардинеру в глаза, я зачем-то подмигнула, а после, высвободив свою руку (и тут же почувствовав, как похолодало), сказала:

— Подожди меня здесь секундочку. Я сейчас.

И после этого я зашла в магазин. Хотя, если быть до конца откровенной, это было чем-то наподобие маленькой лавки, что лишь добавляло этому месту, изнутри отделанному деревом, своё очарование. В углу, рядом с продавцом, был огромный камин, на котором всё ещё висели новогодние украшения, поэтому здесь царил атмосфера праздника, даже музыка была подходящей. Продавцом, вопреки ожиданиям, был вовсе не дедушка приятной наружности, а худощавый мужчина средних лет с грубыми чертами лица. Он, казалось, совершенно не вписывался в общую картину, но это быстро отошло для меня на второй план.

Подойдя к нему, я быстро сказала, что хочу купить, попросив не заворачивать это в подарочную упаковку, лишь бы справиться поскорее. Мужчина кивнул, после чего быстро достал нужную мне вещь и, озвучив цену, стал дожидаться, пока я достану карточку, чтобы оплатить покупку. Когда операция была завершена, и я потянулась за своим товаром, увидела рядом маленькую брошь, на которой было изображено то же, что и на моём подарке.

— Это в подарок, — слабо улыбнувшись, сказал продавец.

Я улыбнулась в ответ, а потом, попрощавшись с ним, быстро выбежала на улицу. Фил стоял всё на том же месте, наблюдая за тем, как люди развлекаются возле какого-то магазинчика, рядом с которым играла музыка и заводилы развлекали народ. Заметив меня, он ухмыльнулся и спросил:

— Какая же побрякушка понравилась тебе настолько, что ты даже использовала отцовскую карту?

— Он дал мне её для особых случаев, а сейчас, как по мне, именно такой, — невозмутимо сказала я, после чего, ухмыльнувшись, добавила: — Только побрякушка эта

предназначается тебе.

— Мне? — казалось, парень искренне удивился. — Я не ношу браслетов, кулонов и у меня не проколоты уши. Всё ещё уверена, что это для меня?

Моя ухмылка быстро сменилась довольной улыбкой, после чего я протянула ему подарок, который внезапно показался мне самой очень и очень маленьким. Но я всё равно была довольна покупкой.

Когда эта маленькая вещица оказалась в руке Гардинера, он поднёс её поближе к глазам, чтобы внимательно осмотреть. Поначалу его глаза округлились от удивления, но через некоторое время он почему-то расхохотался. Заметив на себе мой удивлённый взгляд, шатен двумя пальцами взял подарок и, поднеся его поближе ко мне, сказал:

— Я польщён, что меня так сильно любят.

На маленькой фигурке двух дельфинов, размером с мой указательный палец, — а это была именно она, — прямо на спинах этих существ красовалась надпись: «Forever together», которую я даже не заметила при покупке. Чувствуя, как мои щёки заливаются краской, я отвернулась от Фила и злобно процедила:

— Вот и делай после этого тебе подарки. Даже в самом невинном жесте какой-то скрытый намёк углядишь.

— Но это же не моя вина, — со смехом ответили мне.

— Да ну тебя! — воскликнула я, с обидой посмотрев на парня. — Я просто хотела поблагодарить тебя, а потом, увидев это, вспомнила, как ты говорил, что хотел бы как-нибудь поплавать с дельфинами. Вот и подумала, что хочу видеть, как твоё желание когда-нибудь исполнится... может быть, удастся рядом побыть...

Я зачем-то подняла руку с брошью, на которой красовалась фигура дельфина и она была ещё меньше той, что я подарила Гардинеру, а потом поднесла к руке Фила, словно сравнивая. Парень внимательно посмотрел на этого одинокого дельфина, после чего взял его из моей руки и, положив туда свою фигурку, сказал:

— Мне хватит и одного, а ты возьми себе двоих. Будешь представлять, что я рядом, если мне вдруг не удастся оказаться в зоне досягаемости в моменты, подобные сегодняшнему.

— Но ведь я решила подарить тебе именно это! Этот дельфин даже не стоит ничего!..

— Важна ведь не цена подарка, а его смысл, разве не так? — с хитрецей спросил Фил, а потом, дабы сменить тему, добавил: — Всё-таки, иногда я думаю, что ты можешь быть по-своему милой.

— «Милой»?! — я выдавила из себя это слово так, словно оно было оскорблением. Почему-то мне с детства не нравилось, если меня называли милой.

— Именно. Ми-лаш-ка, — по слогам протянул парень, явно наслаждаясь тем, что я начинаю беситься из-за этого. Мне же всё это время даже не мог прийти достойный ответ в голову, поэтому я просто стояла и терпела всё это.

По всей видимости, скоро шатену надоело издеваться надо мной, так как он, положив фигурку в свой карман, вдруг взял меня за руку и, потянув за собой, сказал:

— Ладно, сегодня я хочу поднять тебе настроение, а не испортить его. Поэтому давай поторопимся.

Я ничего не ответила, лишь позволила вести себя, также спрятав свою фигурку в карман. Странно как-то получилось — подарок Фила достался мне, а мой теперь у него. Такое ощущение, что он видел во всём этом какой-то особый, понятный только ему смысл, но я слишком быстро подумала, что такое для него просто невозможно, поэтому отбросила

эти мысли прочь.

К моему счастью, шли мы до того места, которое так хотел показать мне Гардинер, не так уж и долго, а я как раз начала замерзать. Однако то, что я увидела, повергло меня в шок. Я ожидала чего угодно — магазин антиквариата, театр, даже клуб на худой конец, пусть мы оба туда и не ходим. Однако я даже предположить не могла, что парень приведёт меня к подвалу. К самому, что ни есть, натуральному подвалу, который был расположен в старом двухэтажном доме, которому наверняка было больше нескольких десятков лет и за которым, по всей видимости, никто не следил.

— Удивлена? — спросил Фил, заметив, как я со скепсисом поглядела на сие здание.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответила я. — И что меня здесь ждёт? Очередная тайна твоего прошлого? Я начинаю сомневаться, что знаю тебя достаточно хорошо.

Шатен коротко рассмеялся, а потом, ловко обогнув меня, подошёл к лестнице, уходящей в тот самый подвал, и, остановившись рядом с ней, протянул мне руку со словами:

— Разве тебе самой не хочется узнать, что там? Обещаю, на сей раз это место не имеет ничего общего со мной. Я просто как-то случайно забрёл сюда.

Я недоверчиво посмотрела на протянутую мне руку, всё ещё раздумывая, а стоит ли мне вообще ему доверять. Наши похождения, подобные этим, никогда не были обычными прогулками. Каждый раз я узнавала что-то новое о нём. Порой это радовало, порой печалило, поэтому я не знала, чего ждать на сей раз. Хотя, раз уж Гардинер намеревался поднять мне настроение, сомневаюсь, что он потащил бы меня туда, где оно может ухудшиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наверное, именно поэтому я всё-таки протянула ему свою руку, после чего, покрепче ухватившись за неё, аккуратно спустилась вниз по ступенькам, которые в непроглядной тьме было не разглядеть. Здесь не было ни единой лампочки, единственным источником света служили луна и фонари, светившие с улицы, от которой мы прилично отделились. К счастью, этих самых ступенек было не так уж и много, поэтому я добралась вниз целой и невредимой. Однако Фил тут же едва не убил меня дверью, которая оказалась металлической и настолько тяжёлой, что даже парень с трудом открыл её. Не без труда протиснувшись в узкое пространство, что осталось между дверью и стеной, я вошла в подвал. За мной Гардинер. Стоило ему оказаться внутри, как он поспешно запер за собой дверь и принялся толкать меня вглубь, ничего не объясняя.

Внутри тоже было темно, поэтому сначала я ступала осторожно, боясь наткнуться на что-то в темноте и упасть, но совсем скоро, услышав какие-то звуки, которые потом превратились в настоящую музыку, заметила, что откуда-то издалека виден свет. Чем дальше мы шли, тем светлее становилось в помещении, однако вскоре опять немного потемнело. Фил внезапно остановился, я машинально сделала то же самое. Тогда парень обошёл меня и, схватив за руку, затащил в комнату, скрывавшуюся за тканевой занавеской, которую он предварительно отодвинул в сторону.

Оказавшись в комнате, плохо освещённой небольшими светильниками, которые были развешены по углам, я заметила, что это помещение очень большое. Поначалу оно показалось мне просто огромным, но вскоре я поняла, что данный эффект создаётся как раз из-за удачного освещения и расположения мебели, которой тут, кстати, было не так уж и

много. Всего лишь стулья и диванчики, расставленные под стенами, а также один большой стол, размещавшийся как раз возле входа. На нём я рассмотрела напитки и множество сладостей. В дальнем углу было что-то наподобие сцены, где выступали музыканты. Три женщины и четверо мужчин. Практически все играли на каких-либо инструментах, только двое просто стояли у микрофонов и исполняли какую-то песню. Мне сразу показалось их исполнение очень красивым, жаль только, что я эту песню не знаю...

Осмотревшись по сторонам, я заметила, что людей здесь не так уж и много. Если считать музыкантов и нас с Филом, то всего здесь было не более тридцати человек. Странно, учитывая, как здесь всё обустроено...

— Что это за место? — спросила я, придвинувшись к Гардинеру. Кстати, хоть музыка и была весьма громкой, мне кричать особо не приходилось. То ли из-за того, что мелодия сама по себе была нежная и тихая, то ли ещё по каким-то причинам.

— Можешь считать это маленьким концертно-танцевальным залом, — сказал тот. — Эти люди не берут денег за то, что ты приходишь сюда, при желании ты можешь просто пожертвовать их. Правда, куда больше шансов, что они потратят всё это на сладости и напитки для посетителей. Это, своего рода, уличные музыканты, которые перебазировались в подвал. Им просто хочется, чтобы люди слушали их музыку, хотя чаще они поют саундтреки к фильмам и мультикам, нежели что-то собственного сочинения.

— Странно это как-то, — не сдержавшись, сказала я. — Говорят же, что бесплатный сыр только в мышеловке. Сложно поверить, что все эти люди проделали такую работу лишь для того, чтобы кто-то просто послушал их.

— Я тоже так подумал поначалу и всё время искал здесь какой-то подвох. Но вот я здесь уже раз двадцатый и, как ты видишь, они всё ещё тут, а с меня не требовали ничего. Я, конечно, сам разочек решил внести свою лепту во всё это, но той мелочи, что я вкинул в ящик, вряд ли хватило бы на два визита сюда, не то что на двадцать.

Я скептически хмыкнула, после чего опять посмотрела на людей на сцене. Одеты они были чересчур бедно для выступлений — это сразу бросалось в глаза. Однако пели очень увлечённо, казалось, полностью растворяясь в песне, которая с каждой секундой становилась всё тише и тише...

На некоторое время она совсем замолкла, а потом вдруг послышалась уже совсем другая мелодия. Они не делали перерыв, не слушали аплодисментов слушателей, просто продолжали делать то же, что и раньше. Мужчина внезапно медленно отошёл куда-то назад, впереди осталась только его партнёрша. Почему-то мелодия сразу показалась мне знакомой, казалось, будто я её где-то слышала... А потом я услышала слова.

— Эта песня! Из мультика! Я знаю её! — воскликнула я, поворачиваясь к Филу. — Из «Анастасии», да? «Once upon a December».

— Если честно, понятия не имею, — признался парень. — Но тебе, похоже, нравится.

— Шутишь?! Это же один из моих любимых мультфильмов! — я восторженно улыбнулась, после чего повернулась к сцене лицом. — Правда, я так давно его не смотрела... А ведь в детстве всегда мечтала станцевать на балу, как и в этом мультике.

В моменты, когда тебе что-то очень нравится, кажется, словно вокруг всё становится волшебным. Эти свечи, эта музыка, эти люди, собравшиеся вокруг... Почему-то мне так и хотелось начать танцевать, кружиться в вальсе и прочее. Хотя я совсем не умею танцевать. Многие могут сказать, что мои мечты слишком примитивны, так как практически каждая девушка мечтала хоть раз ощутить себя принцессой и станцевать на балу. Но я не хотела

быть принцессой, я просто хотела ощутить то же, что и она, хотя бы раз.

— Раз уж тебе нравится, — послышался голос Гардинера, — тогда позволь пригласить тебя на танец, миледи.

Я, не придав этим словам особого значения, с улыбкой посмотрела на парня, как вдруг увидела, что он принял практически ту же позу, что и кавалеры, приглашая своих дам на танец. Заведя одну руку за спину, другую он протянул мне, отчего я ощутила некую неловкость.

— Ты серьёзно? — спросила я, беспомощно оглянувшись по сторонам. Никто на нас не смотрел, но никто также не кружился в вальсе, большинство просто сидело на стульях, а некоторые стояли возле сцены.

— Если юную мисс не смущает, что её партнёр совершенно не умеет танцевать, то я вполне серьёзен, — с ухмылкой посмотрев на меня, сказал Фил.

— Но я тоже не умею...

— Пожалуй, это не так уж важно, — сказал парень, после чего, не дожидаясь моего согласия, обнял меня за спину одной рукой, а другой взял мою руку в свою. — Мы практически знаем, как правильно стоять, а дальше... Будем импровизировать!

Я сконфуженно улыбнулась, слабо представляя, как будет смотреться всё это со стороны, но всё же позволила ему вести себя. В конце концов, живём один раз... можно разочек и опозориться. В крайнем случае, никто нас здесь не знает. Не знает же?..

Однако мне не оставили ни единой возможности думать о чём-либо ещё, кроме танца. Не зная даже элементарных шагов, парень просто принялся водить меня за собой по помещению, периодически делая повороты вокруг своей оси — так, чтобы это походило на танец. Краем глаза мне удалось заметить, что чуть ли не все присутствующие принялись наблюдать за парочкой, кружившей по центру, но в тот момент мне было уже наплевать. Фил улыбался, явно получая удовольствие от всего этого, поэтому мне тоже не удалось сдержать улыбки.

Как бы это ни смотрелось со стороны, мы просто имитировали танец, улыбаясь друг другу и периодически посмеиваясь, когда кто-нибудь случайно наступал своему партнёру на ногу. Танцевать в верхней одежде было жутко неудобно, но я предпочитала не думать об этом, полностью отдаваясь ощущениям. Так продолжалось до самого конца. И вот тогда, когда в песне зазвучали последние аккорды и показалось, словно всё вокруг затихает, Гардинер вдруг подхватил меня на руки, отчего я не удержалась и вскрикнула, а он сделал несколько оборотов вокруг своей оси, после чего остановился.

Боясь упасть, я вцепилась в него покрепче и закрыла глаза, поэтому не сразу отреагировала, когда мы остановились. Из-за такой вот моей задержки парень воспользовался ситуацией. Когда я открыла глаза и собралась что-то сказать, он вдруг наклонился ко мне и поцеловал в лоб, однако быстро отстранился. Я, поймав на себе взгляды множества людей, почувствовала, как щёки заливаются краской и не смогла выдать из себя ни слова, поэтому вместо меня заговорил он.

— Всегда поражался, как актёрам в фильмах удаётся столь эффектно целовать своих дам в таком положении. Это же жутко неудобно!

— А вы и не в кино, парень! — послышался крик из толпы, сопровождавшийся несколькими смешками.

— Да, поэтому, будьте добры, если хотите продолжать, то предупредите об этом заранее. Вдруг здесь не все мелодрамы любят?

Фил рассмеялся, после чего, аккуратно опустив меня на пол, что-то ответил им, однако я уже не слушала их. Почувствовав, что через некоторое время пребывания здесь я могу с ума сойти из-за смущения, я поспешила к выходу, оставив Гардинера общаться с публикой. Если честно, я слабо помнила, где находится выход, поэтому надеялась, что меня выведет шестое чувство. Через несколько секунд я услышала голос Фила — парень просил меня остановиться, но я не послушалась. Продолжая двигаться вперёд, вскоре я чуть ли не врезалась в дверь, ведущую на улицу, и попыталась открыть её, но та никак не желала поддаваться. Тогда он и догнал меня.

Схватив меня руками за плечи, Фил прижал меня к этой самой злополучной двери и спросил:

— Что с тобой случилось?

Здесь было действительно темно, поэтому я не видела его лица и про себя радовалась, что он не может видеть моего. Однако смысла в этом было немного, поскольку я всё равно решила в кои-то веки сказать ему правду.

— Если тебе всё это кажется забавным, то это прекрасно. Но я... не знаю. Чёрт, когда все эти люди начали обсуждать нас, мне показалось, словно я сейчас со стыда сгорю! Это всё чертовски... Смущает, знаешь ли.

Послышался короткий вздох.

— Вот как, — произнёс Фил. — А я уж было подумал, что ты опять на меня разозлилась. А сегодня мне совсем не хочется с тобой ссориться.

— Хочешь сказать, что сегодня тебе не хочется, а в остальные дни ты не против поскандалить? — спросила я лишь для того, чтобы скорее сменить тему. Признание в том, что я смущаюсь, смущало ещё больше.

— Нет, конечно. Просто сегодня я обещал поднять тебе настроение, а не испортить его.

Фил отпустил мои плечи, после чего, попросив меня отойти в сторону, открыл дверь, проливая свет на это мрачное помещение. По всей видимости, ему не очень хотелось продолжать разговор, поэтому он выпустил меня на улицу и вышел сам. Не без удовольствия я выбралась наружу и вдохнула воздух, который сейчас, после пребывания в подвале, казался особенно свежим. Дождавшись, пока Гардинер поднимется по лестнице, я двинулась по направлению к дому, желая поскорее оказаться в обществе родных людей, где смущаться мне точно не придётся.

— Тебе хоть понравилось? — спросил шатен после минутной паузы.

Я ответила не сразу. С одной стороны, мы пробыли там слишком мало времени, да ещё и окончание всего этого действия оставляло желать лучшего, но... Стоило мне вспомнить, как Фил старался танцевать и в это же время не наступать мне на ноги, как он улыбался, как поднял на руки, я не смогла сдержать улыбку. Слишком много положительных эмоций получила я сегодня, поэтому ни в коем случае не могла сказать, что мне не понравилось.

— Понравилось, — ответила я. — Даже очень. Спасибо тебе, мне это было нужно.

Что именно мне было нужно? Забыться. Что бы там ни произошло, за всё это время я ни разу не подумала о том плохом, что происходит в моей жизни. Мне было так хорошо, поэтому все мысли вылетали из головы. Хотелось верить, что такое происходило не только со мной, но в глубине души я понимала, что это вовсе не так.

Фил улыбался весь остаток дня. Он был рядом со мной всё время, когда я не знала, что же сказать маме и как объяснить своё поведение Роберту, который, к слову, тоже вёл себя несколько странно. К счастью, парень оставался рядом со мной. Он помог объяснить, что

случилось с моими вещами, мы вместе сидели и делали домашнюю работу, а потом болтали до самого вечера, улёгшись на кровать. Хотелось попросить его остаться со мной и на эту ночь. Говорят, что к хорошему быстро привыкаешь, вот и я слишком быстро привыкла спать с ним. Казалось, что сегодня без него я не смогу уснуть.

— Фил... — протянула я, намереваясь попросить его остаться, но почему-то так и не смогла этого сделать. Казалось бы, это был самый удобный момент, ведь мы оба уже лежали в обнимку на моей кровати, но я всё равно не могла.

— Что такое? — спросил он, не поворачивая головы, продолжая смотреть на мои игрушки, расположившиеся на полке.

— А ты... кем хочешь стать? Я имею в виду, что ты ни разу не говорил, куда собираешься поступать.

— Разве? Мне казалось, что говорил. Но могу и повторить. Скорее всего, врачом.

— Врачом? — переспросила я. — Почему это? Хочешь продолжить дело Эллиота и унаследовать его клинику?

— Этого я как раз хочу меньше всего на свете, — буркнул парень. — Просто не хочу быть беспомощным, если вдруг что-то случится.

— Что случится? — спросила я прежде, чем успела понять, о чём он говорит.

Дура, дура! Какая же я дура... Ещё бы напрямую спросила, имеет ли это отношение к тому, что его мама болеет.

— Мало ли, что может случиться, — на удивление спокойно ответил тот. — Хотя, если честно, для этого у меня нет особых причин. Я не из тех, кто хочет помогать всем людям по доброй воле, да и деньги меня, как ни странно, тоже не сильно волнуют. Я не собираюсь сидеть на шее своих родных до конца жизни, но идти куда-то только из-за высокой зарплаты тоже не хочу. И я также не могу сказать, что мне нравится мой нынешний выбор. В последний момент я ещё могу передумать. Наверное, прозвучит слишком странно, но сейчас я просто не вижу других вариантов. Как-то так.

Я промолчала. Дело было даже не в том, что я не могла подобрать слов, просто мне показалось, что все они будут лишними. Сама не знаю, зачем, но я просто повернулась к парню и, прижавшись к нему, крепко обняла. Мне было нечего сказать, но я хотела хоть как-то поддержать его, хотела побыть рядом. Взглянув на прикроватную тумбочку и увидев там две фигурки, лежавшие друг рядом с другом, я улыбнулась. И именно в тот момент захотелось хоть что-то произнести.

— Даже если в последний момент ты изменишь решение и захочешь стать дворником и все из-за этого разозлятся на тебя, я буду рядом. Ты не сможешь избавиться от меня. Так же, как и те дельфины не могут избавиться друг от друга, даже если захотят.

Гардинер издал короткий смешок, после чего спросил:

— А что делать с тем, одиноким? Я же уже даже решил назвать его Кэтрин, дабы он олицетворял тебя.

— Вот и зови его Кэтрин, я же не против. Будем считать, что это будет твой талисман, который ты не имеешь права терять. Иначе я тебя стукну.

— Учту на будущее, — сказал парень, после чего обнял меня, притягивая поближе к себе, и спросил: — Сегодня провернём тот же трюк, что и прошлой ночью?

Как же мне порой нравятся моменты, когда он словно читает мои мысли.

— Пожалуй, повторим, — сказала я, поудобнее устраиваясь на его плече.

Однако в тот день нам даже не пришлось притворяться. Какое-то время мы ещё

разговаривали друг с другом, а потом даже не заметили, как заснули. Причём я не помню, кто был первым, да оно и не важно. Совсем не важно.

Утром всё казалось таким привычным. Меня не смутило даже то, что Фил вынужден был остаться дома, так как его отстранили от занятий. Меня несколько не напрягло предложение Роберта «кое-куда заехать» после окончания моих занятий. Сегодня у меня курсов не было, поэтому я была относительно свободна, боялась только, что Гардинер может заскучать, но тот спал, поэтому спросить его о чём-либо не было возможности.

Только настроение у меня с самого утра было несколько странное. Было такое ощущение, будто я что-то забыла сделать, но что, никак не могла понять, поэтому и решила не задумываться об этом. Придя в школу, я почему-то не спешила заходить внутрь, хотя успела порядком замёрзнуть на улице. Мне почему-то захотелось подождать Лили и Дженни, которые предупредили, что сегодня немного задержатся, поэтому я остановилась около входных ворот и принялась ждать их, слушая музыку. Было немного одиноко, хотя совсем недавно я предпочла бы одиночество любой компании.

Не знаю, то ли Боги решили смилостивиться надо мной, то ли мне просто повезло, но вскоре на горизонте показался Майк. Брюнет, как обычно, шёл в наушниках, полностью отгородившись от внешнего мира, поэтому мне пришлось буквально преградить ему путь, чтобы парень наконец-то заметил меня.

— Кэтрин, — несколько удивлённо произнёс он. — Ты кого-то ждёшь?

— Да. Тебя, — почему-то не хотелось вдаваться в подробности, а также лишний раз произносить имя Лили. — Теперь мы можем зайти.

— Тебе что-то от меня нужно? — со скепсисом поинтересовался Джевонс. — Я думал, времена, когда ты использовала меня в качестве своего личного информатора, уже прошли.

— Я бы и рада попросить у тебя что-нибудь, но сегодня я действительно просто не захотела заходить в школу одна. Можешь назвать это мнительностью, но будет легче, если я зайду с кем-то.

Как ни странно, Майк ни капельки не удивился такому заявлению. Можно было подумать, что я чуть ли не каждый день ошарашиваю его подобными вестями, так что это стало для него привычным делом. В любой другой день это бы меня насторожило, но сегодня почему-то не хотелось придавать значения всяким мелочам. Он не стал спрашивать, что же такое со мной произошло, и на том спасибо. Пожалуй, именно за эту лёгкую отчуждённость я его и любила.

Заведя разговор на тему учёбы, я, взяв парня под руку, вошла внутрь. Меня нельзя было назвать тактильным человеком, но сейчас вдруг захотелось так поступить. Почему-то подумалось, что я чувствую себя так из-за того, что Филя нет рядом. Он очень редко пропускал занятия, даже больным в школу заявлялся, мотивируя это тем, что ему «дома скучно», а сегодня его не было. У меня было какое-то странное ощущение, словно чего-то очень важного не хватает, поэтому я и вцепилась в самого близкого человека, находившегося в зоне досягаемости.

Однако, стоило нам войти, как моя неуверенность лишь возросла. Не знаю, с чем это было связано, но, кажется, у меня даже развилась паранойя. Мне вдруг показалось, словно практически все учащиеся смотрят на нас и перешёптываются. Нет, наверное, показалось... Возможно, те девушки просто знают, что я встречаюсь с Гардинером, а теперь принялись обсуждать то, что я так тесно общаюсь с другим парнем. А те ребята? Наверное, обсуждают внешний вид Майка. Его волосы заметно отросли, даже мне кажется, что было бы неплохо

их подстричь, а то такими темпами смело можно будет называть его причёску каре.

Что же до остальных учащихся? Даже не знаю. Может быть, они даже не смотрели на нас? А даже если и смотрели, то это не значит ровным счётом ничего? Да, скорее всего, так и есть, а я просто себя накручиваю.

— О, Кэтрин! — послышался голос Эйтана.

А может быть и не накручиваю...

Повернувшись к парню, неожиданно выскочившему из-за поворота слева от меня, я внимательно осмотрела его с головы до ног. Всё тот же щуплый Эйтан. Кажется, что он упадёт, если на него подуешь. Вот только сейчас он выглядел как-то не так, словно предвкушал что-то. Хоть некоторое время назад мне приходилось довольно часто общаться с ним, я редко видела парня таким. Унылым, грустным, серьёзным — каким угодно, только не предвкушающим что-либо. Это странно, правда?

— Чего тебе надо? — без эмоций произнесла я. — У меня скоро урок начнётся.

Парень, казалось, немного стусевался от такого моего тона, однако быстро смог собраться и почти нагло сказать:

— Я бы не стал тебя беспокоить, но, думаю, тебе будет интересно посмотреть на это.

Он кивнул куда-то в сторону, за своим левым плечом, где, если мне не изменяет память, находился стенд, на котором обычно висели объявления. Без особого интереса посмотрев туда, я вдруг заметила, что рядышком столпилось довольно-таки много людей, что-то внимательно рассматривающих на нём. Так, а вот это уже настораживало. В голове сразу же пронеслись сценки из фильмов, где на всеобщее обозрение выставлялись самые пикантные фото из жизни человека, которого собирались публично опозорить. Я сглотнула подкативший к горлу комок и, не отпуская Майку, потянула его за собой, пытаюсь вспомнить, что же такого я могла сделать, раз уж это вывесили сюда.

Если честно, не сказала бы, что я была напугана. Возможно, я давно ждала чего-нибудь подобного от Эйтана, с которым в последнее время у меня были весьма натянутые отношения, и даже была несколько удивлена, ведь он так долго ждал случая, чтобы отомстить. Скорее всего, я несколько разочаровалась, ведь его уловка оказалась такой банальной и пафосной, что я толком не волновалась. Мог бы и что-нибудь получше придумать.

Подойдя поближе, я всё же отпустила руку Джевонса, так как пробиваться сквозь толпу в таком положении было бы весьма неудобно. Принявшись распахивать в стороны зевак, глядевших на злополучный стенд, я не могла понять лишь одного: что же там? Я редко появляюсь в публичных местах, так что же можно было на меня откопать?

Внезапно, обходя очередного человека, я почувствовала, как чья-то рука коснулась моего плеча. Обернувшись, я не без удивления заметила сначала рыжие волосы, а уже позже и лицо этого человека. Моё внимание привлекла Фиби, как-то странно глядя на меня.

— Ты только не рассказывай об этом никому и постарайся не закатывать истерику, — сказала она, после чего убрала руку.

Я в удивлении приподняла брови, после чего последовала по намеченному курсу и, наконец-то оказавшись рядом с доской объявлений, взглянула на неё. Поначалу мне показалось, будто там ничего интересного нет, так как ни фотографий, ни каких-либо ярких объявлений, способных привлечь внимание окружающих, не было. Всё было выдержано в унылых серых тонах — сообщения для выпускников, сообщения о пропавших вещах, свод школьных правил, вырезка из газеты. На секунду мне показалось, что все собравшиеся

попросту решили надо мной подшутить, как вдруг мой взгляд всё же зацепился за вырванный — именно неаккуратно вырванный, а не вырезанный — из газеты лист. Там было написано слишком много всего, поэтому моё внимание привлекли лишь фотография и заголовок: «Искалеченная жизнь: двое людей сломали судьбы себе и своим детям».

Мои глаза невольно расширились, стоило прочесть это, а потом я посмотрела на фотографию, где был изображены двое мужчин, закрывавших свои лица руками, а прямо под снимком подпись: «Майкл Келли и Генри Гардинер на месте преступления» и дата происшествия.

В тот момент мне показалось, что земля уходит из-под ног. Принявшись читать всё, что было написано в этой статье, я с каждой секундой подходила всё ближе к стенду, а руки сами так и тянулись к этой бумажке. В конце концов, не сдержавшись, я сорвала её, поднеся к глазам настолько близко, что буквы начали расплываться. Прочитывая фразу за фразой, слово за словом, я чувствовала себя всё хуже и хуже. Помимо возмущения и удивления, на меня нахлынуло ещё и непонимание, кому это вообще надо. Раз за разом перечитывая текст, я не находила для себя ничего нового в нём, но почему-то продолжала перечитывать, пока это не стало совершенно бессмысленным занятием.

Скомкав в руках эту газету, я, протискиваясь через толпу, за несколько секунд приблизилась к Эйтану и, даже не дав ему рта раскрыть, отвесила ему звонкую пощёчину, после чего силком отволокла его подальше ото всех зевак, чьи комментарии мне не хотелось слышать. Благо, Майк смог каким-то чудом сделать так, что за нами никто не пошёл. Эйтан же, явно не ожидавший такого поворота событий, схватился рукой за ушибленное место, после чего несколько затравленно посмотрел на меня.

— Где ты нашёл этот бред?! — даже не пытаясь говорить тихо, прокричала я. — И, что самое главное, какого чёрта вывесил всё это здесь?!

— С чего ты вообще взяла, что я имею к этому какое-либо отношение?! — также повысил голос тот. — Хотя я с детства знаю эту историю, я дал слово матери, что никогда не заговорю об этом, так как все решили молчать. И сейчас я не виноват!

В момент, когда он произнёс эти слова, мне захотелось ещё раз ударить этого паршивца. Но я, взяв себя в руки, с шумом втянула в себя воздух, после чего на выдохе произнесла:

— Знаешь эту историю, значит? И знаешь, почему никто о ней не говорил? Тогда, скажи мне, какого чёрта эта вшивая газетёнка оказалась здесь?!

Парень смотрел на меня так, словно я была сумасшедшей. На секунду мне даже показалось, будто я увидела жалость в его глазах. В тот момент захотелось скрутить газету и бить ею его очень долго и так сильно, чтобы синяки остались. Возможно, это были не самые добрые мысли, но в тот момент было наплевать на всё.

— А может, ты немного отстала от жизни? — спросил парень. — Висит здесь эта газета или нет — теперь это не имеет смысла. Что бы там ни пытались сделать, как бы ни пытались замять это дело, вся правда всплыла ещё в прошлом году. Теперь же просто появилось подтверждение.

— Подтверждение?! — не выдержав, завопила я. — Да мне наплевать, нужно вам подтверждение или нет! Все бы уже давно забыли об этой истории, если бы один недоумок не сделал этого!

— Ты так уверена в этом? — внезапно холодно произнёс Эйтан. — У меня создаётся ощущение, словно ты вообще не замечаешь того, что происходит вокруг, пока тебе не ткнут этим прямо в лицо. Или вы с Гардинером не настолько близки?

— Мы с ним достаточно близки, так что не тебе мне что-либо говорить! И вообще, Эйтан, это уже!..

В следующий момент я почувствовала, как чья-то рука зажала мой рот, не давая возможности говорить. Секундой позже мне закрыли глаза и прижали к себе. Я схватилась за эти руки, попытавшись убрать их, а в следующую секунду услышала голос Майка:

— Чем больше будешь оправдываться, тем будет хуже. Разве ты обязана перед кем-то отчитываться?

Не давая мне возможности что-либо сказать, Джевонс, казалось, чудом минуя толпу, под конец всё же набежавшую сюда, дабы посмотреть, чем дело кончится, поволок меня куда-то, до сих пор не открывая мне глаз и рта. Я регулярно спотыкалась и путалась в собственных ногах, пока, наконец, не прозвенел звонок, а через некоторое время парень уже освободил меня.

— Что ты делаешь?! — спросила я, резко развернувшись к нему лицом. — Почему ты просто взял и спокойно ушёл оттуда, да ещё и меня уволок? Они, между прочим, не только моего парня грязью поливают, он же твой друг! Так какого чёрта?!

Я буквально задыхалась от обиды. Мне хотелось схватить что-нибудь тяжёлое и отправиться крушить всё на своём пути. А если бы под руку мне попался Эйтан, даю слово, я бы свернула ему шею. Настолько я была зла, поэтому постепенно это чувство, превращающееся в самую настоящую ярость, выплёскивалось на Майка, поведение которого было мне более, чем непонятно. Однако его это, по всей видимости, не смущало. Брюнет, на лице которого не дрогнул ни один мускул, посмотрел на меня ничего не выражающими глазами, после чего сказал:

— Эту ситуацию можно сравнить с ситуацией в суде. «Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас». Я видел реакцию окружающих. Своими словами ты делала Филу только хуже.

— Да как так?! — искренне не могла понять я. — Хочешь сказать, что лучше бездействовать и позволять им делать всё, что вздумается?!

Как хорошим школьникам, нам следовало бы уже разойтись и отправиться на занятия, однако никто не торопился этого делать. Оставаясь на месте, мы оба продолжали смотреть друг другу в глаза, словно играли, дожидаясь, пока кто-нибудь отведёт взгляд.

— Мы не будем бездействовать, — неожиданно сказал Джевонс. — Прямо сейчас мы пройдемся по школе и снимем все объявления, если кто-то развесил их ещё где-либо. А потом мы пойдём на урок. И никому не скажем о том, что здесь произошло.

— Ты действительно веришь, что никто не скажет Филу и остальным о произошедшем?

— Нет, не верю. Но мы можем хотя бы убрать все объявления.

Я слушала его и не верила собственным ушам.

— Почему ты такой спокойный? — только и спросила я.

— Потому что знал, что рано или поздно это произойдёт. И Фил тоже знал. Мы учимся в школе для богатеньких деток, чьи родители готовы исполнить любую волю своего чада по первому зову. Что бы те ни захотели, в кратчайшие сроки они получают это. Во всяком случае, у многих дела обстоят именно так. Если ты думаешь, будто мне всё равно, то нет, мне не всё равно. Я просто не хочу кричать и выражать множество негативных эмоций тогда, когда это не принесёт ровным счётом никакой пользы.

— Ты придерживался той же политики, встречаясь с Лили? Если так, то, кажется, я знаю, почему она тебя бросила! — выпалила я, не подумав, в следующую секунду пожалев о

сказанных мною словах.

На лице Майка по-прежнему не отразилось никаких эмоций. Продолжая всё так же смотреть на меня, он просто сказал:

— Я «веду себя отстранённо и цинично в серьёзных ситуациях» и именно поэтому «на меня нельзя положиться». Рядом со мной «нельзя чувствовать себя спокойно и уверенно», а также я, пожалуй, слишком часто делаю вид, что мне «наплевать на окружающих». Если ты подумала именно об этом сегодня, тогда мне жаль, — парень на секунду прикрыл глаза и, готова поклясться, что я видела, как на секунду он сжал губы, словно еле сдерживая какие-то эмоции. Однако в следующую секунду он убийственно спокойным тоном произнёс: — Правда, извини меня. Но обо всём этом можно поговорить и позже. Ты вернись к доске объявлений, а я пройду по школе и посмотрю, нет ли где ещё каких-либо внезапных фактов из жизни Фила.

Развернувшись, Джевонс быстрым шагом направился в сторону, противоположную той, откуда мы пришли. Как ни странно, у меня не было порыва остановить его и извиниться. Не знаю, с чем это связано, но на миг мне показалось, будто все мои чувства заморозили. Даже не проводив его взглядом, я побежала обратно к этому злосчастному стенду. Приблизившись к нему, я начала яростно срывать все объявления, где было написано что-то о Гардинере. Их было всего три. Во всех одинаковое содержание, одинаковые фото, словно кто-то случайно сделал три копии и вывесил, чтобы не пропали.

Когда бумажки оказались у меня в руках, я живо скомкала их, но в следующую секунду, передумав, почему-то развернула. Отойдя от стенда, я подошла к стене и, прислонившись к ней спиной, медленно опустилась на пол, положив рядом с собой две копии. Одну положила на пол, другую взяла в руки и принялась отрывать от бумажки маленькие кусочки. Один за другим. Первый, второй, третий, четвёртый, пятый... Я делала это бездумно, наблюдая одновременно и за тем, как уменьшается количество бумаги у меня в руках, и за тем, как растёт кучка клочков возле меня.

Зачем я сказала это Майку? Кто сделал это и почему? Кому Фил уже успел насолить? Или это всё те же люди? Что Джевонс имел в виду, сказав, будто они оба знали о том, что это должно произойти? И, самое главное, когда это, чёрт возьми, закончится?!

Мои эмоции по-прежнему словно оставались замороженными, а я сама бродила остаток дня, как будто была где-то не здесь. Для меня этого дня словно не было. Я не заметила, когда разорвала в клочья все объявления. Практически не помню, как зашла в класс. Кажется, я получила «пятёрку» по биологии за ответ у доски. По-моему, я сегодня улыбалась, смеялась и, кажется, Майк тоже. Да, я точно видела, как он чему-то улыбался, разговаривая с Генри. Определённо. Мы оба улыбались. Но была в этом одна странность.

Было ощущение, словно вокруг нас не улыбался никто. Дженни и Лили, поначалу попытавшиеся расспросить меня о том, как я себя чувствую, за весь день, казалось, ни разу не улыбнулись в ответ на мою реплику. Мне даже показалось, что весь день говорила я одна, хотя раньше мне больше нравилось слушать их обеих. Помню, сегодня я много спрашивала Дженни о том, с кем же она тогда пошла на свидание. Кроме того, что это француз, я ничего не запомнила. Я вообще мало что запоминала в этот день.

Майк, с которым приходилось сталкиваться по несколько раз за один только перерыв, казалось, был в подобной ситуации. Улыбаясь Генри, он не получал ответной улыбки. Пожалуй, это несколько неловко.

Кое-как прошёл день, закончились уроки. Я помнила, что мне нужно было встретиться с

папой, так как он ещё утром сказал о своём желании кое-куда съездить со мной, но я не торопилась, хотя видела нашу машину из окон школьного коридора. Попрощавшись с подругами, которые ушли вперёд по моей просьбе, я крайне медленно спускалась по лестнице, держа в руках телефон и глядя на картинку, стоявшую на заставке. Как же мне хотелось позвонить Филу, рассказать обо всём, пожаловаться, попросить, чтобы он меня выслушал... Но было нельзя. Тогда я подумала, что было бы неплохо позвонить Алексу. Он же ходячий позитив, значит, должен хоть как-то поднять мне настроение!.. Нет, пожалуй, это плохая идея.

В голове мелькнула шальная мысль позвонить Рэнди. Сама не знаю, почему, но у меня было стойкое ощущение, что парень поймёт меня и не осудит. Может, не поддержит, так хоть послушает. Но вот незадача — у меня нет его номера. Видимо, не суждено мне было с кем-либо об этом поговорить...

Может возникнуть логичный вопрос, почему же я не поговорила об этом с Дженни и Лили? Мы же всё-таки подруги. Но дело было в том, что мне нужен был кто-то, напрямую с этим не связанный. Кто-то, кого не было рядом, а значит, он ещё не слышал эту историю, а потому мог просто послушать меня, не перебивая и не добавляя каких-то новых фактов в мой рассказ. Я бы хотела найти человека, который просто ничего не сказал, а посидел рядом. Возможно, это не помогло бы мне успокоиться, но я бы была не одна, а с кем-то. И этот «кто-то» не стал бы меня утешать. Да, сейчас мне определённо нужен был человек, который не сказал бы ни слова на любую из моих реплик. Но такого, к сожалению, рядом не было.

Я уже была возле выхода на улицу и остановилась лишь затем, чтобы застегнуть пуховик, как вдруг увидела Майка в компании Генри, выходявших наружу. Джевонс, заметив меня, улыбнулся и, повторив за своим другом, сказал:

— Пока. Увидимся завтра.

— Прости, — не ведая, что творю, вдруг выпалила я.

Эти двое остановились и, как один, удивлённо посмотрели на меня. Я со злостью осознала, что сейчас Майк эмоционален, в отличие от сегодняшнего утра, и немного разозлилась. Что же с ним было утром?! И, тем не менее, отбросив эту мысль, я спокойно добавила:

— Мне жаль. Я не должна была это говорить.

Это была правда, поэтому, я уверена, мои слова звучали искренне. Весь день, стоило заметить парня в толпе, я вспоминала сказанное мной и думала о том, какая же я идиотка, раз умудрилась ляпнуть такое. Мне действительно хотелось извиниться перед ним, в моих словах не было ни капли лжи. Именно поэтому меня так удивил ответ брюнета.

— Нет, тебе не жаль, — произнёс он с улыбкой. — Ты же думаешь так на самом деле, поэтому наверняка уже не раз хотела сказать мне об этом.

— И вовсе я так не думаю! — попыталась оправдаться я, хотя понимала, что со стороны это выглядит смешно и нелепо. Сомневаюсь, что поверила бы сама себе в такой ситуации, но делать было нечего. Стоило хотя бы попытаться всё объяснить, тем более, что я действительно никогда не думала о чём-либо подобном. — В тот момент я просто разозлилась на тебя, потому что ты повёл себя не так, как того хотелось мне. Но глупо ожидать, что все будут делать то, что я желаю, правда? Я была не права.

— Права или нет — это другой вопрос, — сказал Майк. — Мы никогда не можем быть уверены на все сто в правоте того или иного человека. Просто твоя точка зрения в данной ситуации отличалась от моей. Не больше.

— Так ты не злишься? — вкрадчиво спросила я, надеясь, что хотя бы на сей раз парень сделает так, как того хочется мне, и простит меня.

— Я и не злился. Глупо обижаться на тебя.

— И что ты хочешь этим сказать? — я нахмурилась, так как мне показалось, что сейчас он намеренно поддел меня.

Джевонс посмотрел на меня и, вдруг улыбнувшись, поправил выбившуюся из-под шапки прядь волос, сказав:

— Лишь то, что ты последний человек, на которого я стал бы обижаться, даже у Фила нет такой привилегии. Может, это любовь?

— У тебя не получается так шутить, — произнесла я, но всё же улыбнулась, не преминув добавить: — Дурак.

Настроение немного улучшилось. И пусть совсем недавно я злилась на Майка, сейчас, пожалуй, мне было ясно, что двигало им в тот момент. Но он прав лишь в одном: наши точки зрения и виденье этой ситуации в корне отличались. Пусть мы помирились с ним, мне не понять утренний поступок парня. Во всяком случае, сейчас.

От мыслей меня отвлек лёгкий удар кулаком по голове, от которого я даже боли не ощутила. Удивлённо посмотрев на Генри, который, как ни странно, всё ещё был тут, я спросила:

— За что это?

Демонстративно показав мне свою ладонь, блондин, начав загибать пальцы, объявил список моих грехов за последние пять минут:

— Во-первых, за то, что нагло забыла обо мне. Во-вторых, за то, что воркуешь тут с другим парнем, а я ведь могу и Филу рассказать. И в-третьих, за то, что ты воркуешь с другим парнем и это даже не я!

Несколько секунд понадобилось мне для того, чтобы осознать всё сказанное моим другом, после чего я не выдержала и засмеялась. Поначалу хотелось ответить на это какой-нибудь колкостью, но потом я внезапно вспомнила, что папа обещал заехать за мной после школы, поэтому мини-месть пришлось отложить, наспех попрощавшись с парнями.

По пути застёгивая пуховик, о котором благополучно забыла, я вылетела из школьного двора, чуть ли не врезавшись в отцовскую машину, стоявшую прямо по курсу. Усевшись внутрь, я, состроив ангельское выражение лица, с честным видом заявила:

— Я вышла вовремя, но по пути меня задержали учителя, которые...

— Которые наверняка хотели сообщить тебе что-то чрезвычайно важное, ведь имя этим учителям Майк и Генри, да? — закончил за меня отец, но, к счастью, он не злился, потому что произнёс эту фразу с улыбкой.

— Прости, — сконфуженно улыбнувшись в ответ, выдавила я. — Заболтались.

— Ты смотри, чтобы у тебя с подругами проблем не было. Когда Дженни и Лили выходили, то как-то странно на вас поглядывали, особенно последняя.

Я улыбнулась и кое-как отшутилась, подумав, что папе вовсе необязательно знать о том, что произошло сегодня в школе. Будь моя воля, я бы вообще стёрла этот день из жизни всех учащихся, но это, к сожалению, было не в моих силах.

Когда в памяти начали всплывать картины произошедшего, я почувствовала, что моё совсем немного улучшившееся настроение стремительно начало падать. Я не понимала, зачем это могло кому бы то ни было понадобиться, потому что не знала, какая выгода от этого вообще может быть. Унизить Гардинера? Всегда можно было сделать это по-другому,

зачем тратить столько времени и сил, откапывая такие детали его жизни, ударяя по самому больному? Чем дольше я об этом думала, тем твёрже была в своей мысли, что очутилась в каком-то сериале, а потому начала тешить себя мыслью, что скоро всё наладится. В сериалах ведь практически всегда счастливый конец.

— Пап, а куда мы едем? Ты так и не сказал, — я решила поинтересоваться этим вовсе не потому, что была такой нетерпеливой и никак не могла понять, что это сюрприз. Просто не хотелось думать об этом. Если накручу себя, то потом не смогу ничего скрыть от Филя, хотя я и так сомневалась в успехе данного предприятия.

— Разве? — искренне удивился Роберт. — Что же, будем считать, будто я весь день коварно держал интригу, теперь же решил открыть для тебя эту тайну. Мы едем к твоей маме, чтобы посмотреть на результаты её работы.

— В смысле?

— В прямом! Сегодня у Люси пробная выставка. На ней, конечно, будут лишь те, у кого есть пригласительный, они же и оценят проделанную ею работу, но с нашей стороны будет просто неправильно не поддержать её! И вообще, я удивлён, что она тебе ничего не сказала.

— Я тоже...

На самом деле, я не была удивлена. Быть может, мама и хотела что-то сказать по этому поводу, но в последнее время я попросту не давала ей такой возможности. Из-за того, что мне было стыдно смотреть ей в глаза, я порой избегала Люси, боясь откровенного разговора. Чёрт, как же всё сложно... Почему все говорят, что любую проблему можно решить с помощью разговора по душам и уверяют, будто это просто? Это ни в коей степени не просто! На этот разговор нужно ещё решиться, а у меня духу не хватает... Может, хотя бы сегодня удастся с ней нормально поговорить?..

Я лелеяла эту мысль до самого входа в галерею, а вот оказавшись внутри, несколько растерялась. Каюсь, но за все семнадцать лет своей жизни я ни разу не была в галерее современного искусства, поэтому совершенно не знала, чего ожидать, и, признаться, несколько огорчилась, оказавшись внутри. Нет, там было вовсе не плохо — видно было, что здесь поработал человек со вкусом, который оформил всё так, что придаться было не к чему. Заставив каждый свободный уголок каким-то произведением, этот кто-то, на деле бывший моей мамой, при этом смог сделать так, что это смотрелось выгодно, а не вычурно. Свободного места было много, при желании здесь можно было бы даже станцевать, хотя я бы всё же не советовала это делать.

Дело было в другом. Наверное, я просто не в настроении, ведь здесь столько красивых работ, а мне не хотелось видеть всё это. Столько ярких цветов, буквально искривших жизнь, а мне это было противно. Столько солнечного, радостного, весёлого, что аж тошно. Я определённо пришла сюда не в самый подходящий момент.

К счастью, ситуацию спас Роберт, решивший поискать среди немалого количества людей Люси. По пути мы встречали много знакомых, каждый из которых обязательно хотел поговорить с моим отцом и высказать, что он думает обо мне, ведь я так изменилась с нашей последней встречи. Самое смешное, что это говорили даже те люди, с которыми мы виделись первый раз. Лживые комплименты. Как я это ненавижу.

Видимо, от папы не ускользнуло, что уже на четвёртом таком «комплименте» всё происходящее явно начало мне надоедать, поэтому он поспешил как можно скорее увести меня подальше от этих врунов, отговариваясь тем, что у него есть срочное дело к жене. Все понимающе кивали и, фальшиво улыбаясь, говорили, что она молодец — очень хорошо

постаралась. Мне в тот момент хотелось их стукнуть. Лучше бы молчали, чем позволяли себе снисходительно говорить о моей маме, но я прекрасно понимала, почему молчит Роберт и почему то же самое следует делать и мне, поэтому просто улыбалась всем в ответ так же фальшиво, как и они мне.

После довольно долгих поисков мы наконец-то обнаружили цель. Люси стояла в компании трёх мужчин и двух женщин, о чём-то увлечённо с ними беседуя. Я улыбнулась и хотела было ринуться к ней, чтобы поздравить, как вдруг папа остановился сам и остановил меня. С удивлением взглянув на него, я заметила, как мужчина завороченно смотрит на свою жену и со счастливой улыбкой говорит:

— Давай подождём немного. Пусть выслушает комплименты — она так старалась, что ей в ноги обязаны кланяться. Пусть слушает. К тому же, — он вдруг взглянул на меня, — разве не интересно понаблюдать, как она просто светится от счастья?

Я улыбнулась, после чего взяла Роберта под руку и, подойдя ближе, положила свою голову ему на плечо, ответив:

— Тебе, наверное, это ещё приятнее, чем мне.

— А ты представь на её месте Филя. Уверен, что твоя улыбка расплывётся от уха до уха — тогда и поймёшь, что чувствую я.

— Папа! — укоризненно произнесла я. — Для того, чтобы порадоваться за маму, мне вовсе не обязательно представлять на её месте Филя!

— Да-да, — ответил тот, но я даже не стала возмущаться, потому что было у меня подозрение — он не слушает.

Ну и ладно. Мне было хорошо и вот так просто стоять, наблюдая за Люси и зная, что кое-кто сейчас смотрит на неё влюблёнными глазами. Почему-то в тот момент подумалось, словно я наблюдаю не за своими родителями, а за молодой парой, у которой только-только завязались отношения. Это было какое-то странное и очень приятное чувство, от которого хотелось улыбаться. В который раз за день моё настроение кардинально изменилось, но это нисколько не беспокоило. Мне нравилось, как всё складывается.

Нравилось ровно до того момента, когда Люси распрощалась со всеми, но один мужчина остался рядом с ней. Тогда я напряглась. Пусть и не была в этом уверена, что-то подсказывало мне, что это, скорее всего, Арон, и мне совсем не нравились собственные догадки. Несмотря на слова мамы, успокоиться полностью я не могла, пока этот человек не исчезнет куда подальше. Причём навсегда.

— Думаю, мы можем уже к ней подойти, — внезапно сказал Роберт, из-за чего я запаниковала и крепче схватила его за руку. Удивлённо взглянув на меня, мужчина спросил: — Что такое?

— Ну... Ты смотри, она же разговаривает! Может, не стоит туда идти, а?

Отец открыл было рот, дабы сказать мне что-то в ответ, как вдруг совсем рядом с нами послышался женский голос.

— Почему же не стоит? — спросила девушка, которая, заговорив, заставила нас обоих обратить на неё внимание. Довольно высокая и слегка полноватая шатенка смотрела на нас с каким-то ехидством, скрестив руки на груди. Убедившись, что теперь мы оба её слушаем, незнакомка добавила: — Полагаю, вам будет интересно узнать, как ваша жена ведёт себя в ваше отсутствие. Я же не ошиблась? Вы Роберт Моллиган, правда же?

— А с кем я имею честь говорить? — спросил тот, а я с ужасом почувствовала, как он напрягся.

С вызовом посмотрев на эту девушку, я постаралась вложить в этот жест как можно больше злобы, мысленно передавая ей сообщение: «Даже не думай! Скажешь хоть слово — головы тебе не сносить!»

— Я-то? — словно удивившись, что ей задали такой вопрос, спросила та. — Меня зовут Эйприл Гаррис. Мой отец — Арон Гаррис — сейчас беседует с вашей женой. И, знаете, у меня есть к вам просьба, раз уж вы всё равно собирались к ним. Напомните своей дорогой, а заодно и моему дражайшему папочке, что у обоих есть семьи, ладно? А то как-то нехорошо получается.

— Что вы имеете в виду? — ледяным тоном спросил Роберт и в тот момент я поняла, что всё плохо.

— Вы уж простите меня за такое фамильярство, но мы с вами в одной лодке, поэтому скажу прямо, — Эйприл вздохнула так, словно пыталась объяснить ребёнку таблицу умножения. — Частые встречи и свидания моего отца и вашей жены меня напрягают. С папой я разберусь сама, а вы, будьте добры, объясните своей жене, что Арон — женатый человек. Мне не нужно в свои двадцать три года осознавать, что брак моих родителей разрушился из-за нелепой интрижки, которой не продлится дольше пары месяцев. Так мы договорились?

Я часто задыхалась, чувствуя, как атмосфера с каждой секундой накалялась всё больше и больше. Самое страшное было то, что я даже не предполагала, как на всё это отреагирует папа. Раньше я никогда не видела его скандалящим, а потому сейчас тоже не могла представить что-то подобное, но и мирного разрешения ситуации отчасти сама не хотела. Слишком много эта Эйприл о себе возомнила, дабы разговаривать так с человеком, который ей, пусть и с натяжкой, но в отцы годится! Даже если и не годится, то он прилично старше её, так что нечего позволять себе так говорить!

— Прежде, чем делать поспешные выводы и позволять себе говорить со мной в таком тоне, — словно прочитав мои мысли, начал Роберт, — я посоветовал бы вам, мисс, убедиться в правдивости ваших догадок.

— Догадок? О, уверяю вас, это не простые догадки! Сами разве не видите, что...

— И прежде, чем перебивать меня, я бы посоветовал дослушать то, что я хочу сказать, — мужчина не повысил голоса, но тон его настолько переменялся, что даже я в ужасе отпрянула от него, с удивлением глядя на человека, который, будучи моим отцом, крайне редко вёл себя так при мне. — Итак. Если у вас сложилось такое мнение, вовсе не обязательно делиться им с другими. Мне очень жаль, что вам пришлось так подумать и проходить через такое, ведь сам в своё время едва ли не пережил развод собственных родителей. Однако это не даёт вам права обвинять людей, ни в чём не разобравшись. Вы хотели поговорить со своим отцом? Будьте добры, поговорите. Если ответ вас не устроит, тогда я готов вас выслушать. До тех пор, пожалуйста, не попадайтесь мне на глаза с подобными домыслами. В принципе, это всё. С вашего позволения... — он посмотрел на меня и, крепко схватив за руку, сказал: — Кэтрин, мы идём к маме.

Я заметила, как лицо Эйприл побагровело то ли от гнева, то ли от смущения. К счастью, благодаря тому, что Роберт не повысил голос, никто не обратил внимания на эту сценку, наверняка решив, что эта девушка, как и многие до неё, решила поздравить Люси с удачной выставкой.

Если бы всё было так. Отец настолько крепко сжимал мою руку, что она начала болеть, но вырваться я почему-то не рискнула. Буквально подтащив меня к Арону и Люси, он

встретился взглядом с несколько удивлённой, но счастливой женщиной.

— Ты всё же пришёл, — на выдохе произнесла мама, словно у неё гора с плеч свалилась. — Я так рада. Боялась, что пропустишь.

Несколько секунд Роберт молчал, а после, ещё крепче — так, что я даже всхлипнула от боли, — сжал мою руку и с улыбкой произнёс:

— Я не мог не прийти, ведь ты столько старалась ради того, чтобы устроить это.

— Мне приятно, но я всё же старалась не одна, — она с улыбкой посмотрела на невысокого плотного мужчину, ростом, как и она, пусть женщина и была на каблуках, и сказала: — Позвольте представить вам Арона, с которым мы работали над оформлением выставки.

Мужчина улыбнулся, внимательно осмотрев Роберта с головы до ног, и, протянув вперёд руку, сказал:

— Приятно познакомиться. Наслышан о вас.

Отец в кои-то веки отпустил мою руку, так как сжимал её в своей правой, которая понадобилась ему для того, чтобы ответить на рукопожатие. Сделав это, он произнёс:

— Да, я тоже о вас наслышан. Вы не представляете, как я горел желанием с вами познакомиться.

===== Глава шестая =====

Если бы меня спросили, чьей встречи я хотела бы меньше всего на свете, пожалуй, этот вопрос не вызвал бы у меня затруднений. Прямо сейчас мне очень хотелось бы отмотать время назад, лишь бы ничего не произошло, но вместо этого приходилось стоять и глупо улыбаться, надеясь, что сейчас ничего не произойдёт.

— Правда, слышали? — удивился Арон, услышав реплику моего отца. — А я-то думал, что Люси предпочла бы обо мне вообще не вспоминать.

Роберт и бровью не повёл. Казалось, будь его воля, он бы вообще игнорировал всё, что ему говорят, но, зная моего отца, я могу утверждать, что он так поступать не мог. Его будет выворачивать наизнанку, но он будет разговаривать с человеком. Потому что так надо. Потому что иначе нельзя. И в этот раз всё было так же.

— Почему же? — мужчина даже улыбнулся, произнося следующую фразу: — Разве есть что-то, из-за чего моей жене может быть неприятно общение с вами?

— Роберт, — одёрнула его Люси. — Я не думаю, что...

— Думаю, да, — перебил её Арон. — Потому что из-за того, что я чересчур неумел, эта выставка чуть было не сорвалась.

— Без тебя она также и не состоялась бы, поэтому всё в порядке, — сказала мама таким тоном, словно готова была взять в руки иголку с нитками и зашить этому человеку рот. — Пожалуй, я пойду. Хочется побыть с семьёй, ты ведь должен меня понять.

Люси посмотрела куда-то в сторону и кивнула, указывая на кого-то. Проследив за её взглядом, я увидела Эйприл, которая стояла у одной из картин и смотрела на нас так, словно вот-вот готова была расплакаться. Если до этих пор она смотрела на своего отца и мою мать, то, стоило повернуться к ней мне, она посмотрела уже на меня. И в тот момент мне неожиданно подумалось, что мне её жаль. Да, именно жаль. Просто я вспомнила себя, свои чувства тогда, когда трубку взял Арон. А сейчас всё происходило прямо на её глазах, пусть ничего страшного и не было.

Но в тот же момент я осознала, что больше не беспокоюсь по этому поводу. Кто его знает, чем это было вызвано, но внезапно я перестала подозревать маму в измене отцу.

Почему? Пожалуй, на этот вопрос я не смогу ответить. Просто мне вдруг захотелось поверить ей. Я уже жалела о том, что не сделала этого раньше, так что решила постараться хотя бы сейчас. Просто что-то подсказывало мне, что после сегодняшнего с доверием в нашей семье будут проблемы...

— Ох, — выдал мужчина, заметив собственную дочь. — Я и не знал, что она пришла. Ну, раз уж наши семьи решили почтить своим присутствием эту выставку, полагаю, что нам действительно стоит проводить время с ними, — он повернулся лицом ко мне, что стало для меня полной неожиданностью, ведь немного странно и даже страшно ловить на себе взгляд человека, только-только повернувшись к нему. Воспользовавшись моим молчанием, Арон произнёс: — У вас очень красивая дочь. Ещё красивее, чем на фото. Она бы очень понравилась моему сыну.

— Боюсь, что все женщины в моей семье не свободны, — шутливо произнёс Роберт. — Какая жалость для окружающих, не правда ли?

— Не могу не согласиться, — в тон попытался ответить ему собеседник. — Но было бы странно, если бы такие красавицы были свободны. Вам повезло жить в таком цветнике.

— Да, я несомненно везучий человек, — всё тем же тоном отвечал папа. — Кстати, вам разве не пора? Доченька ждёт, ещё один красивый цветочек... А вдруг украдёт кто? Надо бы за ней присматривать.

— Именно этим я сейчас и займусь, — улыбнувшись, сказал Арон, после чего посмотрел на меня и сказал: — Удачи тебе. Возможно ещё увидимся.

— Да? — скорее спросила, чем подтвердила я. Причём прозвучало это настолько жалостливо, что окружающие даже улыбнулись.

Произнеся прощальную фразу, этот человек наконец-то соизволил уйти, чему я была невероятно рада. Подозреваю, что рады этому были все, так как это легко читалось на лицах моих родителей. Однако уход Арона не смог спасти ситуацию, потому что все молчали. Возможно, каждый обдумывал, что сказать, или не знал, как начать разговор. А может все, как и я, просто стояли и думали, что делают остальные, вместо того, чтобы начать действовать.

Не знаю, сколько мы простояли, не проронив ни слова, но первым человеком, которому это надоело, стал мой папа.

— Что же, — сказал он, — думаю, что выставка получилась отличной, особенно если учесть, как давно ты этим не занималась. Поздравляю, дорогая.

Люси недоверчиво посмотрела на Роберта, словно ожидала, что он начнёт ругаться. Но, по всей видимости, она сама поняла, что это невозможно, ведь отец был не из тех людей, которые начинают выяснять отношения в публичном месте. Но от этого ей, кажется, было ещё хуже. В тот момент мама, сжав губы, виновато смотрела на своего мужа, а тот лишь делал вид, будто ничего не понимает.

— Что случилось? — спокойно спросил он, а потом, улыбнувшись, добавил: — Ты, наверное, думала, что я буду злиться, но, уверяю тебя, не произошло ровным счётом ничего, что заставило бы меня так поступить. Поэтому давай просто забудем об этом, а я поздравлю тебя ещё раз.

Лжец. Я никогда не думала, что подумаю так о своём отце, но именно таким он и был. Ничего не произошло. Да-да, я так и поверила. Мне хотелось высказать свои мысли, хотелось поделиться своими чувствами, но я понимала, что не могу этого сделать. Вместо этого оставалось только стоять и наблюдать за этим со стороны, словно я даже не дочь им, а

какой-то случайный прохожий.

В принципе, в тот момент я не была их дочерью, просто не могла ею быть. Дети, пусть и не признаются себе в этом, всегда принимают сторону одного из родителей, хотя сами же могут думать, что любят обоих. Когда мама с папой ссорятся, они втайне поддерживают того или иного, даже если сами не хотят в это верить. Я же не хотела никого из них поддерживать, но и осуждать не собиралась. Если, повзрослев, я и изменилась хоть в чём-то, так это в том, что не всегда стоит лезть в чужие дела. Один человек отчётливо дал мне это понять. Наверное, только его я и хотела бы видеть, только с ним и хотела бы поговорить.

Однако мне не удалось этого сделать. С горем пополам дожив до конца выставки, я отправилась вместе с родителями домой, лелея мысль, что, придя туда, встречу Филадельфию и, пригласив погулять, смогу рассказать всё, что накипело. Почему-то мне вдруг начало казаться, будто я слишком многое коплю в себе, не рассказывая ему практически ни о чём, вот и захотелось поделиться. Но Гардинер не был бы собой, если бы в очередной раз не оказался на несколько шагов впереди.

Зайдя в дом, я, наспех сняв обувь, побежала на второй этаж — в комнату, которую мы выделили ему и в которой он практически не спал, оставаясь на ночь со мной. Я даже верхнюю одежду не сняла, просто вбежала вверх по лестнице и, не постучавшись, открыла дверь в его комнату, однако Филадельфия там не оказалось.

— Хм, — только и выдала я, не обнаружив его. Тогда, предположив, что он может быть в ванной, я крикнула: — Фил, ты здесь?

Но ответа не последовало. Тогда мне показалось, что он мог зайти в мою спальню. Всё равно он всегда делал всё, что ему захочется, поэтому моя просьба не входить туда, пока меня нет, вряд ли подействовала бы.

Выйдя из комнаты, я закрыла за собой дверь и уже предвкушала, как смогу выплеснуть часть гнева, разозлившись на Гардинера за то, что он без спросу зашёл на мою территорию, как вдруг с первого этажа послышался голос мамы.

— Роберт, Кэтрин! — крикнула она. — Быстренько спускайтесь!

— Что случилось? — крикнула я, с сожалением посмотрев на дверь моей спальни. Цель же была так близко!

— Спустись же! — стояла на своём Люси, не дав мне никакого шанса на сопротивление.

Вздыхнув, я прошептала: «Ничего, я до тебя ещё доберусь», после чего поспешила к маме, лишь бы она не разозлилась.

Вопреки моим ожиданиям, Люси была не на кухне, как мне поначалу показалось, а в гостиной, поэтому отец добрался туда значительно раньше меня. Они оба стояли прямо посреди комнаты, а в руках мужчины была записка, которую он читал. Эти двое были так поглощены этим занятием, что даже не заметили, как я пришла, что немного оскорбляло, поскольку это они меня позвали. Только я хотела об этом сказать, как Роберт, оторвав взгляд от записки и взглянув на меня, спросил:

— Что это за ерунда?

Я лишь удивлённо заморгала. Он указывал на клочок бумаги и смотрел на меня так, словно я должна была знать, что он значит, но я-то не знала. Поняв это, папа протянул мне его со словами:

— Ты ничего не знаешь об этом?

Всё ещё ничего не понимая, я взяла листок в руки и быстренько пробежалась взглядом

по нескольким строкам, написанным на нём.

«Я же уже говорил, что не собираюсь задерживаться здесь, дабы не стеснять вас. Но, думается, если бы захотел уйти, пока все вы дома, вы бы попытались меня остановить, правда? Во избежание ссор и с целью сохранить хорошие отношения между нами, я решил уйти, когда вы не сможете меня остановить. Спасибо большое за гостеприимство! В следующий раз постараюсь не допускать повторения подобных ситуаций.

Ф.»

Я прочитала эту записку. Не поверила своим глазам и перечитала. Потом сделала то же самое ещё раз. И ещё. И в следующий момент обнаружила, что просто не отрываю взгляда от этих строк, старательно пытаюсь понять одну вещь.

— Что это за бред?! — не выдержав, я озвучила эту мысль.

— Вы точно родственники, — вздохнув, сказала мама, поочерёдно посмотрев то на меня, то на Роберта, а потом взяла записку из моих рук и, мельком взглянув на неё, посмотрела на меня, спросив: — Значит, ты тоже не в курсе всего этого?

— Думаешь, будь я в курсе, я бы реагировала так? — спросила я, отказываясь верить в то, что недавно прочитала. — Я уверена, он уже обсуждал это с вами. Разве нельзя было переубедить его?

— Думаешь, я не пытался? — Роберт немного повысил голос. — Но он же, как упрётся, ни в какую! Боже, у меня сегодня и так не самое лучшее настроение, а тут ещё и это...

— Сейчас я ему позвоню и постараюсь всё узнать, — сказала я, надеясь, что дальше папа не продолжит. К счастью, он замолчал.

Вытащив телефон из кармана пуховика и принявшись набирать его номер, я с сожалением подумала, что сейчас чувствую себя так, словно решила прилечь отдохнуть под действующим вулканом. Очень и очень неприятное ощущение, должна сказать. Папа не часто злится, а когда это происходит, он старается не подавать виду, но лучше дать ему побыть одному и как можно скорее, а также не раздражать ещё сильнее. Только не сегодня, Фил! Почему ты захотел сделать это именно сейчас?

— Да, Кэтрин, — послышался голос из трубки. — Полагаю, вы уже дома?

— А ты как думаешь? — даже не скрывая раздражения, спросила я. — Почему даже не предупредил о том, что собираешься сделать?

— Я предупреждал. И не раз, кстати.

— Хорошо, — с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, так как рядом были родители, ответила я. — Поставлю вопрос иначе. Почему ты не предупредил меня о том, что собираешься сделать?

— Я собирался, — до жути спокойно ответили мне. — Но ты заснула раньше, чем я смог это сделать.

— Не придумывай глупых отговорок! Ты и не собирался мне рассказывать!

— Потому что знал, как тыотреагируешь.

Я посмотрела на родителей и, коротко кивнув им, выбежала из комнаты, надеясь, что они поймут и не последуют за мной. Даже не переобуваясь, я в тапочках выскочила на улицу, где уже точно могла не сдерживаться.

— А как мне, по-твоему, реагировать на это?! — повысив голос, спросила я. — Просто улыбнуться и сделать вид, будто так и было задумано? Я думала, что мы уже прошли через это.

— Если ты хочешь меня видеть, то тебе нужно просто сказать об этом, — вдруг выдал

ОН.

— Что? — не поняла я.

Гардинер глубоко вздохнул, после чего сказал:

— Ты же злишься сейчас не потому, что я ушёл, а потому, что я сделал это именно тогда, когда понадобился тебе. Так ведь?

— Эй, — протянула я. — Признайся, ты установил в моём доме скрытые камеры, пока никого не было?

Короткий смешок.

— Нет, я просто общаюсь с тобой достаточно долго.

— Не смей думать, что тебя это оправдывает! — я говорила с ним грубо, хотя уже даже не знала — злиться мне, расстраиваться или даже радоваться. Странное такое было ощущение, словно мы едем на велосипедах, я всё время прошу его сбавить скорость, а он тормозит и, разворачиваясь, едет в другую сторону, раз за разом заставляя догонять его.

— Я и не думал. Так что? Хочешь встретиться?

— Нет! — громче, чем требовалось, сказала я. — Если увижу тебя, то обязательно захочу ударить! А если я сделаю это в публичном месте, у меня могут быть проблемы...

— Тогда сделаешь это завтра в школе. Сюю попросила к ней заскочить.

— Тебя? Когда?

— Нас. Позвонила сегодня. Раз уж я тебе не нужен, то детали расскажу завтра. На этом всё. До встречи.

Сказав это, Гардинер положил трубку. Ещё какое-то время я, находясь в ступоре, не убираала телефон от уха, продолжая слушать частые гудки, то и дело слышные из неё. Когда же лёгкий шок прошёл, я тоже положила трубку, а после моя рука, державшая телефон, безвольно опустилась, а я же просто устала в одну точку, застыв на месте. Не то чтобы я на что-то рассчитывала, когда звонила. Возможно, в глубине души я даже понимала, что Фил не то что не вернётся, а даже ничего не объяснит, но всё же...

Всё же я надеялась на менее холодный приём. Причин так разговаривать со мной у парня было множество, я даже могла не подозревать о них, но сейчас я всё равно была в таком шоке, что даже не смогла бы ничего объяснить родителям, если бы вернулась в дом. Наверное, именно поэтому, не отдавая отчёт собственным действиям, я просто пошла прочь со двора, даже не переобувшись.

Заходить в дом не хотелось. Не хотелось разговаривать с родителями, не хотелось объясняться с ними, не хотелось слушать их попытки объясниться друг с другом. Если честно, ничего не хотелось.

В комнатных тапочках побрела по улице, не особо задумываясь, куда, собственно, иду. По пути написала сообщение маме о том, что решила прогуляться. Я не спрашивала разрешения, а ставила перед фактом, поэтому даже не удивилась, когда женщина тут же перезвонила мне. Ответив, я не сказала ничего существенного, просто заверила, что Гардинер жив-здоров, а я просто захотела проветриться. Больше меня ни о чём не спрашивали.

Посетила ли меня в тот момент мысль, что я жуткая эгоистка и беспокоюсь только о собственных чувствах? Да, и не раз. Показалось ли мне, что я поступаю неправильно? Я знала, что поступаю плохо. И всё равно не изменила своего решения. Пожалуй, мне не хватало чего-то, позволяющего людям поступать разумно. Будь то обычный ум или хотя бы что-то, отдалённо похожее на совесть. Нет у меня ничего этого. И никогда не было.

Я сама не заметила, как дошла до кафе, в котором мы часто сидели с девочками. Вдруг подумалось, что было бы неплохо зайти туда и посидеть в тепле, а не продолжать и дальше мёрзнуть на улице, потому я и зашла внутрь. Большая часть персонала уже знает нас в лицо, поэтому на лице официанта отразилось неподдельное удивление, когда он увидел мои промокшие ноги, обутые в комнатные тапочки. Какое-то время он не сводил с них глаз, но после, поборов себя, привычно улыбнулся и спросил, где бы мне хотелось сесть. Я, недолго думая, села за столик в самом углу, подальше от людей. Не хотелось, чтобы каждый посетитель удивлённо глядел на мои ноги.

Умостившись там, я, не особо церемонясь, поджала ноги под себя, весьма некультурно усевшись на диванчике в публичном месте, но предварительно сняла с себя пуховик и положила его на колени, так что со стороны это смотрелось не слишком странно. Заказала себе чай. Терпеть не могу чай, но он был тёплый. Только поэтому и решилась на это.

Не могу сказать точно, сколько я просидела в том кафе, но, по всей видимости, достаточно долго для того, чтобы заставить моих родителей волноваться и начать меня искать. Повинуясь их угрозам, я расплатилась, после чего пошла домой. Не знаю, по правде говоря, что дал мне этот поход, ведь я даже не думала ни о чём, никому не позвонила, ни с кем не поговорила, даже не решила, что делать дальше. Только запоздало поняла, что я сегодня прогуляла курсы. Ну и ладно, всегда можно сходить завтра.

Придя домой, я была больше похожа на зомби, нежели на человека, а ещё, лишь оказавшись внутри, очень захотела спать. Наверное, произошло слишком много всего для одного-единственного дня. Именно поэтому, не особо затягивая, я направилась спать и на удивление быстро уснула.

И по той же причине проснулась за два часа до того, как мне надо уходить. Но я не отчаялась и, собравшись, пошла в школу, просто очень и очень медленно. Не без удовольствия отметила, что, несмотря ни на что, родители спали в одной комнате. Нравилось мне то, что они никогда не расходятся по разным углам даже если поссорятся. Пожалуй, это немного подняло мне настроение с утра пораньше.

И чем дальше я шла в школу, тем лучше оно становилось. А всё это потому, что по пути я решила позвонить всем-всем своим друзьям, дабы пожелать им доброго утра. Почему? Не знаю, вот захотелось мне поднять настроение и себе, и людям. Только не рискнула Дженни звонить. А вдруг её малого разбужу? Нет, пiski и визги в трубку мне не нужны.

А вот Лили, Майк, Алекс и даже Фил не спаслись от этой участи. Причём диалог у нас всех был действительно идиотский. Я звонила и желала всем хорошего дня, а меня почему-то чуть ли не посылали. Обидно, однако. Я же с искренними намерениями, а они...

Но самый странный диалог был всё же у меня с Филом. Никто же не сомневался, да?

— Доброе утро, — бодро крикнула я в трубку, так как настроение уже улучшилось от предыдущих звонков.

— И тебе того же, — спокойно ответил он. — Что-то ты рано проснулась.

— А ты почему не спишь?

— Потому что я уже встал.

— А когда?

— Сейчас.

— Почему тогда такой бодрый?

— Мне нельзя?

— Нет, можно.

— Спасибо. Ещё раз доброе утро.

— И тебе того же.

— Пока.

— Пока...

Попрощавшись с ним, я ещё какое-то время обдумывала, что значил весь этот бессмысленный разговор, но после подумала, что это уже хорошо. Мне хватило мозгов пересилить себя и не разозлиться на него, что уже невероятно радовало, потому что обычно я просто дура в таких ситуациях. Теперь же я вдруг почувствовала себя хорошей девочкой и пообещала сама себе, что сегодня ни за что не разозлюсь на него и не сорвусь, ведь я как-то запоздало подумала о том, что ему и так будет нелегко, так как наверняка сегодня только ленивый не будет коситься на него и обсуждать. В этот момент я должна быть рядом, а не кукситься от обиды, пока дорогой мне человек проходит через это самостоятельно.

Но сегодня, кажется, всё было против меня, особенно сам Фил, который только и делал, что пытался вывести меня из себя. Не знаю, каким образом, но этот паршивец умудрился прийти в школу раньше меня, хотя, если верить его словам, утром я его разбудила своим звонком. Следовательно, к Сью, которую я решила навестить перед занятиями, он попал раньше меня. Когда я пришла, эти двое уже сидели в актовом зале и о чём-то разговаривали. Фил стоял ко мне спиной, а учительница, усевшись на сцену и свесив ноги, как раз смотрела прямо на входную дверь, когда я вошла, поэтому она тут же меня заметила.

— Кэтрин! — воскликнула девушка. — Ты как раз вовремя. Что до остальных? Они ещё не пришли?

— Сомневаюсь, что какой-то идиот, кроме меня, может прийти в такую рань в школу. Ну, — я мельком взглянула на Филя, — разве что он.

Парень повернулся ко мне и послал в мою сторону убийственный взгляд, на что я лишь пожала плечами. На правду ведь обижаться нельзя.

— Ладно, не будем об этом, — примирительно сказала Сью. — Я вас не за этим здесь собрала. Вообще-то, мне нужна ваша помощь, ребята.

Я подошла поближе, чтобы внимательно послушать её, после чего мисс Уильямс разъяснила ситуацию. Как оказалось, в этом году будет юбилей нашего учебного заведения, поэтому мы, как абсолютно любая школа, не можем его проигнорировать. Директор сказала, что ей хотелось бы, дабы ученики подготовили на сей раз что-нибудь особенное. Потому что это одновременно юбилей её выпуска из этой школы, хотя Сью попыталась нас заверить, что это никак не связано между собой.

— Иными словами, — подвела итог она, — мне нужна ваша помощь абсолютно во всём, потому что я даже не представляю, что именно особенное может понравиться директору. Меня вообще первый раз заставили этим руководить, так что у меня ни идей, ни предложений. А у вас?

В этот момент послышался звук открывающейся двери, после чего в зал кучкой завалились Лили, Дженни, Майк и Генри. Увидев меня, обе девушки приветливо улыбнулись, после чего быстрым шагом направились ко мне, попутно здороваясь. Станным было то, что не было ни следа удивления на их лицах, поэтому я могла сделать вывод: они давно узнали об этой встрече, в отличие от меня.

— Как же здорово, что все пришли! — воскликнула Сью, радостно хлопнув в ладоши.

— Все? — переспросила я. — То есть, вы решили наярять только нескольких человек?

— А зачем мне здесь толпа неумёх? — удивлённо спросила та. — Вы же вместе

учитесь, поэтому должны лучше знать, у кого какие таланты имеются, а также кого реальнее заставить участвовать в школьной самодеятельности. Вот и поработайте, я же пока пойду на урок.

— В каком смысле?! — мне показалось или удивилась действительно только я? Если остальные всё знают, почему даже не соизволили заикнуться об этом?! — То есть, вы хотите, чтобы мы сами всё придумали и сделали?

— Собственно говоря, да. Вы же себе делаете праздник, вот и подумайте, чего бы вам хотелось, а также что может быть для вас интересным.

— Это всё, конечно, хорошо, — подала голос Дженни, которая сейчас буквально стала моим светом в оконце, — однако мы даже не знаем, от чего отталкиваться. Как мы можем делать то, не зная, что?

— Вот именно! — подхватила я, радуясь, что здесь есть ещё один адекватный человек. — К тому же, у меня опыта участия в самодеятельности вообще нет. Может, не стоит и пытаться? Всё равно ничего дельного не предложу.

— Как же так? — учительница притворилась, что удивлена. — А я, по правде говоря, больше всего надеялась, что вам с Филом удастся на пару что-нибудь придумать, ведь вы такие выдумщики! Чего только стоят ваши выходки!

В моей памяти тут же стали проноситься воспоминания прошлого года, когда между мной и Гардинером была чуть ли не настоящая война. Спасибо большое Сью, что она напомнила мне о времени, которое я так старалась забыть, потому что моё поведение тогда... не впечатляло, мягко говоря.

— Кэтрин, неужели ты боишься ответственности? — вдруг выдал Гардинер, наигранно удивившись, что, в свою очередь, удивило меня.

— Что ты имеешь в виду? — с подозрением спросила я, не собираясь раздувать ссору до того, как удостоверюсь в своих догадках.

— То, о чём говорю, не ясно разве? — парень вздохнул. — Ну же, Кэтрин. Я понимаю, что сейчас утро, но ты всё же можешь соображать чуточку быстрее?

— Эй, Гардинер! — не выдержав, я повысила голос. — Что с тобой утром случилось, раз ты на меня кидаешься?

А вот теперь шатен удивился по-настоящему, однако я даже не намеревалась смягчать удар. Мне действительно не нравилось то, что происходило между нами, и я бы рада была выяснить, в чём причина такого его поведения, но не на людях же!

— Я на тебя не кидаюсь, как ты выразилась, — спокойно ответили мне. — Я просто хочу напомнить тебе, Кэтрин, что ты не настолько проста, как кажется на первый взгляд. Я думал, что для тебя помочь Сью с чем-то подобным будет пустяковой задачей, но... Что же я могу поделать, если ты считаешь, будто не способна на это?..

— Кто не способен? Я? Когда это я такое говорила? — не отдавая отчёта собственным словам, выпалила я, в глубине души понимая, что сейчас меня берут на «слабо». Тем не менее, даже осознавая это, я всё равно повернулась к Сью лицом и довольно самоуверенно произнесла: — Что там, говорите, надо придумать? Я могу попытаться сделать это.

Учительница, до сих пор с интересом наблюдавшая за нами (кстати, а так ли должны поступать в подобных ситуациях педагоги?..), словно очнулась ото сна. Услышав, что я фактически согласилась сделать всю работу за неё, она улыбнулась, после чего наспех ввела меня в курс дела, чему я была не рада.

Если я правильно её поняла, то от нас требовалось нечто наподобие мюзикла, а не

просто обычная постановка. То есть, мне нужно было найти людей, которые хотя бы иногда в ноты попадают и могут станцевать хотя бы пару-тройку простеньких движений. И, что самое главное, сценарий тоже оказался на мне, но добрейшая мисс Уильямс разрешила мне распределить все эти обязанности между той группкой людей, которая собралась здесь.

— И раз ты, дорогая, всё поняла, — сказала она в заключение, — ненадолго я вас покину, поскольку у меня скоро урок. Не волнуйтесь, всех вас я отпрошу, поэтому прогул вам не поставят. На следующей перемене я вернусь. Надеюсь, к тому моменту вы уже придёте к чему-нибудь. Удачи вам!

Девушка лучезарно улыбнулась, после чего, что-то быстро шепнув Майку, поспешила удалиться из зала. Когда дверь за ней закрылась, вдруг раздался звук проворачиваемого в замке ключа, отчего я не выдержала и фыркнула.

— Что, правда? — вслух спросила я. — Она нас заперла? Да куда же мы денемся с подводной лодки?..

— Она тебе что-то об этом сказала? — спросил Фил, поворачиваясь к Майку.

Брюнет, к сожалению, не был особо эмоциональным человеком, поэтому, когда он произнёс: «Да, но это несущественно», понять, правду он говорит или нет, было практически невозможно. Я вздохнула, вдруг подумав, что как-то много всего на меня сразу навалилось. Посмотрела на своих подруг, заметив, что они обе смотрят на меня, причём сочувственно. А где же вы, золотые, были, когда эта зараза Гардинер меня на такое подбивал?..

Словно прочитав мои мысли, Лили едва заметно кивнула в сторону Фила, а после нарисовала в воздухе знак вопроса. Я лишь пожала в ответ плечами, абсолютно не понимая, что совсем недавно произошло.

— Вы могли бы и вслух спросить, какая муха меня укусила, — будничным тоном сказал парень, словно о погоде говорил.

— И ты бы ответил? — спросила я.

— Нет, — всё тем же тоном ответил он. — К тому же, это сейчас не главное. Тебе тут руководить нами надо и быть генератором идей, не в курсе?

Я чуть не зашипела от злости, стоило мне услышать эти слова. А из-за кого, по-твоему, мне всё это делать надо?!

— Ты виноват в том, что всё так получилось, вот и предлагай первым!

Я скрестила руки на груди, аки ребёнок, после чего с обидой посмотрела на Майку и Генри, однако это мне ничего не дало. Джевонс даже не удостоил меня взглядом, а его приятель, как и я до этого, лишь пожал плечами, давая понять, что я не единственная, кто не понимает, что здесь вообще происходит.

— Я должен предложить? — я отчётливо услышала язвительность в его голосе. — То есть, сейчас ты признала, что из тебя никакой руководитель, поэтому просишь всё сделать за тебя?

— Хороший руководитель должен прислушиваться к мнению окружающих!

— Так дай же ты толчок этим окружающим! — Гардинер изобразил этот самый толчок, «подпихнув» воздух. — Скажи, с чего нам начинать!

Я чувствовала, что готова взорваться. Никогда бы не подумала, что с ним окажется так сложно работать! Возможно, дело в том, что последний раз мы были одной командой в прошлом году, когда ездили на соревнования, однако даже тогда толком не побыли вместе, но сейчас дело явно не шло. И это угнетало.

— У меня есть идея! — внезапно подал голос Генри, заставив всех посмотреть на него. — А что, если вы вдвоём, вместо того чтобы спорить, просто возьмёте и оба что-то придумаете? А потом мы просто выберем лучшую идею. Так вы хоть спорить перестанете.

— Позвольте спросить, любезнейший, — вставил реплику Фил, — вот мы с Кэтрин сейчас займёмся умственной деятельностью, а чем всё это время будете заниматься вы?

— Как «Чем»? Вам помогать, конечно! Можно взять и разделиться на команды, а потом приняться за работу. Практика показывает, что соревнования — один из лучших видов командной работы, так и решение гораздо быстрее придёт.

— Если это соревнования, — подала голос до сих пор молчавшая Дженни, — значит, там должен быть и приз, да?

— Точно-точно! — подхватила Лили. — Нет смысла участвовать в соревновании, если тебе ничего не светит!

— Давайте сперва поделимся на команды, — прервал поток азарта Генри, — а после решим, какой будет приз.

— Я с Кэтрин! — моментально выпалила шатенка, а после, схватив другую девушку за руку, добавила: — Дженни, конечно же, с нами!

Они подошли ко мне, а Лили даже обняла меня за плечи, пристроившись за моей спиной. Автоматически получилось, что у нас будут девушки против парней, а самое интересное то, что я даже ни в чём не участвовала. Если честно, мне, в отличие от всех остальных, ничуть не хотелось соревноваться, особенно с Гардинером. Печальный опыт показывал, что я никогда не выигрываю, а ещё одного поражения моя гордость просто не переживёт. Но это же не волнует никого из присутствующих, правда?

— Похоже, с командами у нас проблем нет, — подвёл итог Генри. — Что же... На что играем?

— Желание! — в один голос сказали мы с Филом, заставив окружающих лукаво посмотреть на нас. О да, уж они не могли забыть наши прошлогодние игры на желания...

— Желание, так желание. Все согласны? — блондин посмотрел на Майку, ожидая от того хоть какого-либо участия, потому что до этих пор парень молчал.

— Чего на меня смотришь? — неприветливо отозвался тот. — Вы эту кашу заварили, вам и расхлёбывать. Пора бы запомнить, что я не люблю подобное.

— Майк! — любовно протянул его имя Генри. — Что же ты так, а? Ну же, не расстраивай нас, соглашайся!

Парень подошёл к нему поближе, после чего обнял за плечи и прижал к себе, от чего у брюнета чуть ли глаза на лоб не вылезли. Освободившись от хватки своего друга, он быстро отошёл от него на несколько шагов, остановившись возле Гардинера, повернувшись к нему спиной.

— Я согласен, только если ты не будешь меня трогать!

— А мне, значит, можно? — негромко спросил Фил, обняв Джевонса одной рукой со спины. — Да, Майки?

— Да идите вы оба, знаете, куда! — повысил голос брюнет, что было для него абсолютно не свойственно. — Достали! Вот возьму и перейду в команду Кэтрин.

— Тогда у нас будет не равное количество участников, — справедливо заметила я, чем вызвала гнев со стороны Майки, поскольку его взгляд явно не предвещал ничего хорошего.

Однако очень быстро гнев исчез, сменившись на просьбу о помощи. Умоляющим взглядом посмотрев за мою спину, парень спросил:

— Лили, поменяешься со мной?

— Но я хочу быть в команде с Кэтрин! — сказала девушка.

— Тогда я могу поменяться с ним, — спокойно предложила Дженни, после чего отошла от нас.

Посмотрев на Майка, она улыбнулась, после чего подошла к парням.

— Ты уверена? — на всякий случай спросила я.

— Это с виду я хорошенькая, но они-то знают, что лучше со мной не связываться, — девушка поочерёдно посмотрела на Генри и Фила. — Так ведь?

Парни недовольно переглянулись, но всё же ничего не сказали на это. Таким вот образом Джевонс оказался в нашей команде, что отчасти меня даже радовало, так как у меня начало появляться какое-то мерзкое ощущение того, что парни немного отделились от нас, теперь же всё будто встало на свои места. Однако присутствие Майка не приносило пользы в плане разъяснения ситуации с Гардинером, потому что парень то ли действительно ничего не знал, то ли крайне умело скрывал то, что знает.

Так и не придя к консенсусу относительно желаний, мы решили, что сначала проведём эти соревнования, а только потом всё хорошенько обдумаем. Сходу было принято решение, что, дабы обеспечить честное и беспристрастное судейство, лучшую идею выберет Сью, которая знать не знает о нашем споре. После этого все активно начали заниматься своими делами.

Не знаю, как всё обстояло в команде Фила, а вот нам конкретно не везло с идеями. Самый умный человек в нашей команде — Дженни — перешла на сторону врага. Идей у Лили было много, но там всегда чего-то не хватало, поэтому мы даже не могли определиться с главной темой нашей постановки, что уж там говорить о деталях. И вот когда мне уже начало казаться, что всё потеряно, а мы проиграли, в голову резко пришла одна мысль, которую я поспешила озвучить. Она была достаточно бредовой, но других всё равно уже не было. Как ни странно, оба члена моей команды поддержали меня, согласившись думать в этом направлении. Так и решили.

Как-то незаметно прошло время, вот и кончился урок. Мы так увлеклись, что даже не сразу заметили, как учительница зашла в актовЫй зал, поэтому лично я очень удивилась, как только услышала её голос.

— Трудитесь в поте лица? Молодцы какие! Итак, вы что-то придумали?

Девушка улыбалась, явно ожидая от нас каких-то результатов. Обе команды были готовы, но мы решили рассказать то, что придумали, так, дабы другая команда не слышала. Это была идея Генри, который вдруг начал переживать, что мы можем что-нибудь скопировать у них, немного изменив. Я лишь фыркнула, услышав подобное заявление, но спорить не стала. К тому же, первыми-то рассказывали свою идею мы...

Другая команда послушно вышла, дав нам возможность всё изложить Сью. Если честно, это было несколько лишено смысла, ведь у нас были всего-то наброски, но порядок мы соблюдали. Закончив, позвали ту команду, а сами вышли. Когда управились и они, тогда мы вернулись обратно. Перемена давным-давно закончилась, но раз это не волновало учителя, почему ученики должны беспокоиться? Вот я и не беспокоилась, а просто плыла по течению.

Все эмоции легко можно было прочесть на лице Сью, которая была довольна как слон. Она улыбалась шире, чем обычно, и сияющими глазами смотрела поочерёдно на каждого.

— Я знала, что вы меня не подведёте! — первое, что сказала она. — Конечно, я думала,

что вы объединитесь и выскажете мне одну совместную идею, но так даже лучше! Мне очень нравятся оба варианта, я даже затрудняюсь выбрать что-то одно...

Я невольно затаила дыхание. Кажется, под конец я даже немного вошла в азарт, что не удивительно, ведь если сейчас скажут, что идея Гардинера победила, мне опять придётся выполнять очередную его прихоть, как это было раньше.

— И, знаете, я не буду выбирать что-то одно! — вдруг выдала мисс Уильямс. — Я сама сяду и напишу сценарий, в котором соединю две ваши идеи! Вы только не делитесь ими друг с другом, я хочу сохранить хоть какую-то интригу.

— А разве наши идеи можно соединить? — ошалело спросила я. Кажется, я не очень рада такому исходу. Я хотела победить.

— На удивление, ваши идеи несколько похожи... Но ты права, целиком и полностью я их не соединю, иначе мы будем до ночи ваш концерт смотреть, да и не выучите вы столько. Придётся взять одну идею за основу.

— И чью же? — взволнованно спросила Лили.

— Думаю, что всё же историю Кэтрин. Ведь нам нужно, чтобы понравилось директору, а она любитель всего подобного. Но ты, Фил, не расстраивайся. Я постараюсь максимально использовать твою идею, идёт?

— Идёт, — с улыбкой ответил парень.

— Без обид?

— Конечно.

— Вот и хорошо! — Сью вдруг начала хлопать в ладоши и говорить, что все мы молодцы.

После этого она, ничего не объясняя, решила просто выгнать нас из зала, аргументируя это тем, что мы и так отлынивали от уроков, тактично умалчивая, что по её же просьбе. Ещё Сью, как обычно, была вся в делах и заботах, поэтому тут же убежала, выпроводив нас, нам же оставалось лишь идти на занятия.

В любой другой ситуации мы бы прогуляли, но лично у моего класса была математика, что означало моё обязательное присутствие там, а Лили и Дженни просто следовали за мной. И всё же, прежде чем уходить, я решила отозвать Гардинера на пару слов, попросив подруг отправиться на урок и сказать, что я скоро подтянусь. Он, в свою очередь, попросил парней сделать то же самое.

— Прежде, чем мы разойдёмся по классам, ответь всего на один вопрос, — без обиняков начала я. — Что это было вообще?

— Ты о чём? — спросил тот, хотя по его лицу было видно, что он сразу же понял, о чём я.

— Ты знаешь, — ответила я, но всё же добавила: — Представление в актовом зале. Какая муха тебя укусила, раз ты начал так себя вести?

— Всё со мной нормально, не стоит придумывать, — парень вдруг с интересом посмотрел на меня. — Лучше придумай со своей командой желание, которое нам предстоит выполнить. В этот раз же выиграла ты.

Я даже не сразу сообразила, о чём он, а когда до меня всё же дошло, я хитро улыбнулась. Чёрт, со всеми этими мыслями о Филе я даже забыла порадоваться, что чуть ли не первый раз за всё время в нашем споре выиграла я! Уму непостижимо! Это же теперь он, а не я, должен выполнять какую-то ерунду и позориться перед всеми! Неужели я дожила до этого?!

— Вижу, ты обрадовалась. Однако помни, что в моей команде есть твоя драгоценная

подруга Дженни.

— Меня это не волнует! — мигом ответила я. — Для каждого у нас будет собственное желание, так что не беспокойся! Хм, может, сделать так, чтобы каждый придумывал желание для кого-то? К примеру, Лили — для Дженни, Майк — для Генри, а я для тебя? Тебе не кажется, что это идеальный план?

Я заметила, что Гардинер несколько стусевался, увидев, как я воодушевилась. А вот нечего было спорить, если не уверен в победе!

Сказала я. Ну да ладно.

— Пожалуй, неплохая идея, — ответил он. — Ну, ты пока подумай, что мне нужно сделать, а я на урок, что ли, пойду.

— погоди-ка! Я ведь уже придумала, что тебе нужно сделать.

Фил, который уже было собирался действительно уйти, остановился. И я сразу же поняла, что ему не нравится то, что происходит, ой как не нравится. Но ничего, сам напросился.

— И о чём же вы изволите меня попросить? — спросил он, однако страха я больше не наблюдала. По всей видимости, он смирился со своей судьбой.

— Помнишь, как в прошлом году вы заставили Майка притвориться феей и похитить меня из класса?

— Неужели ты хочешь, чтобы я вырядился в фею?

— Нет, это уже старомодно, к тому же, при всём моём уважении, ты в роли феи будешь смотреться далеко не симпатично. Я вообще не хочу, чтобы ты смотрелся симпатично.

— Так чего же ты хочешь?

Я вновь лукаво улыбнулась. Если честно, никогда не была хорошим выдумщиком, поэтому для меня придумывать желание какому-то человеку всегда было пыткой, но в данный момент я уже знала, чего именно хочу. Жаль ли мне было Гардинера? Нисколько. Ему же не было меня жаль, когда предлагал пройтись по школе в одном флаге, к примеру.

И плевать, что он хотел не этого, а также мы тогда не встречались. Вот действительно — плевать.

— Я вдруг подумала, что Майку тогда, по всей видимости, было очень и очень неловко делать такое, особенно учитывая его характер... А ведь он, по сути, для тебя старался. Вот теперь я хочу, чтобы ты постарался для него. Сегодня у меня мало занятий, а после них я тут же убегая на курсы, вот мне и хотелось бы, чтобы твой друг сегодня пошёл туда со мной...

— Зачем тебе это? — моментально спросил Фил, даже не дав мне закончить.

— Дельце одно есть, — уклончиво ответила я. — Так вот. На сей раз ты должен его вытащить с занятий не менее оригинальным способом. Но я не собираюсь подсказывать тебе, как именно. Хоть голым приходи — главное, заberi его с занятия. И сделай это побыстрее, я же всё-таки спешить буду.

Фил посмотрел на меня, как на врага народа, но всё же промолчал и не высказал всего, что у него накопилось за то время, пока я озвучивала своё желание. Когда же я закончила, он через силу улыбнулся, поджав губы, а потом выдавил из себя:

— Будет исполнено в лучшем виде.

— Не забудь попросить кого-нибудь снять на видео, чтобы я потом смогла оценить.

— Конечно, — всё так же отвечал он. — Мне можно идти и готовиться?

— Конечно, иди. Тебе же, наверное, стоит всё хорошенько обдумать, да? — я даже не скрывала издевательской улыбки.

Пожалуй, это самое верное решение в моей жизни. Если я сама не могу придумать ничего стоящего, пусть это сделает тот, у кого это получается в разы лучше, чем у меня. Сам себе придумает наказание, так сказать.

Фил кивнул, после чего развернулся и последовал по коридору в сторону лестницы. Несколько секунд я просто смотрела ему вслед, улыбаясь, но потом, сама не ожидая от себя, спросила:

— Ты не придёшь домой, да?

Шатен остановился, обернувшись. Была короткая пауза в нашем разговоре, потому что он явно не ожидал такого вопроса, равно как и я, но после он как-то неловко улыбнулся и сказал:

— Было бы странно, если бы я, имея крышу над головой, продолжал стеснять вас.

— Ты же знаешь, что вовсе не стеснял нас.

— Знаю, — теперь его улыбка стала искренней. — Поэтому не буду злоупотреблять этим.

Я вздохнула. Если он уже всё для себя решил, как я смогу его домой к себе затащить? К тому же, ему, наверное, сейчас действительно лучше быть с мамой.

— Тебе ничего не сказали по поводу твоего лица?

— Никто и не заметил. Я пришёл поздно, так что мой «макияж» был не так заметен. К тому же, всё уже немного зажило.

Я посмотрела ему в глаза, словно желая понять, правда это или нет, но Гардинер внезапно отвёл взгляд, что случилось довольно редко. Посмотрев куда-то в сторону, он просто ждал, когда я начну говорить.

— У тебя всё нормально? — задала я вопрос, на который уже даже могла предсказать ответ.

— Да, как же иначе? — спокойно ответили мне, после чего Фил соизволил всё же посмотреть мне в глаза. — Тебя встретить после окончания курсов?

— Если не трудно.

— Мне не трудно.

Он улыбнулся мне, а я в ответ улыбнулась ему и кивнула. Он кивнул в ответ, после чего, махнув рукой, продолжил двигаться в прежнем направлении, оставив меня одну. Однако удовольствие от того, что я буду продолжать стоять в коридоре одна, было сомнительное, поэтому я также поспешила на свой урок. По пути запоздало подумала о том, что сейчас Гардинеру, наверное, было бы лучше сидеть тише воды, ниже травы, но было бы странно, если бы я вдруг побежала и попросила его не выполнять желание. Тогда бы он точно что-то заподозрил.

Именно поэтому до конца учебного дня беспокойство не покидало меня. Лили и Дженни всё удивлялись, почему же я такая нервная, даже попытались вызвать на откровенный разговор, но я никак не желала поддаваться на их уговоры. Просто сидела и беспокоилась, что же могли Филу сегодня сказать, как все отреагировали на то, что он появился в школе, упомянул ли кто-то вчерашний инцидент...

И лишь под конец дня я вспомнила, что Фила отстранили от занятий. С одной стороны, можно было вздохнуть с облегчением, потому что вряд ли он пошёл на урок и столкнулся с кем-то. А с другой стороны... Выходит, я заставила его до конца дня торчать в школе и ждать окончания моих занятий, чтобы он попросил Майка пойти вместе со мной на курсы? Кэтрин Моллиган, ты просто великолепна.

После окончания занятий я всё же рассказала подругам о своей глупости, поэтому сейчас мы втроём стояли на улице возле центральных ворот и дожидались парней. Дженни успокаивала меня, как могла, а Лили всё пыталась увидеть их первой, чтобы понять реакцию.

— И всё же странно, что Сью всё равно позвала Фила, хоть его и отстранили, не находите? — спросила она.

— Ничего странного, — ответила ей брюнетка. — Его же не навсегда отстранили, скоро он будет ходить в школу, как и прежде, а помощь ей нужна была уже сейчас.

— Может быть, ты и права... — протянула девушка, а потом вдруг воскликнула: — Идут! Я их вижу!

Мы с Дженни тут же оживились, подойдя поближе к воротам, чтобы увидеть их. Парни шли рядом друг с другом, но молчали и, судя по лицу Майка, один из них точно готов был провалиться сквозь землю. Когда они подошли к нам, Гардинер как-то странно посмотрел на меня, после чего сказал:

— Раз уж эти двое идут вместе, мне вас домой проводить? — и перевёл взгляд на Лили и Дженни.

Те несколько удивились и даже не сразу нашлись, что сказать. Первой спохватилась Лили.

— Вы идёте вдвоём? — спросила она у меня.

— Да, мне нужен Майк для одного дела, — ответила я ей.

— Ясно... Тогда, Фил, ты, выходит, свободен?

— Раз уж предложил вас проводить.

— Меня не стоит, — вдруг сказала Дженни. — Я не домой иду, к тому же, провожатый найдётся.

— Опять ты за своё! — выдала шатенка. — Рано или поздно я вытрясу из тебя побольше информации о том, кто это!

— Рано или поздно я сама расскажу, — с улыбкой ответила та. — Что же, мне в другую сторону.

— Тогда мне нужно провожать только тебя? — спросил Фил.

— Да можно и не провожать...

— Просто проводи её, и всё! — не выдержав, сказала я, лишь бы все поскорее распрощались. Ещё немного, и я опоздаю же...

— Хорошо, — бесцветно ответил Гардинер, а после добавил: — До вечера.

— До завтра, Кэтрин! — с улыбкой сказала Лили. — И тебе пока, Майк.

— Угу, — только и ответил тот.

Девушка с интересом посмотрела на него, потом на меня, но ведь я сама была не в курсе, что же там произошло. Тогда до неё, видимо, дошло, что она идёт домой с Филом, у которого можно попытаться узнать подробности. Зная её, может, что-нибудь да узнает...

Когда все разошлись, а мы с Майком остались на том же месте, я посмотрела на него и тихо спросила:

— Ты как?

Брюнет, до сих пор смотревший себе под ноги, неожиданно посмотрел прямо на меня.

— Почему, если ты хочешь, чтобы я куда-нибудь с тобой сходил, нельзя просто попросить? — тоном великомученика произнёс он. — Зачем, ну зачем всякий раз что-то выдумывать? Нет, правда. Кэтрин, в следующий раз просто попроси меня. Серьёзно.

— Да что там такое произошло? — удивлённо спросила я, несколько испугавшись такого поведения парня.

— Мне не очень хотелось бы это вспоминать, но если вкратце... Первый и, надеюсь, последний раз в жизни меня выносил на плече из класса парень, переодетый в ведьму. Серьёзно, Кэтрин, я не хочу повторения, — последней репликой он будто умолял меня.

Если честно, в тот момент я даже не поняла, как мне реагировать — смеяться или ужасаться. С одной стороны, так Филу и надо. С другой... Мне что-то стало жаль Майка...

— Я должна посмотреть видео... — только и смогла сказать я.

— Молчи. Знать не желаю, на скольких телефонах теперь будет этот кошмар, — Джевонс сделал глубокий вдох, а потом, собравшись с мыслями, спросил: — Так для чего я тебе нужен был?

— Ты не будешь ругаться? — на всякий случай решила осведомиться я.

— А я выгляжу так, будто собираюсь это делать? — нетерпеливо спросил тот. — Если мне и надо на кого-то злиться, так это на себя. Сам знал, что вы за люди, когда начинал общаться...

Я улыбнулась. Пожалуй, это моя любимая черта в характере Майка. Порой мне даже кажется, что именно её не хватает у Фила, но, с другой стороны, хорошо, что её нет. Если он будет ещё и терпеливым, тогда я запрусь у себя в комнате, думая о том, какой идеальный у меня парень и какая ущербная в сравнении с ним я. Нет, аж в дрожь бросает от мысли, что Гардинер станет ещё терпеливее, чем он есть...

— Я не займу у тебя много времени, — наконец-то я ответила на вопрос Майка. — Формально, всё, что тебе надо сделать, это пройти со мной до университета, где у меня курсы, и познакомиться кое с кем...

— Ты сейчас мне типа девушку ищешь? — с подозрением спросил парень.

— Рэнди не девушка! — вздыбилась я.

— Ещё лучше...

— Майк! — не выдержала я.

— Ладно-ладно, молчу. Идём уже, а по пути расскажешь, что к чему.

Я кивнула, хотя рассказывать было особо нечего. Сама не знаю, почему, но мне по какой-то причине хотелось понемногу знакомить Рэнди с моим окружением. Сначала с парнями, потом с девушками. Быть может, дело в том, что у него, кажется, не так много друзей, а может — в том, что он сам, по всей видимости, испытывает неловкость из-за своей внешности. Просто мне вдруг захотелось показать ему, что не все такие отморозки, как та компания у нас на курсах. К тому же, Стивен сам просил меня о подобном... Или не совсем об этом...

Майк, к моему счастью, совсем не удивился и решил, что это даже неплохая идея. Что-то мне подсказывало, что это он после сегодняшней встряски на всё так спокойно реагирует, но это уже было не важно. Главное — согласился.

— Хорошо, что у тебя настроение так не скачет, как у некоторых, — подвела итог я. — Хотя бы не мучаюсь в догадках, чего же от тебя ожидать...

— Ты о Филе?

— О ком же ещё? И что это с ним, интересно мне знать, произошло...

Какое-то время брюнет молчал, но потом, вздохнув, сказал:

— Ты выглядела грустной, когда я пришёл. Взбодрилась?

— Что? — не поняла я.

— Похоже, ты пришла в школу не в самом лучшем настроении. Но после спора с Гардинером, похоже, посвежела.

— Ну, наверное... Да, пожалуй, мне всё же стало немного лучше, — секундная пауза. — Погоди. Ты имеешь в виду, что поэтому он вёл себя, как последняя дрянь?

— Тебе же помогло, — пожал плечами парень.

— Но можно было бы и по-другому мне помогать!

— А вот помогло бы тебе что-то другое или нет — уже вопрос...

— С ума сойти!

Я закатила глаза и вздохнула, чувствуя себя последней идиоткой. Ладно Фил, но что же я за человек-то такой, если прихожу в норму только после того, как кто-то поглумится над моей гордостью, а я потом оскорблю его и, по возможности, унижу?.. Страшная характеристика у меня...

Краем глаза я заметила, что Майк улыбается. Посмотрев на него, я удостоверилась в этом, а также заметила, что у него было выражение лица, похожее на: «Ну вот, опять решил все ваши проблемы, что бы вы без меня делали?» От этого я улыбнулась. И в самом деле, что бы я без своего личного помощника в отношениях с Гардинером делала?..

Оглянуться не успела, как мы пришли к университету. Парень хотел было зайти в здание, но я его остановила. Рэнди приходит либо раньше всех, либо позже. Но сегодня первой парой у нас был английский, на который те раздолбаи практически не ходят, а значит, сегодня парень припозднится, поэтому мы принялись его дожидаться. К счастью, за это время мы не встретили Кэтрин, а Алекс до сих пор болел, поэтому его и не должно было быть. Но большим счастьем, чем это, я всё же считаю то, что Рэнди появился довольно-таки скоро, не заставив меня и Майка долго мёрзнуть на улице. Каково же было его удивление, когда я подозвала рыжика к себе, а после представила парней друг другу.

Правда, на этом дело закончилось. Рэнди указал мне на время, так что выяснилось, что мы уже опоздали. Мой план сделать так, чтобы они с Майком обмолвились хотя бы парой слов, с треском провалился, но никто на меня, к счастью, не злился. Брюнет спокойно попрощался с нами, сказав, что ему было приятно познакомиться с Рэнди, после чего направился по своим делам. Я себя почувствовала крайне неловко и в который раз за день ощутила острую необходимость извиниться перед Майком и шоколадку ему, что ли, купить...

— Сегодня у тебя новый провожатый? — спросил рыжик, когда мы вошли в университет. Хоть и опаздывали, мы почему-то не особо торопились на занятия.

— Не совсем. Скорее, это тот, кому я должна столько, что за всю жизнь долг не отдам...

— Значит, друг из него хороший, — вдруг сказал парень. — Просто так никто не даёт в долг столько, сколько за всю жизнь не отдашь.

— Ты прав, — я улыбнулась. — Из него действительно хороший друг. Если пообщаетесь ещё, ты сам поймёшь это.

— Может быть...

Мне не известно, хотел ли Рэнди сказать что-то ещё, потому что вдруг прямо в коридоре университета нам встретился Стивен, в присутствии которого продолжать разговор было невозможно. Увидев нас, он улыбнулся и, подойдя ближе, сказал:

— Я тут волнуюсь, почему они не пришли, а вы в прогульщики решили записаться, да?

— Всего лишь в опоздавшие, — возразил ему Рэнди.

— Это ведь тоже не очень хорошо, — шире улыбнулся преподаватель. — Пожалуй, я

должен проводить вас до аудитории, дабы удостовериться, что вы точно не прогуляете. Идём же.

Мы с парнем переглянулись, после чего, одновременно закатив глаза, всё же проследовали за ним, будто иначе точно сбежали бы.

— Так вы, значит, вместе пришли? — вдруг спросил мистер Фейн, остановившись прямо перед аудиторией.

— Не совсем, — ответил ему парень. — Скорее, меня поджидали.

— А то ты не рад был, — буркнула я, чем вызвала улыбку на лице у обоих.

— Ладно, хватит отлынивать, заходите, — сказал парень, открывая перед нами дверь.

Первым внутрь зашёл Рэнди, извиняясь перед преподавателем английского за опоздание, следующей пошла я, как вдруг ощутила, что Стивен положил одну руку мне на спину, несильно подталкивая вперёд. Зайдя в аудиторию, я посмотрела на него, а он лишь сказал:

— Удачи.

Я кивнула, неловко улыбнувшись, после чего тоже извинилась за опоздание и последовала вслед за Рэнди, чтобы сесть рядом с ним. Какое-то время мистер Фейн ещё смотрел в нашу сторону, после чего закрыл за собой дверь и, по всей видимости, направился по своим делам.

— Тебе ничего странным в поведении мистера Фейна не кажется?

— Он мне сам по себе кажется странным, — буркнул Рэнди, вытаскивая конспекты из своего портфеля, попутно поправив закрывшую глаза чёлку. — Но он всю жизнь такой, я привык.

— Всю жизнь? Ты знаешь его настолько долго?

— Можно и так сказать.

Я бы и была рада спросить больше, но нам тут же сделали замечание за разговоры, поэтому пришлось замолчать. Однако английский никогда не мог захватить меня полностью, чтобы я больше ни о чём, кроме него, не думала, поэтому мои мысли почти сразу унеслись куда-то в дальние дали.

Пожалуй, благодаря Гардинеру мне действительно удалось на какое-то время забыть обо всём, но теперь-то меня ничего не отвлекало. Я думала о том, что же творится дома, и как это всё разрешится. И главное — когда? Не верю, что у родителей не было никакого подобия на откровенный разговор, к тому же, сейчас Филя нет дома, поэтому никто не помешает им поговорить. Наверное, это к лучшему, потому что я надеюсь, что они наконец-то поговорят и решат всё раз и навсегда. И ещё его исчезновение, пожалуй, хорошо тем, что они смогли хотя бы ненадолго отвлечься и, возможно, не поссорятся так сильно.

Что же до меня... Наверное, мне не остаётся ничего иного, кроме как ждать.

===== Глава седьмая =====

Паника. Это чувство знакомо каждому, правда? То самое чувство, когда кажется, что внутри тебя всё переворачивается, внутренности связываются в тугой узел, мозг отказывается соображать и выдаёт лишь бесполезные фразы. «Что? Как? Когда? Нет! Не может быть! Не верю! Не хочу!»

Именно такое чувство посетило меня. Не сказала бы, что мы в последний раз виделись с ним давно, однако никогда ещё не приходило ко мне оно в подобной ситуации. Чувствуя, как кровь застывает в жилах, как кончики пальцев немеют, а сама я готова рухнуть на пол из-за навалившегося на меня бремени, я дрожащим голосом произнесла:

— П-принцесса?..

Затрудняюсь сказать, чего же именно мне в тот момент хотелось больше: кричать от злости или же плакать из-за собственного бессилия, которое с каждой секундой ощущалось всё чётче, подпитываясь смешками всех собравшихся здесь. Даже мои подруги — предательницы неблагодарные — с трудом сдерживали улыбки.

— Именно. Принцесса Тёмного Королевства, — сообщила Сью, сопровождая свои слова кивком головы. — Посовещавшись, я пришла к выводу, что эта роль подходит тебе больше всего. Заносчивая, не желающая идти на уступки...

— Принцесса! — провонила я практически на весь кабинет, в котором мы находились на данный момент.

— ...несдержанная, — продолжила тем временем учительница. Я услышала, как Генри, не сдержавшись, громко рассмеялся.

— Тебе же будет лучше, если ты прямо сейчас замолчишь, — угрожающе прошипела я.

— ...агрессивная, — продолжала Сью, словно так всё и было задумано.

— Не надо, пожалуйста! — заныла я. — Кто угодно: хоть третье дерево справа в последнем ряду, но только не принцесса...

— А что тебя не устраивает? — искренне изумилась девушка. — Ты же злой будешь, никто не заставляет тебя надевать розовое платьишко и парик блондинки.

— Жаль, я бы посмотрел, — с издёвкой сказал Гардинер, а я лишь вздохнула. Сил спорить уже совсем не осталось.

— И насколько большая моя роль? — тихо спросила я, всем видом показывая, что сдаюсь.

— Не волнуйся, всего пара реплик, — счастливо протараторила Сью, радуясь, что я особо не сопротивлялась. — А под конец тебе и говорить не надо будет! Тебя убьют, поэтому всё, что от тебя требуется, — это полежать в гробу в то время, как влюблённый в тебя рыцарь будет плакать над твоим трупом!

— Эта роль мне нравится с каждой секундой всё больше, — с сарказмом ответила я на её реплику, начав сомневаться, что сценарий, написанный мной, остался в первоначальном виде. Я бы точно такого не придумала! Если учесть, что пытались использовать ещё и идею команды Фила, мне страшно представить, что они там вообще придумали. — И кто же тот несчастный рыцарь, которого угораздило в меня влюбиться?

Я услышала, как Лили цокнула языком, поэтому быстро перевела свой взгляд на неё и заметила, что она закатила глаза, после чего, бросив на меня быстрый взгляд, многозначительно покосилась в сторону Фила, своим видом словно говоря: «Неужели это может быть кто-то другой?» Судя по улыбке Дженни, она считала так же. Мне вдруг стало интересно, что думает по этому поводу мой парень, поэтому я посмотрела на него. Однако шатен, казалось, не строил каких-либо догадок и предположений — он просто ждал, когда же назовут чью-либо кандидатуру.

Заметив мой взгляд, Гардинер сначала посмотрел на меня в ответ несколько удивлённо, а секундой позже, по всей видимости, в который раз угадав, о чём я думаю, уже посмотрел на меня так, что я поняла его мысленное послание и без каких-либо слов или же характерных жестов.

«То, что мы встречаемся, никак не может повлиять на выбор Сью».

По всей видимости, точно так же считала и сама Сью, так как в следующий момент, хитро блеснув глазами, провозгласила:

— А принцем этим будет Майк!

Реакция у всех была разная. Гардинер посмотрел на меня, самодовольно ухмыльнувшись. Готова поспорить, потом он заявит мне, что так и думал. Майк, мой новоявленный поклонник, искренне удивился, абсолютно не зная, какой реакции от него ждут. Генри присвистнул, Дженни, казалось, удивилась не меньше самого Майка, а Лили... заметно напряглась. И даже не это удивило меня больше всего. Самым обескураживающим стало то, что Дженни, заметив реакцию подруги, понимающе посмотрела на неё и легонько похлопала по плечу в знак поддержки.

Секундочку. Я чего-то не знаю?..

Эти мысли настолько завладели моим вниманием, что дальнейшее распределение ролей я не слушала. Мне было даже наплевать, что в кабинете, помимо нашей компании, были ещё привлечённые Сью и нами учащиеся, — я продолжала прожигать взглядом своих подруг. Лишь позже я узнала, что Фил стал Королём, а не ведьмой, вопреки своему желанию; Генри стал ещё одним храбрым рыцарем — другом Майка; Дженни — Королевой, а Лили — моей сестрой-принцессой, только нормальной. В смысле, традиционной — доброй, милой, весёлой и так далее. Другие мне были даже не интересны.

Не придав должного значения напутственным словам учительницы, а также благополучно прослушав распорядок репетиций, я, толком не дождавшись конца, отозвала Дженни в сторонку, игнорируя удивлённый взгляд Лили.

— И что это такое было? — не церемонясь, спросила я.

— Ты о чём? — не сразу поняла брюнетка.

— О вас с Лили. Думаешь, я настолько невнимательна, что смогла бы не заметить такой взгляд?

— Вот ты о чём... — смущённо сказала она мне в ответ. — Не думай, что ты чего-то не знаешь, скорее Лили просто не успела тебя оповестить.

Лили. Не успела мне что-то сказать. Ага, как же. Ха-ха три раза. Я не знаю ни одного более болтливой человека, чем она, так как, скажите мне на милость, могло произойти такое, что она не успела мне что-то рассказать?

— Раз уж она просто не успела, — я нарочито выделила последние слова, — значит, я могу знать об этом. Слушаю внимательно.

Вопреки моим ожиданиям, Дженни не стусевалась. Тяжко вздохнув, словно подобный разговор между нами был лишь вопросом времени, она произнесла:

— Лили всё ещё нравится Майк. Думаю, это было понятно и до того, как я тебе об этом сказала.

Я нахмурилась. Действительно, только идиот мог не понять, что она всё ещё равнодушна к парню, но...

— Тогда, позвольте спросить, какого?..

— Я тоже до сих пор не знаю, почему они расстались. Но сам факт. Поверь мне, Лили тоже не в восторге от этой ситуации. Даже больше, чем все мы вместе взятые.

Это тоже было понятно. Я, конечно, до сих пор не могла осознать, почему этим двоим вообще понадобилось расставаться, и в голову прокрадывались шальные мыслишки — то ли я дура, то ли не я, но... Одна мысль о том, что по какой-то нелепой причине мы с Филом можем вот так вот разбежаться, а потом просто должны будем делать вид, будто всё хорошо и ничего не произошло, — это приводило меня в ужас. Поэтому я даже боялась представить, что чувствует моя подруга, когда смотрит на Майка, особенно когда он рядом с другими

девушками... Секундочку.

— Хочешь сказать, что она меня только что приревновала к Майку? — с ужасом озвучила свою догадку я.

— Боже упаси, нет! — поспешила заверить меня Дженни. — Было бы, к кому ревновать! То есть... — она замаялась, заметив мой недовольный взгляд. — Ну, у тебя же уже есть Фил, так?

Да-да, ты именно это и имела в виду. Верю-верю.

— Допустим, — стараясь не ребячиться и не показывать обиды, произнесла я. — Тогда в чём дело?

— Я сама толком не знаю, но мне самой кажется, что этот спектакль стал бы для них отличным поводом проводить больше времени вместе и, возможно, так они смогли бы помириться. Сама подумай: играй они возлюбленных, им бы приходилось чаще состыковываться, тогда как сейчас они откровенно избегают друг друга. Особенно Майк. Он от Лили убегает, словно от прокажённой. Даже если пытается делать вид, что это не имеет ничего общего со сложившейся ситуацией.

Я лишь покачала головой из стороны в сторону, в который раз задумываясь над тем, зачем же люди сами придумывают себе проблемы, зачем накручивают себя? Понимаю, что не мне их судить, — сама не лучше, — но всё же... Почему у людей есть такая особенность — искать проблемы? Нет бы жить и радоваться тому, что имеешь, а расстраиваться только тогда, когда на то есть веская причина, так нет же! Они будут сомневаться, паниковать, грустить... пока не разрушат то, что есть. А после этого будут сидеть и винить себя в том, что натворили, даже если они не виноваты.

Например, как я сейчас. Все видели, как я распиналась по поводу того, что не нужно грузиться по пустякам? Забудьте, оставим эту речь для Лили (а я ведь обязательно ей её воспроизведу). Потому что сейчас я очень переживаю. В принципе, поводов у меня полным-полно, но сегодня у меня появился новый.

Увидев, что моё настроение заметно испортилось, стоило задуматься надо всем, что сейчас происходит, моя заботливая подруга просто обняла меня, пообещав, что скоро всё утрясётся. У каждого из нас. Если честно, в это не сильно верилось, но такие слова просто добавили мне капельку уверенности. Совсем немного, но всё же.

Наш с Дженни разговор почему-то так и не пришёл к логическому завершению, так что мы каким-то непонятным образом сменили тему, после чего проследовали вслед за нашей компанией, которую уже отпустила Сью, по коридору. Не увидев среди ребят Филя, я заметно напряглась, после чего милый Генри поспешил успокоить меня, сказав, что он побежал вперёд, потому что его присутствие в школе всё ещё неофициально — его наказание закончится тогда же, когда и эта неделя. Не успела я даже толком обрадоваться, что ничего срочного и страшного не произошло, как вдруг увидела, что не так уж и далеко от нас он ушёл.

Гардинер остановился напротив своего раскрытого шкафчика, однако не спешил ничего оттуда доставать. Это странным мне не показалось — я сама периодически открываю шкафчик и просто смотрю на его содержимое практически всю перемену, так как попросту забываю, зачем же я туда вообще полезла. Станным показалось то, что как-то криво висела дверца этого шкафчика. Я на секунду испугалась, поэтому быстро приблизилась к парню, ожидая увидеть внутри всё, что угодно: хоть мокрую одежду Филя для физкультуры, хоть грязь (в памяти всё ещё жив инцидент с курсов), хоть письма с угрозами. Однако,

приблизившись, я не увидела там ничего. В прямом смысле. Шкафчик был пуст.

— Что, Фил, силу не рассчитал? — со смехом прокричал ему Генри с другого конца коридора. — Уже дверцы от шкафчиков ломаешь? Так не хочется снова на занятия ходить?

Шатен ухмыльнулся. Кое-как захлопнув дверцу, слетевшую с верхней петли, он повернулся к другу, проигнорировав то, что шкафчик вновь открылся, сверкая своей пустотой, и сказал:

— Это просто ужасно, я сам не понял, как так получилось. Можешь одолжить мне телефон, чтобы я немедленно вызвал людей, которые смогут это починить? Боюсь, я не в том положении, чтобы директор спустила мне такой инцидент с рук.

— Могу, конечно, — пропыхтел парень, пытаясь выудить телефон из кармана брюк. — А где ты свой оставил?

— В сумке забыл.

— А где сумка?

— Я оставил её в шкафчике.

Улыбка пропала с лица Генри и всех присутствующих. Словно ожидая подвоха, каждый счёл своим долгом заглянуть в шкафчик Фила, дабы вновь убедиться в одном: он пуст. Никакой сумки там не наблюдалось, будто никто и никогда не ставил её туда. Более того, только сейчас я придавала значение тому, что там не было даже самых необходимых вещей, которые парень частенько оставлял в школе: запасные ручки, карандаши, тетради, учебники. Такое ощущение, будто кто-то просто взял и вытряхнул всё содержимое, а после поставил шкафчик на место.

— Господи... — первой пришла в себя Дженни. — Фил, что будешь делать? Это ведь кража. Только не говори, что собираешься оставить всё, как есть.

— Именно это он и собирается сделать, — недовольно произнёс Майк. — Я угадал?

Гардинер не ответил. Он больше не ухмылялся, лишь молча взял протянутый Генри телефон, после чего отошёл, собираясь кому-то позвонить. Мы все продолжали стоять на месте, будто приросли к полу. Не знаю, зачем, но я вновь посмотрела на пустой шкафчик, надеясь увидеть там хоть что-то, что могло бы принадлежать Филу. Даже если бы это была пуговица от его пиджака, я уже обрадовалась бы, так как это значило бы, что у него отобрали не всё. Сама не знаю, почему так отреагировала, но у меня было такое ощущение, будто это меня обокрали. Будто это у меня забрали частичку чего-то важного. Но когда я осознавала, что всё же не у меня, становилось ещё хуже. Лучше бы обчистили мой шкафчик.

— Спасибо большое, — спокойно сказал парень, вернувшись, после чего отдал блондину его телефон. — Скоро должны починить. Я могу вам довериться и попросить проследить за всем здесь? Не хотелось бы, чтобы кто-то обнаружил моё присутствие. Сью проблемы не нужны.

— Так ты всё же не собираешься ничего делать? — чёрт возьми, я даже не помню, кто это спросил.

Признаться, я даже не помню, что Фил ответил. Я не хотела его слушать, не хотела, чтобы и меня он убеждал в том, что всё якобы в порядке. Только не меня, увольте. Я смела тешить себя мыслью, что мы вышли на другой уровень в отношениях, когда не нужно пытаться притворяться.

— Ладно, я пошёл, — каким-то чудесным образом голос Фила проник сквозь мои мысли, так что смысл я уловила.

— Я провожу, — мигом спохватилась я, чем вызвала его удивление.

— Проводишь? — его секундная растерянность мигом сменилась ехидством. — Будешь защищать меня от плохих дядь, если решат обидеть по пути домой?

— Не ёрничай. Я просто хочу тебя проводить.

Слабо улыбнувшись, парень пожал плечами, мол, делай, что хочешь. Другого мне и не требовалось. Коротко кивнув своим друзьям, словно это всё объясняет, я вместе с ним направилась по коридору к выходу. К счастью, никто не обращал на нас внимания. Все вели себя так, словно не существует никакого Фила Гардинера, а я просто в одиночестве прогуливаюсь по коридорам. Возможно, я решила сбежать с уроков, но кого это волнует? Правильно, никого. Потому что на меня тоже всем наплевать.

— Можешь начинать, — вдруг сказал парень, прервав тишину.

— Что начинать? — не поняла я.

— Ругать меня за то, что так безответственно отношусь к этой ситуации. Разве не для этого ты пошла со мной?

— Нет. Я действительно просто хотела тебя проводить.

— Серьёзно? — шатен недоверчиво посмотрел на меня.

Я улыбнулась.

— Что, удивила я тебя?

— Ещё как. Да уж, правду сказал как-то Майк.

— Что он сказал? — я не стала скрывать своё любопытство. А что? Мнение этого парня всё ещё было важным для меня.

— Что ты повзрослела, — Фил улыбнулся. — Теперь и я это вижу.

Мне захотелось победно улыбнуться и спросить, ожидал ли он от меня чего-то другого, но я поняла, что это развенчает мой новоявленный образ в пух и прах, поэтому воздержалась. Если всем нравится так думать, пусть считают, что вечный ребёнок по имени Кэтрин Моллиган наконец-то повзрослела. А то, что это не произойдёт никогда, сколько бы они ни мечтали, будет моим маленьким секретом.

— Спасибо, что проводила, — ворвался в мои мысли голос Гардинера. — Можешь возвращаться.

Удивлённо заморгав, я отметила, что мы уже оказались на крыльце, а я этого даже не заметила. Вывод: мне нужно меньше думать. Это вредно. Особенно в такие моменты, как этот, когда я должна идти и оказывать своему парню всякого рода поддержку, а не молчать и думать о себе любимой.

— Ты домой? — спросила я, прежде чем развернуться, чтобы уйти.

— Думаю, что погуляю немного. Делать же всё равно нечего.

— Ты бы программу школьную догонял, сложнее же потом будет.

— Мамочка, от одной недели ничего не будет.

— Все так говорят, а когда за головы хватаются — поздно становится.

— Господи, какой же занудной женой ты будешь, а! Хорошо-хорошо, сегодня я непременно что-нибудь сделаю. А если мне понадобится помощь — будешь объяснять. Поэтому иди на урок, иначе мой план с треском провалится.

Если я ещё никогда об этом не говорила, спешу сообщить: ненавижу, когда мной командуют. Терпеть не могу. Тем не менее, я достаточно спокойно произнесла:

— Конечно.

— Веди себя хорошо.

— Я обещаю, что постараюсь, — сказала я, как вдруг в голову мне пришла одна

внезапная идея. — Слушай, вечером у тебя будет пара минут, чтобы посидеть в интернете?

Парня, казалось, нисколько не удивил мой вопрос, хотя обычно я предпочитала личное общение и звонки всяким интернет-перепискам.

— Думаю, да, — ответил он мне. — А что такое?

— Сюрприз, — теперь я позволила себе ехидно улыбнуться. Если честно, это будет сюрпризом и для меня, потому что я до конца не решила, что именно буду делать. Но Гардинеру это знать было вовсе необязательно, поэтому я спокойно добавила: — Чуть позже узнаешь.

К сожалению или к счастью, но он не был чересчур любопытным, поэтому просто кивнул и, сказав, что с нетерпением ждёт этого самого сюрприза, попрощался со мной.

Я развернулась и направилась обратно в школу не сразу. Я ждала поцелуя на прощание. Вот не стоило Филу проделывать это в тот раз — я быстро привыкаю к хорошему. Можно сказать, поразительно быстро. И мне хотелось получить свой законный поцелуйчик.

Словно прочитав мои мысли, парень ухмыльнулся, после чего оставил лёгкий поцелуй на моих губах, стараясь как можно скорее отправить меня на учёбу. Получив то, что мне по праву полагается, я улыбнулась и сделала, наконец, то, что он хотел.

Даже когда я уже повернулась к нему спиной, я чувствовала, что он ухмылялся.

POV Фил

Я ухмыльнулся. Предположение, что Кэтрин с радостью начнёт мне отвечать, стоит мне сделать первый шаг, оказалось верным. Пожалуй, мне стоило начать раньше. Кто же знал, что даже я окажусь таким тормозом? Но что есть, то есть.

Развернувшись, я поспешил ретироваться со школьной территории. Не улыбалась мне перспектива оставаться здесь и дальше, однако причиной тому было вовсе не опасение встретиться с директором. Это меня как раз меньше всего волновало.

Интересно, если я прямо сейчас пойду на какой-нибудь кастинг, у меня будет шанс стать актёром? Как ни крути, а я сам в восторге от того, как спокойно смог принять произошедшее, несмотря на то, что хотелось рвать и метать. Кулаки буквально зудели, так и хотелось почесать о чьё-то лицо. Точнее, о конкретное лицо. Да, я знаю, кто это сделал. Торнтон, будь он неладен.

Нельзя сказать, что мне хотелось с ним подраться. Напротив, я всегда считал себя достаточно мирным человеком, предпочитающим решать проблемы с помощью слов, а не кулаков, но это уже никуда ни шло. Взять хотя бы мой телефон. Я не собираюсь покупать новый: моя старая модель прекрасна, к тому же там полно компрометирующих фото. Не моих, конечно, но кто станет отказываться от такого добра?

К тому же, я просто не знаю, как объяснить матери, что мне резко понадобилось сменить не только телефон, но и номер. Уже представляю, как буду с честным видом доказывать, будто мне просто «захотелось». Нет уж, увольте, на такое я не подписывался. В придачу, там был далеко не только телефон.

Говоря, что собираюсь погулять, я не врал Кэтрин. Моё плавное перемещение от крыльца до ворот вполне можно назвать прогулкой на свежем воздухе, а то, что я встретил у ворот Джона, — её последствиями.

— Ты, гляжу, не торопишься, — процедил Торнтон, едва заметно ухмыляясь при виде меня.

— Кто понял жизнь, тот больше не спешит, — пожимаю плечами я. — Итак. Ты хотел со мной поговорить? Уверю тебя: в следующий раз можешь мне просто позвонить, не стоит

ломать мой шкафчик, это влетело мне в копеечку.

— Ученик нашей школы беспокоится о деньгах? — выгнул бровь тот. — Это нонсенс, тебе не кажется?

— Природная бережливость и внутренняя жаба, контролирующая мои расходы, заставляют меня чувствовать некий душевный диссонанс, когда приходится тратить деньги на исправление того, чего не делал.

— Всё шутки шутишь, да? Самому не надоело?

Нет. Мне всегда казалось, что у меня прекрасное чувство юмора.

— Так мы поговорим? — вопросом на вопрос ответил я.

Торнтон, ничего не ответив, подал мне знак следовать за ним. Когда он повернулся ко мне спиной, я увидел, что на его плече красовался мой рюкзак. Так и подмывало прямо сейчас выдернуть его и забрать себе, но чёрт его знает, каким образом в следующий раз решат привлечь моё внимание. Лучше закончить со всем этим сейчас, поэтому я молча проследовал за ним.

Я знал: мы не собираемся драться. Он не будет мне мстить за прошлый случай, иначе сейчас бы не дожидался меня в одиночестве. К тому же, он вёл меня не в глухой переулок, а во вполне себе обитаемый дворик, где гуляли мамочки с их детьми. Он действительно хотел поговорить. Подозреваю, речь пойдёт о том же, о чём и в прошлый раз.

Словно пытаюсь мне доказать, что мы действительно только поговорим, парень присел на ближайшую к нам лавочку, находившуюся дальше всех от места, где играли детки. Он похлопал по месту рядом с собой, приглашая меня присесть. Я мог бы показать характер и постоять, но кто он, чёрт возьми, такой, чтобы я стоял пока он расслаживается? Кивнув, я плюхнулся рядом, устраиваясь поудобнее на холодной лавочке. Впервые за последнее время я задумался над тем, чтобы купить зимнее пальто — хотя бы сидеть на улице в такую погоду не так неприятно будет.

— Вернёшь мне мои вещи? — не став дожидаться, когда тот начнёт разговор, спросил я у Торнтона.

— Как поговорим — так сразу, — ответили мне. — Мне они даром не нужны.

— Это самый дурацкий способ привлечь моё внимание, серьёзно. Даже девчонки в то время, когда гонялись за мной, придумывали способы поинтереснее. Знаешь, ты мог бы спросить у них совета. У той же Ханны.

— Гардинер, ты вообще молчать умеешь? — процедил Джон. — Или так и не понял, за что получил в предыдущий раз?

— Дайте-ка вспомнить... За то, что «ляпаю языком направо и налево», я правильно помню?

— Как же ты раздражаешь...

Я ухмыльнулся. Умение действовать на нервы всегда входило в список лучших моих качеств. Вспомнить хотя бы наши постоянные перепалки с Кэтрин. Думаю, мне не раз желали смерти — однажды мне даже приснилось, что она выбирала музыку для моих похорон. Вроде год прошёл с того сна, а до сих пор в дрожь бросает...

— Я не собираюсь извиняться за тот инцидент — ты сам нарвался, — вновь подал голос Торнтон. — К тому же, мне тоже здорово прилетело.

— Тебе-то? — недоверчиво спросил я. — Кажется, это меня временно отстранили от занятий, а ты продолжаешь спокойно ходить в школу.

— От отцамне прилетело. Он собирался заключать какой-то ну очень важный договор с

больницей твоего отчима, поэтому новость, что я подрался с пасынком его потенциального партнёра, весьма огорчила моего старика.

Я молчал. Зная, как в этом мире, именуемом светское общество, дорожат репутацией и взаимоотношениями, я уже догадывался, что последует дальше. Потому что о том же просил меня Эллиот, так что, можно сказать, предложение, которое я должен был вот-вот услышать, было выгодным для нас обоих, ведь мамин супруг будет долго капать мне на мозги, если я этого не сделаю. Но я не собирался облегчать этому парню жизнь — пусть помучается, наступит на свою гордость.

— По какой-то нелепой случайности у меня скоро День рождения.

Я молчал. Нет, я не буду даже выдвигать предположения по поводу того, есть моё имя в списке приглашённых на обязательную вечеринку по этому поводу или же нет.

— Ты понимаешь, о чём я говорю?

Притворившись, что искренне удивлён, я отрицательно покачал головой. Торнтон зашипел от злости.

— Поскольку нам необходимо показать всем, а особенно твоему отчиму, — меня начало бесить, что он каждый раз выделяет это слово, будто напоминая, что я ему даже не сын, а потому лишний, — словно мы помирились, я приглашаю тебя на вечеринку в качестве примирения. Мы же подростки, в нашем возрасте всякое может произойти, даже небольшая драка.

Я не сдержал короткий смешок.

— Твой отец говорит теми же словами, что и Эллиот, — сказал я ему, не сомневаясь, что последнее предложение явно было цитатой.

Мои слова нагло проигнорировали. Джон встал, оставляя мой рюкзак на лавочке, и сказал:

— Короче, я жду тебя там, подробности сообщу потом. Надеюсь, что мы сможем отделаться от наших стариков, если один вечер будем изображать приятелей.

— Ох, — с сожалением воскликнул я, хватая рюкзак и также вставая со своего места. — Приятель, боюсь, у нас проблемы. Я же совершенно не знаю, что тебе подарить.

— Обойдусь.

— Но это невежливо, — я сжал руку в кулак. — Думаю, кое-что я должен тебе подарить. Позволь же сделать это прямо сейчас.

Торнтон не успел никак отреагировать на мои слова, потому что я тут же замахнулся и достаточно сильно ударил его в челюсть, чувствуя, как злость, всё это время не покидавшая меня, понемногу утихает. Вскрикнув, парень отступил на шаг назад и схватился за ушибленное место, после чего волком посмотрел на меня. Краем глаза мне удалось заметить, как молодые мамочки, в страхе подхватив своих детей, поспешили покинуть площадку, с опасением поглядывая на нас. Мысленно я перед всеми извинился — понимаю, это не то, что им хотелось бы наблюдать, но я бы чувствовал себя до невозможного униженным, не сделай этого. Если честно, и этого было мало, но понимание того, что сейчас мы можем вновь подраться, да ещё и в общественном месте, да ещё и рядом со школой, да ещё и прямо перед вечеринкой, где должно было состояться наше перемирие, останавливало меня.

— Прости, что заранее, но этот подарок кажется мне чересчур интимным, чтобы дарить его прямо на вечеринке.

Сказав это, я развернулся и готов был уже уйти, как услышал:

— Не советовал бы я тебе делать мне такой подарок перед моей вечеринкой. Я же теперь должен буду подарить тебе ничуть не хуже.

Ничего не ответив, я наконец-то направился по своим делам, оставив этого парня позади. Как же мне всё это надоело, честно говоря. После того, как кому-то захотелось раскопать всю мою подноготную и придать её огласке, я чувствовал себя не в своей тарелке. Надо мной и раньше пытались издеваться, пытались «поставить на место» даже тогда, когда я был достаточно популярным, но все те попытки можно было назвать детской шалостью в сравнении с тем, что было сейчас. Детки растут — растут и их игры, да? Это меня совсем не радовало.

Дело было даже не в том, что это меня расстраивало, раздражало или же ухудшало мою и без того опустившуюся на самое дно репутацию. Дело было в том, что я даже не знал, что должен был чувствовать из-за сложившейся ситуации.

С одной стороны, мне стало легче. Чёрт возьми, мне действительно стало легче, что теперь взрослые не перешёптываются за моей спиной, а перед своими детишками делают вид, будто всё в порядке (теперь они перешёптываются вместе с ними). Оказавшись в их обществе, я никогда не просил, чтобы меня любили. Я также не просил кого-либо скрывать моё прошлое, якобы ради моего же блага. Меня либо принимают всего целиком и полностью — таким, какой я есть, с таким прошлым, которое у меня есть, либо... Либо ничего.

С другой стороны, меня раздражало то, что кто-то порылся в моей жизни и выудил оттуда то, что даже я не хотел бы рассказывать. Это чувство было похоже на то, которое возникало, когда кто-то вламывается без стука в ванную пока ты моешься, а ты как назло забыл запереть дверь. Очень похоже, только в разы сильнее и неприятнее.

Самым парадоксальным для меня оставался сам факт того, что люди придают этому такое большое значение. Я не мог понять ни взрослых, ни их детей. Кто я для них? Почему им так нравится обсуждать меня? Просто потому, что больше некого? Насколько я знал, случаи, когда богатые родители усыновляют ребёнка из детдома или же когда двое людей женятся, уже имея детей, были не редкостью. Так что же было не так? Посмеялись, начали презирать, презирали всю мою жизнь и забыли. Зачем обсуждать эту тему вот уже который год подряд? Сколько ни старался, понять это я так и не смог. Люди — самые иррациональные существа на планете.

Вздыхнув, я пришёл к единственному верному выводу: ничего в данный момент я с этим не сделаю. Либо я смогу самостоятельно добиться того, за что меня начнут уважать, забыв об этой истории, либо можно прямо сейчас садиться и плакать. Плакать мне не хотелось, а вот от шоколада я бы не отказался. Поэтому я позволил себе ненадолго свернуть с намеченного пути и заскочить в магазин за шоколадкой. Кажется, я рискую стать сладкоежкой. Оно и не мудрено — с кем поведёшься...

Выйдя из магазина, я не без удовольствия отметил, что дельфин, подаренный мне Кэтрин, на месте, а именно — во внутреннем кармане рюкзака. Это было одной из тех вещей, которые я не хотел бы потерять, не считая телефон. Конечно, я всегда знаю, где могу купить точно такого же, я даже не сомневался, что он всё ещё продаётся. Но смысл мне был покупать какую-то побрякушку, не несущую в себе ни смысла, ни пользы? Сам бы я себе ни за что такое не купил. Смысл был лишь в том, что мне это подарили.

Задумавшись о подарках, я ещё раз вспомнил о ситуации с Торнтоном. Вспоминать было неприятно, поэтому, поморщившись, я с яростью откусил кусочек от шоколадки, даже не потрудившись предварительно расколоть её на несколько частей.

— Не вкусно? — послышался неподалёку писклявый голос.

Я даже не понял, что обращались ко мне, но по какой-то причине решил посмотреть на говорившего, встретившись взглядом с девочкой, которой на вид было около десяти лет. Она смотрела на меня во все глаза и облизывала губы.

— Что? — переспросил я, прожевав шоколад.

— Вы поморщились, когда откусили. Не нравится? — спросила она, указывая на плитку. — Вы не любите шоколад?

— Не сказал бы, что я большой любитель, но... — на лице непроизвольно появилась улыбка.

— Вы просто не знаете, как его нужно есть! — уверили меня. — Хотите научу?

Улыбка стала шире. Она действительно думала, что я не догадаюсь, если она завуалирует свою просьбу поделиться таким вот образом? Я всё равно догадался. Но не подал виду.

— И как же? — поинтересовался я, бросив быстрый взгляд на ещё двух девочек, стоявших чуть поодаль. Они хихикали и перешёптывались — наверняка вместе придумали этот план и лишь ждали подходящего идиота... Точнее, доброго человека, который решит подыграть им.

— Я научу, но не бесплатно, — лукаво улыбнулась незнакомка, чуть сощутив глаза, отчего стала похожа на лисицу. — Я научу вас наслаждаться шоколадом, а вы взамен отдадите половину, по рукам? — она протянула мне руку для пожатия.

Если честно, возникла мысль просто отдать ей половину, посоветовав не приставать к незнакомым дядям на улице, и уйти, но я, тем не менее, пожал руку в ответ, сказав: «Идёт». Обрадовавшись, девочка с радостью приняла шоколадку из моих рук, после чего, аккуратно отломав кусочек, показала его мне и с важным видом произнесла:

— Ваша проблема, мистер, в том, что вы бездумно кусаете. Мама говорила, что шоколада много не бывает, но если вы просто набьёте им рот, то и вкуса не ощутите! Надо разламывать шоколадку и наслаждаться каждым кусочком! Как я! — улыбнувшись, она отправила отломанный кусочек себе в рот. — Видите? Отламываете, и кушаете немного, — эти слова она сопровождала соответствующими действиями, нагло отламывая от моей половины ещё один кусок. К своей даже не прикоснулась.

Да, я справедливо считал своей половиной ту, которую успел надкусить. Не отдавать же её детям.

— И всё? — в который раз за день притворяясь удивлённым, спросил я. — Ответ был так прост?

Энергично закивав, девочка вернула мне шоколадку со словами:

— Обычно мои советы дороже обходятся, но вы очень красивый. Поэтому для вас у меня скидка: я прошу всего половину от шоколадки.

Не сдержав короткий смешок, я поспешил исполнить свою часть сделки и, разломив напополам многострадальную плитку, отдал половину моей «спасительнице», научившей ценить шоколад. Радостно улыбнувшись, она с удовольствием приняла её из моих рук и, кивнув в благодарность, уже собралась было уходить, как вдруг повернулась ко мне и спросила:

— А хотите получить ещё совет?

— У меня больше нет шоколадки, которой я мог бы поделиться.

— Этот бесплатный.

— Я настолько красивый, да? — ухмыльнувшись, спросил я её.

К моему удивлению, странная девочка не убежала после таких слов, показывая мне язык, а сказала:

— Именно. Поэтому вам нужен совет. Так мама говорила.

— Что именно твоя мама говорила? — ей удалось меня заинтересовать.

— Мама говорила, что у красивых людей почти никогда не бывает счастливой судьбы. Им даётся красота, но что-то при этом отбирается. Поэтому им нужно помогать. Например, давать советы.

— Надо же, — протянул я, будучи сконфуженным последней репликой незнакомки. — И какой же совет ты дашь мне?

— Я его уже дала, — улыбнулась та. — Судьба что-то даёт, а что-то забирает. Просто научитесь принимать и отдавать правильные вещи.

Ещё раз кивнув, она так и не дождалась моего ответа, поспешив к своим подружкам, оставив озадаченного меня в одиночестве. Я просто надеюсь, что она услышала эти слова от мамы, а не пришла к этому выводу сама, иначе я начну думать, что десятилетняя девочка мудрее меня.

Почесав затылок, я помотал головой из стороны в сторону, после чего направился по своим делам, пока ко мне не пришла на помощь ещё одна мудрая десятилетняя девочка. Шоколадку я спрятал в рюкзак. От греха подальше. Лучше дома доем.

Проходя по знакомым улочкам, я с радостью отмечал, что ничего здесь вот уж год не менялось. В то время как каждый день все уголки Лондона застраиваются, перестраиваются и всё в таком духе, здесь всё оставалось по-прежнему. Даже люди по улицам ходили всё те же, некоторых я уже узнавал. Интересно, узнавал ли кто меня? Хотя, подозреваю, только мне нечего делать, запоминая прохожих, с которыми никогда не разговаривал и вряд ли когда-нибудь заговорю.

Минуя один из закоулков, я поздоровался с тремя бродячими собаками, которые тоже всегда оказывались неподалёку от этого места. Может показаться странным, что я здороваюсь с бродягами, но не здороваться с теми, кого вижу минимум раз в неделю вот уже практически год, было бы крайне невежливо. К тому же, они мне отвечали. Во всяком случае, я привык думать, что у нас было подобие диалога, а не меня игнорировали всякий раз.

Я уже был недалеко от места, к которому направлялся, как вдруг получил сообщение. Да, всё же хорошо, что я вернул себе телефон, иначе проблем в моей жизни стало бы куда больше.

«Ты придёшь на этой неделе?»

Короткое сообщение от девушки по имени Салли было настолько не к месту, учитывая, что я уже почти пришёл. Даже отвечать не хотелось, но я всё же выдал из себя несколько слов:

«Уже почти на месте».

Перейдя дорогу, я очутился напротив большого неприветливого здания, которому не помешал бы косметический ремонт. Благо, внутри оно было не таким ужасным, как снаружи, а те, кто находился внутри, всё равно больше времени проводили в помещении, нежели на улице, чтобы печалиться по поводу неприглядного вида места, которое временно стало для них домом. Войдя внутрь, я остановился в коридоре, не желая идти дальше в одиночестве.

Салли не была глупой девушкой, поэтому должна была понять, что «почти на месте» означает мою непосредственную близость, поэтому ей рекомендуется поторопиться и спуститься ко мне как можно быстрее. Во всяком случае, подобным образом я поступал уже множество раз, так что она должна была запомнить такой элементарный трюк.

Однако после того, как моё ожидание продлилось несколько минут, я начал сомневаться, что она поняла меня так, как нужно. Остаться в этом месте становилось всё сложнее. Я всегда ненавидел больницы, особенно моя нелюбовь к ним развилась в последнее время, когда необходимо было наведываться туда по нескольку раз в неделю. Один раз в неделю — по поручению Эллиота, так как именно меня он заставлял приносить всё необходимое для мамы домой, второй раз — в такие вот дни. Меня уже коробит от этого запаха медикаментов и шарканья бахил по полу.

Когда моё терпение подошло к концу, я развернулся, чтобы выйти, услышав позади себя голос Салли. К сожалению для неё, останавливаться я не собирался, потому что торчать в этом душном помещении, в котором не помешало бы наладить дела с вентиляцией, не было больше сил. Оказавшись на улице, я остановился, позволяя девушке догнать меня. Уже через несколько секунд невысокая блондинка, наспех натягивая рукава тёплой кофты, которую зачем-то постоянно таскает с собой (наверное, для того, чтобы в любой момент суметь выйти на улицу), вышла за мной. Увидев меня, она вздохнула и, едва сдерживая недовольство, сказала:

— Я подумала, что ты решил уйти. Ты выдернул меня из соседнего крыла, между прочим! Я думала, что чокнусь раньше, чем добегу сюда.

— Извини, — ответил я ей. — Ты же знаешь, что у меня туго со временем, поэтому сложно предупреждать тебя, когда именно я смогу прийти.

— Сомневаюсь, что ты решил навестить сюда за секунду до того, как я тебе написала, — пробубнила медсестра. — Хотя бы сообщить, что просто будешь, ты мог.

Я ухмыльнулся. Если честно, я никогда не присылал ей сообщения сам, так как боялся, что однажды просто не заставлю себя сюда прийти. Мне всё время казалось, что в один прекрасный день я просто передумаю на полпути и, развернувшись, пойду в другую сторону, чтобы больше никогда не оказаться рядом с этой больницей. Приходя сюда так часто, я уже сам начал ощущать себя одним из пациентов.

— Как дела? — спросил я, решив проигнорировать её предыдущую реплику.

Салли закатила глаза, после чего, забывая обо всех обидах, произнесла:

— Всё так же, как было и в прошлый твой приход. Если ты хотел узнать, хочет ли он тебя видеть, то нет. Его до сих пор начинает трясти, стоит мне упомянуть о тебе.

Я кивнул, ничуть не сомневаясь, что она скажет именно это, правильно поняв мой вопрос.

— Фил, уже прошло так много времени... — мне показалось или я действительно услышал в её голосе жалость? — Я не знаю, что именно вас связывает, но вы всё равно даже не родственники. Может быть ты какое-то время подождёшь и не будешь приходить сюда? Я же вижу, что ты тоже устал от этого.

— К нему кто-нибудь приходил?

— Что? — не поняла меня Салли.

— Кроме меня есть тот, кто хотя бы раз пришёл навестить его? — я посмотрел ей в глаза, зная, что именно это она не любит больше всего.

Девушка потупила взгляд.

— Нет, — казалось, она и хотела бы ответить по-другому, но против правды не попрётся.

— Тогда и я не могу перестать ходить сюда. Должен же хоть кто-то.

Воцарилось молчание. Мне было нечего добавить, а Салли не могла ничего возразить. Я продолжал смотреть на неё, ожидая, что она придумает хоть что-то для разрешения сложившейся ситуации, но вместо этого девушка улыбнулась и сказала:

— Знаешь, именно поэтому ты мне и нравишься. Таких упрямцев я встречала не так уж и много.

— Мы будем обсуждать твои чувства ко мне или попытаемся что-то решить? — улыбнувшись ей в ответ, спросил я.

— Ничего не могу обещать, — пожав плечами, ответила та. — Ты же знаешь, что мне вообще запрещается разговаривать с пациентами на любые темы, которые могут вывести их из душевного равновесия, но каждый день я продолжаю капать Коди на мозги, спрашивая, не хочет ли он встретиться с тобой. Если об этом узнают, я могу и работы лишиться.

— Но ты же не перестанешь стараться? — с надеждой спросил я.

— Не перестану, куда же я денусь?

Моя улыбка стала более искренней — я сам почувствовал это. Пожалуй, мне бы стоило поблагодарить Салли за то, что она так старается ради, по сути, совершенно незнакомого ей парня, которого она впервые встретила здесь, но она и так знала, что я благодарен. Если бы она хотя бы принимала хоть какие-то подарки, а то всегда лишь отшучивалась, говоря, что просто хочет сходить со мной на свидание, но раз уж у меня есть девушка, то от такого «презента» она откажется. Вот так и получалось, что уже который месяц я просто терроризирую её своими просьбами, а максимум, который она получает, — это шоколадки. И тех я сегодня не принёс. Я вообще пришёл с пустыми руками — даже Коди ничего не прихватил. Просто потому, что, как обычно, решил идти в последний момент.

— Если это всё, что ты хотел узнать, то я, пожалуй, пойду, — подала голос Салли. — До моего перерыва мне ещё работать и работать. Хочешь, чтобы я ему что-то передала?

— Передай, что я приходил. Этого будет достаточно.

Девушка улыбнулась.

— Обязательно передам, — сказала она, после чего, кивнув головой на прощание, зашла обратно в здание.

Не горя желанием оставаться здесь ни секундой долее, я поспешил пойти по своим делам. Формально, дел-то у меня не было, но можно было с лёгкостью представить, что прогуляться мне просто необходимо, лишь бы не оставаться рядом с больницей для душевнобольных.

Так уж вышло, что благодаря Эллиоту именно здесь оказался Коди после того инцидента в парке. Сомнений в том, что этот парень не отвечает за свои действия и давно вышел за рамки «вменяемого», как говорил мой отчим, человека, не оставалось, поэтому было решено, что его следует не в тюрьме наказывать, а лечить. Да и мне, если честно, не хотелось доводить дело до того, чтобы выставить себя жертвой и пытаться получить что-нибудь от него. Я бы и не получил ничего, давать нужно было не мне, а ему.

Сколько бы времени ни прошло, мне всё продолжало казаться, что в произошедшем с Коди виноват и я. Не потому, что убежал тогда, испугавшись быть побитым, — за это я перестал себя винить некоторое время назад. Я винил себя за то, что случилось потом. Пусть и был ребёнком, я же мог продолжать его искать, мог продолжать просить маму помочь мне.

На крайний случай, я всегда мог обратиться к Роберту, ведь он бы не отказал мне. Что же сделал я? Заиклившись на том, что это у меня проблемы, а кто-нибудь другой поможет моему другу, я просто пустил всё на самотёк. Можно было бы найти мне тысячу оправданий, но, как говорится, кто хочет — тот ищет возможность. Видимо, тогда я не очень-то и хотел.

Чего же я пытался добиться сейчас, приходя к нему именно тогда, когда он даже видеть меня не хочет? Трудно сказать. Прощения я не просил, так как даже не надеялся его получить. Наверное, мне казалось, что если Коди будет знать, что к нему хоть кто-то приходит, ему будет легче. Узнав немного больше о последних годах жизни парня, я понял, что он был один во всех смыслах этого слова. Друзей со времён приюта, в котором он пробыл некоторое время, у него не осталось, за последующие годы он их тоже не нашёл. Семьи нет, тех, кто о нём беспокоится, тоже нет. Мне казалось, что Коди даже не будет пытаться выздороветь, если будет сидеть и думать, будто никому не нужен, а я благополучно забыл о нём второй раз.

Мне нравилось думать, что я даю ему некое подобие цели. Может быть, рано или поздно он перестанет отказываться от любых контактов с людьми, как делает это сейчас, хотя бы ради того, чтобы встретиться со мной и ещё разок-другой ударить. Всё же лучше, чем ничего, правда же?

На какое-то время погрузившись в эти размышления, я даже не заметил, как оказался в совершенно незнакомом для себя районе. Таким он мне показался на первый взгляд, а секундой позже я понял, что пришёл к университету, куда Кэтрин ходит на курсы. Интересно, сегодня ей туда надо? А какой сегодня вообще день недели? Кажется, мне действительно нужно взяться за ум, ибо где это видано, чтобы так терялись незадолго до выпускных экзаменов? За это по головке не погладят.

На секунду появилось желание зайти внутрь этого университета. Раз Кэтрин ходит сюда, значит предпочтение она отдаёт именно этому учебному заведению. Есть ли здесь возможность получить медицинское образование? Не то чтобы я был настолько верным человеком, готовым выбрать тот же ВУЗ, что и моя девушка, но если есть такая возможность, почему бы и нет? За попытку не побьют же. Надеюсь.

Зайдя внутрь, я некоторое время бродил туда-сюда по коридорам, совершенно не зная, куда податься и где что посмотреть, а спрашивать ни у кого не хотелось. В конце концов, не настолько оно мне было надо, чтобы я расстроился, если не найду что-то типа информационного стенда, который, как мне казалось логичным, должен был находиться прямо возле входа. Но, по всей видимости, логика у тех, кто проектировал это здание, была такой же чудесной, как и моя, поэтому стенд был где угодно, но только не там, где он находится у большинства университетов. Отчаявшись что-либо найти в этом лабиринте, я уже приготовился было отправиться восвояси, как вдруг мне показалось, что я вижу подозрительно знакомый силуэт. Поначалу мне в голову пришёл Алекс, потому что он ведь посещает те же курсы, что и Кэтрин. Однако, присмотревшись, я понял, что цвет волос Алекса блекнет в сравнении с волосами парня, которого мне удалось встретить.

Кажется, его недавно знакомила со мной Кэтрин. Как там его? Рэнди, кажется, да? Что он здесь забыл в такое время? Кажется, что-то обсуждал с человеком, смутно напоминавшем преподавателя. Вообще-то, это не моё дело. Самое время развернуться и уйти, сделав вид, что никого я не узнал. К тому же, я ведь и правда мог ошибиться, видел-то его всего пару раз и мельком. И плевать, что память у меня на лица отличная, всё равно я могу ошибаться.

Но вдруг этот парень перевёл свой взгляд на меня, одиноко стоящего посреди коридора

и разглядывающего эту странную парочку. Теперь мы оба смотрели друг на друга, не зная, что делать. Не знаю, то ли он меня вообще не узнал, то ли узнал и тоже не знал, стоит ли поздороваться, а может лучше проигнорировать. В любом случае, это могло бы затянуться на долгое-долгое время, если бы я не решил взять дело в свои руки. Я помахал ему в знак приветствия.

Рэнди — а теперь я не сомневался, что это был именно он, — словно током ударило. Он вздрогнул, после чего, быстро что-то сказав другому парню, за несколько секунд приблизился ко мне. Я был удивлён такому поведению, так как не знал, что ему было нужно от меня. И ещё больше удивился, когда узнал, что парень решил осведомиться, не нужно ли мне от него что-нибудь.

— Нет, — всё ещё будучи удивлённым, ответил я. — Просто проходил мимо, а заметив тебя, подумал, что знаю. Вот и поздоровался.

— Вот как, — готов поспорить, что ему было неловко. — А я подумал, что ты решил узнать что-нибудь для Кэтрин или передать что-то от неё.

— Почему я?

— Ты же её... Парень, да? Я подумал, что Кэтрин могла попросить тебя о чём-нибудь.

— Почему меня, а не тебя? Если дело связано с курсами, логичнее было бы обратиться к тебе, я не прав? — я начал откровенно наседавать на парня, потому что внезапно понял: мне нравится его реакция.

Насколько неуверенным в себе должен быть человек, чтобы сомневаться по поводу своих собственных слов, стоит кому-то настолько вредному, как я, возразить? Вот, значит, с кем начала общаться Кэтрин? Это интересно. Я не начал вдруг думать плохо об этом человеке, просто теперь стало любопытно, что сподвигло девушку сдружиться именно с ним. Почему я вдруг почувствовал себя папочкой, который проверяет окружение дочери?..

— У неё нет моего номера, — как-то неохотно признал этот факт Рэнди. — А Алекс в последнее время не появлялся, поэтому я и подумал, что она могла бы попросить тебя.

Что же, всё вполне логично. Я бы мог поддеть его, спрашивая, почему же они до сих пор не обменялись номерами, если начали хорошо общаться, но почему-то мне показалось, что не стоит продолжать.

— Что же, ясно. Это всё? — я не стал издеваться над ним из-за номера, но разве я что-то говорил о том, что перестану его испытывать в принципе?

Такого парнишка явно не ожидал. Боже мой, я искренне надеюсь, что он только с незнакомцами такой, иначе я начинаю опасаться за его дальнейшую судьбу. Мой Ник, будучи младше, и то понапористее будет.

Секундочку. Почему я вообще беспокоюсь о каком-то незнакомом человеке, не имея ни малейшего понятия, что он из себя представляет? Синдром Роберта? Желание помочь любому мальчику, который будет сидеть под дождём и плакать?

— Пожалуй, — мне даже полегчало, когда парень ответил мне твёрдо и даже недовольно. Уязвлённая гордость? Так мне больше нравится. — Просто подумал, что могу чем-то помочь...

— Можешь, — вдруг сказал я. — Я тут искал список факультетов данного ВУЗа. Не знаешь, где бы он мог быть?

Опять это удивление на лице, будто я спросил, не продаются ли где-нибудь здесь телевизоры.

— Так ты прошёл его давно, — ответили мне. — Он же прямо у входа стоит.

У входа, значит? Выходит, что у тех, кто размещал этот стенд, с логикой всё в порядке, а вот с моими глазами явно нет.

— Покажешь? Кажется, я не заметил.

Рэнди кивнул, после чего подал знак следовать за ним. Всё время мы молчали. Он, кажется, не знал, что сказать, а я наблюдал за ним. Походка выдавала в нём человека неуверенного — он шёл немного сторбившись, но довольно быстро, будто желал побыстрее расправиться с этим и отделаться от меня. Подсознание говорило, что не в неуверенности тут дело, а во мне, скорее всего, но я уже так давно научился игнорировать его, что попросту не слушал.

Наконец оказавшись прямо перед стендом, который не заметил бы только слепой, коим я, наверное, и являлся, я поблагодарил Рэнди, после чего принялся глазами искать нужную мне информацию. Вскоре я обнаружил, что здесь тоже можно получить медицинское образование, что немного порадовало. Даже если мы будем учиться в разных уголках университета, это уже хорошо, если попадём в один. Чувствую себя чересчур сентиментальным. Не нравится мне это.

— Решил сюда поступать? — вдруг подал голос Рэнди, несколько удивив меня. Я-то думал, что он поспешил уйти, стоило мне поблагодарить его.

— Я ещё думаю об этом. Но всё возможно.

— Было бы здорово, если бы ты учился вместе с Кэтрин, — парень улыбнулся, но, заметив мой изучающий взгляд, поспешно добавил: — Наверное. Мне так кажется.

— Слушай, ты правда всегда такой неуверенный? Не помню, чтобы ты вёл себя так неловко в прошлые наши встречи. Один раз ты даже практически нагло проигнорировал меня, а теперь что?

Рыжик закусил губу. Казалось, я застал его врасплох, но у меня просто в голове не укладывалось его поведение тогда и сейчас.

— Тогда просто настроение такое было. Раз на раз не приходится. Тогда ты был для меня обычным незнакомцем, а сейчас я просто не знаю, что делать, — он вздохнул. — Я не веду себя так обычно. Просто из-за того, что ты парень Кэтрин, мне кажется, что ты пришёл, чтобы судить меня.

— И именно так ты пытаешься мне показать, что я могу быть спокойным и не бояться за Кэтрин, когда она рядом с тобой? — скептически поинтересовался я. — Хорошо, я не боюсь, что ты её как-то обидишь, потому что тут надо ещё подумать, кто кого обидит. Но что ты будешь делать, если кто-то другой решит обидеть её?

— Если ты думаешь, что я буду стоять и мяться, как сейчас, ты ошибаешься, — вызов в его словах мне понравился. — Говорю же: я просто не знаю, как вести себя рядом с тобой, только потому, что это именно ты.

Мне захотелось приложиться лбом о стену. Этот парень хотя бы понимает, как звучит эта фраза? Даже от девчонок я не всегда подобное слышу. Ну ладно, отставить придирааться.

— Очень надеюсь. Потому что сейчас я, мягко говоря, не впечатлён.

— Оно и понятно, — кивнул Рэнди, однако неожиданно добавил: — Но я и не обязан тебя впечатлять, не думаешь?

Я скрестил руки на груди, заинтересованно посмотрев на него. Мне хотелось, чтобы он продолжил. Если честно, с самого начала эта ситуация казалась мне несколько абсурдной, потому что всё выглядело так, будто я пришёл сюда только ради того, чтобы его спровоцировать. Чего греха таить, отчасти оно так и было, но дело было лишь в том, что

обычно я знал, что представляет собой окружение Кэтрин. Тот же Алекс сразу давал понять, чего стоит от него ожидать. Сейчас же, по непонятной мне причине, я чувствовал, что стоит быть внимательным по отношению к этому парню. Почему-то при взгляде на него у меня появлялось не совсем хорошее предчувствие, хотя он и не создавал впечатление человека, который может кому-то навредить. Это было сложно объяснить, но что-то с ним было не так.

— Я не обязан производить на тебя хорошее впечатление, хотя, раз уж мы с Кэтрин общаемся, по идее, должен был бы постараться, — продолжил он тем временем. — Я попытался. Если не вышло, мне нечего возразить.

Ну вот. Я даже не знаю, как мне на это реагировать. Про себя я называю таких собеседников люди-тупики. Вот как скажут что-нибудь, так и не знаешь, что им ответить.

— Но, если честно, поговорить с тобой кое о чём всё же хотелось бы, — говорил парень, воспользовавшись тем, что я молчу. — Точнее, попросить кое о чём. Понимаю, что ты и так это делаешь, но всё же: продолжай встречать Кэтрин по вечерам. От греха подальше.

Я насторожился. Кажется, моё нехорошее предчувствие начало себя оправдывать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

Рэнди ничего конкретного не сказал, просто попросил о том же ещё раз. Это настораживало. Конечно, я давненько начал подозревать, что не всё так хорошо у Кэтрин на курсах, но прямое заявление об этом от абсолютно постороннего человека настораживало. А я всё никак не мог отделаться от ощущения, что не без помощи этого паренька моя горячо любимая Кэтрин опять оказалась в незавидном положении. Просто так он бы беспокоиться по этому поводу не стал, не выглядит он таким человеком.

А ещё меня просто напрягал его характер. Хоть убейте: не пойму, почему. Я не могу назвать его мямлей. Но и не могу сказать, что он вёл себя рядом со мной нормально (а что стоит понимать под рамками нормальности?). Сложно вообще было что-нибудь сказать после этой встречи. На секунду даже захотелось отмотать время назад, чтобы не встретить его, потому что теперь моё и без того отвратительное настроение стало ещё ужаснее. Кажется, мы с Кэтрин видим этого человека под абсолютно разными углами.

Видимо, на этом наш повод поддерживать общение и дальше себя исчерпал, потому как мы практически одновременно решили, что пора прощаться. Пока я брёл домой, всё пытался понять, какие чувства оставила после себя эта встреча, но за всё время так и не пришёл к нормальному выводу.

Я вздохнул, устраиваясь на лавочку в парке неподалёку от моего дома. О многом нужно было подумать, столько нужно было сделать, что просто мозги в узелок завязывались. Появилось желание просто уснуть здесь, а потом проснуться в больнице с воспалением лёгких и получить гарантированный отпуск до полного выздоровления. Но воплощать эту идею в жизнь не хотелось.

Ещё хуже я себя почувствовал, когда получил сообщение и прочитал его. Не одно, так другое. Что же за день сегодня такой, что самым приятным событием можно считать то, когда у меня забрала половину шоколадки девочка?

«Сейчас же приезжай, но не домой, а ко мне в больницу. Нужно кое-что обсудить».

Вот тебе и весь Эллиот. Ни капли приветливости, хотя не первый год под одной крышей живём, даже не стал объяснять, в чём дело. Надеюсь, что это не с мамой что-то случилось, иначе он бы так и написал, правда? Вот теперь и думай об этом, пока буду добираться к нему на работу.

Отвратительный день, честное слово. И когда казалось, что уже ничего не могло его скрасить, вдруг пришло другое сообщение. Посетовав, что отчим стал чересчур болтливый, я удивился, когда увидел, что мне написал не он, а Кэтрин.

«Представляешь, интернет отключили! Сегодня! — гласило сообщение. — Мой сюрприз не удастся, но для придания ситуации большего эффекта я отправлю то, что хотела, через пару секунд».

Я усмехнулся. Такое ощущение, что не только меня сегодня накрыло волной сентиментальности. Вопрос: она чувствует, когда надо написать мне, да? Ещё и на слова не поскупилась. Было бы обидно, пиши она слова сокращённо, лишь бы сообщение вышло небольшим.

Уже приготовившись отчаливать, поскольку просьба Эллиота обещала быть срочной, я встал с лавочки и хотел уже спрятать телефон в карман, как вдруг Кэтрин всё же прислала мне следующее смс.

«Что бы ни было, помни, что мы вместе».

И понимай это, как хочешь, называется. Мне понять удалось.

===== Глава восьмая =====

POV Кэтрин

Порой мне кажется, что окончание года совершенно ошибочно ассоциируется с возможностью расслабиться и предвкушением каникул. Быть может, дело в том, что я в выпускном классе, однако до расслабления мне было ещё очень и очень далеко. Получив множество дополнительных заданий, которые непременно должны были помочь мне лучше усвоить материал, а значит, повысить шансы на поступление в хороший ВУЗ, все выходные я провела за учебниками, не считая тех моментов, когда совесть всё же заставляла меня брать в руки сценарий и хотя бы делать вид, будто я репетирую роль.

Интернет отключили весьма некстати, поэтому я так и не смогла сделать сюрприз для Фила. Планировалось что-то наподобие видеообращения, где я должна была всячески показать ему, что поддерживаю его в любой ситуации, но вышло только идиотское сообщение, на которое я, кстати, по сей день не получила ответа. Если быть откровенной, то с того самого дня от парня мне не пришло ни весточки.

Придётся, конечно, признать весьма неприятную, зато откровенную вещь — я не слишком часто пыталась выйти с ним на связь, потому что все эти задания и напряжённая обстановка в доме полностью поглотили меня. Не сказала бы, что мои родители вели себя слишком холодно по отношению друг к другу, — на первый взгляд всё было так же, как и обычно. Всё выглядело так же, но чувствовалось по-другому. Не было той атмосферы теплоты, ранее окружавшей нашу семью. Не поймёшь, пока не потеряешь, да? Вот и я не ощущала её до тех пор, пока она не пропала.

Я всё пыталась их спросить, что происходит. Всё пыталась узнать, поговорили ли они друг с другом по-человечески, но меня даже не посвящали в их проблемы. Они спят в одной комнате, разговаривают друг с другом, улыбаются, но всё равно делают это как-то иначе, будто злятся на что-то. И я прекрасно могла понять, почему: папе, возможно, кажется, будто его обманули, маму же расстраивает, что ей не доверяют.

Доверие. Такая простая и одновременно такая сложная вещь. Вроде всё просто и понятно: ты общаешься с человеком, который со временем становится тебе настолько близок, что ты можешь рассказать ему всё. Ты привязываешься, ты понимаешь, что тебя не предадут, выслушают, не перебивая, поймут. И почему же ты упрямо молчишь? Если человек

тебе близок и ты понимаешь, что тебя не подставят, почему ничего не рассказываешь?..

Этот вопрос в последнее время всё чаще я задаю не только окружающим, но и себе самой. И на него сложно найти ответ. Что-то сдерживает, что-то не позволяет рассказать. Очень странное чувство, которому попросту нет объяснения.

Выходные пролетели так, будто их не было. Вроде я только встала, как я сразу легла спать. Опять встала, опять легла — вот и понедельник, а я уже вышла из дома и иду по улице. Желание, чтобы вся эта кутерьма завершилась как можно скорее, с каждым днём становилось всё сильнее. А нежелание идти в школу росло день ото дня, но при этом я попросту не представляла, что же буду делать, когда всё это закончится. Такие странные чувства.

К моему счастью, Лили и Дженни, ждавшие меня всё на том же месте, как и всегда, быстро вытянули меня из этих мыслей, развлекая всю дорогу по пути в школу.

— Кэтрин, ты, должно быть, сегодня просто в прекрасном настроении, — с улыбкой сказала Лили, многозначительно взглянув на меня.

— С чего бы это? — не поняла я.

— Боже мой! — всплеснув руками, воскликнула девушка. — Твой парень сегодня наконец-то придёт в школу, а значит, что вы снова сможете тайком поглядывать друг на друга во время перерывов и показывать пример платонической любви!

— По-моему, ты перегибаешь палку, Лили, — вставила Дженни. — Они и так не отлипают друг от друга круглые сутки.

Я нервно засмеялась, вспомнив прошедшие дни, когда мы ни разу не созвонились. Между прочим, это был первый раз за всё-всё время, когда мы не обменялись даже сообщениями, где желали бы друг другу хорошего дня или спокойной ночи... Как-то запоздало у меня появилось очень странное чувство беспокойства и... опасения?

— Может быть, но если и перегибаю, то совсем чуть-чуть, — стояла на своём девушка. — Они так долго встречаются, а всё ещё... Не знаю, как это описать. Отношения, будто им по двенадцать?..

— И что именно заставляет тебя так думать? — не выдержав, спросила я, хотя знала, чем это чревато.

— Многое, но я постараюсь выделить основное, — с видом знатока произнесла подруга. — Я не говорю о том, что вы показываете на людях. По сути, я всегда считала, что личная жизнь на то и личная, дабы делить её лишь между собой. Даже мы с Майком разве что за ручки держались и порой обменивались парой поцелуев. Но... Ваше первое настоящее свидание было не так давно. Серьёзно, Кэтрин? Просто... Серьёзно, Кэтрин?!

— Ничего не могу поделаться, — пожав плечами, ответила я. — Наши отношения развиваются в своём темпе.

— Улитка быстрее передвигается, чем ваши отношения развиваются, — пробубнила Лили. — Я просто теперь пытаюсь подсчитать... Если вы поженитесь... Через сколько лет у вас дети появятся? Восемь?.. Девять?.. Ах, нет, наверное, девять — это слишком много. Тебе ведь будет уже за сорок, а это опасно.

— Эй, с чего ты взяла, что мне будет за сорок?! — последняя реплика меня задела.

— Ну, если я правильно подстроилась под ваш темп, то через пару лет после того, как вам будет тридцать, вы как раз...

— Лили! — обиженно протянула я.

— Прости-прости, просто... В виду того, что я испортила свои собственные отношения,

просто не хочется, чтобы и у вас что-то было не так. Это, конечно, не моё дело, да и не мне советовать вам, но... Ты же понимаешь, что я имею в виду?

Я сглотнула, так и не найдя нужных слов, дабы что-то ответить ей на это, поскольку для меня тема слишком быстро поменялась, чтобы я успела переключиться. К счастью, для таких моментов у меня всегда была Дженни.

— Тем не менее, ты слишком уж рьяно вмешивалась в их жизнь, — мягко произнесла она, а после уже со смехом добавила: — Хотя тебе, наверное, есть, чем похвастать.

— В смысле? — упаднический настрой шатенки вмиг испарился.

— Ну, раз уж для тебя любовь Филадельфия и Кэтрин платоническая, — медленно проговаривая каждое слово, начала девушка, — значит, вы с Майком...

— Нет! Боже, нет! — замахав руками и густо покраснев, громко сказала Лили. — О чём ты думаешь? Уж от тебя не ожидала...

— Я имела в виду, что вы с ним, должно быть, частенько ходили на свидания и вообще больше были похожи на пару... А ты о чём подумала?

Девушка, над которой мы обе начали посмеиваться, покраснела ещё сильнее, хотя казалось, что дальше уже некуда, после чего ускорила шаг, однако, заметив впереди Майка и Генри, которые, увидев нас, остановились, дабы подождать, чуть ли не подпрыгнула.

— Почему именно сейчас? — жалобно простонала она. — Я же сейчас в глаза ему смотреть не смогу...

Мы с Дженни хихикнули, уверенно направившись к парням, ожидавшим нас. Майк, заметив явно смущённую Лили, вопросительно посмотрел на меня, на что пришлось лишь пожать плечами. Тогда брюнет перевёл свой взгляд на девушку и спросил:

— У тебя всё хорошо?

— Да, просто они надо мной смеялись по дороге, — так и не посмотрев на него, ответила та.

— По поводу?

— Без повода! Они просто... Сегодня они злые.

Все вокруг улыбнулись, одна Лили оставалась безутешной, не в силах заставить себя смотреть в глаза Джевонсу, поэтому от неё ускользнул тот факт, что под глазами у него были огромных размеров синяки, которые я тут же заметила.

— Плохо спал? — обеспокоенно спросила я. Мои слова спровоцировали шатенку украдкой посмотреть на парня.

— Вообще почти не спал двое суток. Никогда не думал, что моё умение рисовать выйдет мне боком.

— И что Сю заставила тебя делать? — спросила я, будучи уверенной, что именно она была причиной его загруженности.

— Декорации, — обречённо произнёс парень. — Она заставила меня делать декорации к спектаклю. Одного! Абсолютно все декорации я должен был делать самостоятельно! Я, чёрт побери, умею рисовать, я ни словом не обмолвился, что в число моих хобби входит вырезание из бумаги и изготовление деревянных подставок!

— Но ты же закончил? — с ноткой сочувствия в голосе спросил Генри.

— Издеваешься, да? — наградив его убийственным взглядом, спросил Майк. — Там работы столько, что я убил два дня, а сделал где-то четверть... Мне кажется, что я никогда не закончу...

— Нужна помощь? — участливо спросил его друг, ненадолго озадачив своего

собеседника. Казалось, он не ожидал, что его нытьё к чему-либо приведёт.

— Нужна, но тебе там делать толком нечего... Разве что подставки и прочее. А так... Прости, дружище, но помощник из тебя никакой. Тебе кисть и в руки давать нельзя.

— Тогда могу помочь я! — оживлённо воскликнула Лили. — Мы можем пойти к тебе домой и... — она на секунду запнулась, заметив, как Майк посмотрел на неё. Сложно было классифицировать этот взгляд, тем более, эмоции этого парня всегда было немного сложно разобрать, но я бы сказала, что ему было несколько... неловко. Заметив это, девушка улыбнулась ещё шире, отчего её улыбка выглядела уж совсем натянутой, и продолжила: — И вместе с нами могли бы пойти ещё Дженни и Кэтрин с Филом, ведь всем вместе делать быстрее! Да, Фил?

Лили посмотрела куда-то позади меня, я же, решив проследить за её взглядом, чуть было не врезалась в грудь шатена, отчего непроизвольно воскликнула:

— Мама дорогая! — встретившись взглядом с парнем, на лице которого не отразилось ни единой эмоции, я спросила: — Давно ты тут стоишь?

— Только подошёл, — он легко улыбнулся, а я заметила, что у парня под глазами такие же ужасные синяки, как и у Майка. По всей видимости, Фил тоже обратил на это внимание, так как перевёл свой взгляд на брюнета и спросил: — Тоже не спалось?

— Мне прекрасно спалось, но мало, — устало ответили ему. — Собственно, из-за этого мы до сих пор тут стоим.

— Просто я считаю, что как-то неправильно заставлять одного Майка страдать над декорациями, — вставила слово Лили. — Поэтому и сказала, что мы сегодня можем пойти к нему домой и помочь. Нельзя же бросать человека одного!

— У меня курсы, — подняв руку, будто отвечаю на вопрос, заданный учителем, сказала я. — Поэтому времени будет совсем немного. Но я уже давненько задолжала Майку, поэтому могу помочь.

— Я вообще первый предложил помощь, так что это вполне естественно, что я согласен, — Генри ободряюще улыбнулся присутствующим. — К тому же, вместе мы действительно быстрее справимся.

— Дженни? — Лили посмотрела на брюнетку, ожидая её ответа, на что та кивнула, соглашаясь на это маленькое мероприятие. И вроде бы всё было отлично, но тут заговорил тот, кому собирались помогать.

— А меня кто-то спросил, могу ли я после двух бессонных ночей что-либо делать? — устало произнёс Майк. — Вы так здорово решили, что уже идёте сегодня ко мне...

— Расслабься, — Генри положил руку на плечо брюнету. — Мы же не будем проводить обыск твоей комнаты, всего лишь хотим помочь. Да, Фил? Ты же с нами идёшь?

— Идёт, — внезапно за него ответил Джевонс, отчего Гардинер лишь ухмыльнулся. — У него должок, поэтому его можно не спрашивать.

Я услышала, как парень коротко рассмеялся, после чего посмотрела на него внимательно. Он выглядел очень уставшим, даже если бы не было этих синяков под глазами, я бы сразу смогла определить, что с ним явно не всё хорошо. И всё же, за неимением лучшей альтернативы, задала самый банальный вопрос, который могла.

— Ты в порядке?

Фил перевёл свой взгляд на меня, но моему вопросу не удивился. Напротив, казалось, будто он только и ждал, когда же я задам его.

— Я жутко хочу спать и чувствую, что не высижу ни одного урока, но в общем я в

порядке.

— Что же тебе так спать мешало? — кажется, не удалось скрыть подозрение в моём голосе.

— Тишина.

Этот ответ заставил меня несколько раз удивлённо моргнуть.

— Что, прости?

— В последнее время дома слишком тихо. С детства ненавижу спать в мертвецкой тишине, будто меня в клетку зачихнули.

Я хотела что-то сказать, но потом в моей голове пронеслись воспоминания о том, что рассказывал Фил о своём детстве, а секундой позже память услужливо напомнила о состоянии Сэм, поэтому тишина в доме казалась вполне естественной. Таким же естественным казалось и то, что парню это совершенно не нравилось. Мне бы и хотелось чем-то ему помочь, но вот чем — я не знала.

Не знаю, эти ли слова повлияли на моё поведение, было ли причиной его состояние или же дело всё же в том, что мы достаточно долгое время не общались, однако весь день мне не хотелось отходить от него ни на шаг. В который раз я возненавидела саму идею того, что мы учимся в разных классах. Перемены казались слишком короткими, а уроки длились ещё дольше, чем когда-либо. Хоть нам и предстоял поход к Майку домой, а это значило, что придётся работать, работать и ещё раз работать, чего очень не хотелось после достаточно продуктивных выходных, я была очень рада, когда занятия закончились.

Так уж получилось, что всё время, которое мы шли до дома Джевонса, мы передвигались в разных компаниях, разделившись на мальчиков и девочек. Тем не менее, хоть в глубине души у меня и было нечто сродни предвкушения — всё же первый раз домой к Майку иду, — я никак не могла заставить себя сосредоточиться именно на этом или же хотя бы слушать Лили, которая пыталась унять дрожь во всём теле. Мне было понятно волнение подруги, которая не знала, как сделать первый шаг, если, как она сама призналась, именно по её инициативе произошёл их разрыв, я сочувствовала ей от всего сердца, но ничего не могла с собой поделать. Вместо того, чтобы вместе с Дженни успокаивать её, я всё время откровенно пялилась на Фила.

Не знаю, что за чувства во мне пробудились, но сейчас, когда он выглядел таким уставшим, всё время хотелось чем-нибудь ему помочь. Попроси он воды — я бы сбегала и купила в ближайшем магазинчике; еды — тут же попыталась бы отыскать то, что он любит; если бы ему вдруг стало тяжело — я бы без раздумий понесла его рюкзак, как бы неправильно это ни выглядело со стороны. Вот только ему не нужно было ничего из этого. Ни одного даже малюсенького желания Фил не озвучил и даже, казалось, не заметил моего пристального взгляда. Зато это не ускользнуло от моих подруг.

Заметив, как пристально я наблюдаю за парнем, Лили даже отвлеклась от своих переживаний, принявшись всячески подначивать меня по этому поводу. Даже Дженни признала, что я веду себя несколько иначе, но впервые за долгое время я не ощутила смущения от подобных слов, поскольку мне было плевать.

Даже когда мы оказались у Майка в мастерской (меня, кстати, поразило само наличие у него в доме мастерской, пусть я про себя и решила ничему не удивляться), ничего не изменилось. Дабы распределить обязанности более-менее честно, договорились так: Майк дорисовывает всё, что необходимо; Лили и Дженни дорабатывают уже готовые эскизы, которые беспорядочно валялись в углу комнаты, словно парень специально положил их куда

подальше, дабы забыть это, как страшный сон. Я, кажется, была просто дополнением к этой компании, поскольку занималась далеко не самым важным и тяжёлым делом, а именно — делала из нескольких листов ватмана листы большего размера, порой собирая рисунки, как пазл. Понимаю, конечно, что Майк художник и он так видит, но порой мне было сложно понять, что должен там увидеть нормальный человек, поэтому я частенько удивлялась, когда из частей тела, похожих, к примеру, на ноги слона, я получала вполне себе чёткое изображение колонн замка. Кажется, несмотря ни на что, моя работа была самой интересной, потому как Фил и Генри в это время мастерили деревянные подставки для моих сооружений, дабы они имели возможность простоять на сцене долгое время.

И вроде бы все были заняты — я в том числе, — но я не могла удержать себя от желания слушать, о чём тихо переговаривались Фил и Генри, даже если это касалось только того, что они делали. Слушала я не столько потому, что мне было интересно, сколько из-за того, что так я могла прекрасно слышать, что нужно было Гардинеру. Пусть это и выглядело по-детски, но мне доставляло невероятное удовольствие слышать от него всякий раз «Спасибо», когда я, к примеру, услышав, что ему хочется пить, наливала ему в стаканчик воды или делилась карандашом, чтобы они смогли сделать пометки. Так я и не заметила, что медленно, но верно стала делать чуть ли не всё, о чём он просил, в качестве благодарности принимая подачки в виде переданных с другого конца комнаты ножниц или других необходимых мне вещей.

Я наивно полагала, что это будет расценено, как обычная участливость, поэтому совсем не ожидала, когда, в очередной раз протягивая Филу стакан воды, так и не успев передать его из рук в руки, услышала следующий вопрос:

— Кэтрин, ты сегодня моим хвостиком стала?

Все присутствующие оторвались от своих занятий, посмотрев в нашу сторону.

— В смысле? — мои руки дрогнули, и по гладкой поверхности воды в стакане пробежали лёгкие волны.

— В прямом, — ответил парень, забирая его у меня. — Мне, конечно, приятно, но я боюсь, что так ты быстро устанешь, а тебе ещё и на курсы идти. А ты весь день ходишь за мной, пытаюсь понять, чего ещё я могу захотеть, чтобы тебе удалось выполнить. Это даже странно. Я не при смерти, Кэтрин.

Послышался смех ребят, отчего я почувствовала себя очень неудобно. Щёки начали гореть, а сама я плотно сжала зубы, чувствуя, что на меня накатывает обида. Будто маленького ребёнка отчитал... И пусть так. Разве обязательно было делать это при всех, чтобы я в итоге выглядела идиоткой в глазах наших общих знакомых? Сама не знаю, почему повела себя так ребячливо, но всё, что мне удалось сделать на тот момент, так это ядовито бросить:

— Жаль, а я ведь так надеялась. Придурок.

Развернувшись к своему месту и резко положив обе руки на стол, я вдруг напоролась одной из них на нож для бумаги, весьма неосмотрительно оставленный мной на самом краю стола, и негромко вскрикнула, тут же приложившись губами к пострадавшей конечности. Почувствовав солоноватый привкус во рту, я поднесла правую руку к глазам, увидев, что поранила внутреннюю сторону ладони между большим и указательным пальцем.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Дженни.

— Да. Сейчас водой промою только на всякий случай, — бросила я, а потом, не обернувшись к ним ни разу, поспешно вышла из мастерской, слабо представляя, где может

находиться ванная, но на тот момент это было не так уж и важно. Пройдя несколько метров по коридору и столкнувшись с первым препятствием в виде развилки, я всё гадала, куда же мне пойти, мысленно продолжая ругать себя за такую реакцию. И когда холерик во мне наконец-то станет хотя бы немного спокойнее?..

Вдруг я услышала, как позади меня открылась дверь, а, обернувшись, увидела Лили, которая, легко улыбаясь, шла за мной.

— Я не первый раз в этом доме, поэтому решила, что могу проводить тебя до ванной комнаты, — сказала она, поравнявшись со мной.

— Спасибо, — тихо произнесла я, после чего побрела за ней следом.

Не зная, что делать, я просто всё время по пути к ванной разглядывала свою руку, а также то, как по ладони стекала кровь, и надеялась, что мы дойдём до того, как она начнёт капать на ковры. В тот момент я чувствовала себя нашкодившим котёнком, а идущая рядом девушка вдруг показалась мне в разы старше меня. Во всяком случае, она не совершала настолько глупых поступков.

Оказавшись в нужном месте, я коротко поблагодарила Лили, а потом подставила руку под струи воды из-под крана, почувствовав несильную боль от этого. Поскольку подружка всё ещё оставалась рядом на случай, если мне понадобится что-то ещё, я всё же решила поинтересоваться:

— Я повела себя, как глупая истеричка, да?

Объяснять дважды, что именно я имею в виду, не пришлось. Так как я стояла прямо напротив зеркала, то могла видеть в нём отражение девушки, посему её улыбка не ускользнула от меня.

— Как тебе сказать... — протянула она. — Скажем так, со стороны это смотрелось так, будто у тебя не самые лёгкие дни в девичьей жизни. Фил же, по сути, просто констатировал факт: ты весь день за ним хвостиком бегаешь и всячески пытаешься угодить.

Я вздохнула, сокрушённо опустив голову, и принялась наблюдать за тем, как уже совсем тоненькие струйки крови стекают в раковину вместе с водой, но руку убирать не спешила, будто она была предлогом, почему мы можем постоять здесь и поговорить наедине.

— Я понимаю, как это, должно быть, выглядело со стороны, — выдавила из себя я, — но мне действительно стало обидно. Даже не потому, что он не оценил моих стараний. Просто он в который раз напомнил мне о том, что когда я забочусь о нём, то это выглядит странно. Хуже, чем то, что твою помощь отвергают, может быть лишь то, что от тебя её даже не ждут, словно ты на это не способен. Я сейчас чувствую себя такой жалкой, говоря это, но в тот момент мне показалось, будто я какой-то ненужный элемент, который приносит проблемы, а сам ничего сделать не может.

— Ты знаешь, что это не так, — я так и не смогла посмотреть в глаза Лили после того, как наговорила всё это, поэтому лишь по звуку её шагов догадалась, что девушка подошла ко мне ближе.

— Знаю, конечно, — буркнула я, — но всё равно... Что бы ни произошло, этот упрямец всё время держит всё в себе, он практически никогда мне ничего о себе не рассказывает, будто не доверяет. Из-за этого я лишний раз тоже задумываюсь над тем, стоит ли мне ему жаловаться. Может быть ему хватает своих проблем, а о моих он даже слушать не захочет. Это так бесит, если честно.

В этот момент я готова была услышать от Лили, что я просто придумываю проблемы на ровном месте и вообще мне стоит остудить пыл, но вместо этого она вдруг сказала:

— Я понимаю, что ты чувствуешь. Это тоже бесило меня.

От удивления я даже выключила воду в кране, словно могла из-за этого ослышаться, а потом посмотрела внимательно на шатенку. Та ободряюще улыбнулась.

— Вообще-то... Мне кажется, что рано или поздно каждая пара сталкивается с подобным. Я имею в виду проблемы, наподобие «Почему он мне ни о чём не рассказывает? Он не доверяет мне?» или «Если он молчит, значит, ему есть, что скрывать от меня. Могу ли тогда доверять ему я?» и прочие.

— То есть, вы с Майком...

— Да. В отличие от тебя, я стала одной из тех дурочек, которая не смогла подождать. Поэтому сказала, что, вероятно, нам нужен перерыв.

Я молчала. Возможно, стоило бы попросить её продолжать, но я знала: раз уж начала, Лили закончит. Иначе и не поднимала бы эту тему.

— Не сказала бы, что наши проблемы были такими уж серьёзными, — продолжила она, подтверждая мои догадки, — просто меня раздражало ощущение, будто я пустое место. Не знаю, сказалось ли на Майке то, что ты постоянно спрашивала его о Филе, и поэтому он начал тебе доверять, однако по какой-то причине ему было даже с тобой легче обсудить то, что лежало у него на душе. Не со мной. Знаешь, поначалу я даже не придавала этому должного значения, к примеру, когда он разговаривал с Филом или Генри, так как прекрасно осознавала, что с этими людьми он общается гораздо дольше, чем со мной. Но когда я узнала, что периодически вы с ним встречаетесь и именно тебе он рассказывает то, о чём не говорит даже мне... Не то чтобы я ревновала, скорее я злилась. «Почему именно ей? Он знает Кэтрин немногим дольше меня, но именно со мной же, в конце концов, он встречается! Тогда почему именно она?» — подобные мысли посещали меня достаточно часто, прежде чем я успела накрутить себя до предела.

— Извини, — вырвалось у меня прежде, чем я успела понять, что именно говорю. Но даже после этого я бы не выразилась по-другому. Почему-то я вдруг почувствовала свою вину за все те встречи, которые мы порой назначали друг другу, не утаивая от наших половинок данного факта. Интересно, а как при этом чувствовал себя Фил?

— Тебе не за что извиняться, правда, — поспешила заверить меня подруга. — И я говорю это вовсе не для того, чтобы в чём-то обвинить тебя. Если в нашем расставании и была чья-то ошибка, то только моя. Это мне не хватило ни ума, ни терпения, дабы понять, что к чему. Понимаешь, я ведь тоже не всё ему рассказывала. Мне не хотелось лишний раз ему докучать, не хотелось обременять, потому я и молчала, хотя не стоит забывать, что в общем и целом я была и остаюсь той ещё болтушкой, так что о большей части моих проблем он так или иначе узнавал. И в то же время он молчал. Это злило. Да, мне понадобилось время, чтобы научиться рассказывать ему всё, но раз я смогла, почему не мог он? В тот момент мне и в голову не пришло, что все люди разные, поэтому время, за которое к подобному привыкла я, никак не может повлиять на то, за сколько должен был привыкнуть он. Мне казалось, что всё: он мне не доверяет, конец света. А ведь он, по сути, думал так же, как и я, когда что-то утаивала от него. И ничего больше.

Повисла пауза. Лили, казалось, собиралась с мыслями, а я всё ждала, пока она наконец-то объяснит мне, почему вдруг решила рассказать об этом. Она молчала так долго, посвящая в свои мысли только Дженни, что мне впору было бы обидеться так же, как она в своё время обиделась на Майка, но мне было интересно, что же она ещё скажет.

— Теперь я понимаю, что нам надо было просто поговорить, что в последнее время и

пытаюсь сделать, но безуспешно, — тише добавила она. — Знаешь, что самое мерзкое во всей этой ситуации? Я просила лишь об одном: чтобы он мог всё мне рассказать, чтобы знал, что я не предаю, а в итоге... Теперь, даже если мы сойдёмся, ничего уже не будет как прежде. Но, знаешь, на этот раз я готова подождать. Даже если меня будут игнорировать, даже если первое время он не будет со мной делиться ничем, я просто не хочу наступать на одни и те же грабли ещё раз. Просто научусь быть терпеливее. Чего желаю и тебе. Понимаю, не мне давать тебе советы, поскольку твои отношения куда более успешны, чем мои, но всё же... Не суть. Просто будь мудрее.

Прежде, чем что-либо ответить, я зачем-то совершила несколько совершенно бесполезных действий. К примеру, прошлась туда-сюда, взглянула на руку, однако после перевела взгляд на подругу и сказала:

— Если ты перестанешь давать мне советы, то кто будет? Дженни может обрисовать мне нашу модель поведения и прийти к какому-то выводу, но она же абсолютно без понятия, что делать в таких ситуациях.

Лили улыбнулась, а потом вдруг бросилась обнимать меня со словами:

— Мне плевать, что это похоже на дурацкую сцену из фильма, я люблю тебя, Кэтрин Моллиган!

— Я тоже люблю тебя, — обняв девушку в ответ одной рукой, сказала я. — Но я всё же буду любить тебя больше, если теперь мы поищем что-то наподобие пластыря... Здесь он есть?

— Это уже нужно спросить у Майка, — отпрянув, сказала она, а после, хитро прищурившись, добавила: — Или у Фила.

— Он-то здесь при чём?

Нахмурившись, шатенка скрестила руки на груди, после чего серьёзным тоном поинтересовалась:

— Ты действительно не заметила, да?

— Прошу, Лили, у меня нет желания отгадывать...

— Он же весь день занимался тем же, чем и ты, дурочка такая! — воскликнула девушка, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Просто, в отличие от тебя, он делал это не так очевидно, но, по сути, сегодня вы буквально бегали хвостиком друг за другом. Ты такая: «Ох, Фил, не хотелось бы тебе чай? Я вот тебе принесла!», а он такой: «Конечно, дорогая, а не хотелось бы тебе к нему сахар? Я могу своим поделиться!» Такая романтика прямо... Ох, мне нравится.

— Не было такого! — меня начало пробивать на смех. — Любой поймёт, что ты врешь, хотя бы потому, что он никогда не называет меня «Дорогая».

— А пора бы, между прочим! Сколько вы там вместе?.. И никогда?

— Вообще ни разу.

— Даже «Милая»?

— Не в том контексте, в котором тебе хотелось бы.

С каждой секундой смеяться мне хотелось всё сильнее. Да, всё же я обожаю Лили. Превращать любой разговор в комедию с абсурдным юмором, когда ты не знаешь, почему смеёшься, — это её особое умение.

— Это стоит исправить, — что-то нехорошее было в её улыбке. — Пожалуй, я озвучу ему эту идею прямо сейчас.

Не успевая даже крикнуть ей, что делать этого не следует, как девушка за секунду

успела развернуться и открыть дверь, за которой, по всем законам жанра, стоял именно Фил. Но даже если это было по всем законам жанра, это не значит, что мы не удивились. Моё состояние я могла бы назвать шоком, если бы не впала в настоящий ступор. К счастью, с подругой такого не случилось.

— Надо же, а он здесь, — каким-то странным тоном произнесла она. — Фил, ты... давно здесь стоишь? Мне имеет смысл озвучивать последнее предложение или можно не утруждаться?

— Я вас не подслушивал, если ты об этом, — спокойно ответил Гардинер, в то время как я искала подходящее место, где можно было бы как можно эффектнее провалиться под землю. Чтобы запомнилось окружающим.

— Правильно, подслушивать нехорошо, — всё тем же странным голосом говорила девушка. — Ух ты, что это у тебя? Пластырь? Да ты же наверняка решил помочь Кэтрин! Как же это мило с твоей стороны! Ну, раз уж у неё есть ты, то я здесь больше не нужна. Разбирайтесь сами.

Похлопав напоследок парня по плечу, она быстро ретировалась с места происшествия, оставив меня сгорать от стыда в одиночестве. Однако я всё ещё не могла, к счастью, ничего сказать, иначе непременно наговорила бы множество всяких глупостей. Пожалуй, только это и спасло ситуацию.

Фил, не говоря ни слова, подошёл ко мне и, взяв мою раненую руку в свои, убедился в том, что всё далеко не так плохо, как могло быть, — ранка оказалась маленькой, а кровь начала подсыхать. На всякий случай помазав её каким-то кремом, от которого всё же начало немного пощипывать, он принялся распаковывать пластырь, дабы заклеить порез, отметив прелесть того, что у Майка в мастерской для подобных случаев есть аптечка. Я молчала, поэтому Гардинер первым нарушил тишину.

— Неужели тебе правда хочется, чтобы я так тебя называл? Может ещё придумаем друг другу милые прозвища?

— Ты же сказал, что не подслушивал!..

— Но это не значит, что я не слышал. Так что?

Он закончил обрабатывать мою руку, хотя лично я не видела в этом никакой необходимости, ибо всегда пускала дело на самотёк по принципу «Кости целы? Вот и хорошо», а после наконец-то посмотрела ему в глаза. Не знаю, что я хотела там увидеть, но заметила лишь заинтересованность. Он спрашивал не для того, чтобы поиздеваться. Он правда хотел знать. И это было странно.

— Нет, пожалуй, не стоит. Меня стошнит после первой же попытки.

— Но?

— Что «Но»?

— Я ясно вижу, что ты хочешь высказать ещё что-то.

— В принципе, — я замялась, закусив губу. Говорить или нет? Боги, он же и так много чего слышал!.. Лучше ляпну какую-нибудь глупость, чтобы остальное в глаза не бросалось... — Думаю, немного больше романтики не повредило бы. Ну, знаешь... Ходить по улице, держась за ручки... И обниматься... И... И я не верю, что говорю тебе подобную ерунду, потому что мне, в общем-то, не на что жаловаться, а сейчас я просто пытаюсь заставить тебя забыть обо всём, что ты мог услышать, пока стоял под дверью.

И кто просил меня быть такой честной?..

— Я действительно толком ничего не услышал, успокойся, — он ободряюще улыбнулся,

однако в следующую секунду опять нахмурился и спросил: — Только... У девчонок это всегда так происходит? Я имею в виду, неужели вы общаетесь в таком духе большую часть времени?

— Нет, но если дело касается парней и обсуждаю я их именно с Лили, то да, всё происходит именно так.

— Какой кошмар.

Я улыбнулась, но потом мне в голову пришла одна ужасная мысль, которую необходимо было озвучить.

— А ты слышал, что Лили говорила о Майке?..

— Я слышал это от Майка, думаю, мне хватит и этого, второй раз, да ещё и от неё, я бы просто не перенёс, — я облегчённо вздохнула, а он, тем временем, посмотрел на наручные часы. — Тебе, кажется, уже пора на курсы. Тебя проводить?

Я кивнула, после чего мы, улыбнувшись друг другу, вышли из ванной. Всё вроде бы было нормально, однако до мастерской мы дошли, не говоря друг другу ни слова, потом просто собрали свои вещи, а после я попрощалась с друзьями. Филу же даже не пришлось обещать, что он вернётся, — Майк заверил его, что парня здесь ждут. Гардинер сказал что-то о деньгах за подработку, после чего на Джевонса в шутку накинудись все присутствующие, потребовав материальной компенсации за потраченное время, а шатен, довольный тем, что напакостил, поспешил уйти.

Ни с кем больше прощаться не пришлось, поскольку дом Майка пустовал, поэтому мы спокойно вышли из него и направились вдоль по улице, но всё ещё молча. Я нервно кусала губы, обдумывая, как бы по-умному начать диалог, чтобы извиниться, а Гардинер, недолго думая, взял меня за руку, переплетая наши пальцы. Готова поспорить, что в тот момент мои глаза были такими большими, что готовы были вывалиться из орбит.

— Ты так реагируешь, будто я первый раз тебя за руку беру, — с усмешкой сказал он.

— Дело не в этом. Просто я думала, что ты злишься на мой выпад в мастерской, поэтому всё это время шла и обдумывала, как бы извиниться. А всё оказалось так просто, правда?

— Не надейся, что так будет всегда, — ухмылка стала нахальнее. — Просто ты вынуждена признать, что твой парень — человек с потрясающим характером, раз вообще не злится на тебя.

Не найдя, что сказать, я лишь фыркнула, отведя взгляд. Потрясающий характер, да. Получая свою долю самоуверенности, он взял тройную порцию.

— А если говорить серьёзно, то мне приятно. Извини, что не оценил твоих попыток сразу, просто ты так сильно старалась, что...

— Перестаралась?

— Самую малость. Буквально чуть-чуть.

Я улыбнулась, не в силах больше скрывать, что мне нравится сложившаяся ситуация. Если бы можно было идти так очень долго... Так бы хотелось никуда не спешить, ни о чём не беспокоиться, а просто идти... Погодка была как раз потрясающая. Снег уже весь оттаял, на улице было прохладно, но ни намёка на дождь. Мне нравилась такая погода, потому что все мысли можно было привести в порядок. Даже закралась шальная мысль прогулять курсы, но я быстро отмела её, зная, чем это чревато.

— Надо как-нибудь погулять. Не сходить куда-нибудь в конкретное место, а просто побродить по улице. Давно мы этого не делали, да? — Фил настолько чётко передал мои

мысли, что на секунду мне показалось, будто я говорю вслух. Но нет, просто у него было такое же мнение.

— Да, определённо стоит.

Мы снова замолчали, но на сей раз тишина не была неловкой — просто мы задумались. Я, к примеру, вспоминала всё то, что мне сегодня рассказывала Лили, применяя это к себе. Неспроста ведь девушка об этом заговорила, она точно знала, что мне нужно было это услышать именно сейчас. В этот же момент мне вспомнилась ситуация моих родителей, которые, пусть и были взрослыми людьми, живущими под одной крышей уже достаточно долгое время, всё ещё не могли поговорить. И я вдруг подумала, что мне стоит этим поделиться. Даже если Фил пока что по какой-то причине не может сделать то же самое, я могу попытаться первой. Тем более, мне давно хотелось с кем-то об этом поговорить.

— Кэтрин, знаешь... — вдруг начал Гардинер, удивив меня. Я ведь только настроилась!.. — Я уже давно хотел сказать...

— Подожди секундочку, — прервала его я. — Можно сперва мне? Просто я боюсь, что если не сейчас, то я никогда не решусь на это.

Парень поджал губы, но я готова была подумать, что мне показалось, так как в следующую секунду он уже улыбался, когда сказал:

— Конечно, продолжай.

— Дело в том, что происходит дома. В принципе, сейчас вроде достаточно мирное время, но я всё равно чувствую себя не в своей тарелке.

И тогда я выложила всё, что думала по этому поводу. И то, как родители стараются делать вид, будто всё в порядке. Папа притворяется, будто ему всё равно, что мама практически каждый день ходит на встречи с Ароном, поскольку после той выставки работы у неё прибавилось, а Люси старательно делает вид, что в поздних возвращениях Роберта нет ничего такого. Я рассказала даже о том, как однажды вечером, решив выскочить в магазин канцтоваров за несколькими принадлежностями, которые были мне срочно нужны, а у меня их не оказалось, увидела, как отец стоит напротив нашего дома. Он стоял, наблюдал за Люси, которая наводила красоту в гостиной, переставляя вещи в более, как ей казалось, подходящие им места, а сам зайти не решался. И в тот момент он выглядел так, что мне очень захотелось просто подойти и обнять его, но я этого не сделала, потому что знала: папа не хотел бы, чтобы я его видела в такой ситуации.

Потом, зайдя в дом на несколько минут позже него, я всё же обнялась с ним при встрече, отметив, что руки у него были не просто холодными — ледяными. Он ездит на работу и обратно только на машине. Если бы он постоял там минут пять, то не успел бы так замёрзнуть, а у него даже губы посинели. Меня так раздражала эта ситуация, что хотелось плакать, а сделать я ничего не могла. Как же в такие моменты я жалела, что я не пятилетняя девочка, которая может просто подойти и сказать: «Мама, папа, не ссорьтесь», а они тогда одумаются. Мне правда хотелось так сделать.

Всё это я ему выпалила чуть ли не на одном дыхании, поэтому под конец рассказа мне потребовалось некоторое время, чтобы отдышаться, так что я остановилась, дабы сделать небольшой перерыв. Не то чтобы я ожидала буйной реакции или того, что меня пожалеют, просто мне нужно было выговориться. Поэтому мне стало легче, когда я рассказала, но ещё лучше я себя почувствовала, когда Гардинер, ничего не сказав, лишь крепче сжал мою руку и начал поглаживать её большим пальцем своей. Другого я и не просила, хватало просто того, что меня выслушали.

Мы продолжили свой путь, опасаясь, что я могу опоздать. Какое-то время мы вновь шли молча, но перед тем, как мы подошли совсем близко к университету, где нам предстояло попрощаться, я спросила:

— А что ты хотел сказать мне?

Парень, казалось, не ожидал, что я спрошу это, так как наверняка успел подумать, будто я уже об этом забыла, поэтому в первый момент стусевался. Я списала это на то, что вопрос был задан ни с того, ни с сего, поэтому он просто не сориентировался поначалу. После секундной заминки он сказал:

— Я давно хотел сказать, что было бы неплохо собраться как-нибудь у меня так же, как мы сделали это сегодня. Только не работать, а заняться чем-нибудь поинтереснее.

— Думаешь? — неуверенно спросила я. — А разве это удобно? Твоя мама...

— Поверь, её мы не побеспокоим. А это всё же лучше той тишины, которая в последнее время стоит в доме.

Хоть меня и насторожило повторное упоминание о тишине, в тот момент я внезапно поняла, что уже серьёзно опаздываю, поэтому, в очередной раз сославшись на болезнь Сэм, неловко улыбнулась ему и попрощалась, поспешно добавив:

— Мне всё же не понравилось то, что несколько дней от тебя не было ни весточки. Мы ведь исправим это, да?

— Сегодня же исправим. А сейчас давай, иди уже, иначе точно опоздаешь. Я тебя вечером встречу.

Я ещё раз улыбнулась и поспешила к университету, куда уже спешило множество людей, большинство из которых были, конечно же, моими одноклассниками, как вдруг услышала, что Фил окликнул меня. Обернувшись, я моментально угодила в его объятия, но они были такими короткими, что я даже осознать не успела, что это вообще было. В следующий момент парень положил свои руки мне на плечи и, наклонившись, оставил лёгкий поцелуй на лбу. Встретившись с моим непонимающим взглядом, он улыбнулся и сказал:

— Реабилитируюсь за эти несколько дней. Подойдёт?

Почувствовав себя так, будто по телу прошёлся заряд тока, я только и смогла, что кивнуть, после чего, имитируя движения робота, на негнущихся ногах направилась в здание. В моей голове не отложилось ничего ровно до того момента, как я, даже не сняв верхнюю одежду, подошла к аудитории, встретившись возле двери со Стивеном.

— Так и знал, что мисс Моллиган опоздает, — улыбнувшись, сказал он, а после, встретившись с моим потерянным взглядом, спросил: — В чём дело? Не выспались? Пора бы уже, дело к вечеру близится.

— Извините, постараюсь больше не опаздывать, — на автомате выдала я.

— Да мне-то, собственно, ничего... Всё равно у вас сейчас не моя пара, извиняйтесь перед другим преподавателем.

Я подняла на него округлившиеся глаза, с ужасом понимая, что он прав. Чуть ли не грубо оттолкнув Стивена в сторону, я ввалилась в аудиторию, чересчур громко извиняясь перед преподавателем, после чего, сопровождаемая насмешливыми взглядами одноклассников, направилась к своему месту, с тоской отмечая, что мой недорыжик до сих пор не выздоровел. Обидно... Что же с ним такое? Надо хоть позвонить и узнать, как у него дела. Жаль, что его нет, он бы смог меня отвлечь.

Примостившись на стуле рядом с Рэнди, который приветливо улыбнулся мне, я всё же

подумала, что рыжик — тоже неплохо. Возможно, даже лучше. Этот и отвлечь может, и болтовнёй своей докучать не будет — идеальный, одним словом.

Однако я и предположить не могла, что он решит отвлечь меня так быстро, поскольку первое, что сделал Рэнди, когда я сняла с себя верхнюю одежду и приготовила всё необходимое для пары, — это протянул мне свой телефон. Когда я вопросительно посмотрела на парня, он одними губами попросил меня написать ему свой номер. Я сперва удивилась. Потом очень удивилась. Потом мне показалось, что это мило, поэтому я быстренько набрала его, а после позвонила с его телефона сама себе, предварительно выключив звук. Так мы обменялись номерами.

После этого я честно попыталась сосредоточиться на занятиях, которые сегодня были, но видимо я так устала за всё это время, что мозг отказывался что-либо воспринимать. Вместо этого мы всё время переписывались с Рэнди, как говорится, «обновляли» номера. Странно было делать это, потому что мы могли бы обойтись и бумажками, но как только я вспоминала случай, когда Алекс забросал меня множеством мелких записок, меня аж в дрожь бросало, поэтому такой способ мне, наверное, нравился даже больше.

К концу последней пары нам стало настолько скучно, что мы уже даже не притворялись, будто слушаем преподавателя — благо, всё занятие мы разбирали тему, которую я только недавно прорабатывала на выходных, поэтому я без зазрения совести могла отвлечься. Во всяком случае, так я себя оправдывала, поскольку переписка с Рэнди была для меня гораздо интереснее. К счастью, сообщения у обоих были бесплатные, иначе надолго такого способа не хватило бы. Но даже об этом мы быстро забыли, принявшись живо обсуждать новую причёску преподавателя по английскому.

Увлечлись мы настолько сильно, что даже когда пара закончилась, мы всё ещё продолжали переписываться, принявшись глупо хихикать. Теперь мы прощались, потом кто-то из нас опечатался, поэтому попрощаться не получилось. Практически все уже вышли из аудитории, но вдруг я почувствовала, как чья-то рука легла на моё плечо, а прямо над ухом раздался знакомый и неприятный мне голос:

— Воркуете, голубки?

Меня передёрнуло, когда дыхание этого человека пощекотало моё ухо, поэтому я машинально отодвинулась, гневно посмотрев на говорившего. Джон — мне стало казаться, что в последнее время у меня появилось слишком много знакомых с таким именем — смотрел на нас и ухмылялся. Как ни странно, сейчас он был один — его компания куда-то направилась, стоило занятиям закончиться, так что в аудитории, помимо нас троих, осталось только двое парней, готовившихся выйти, и, как ни странно, Кэтрин. Преподавателя уже и след простыл.

На секунду я встретилась взглядом с глазами девушки. Она смотрела на меня без выражения каких-либо эмоций на её лице, казалось, будто она села смотреть по телевизору не самый интересный фильм. Я даже не сразу обратила внимание на то, что кто-то прикоснулся к моим волосам, Кэтрин же, тут же заметив это, вздрогнула, после чего поспешно вышла из аудитории. В следующую секунду я почувствовала, как прядь моих волос была откинута, обнажая кожу, а потом рука парня прикоснулась к моей шее, отчего я, вздрогнув, подскочила, резко попятившись назад, но так как на моём пути оказался стул, на котором сидел Рэнди, то я попросту рухнула ему на колени, отчего парень охнул.

— Какая нервная, — довольным голосом произнёс Джон, спрятав руку в карман. — И чего ты так боишься? Того, что я буду вести себя с тобой так же, как и с ним? — он

пренебрежительно кивнул в сторону рыжика. — Зря. Ты же девочка. С девочками себя так вести нельзя. Тем более, если они такие симпатичные.

Он наклонился, вновь потянувшись своей рукой на сей раз к моему лицу, но был остановлен Рэнди. Парень выставил вперёд свою руку, загораживая меня, а после несколько неловко ударил Джона кулаком по раскрытой ладони, однако тот быстро среагировал, схватив моего друга выше запястья и выворачивая ему руку. Я охнула, а Рэнди, к моему удивлению, не издал ни звука, молча посмотрев в глаза обидчику, так как их лица от последнего действия светловолосого оказались достаточно близко.

Некоторое время их зрительный контакт не нарушался, а я же просто смотрела на это, в оцепенении не в силах сделать ничего. В таких ситуациях я всегда чувствовала себя беспомощной.

— Хотя, если приглядеться, не такая уж ты и симпатичная, — вдруг произнёс Джон, переведя свой взгляд на меня. — Во всяком случае, ты проигрываешь в женственности этому... — ругнулся он, обозвав Рэнди.

Из-за последнего слова захотелось не только ударить парня, но и зажать уши руками — терпеть не могу нецензурные выражения, а именно такое он и использовал, дабы описать парня, который никак на это не отреагировал, будто привык это слышать. Я заметила только как рыжик сжал зубы — очевидно, с каждой секундой цепкая хватка нашего одноклассника приносила ему всё больше боли. Благодаря этому я словно очнулась ото сна, поэтому, не особо задумываясь над тем, что делаю, впиалась ногтями в руку Джона, стараясь оставить как можно более глубокие царапины на его коже — благо, ситуация позволяла. От неожиданности парень отдернул руку, выпуская из своей хватки Рэнди, не сдержавшего облегчённый выдох и тут же прижавшего ушибленную конечность к своему торсу.

Джон посмотрел на меня так, будто у меня рога выросли, явно не ожидая такого выпада, я же лихорадочно пыталась сообразить, можно ли мне сейчас сорваться и побежать за кем-то, оставляя Рэнди наедине с ним, успею ли я вообще убежать и будет ли он что-либо предпринимать в одиночку, ещё и в университете? Мозг подсказывал, что нет, но я не могла контролировать такую дурацкую вещь, как страх.

— Вот поэтому ты меня и раздражаешь — везде тебе лезть надо, — сказал парень. — А сидела бы тихо, я бы и не знал о том, что ты вообще существуешь.

Я нахмурилась, нервно поглядывая в сторону двери. Господи, почему он никак не может отцепиться от нас?..

— Но раз уж вы теперь парочка, — продолжал светловолосый, — не мне же вас разлучать, правда? Будете делить всё на двоих. Здорово, правда?

— Почему бы тебе просто не отстать от нас? — стараясь, чтобы мой голос не дрогнул, спросила я. — Серьёзно. Тебе это доставляет удовольствие, да?

— Ещё какое, — ни секунды не колеблясь, ответил парень, потянувшись для того, чтобы потрепать Рэнди по голове, но тот увернулся, вызвав у другого лишь короткий смешок. — Я со средней школы учусь вместе с такой милашкой, как же игнорировать его. Да, Рэнди?

Очевидно, Джон не требовал ответа, поскольку, хлопнув рыжика по плечу, он подхватил свои вещи, а после поспешил выйти из аудитории, не удостоив нас больше ни единым словом. Проводив его взглядом, дабы убедиться, что парень точно ушёл, я сползла с колен Рэнди, а потом, аккуратно взяв его за ушибленную руку, дабы получше рассмотреть, спросила:

— Очень больно?

— Терпимо, — ответил тот, хотя я не сомневалась в том, что ему было очень больно: его рука покраснела и даже совсем немного опухла, из чего я могла сделать вывод, что уже завтра там появятся синяки.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — буркнул парень, выдёргивая руку из моей хватки, тут же поморщившись от боли. — Ничего страшного. Это не самое худшее, что могло приключиться. Не девчонка — потерплю.

Я на секунду улыбнулась, но в следующий момент серьёзно спросила:

— Хочешь сказать, что они твои одноклассники и достают тебя со средней школы?

— Эти — да. Но надо мной начали смеяться чуть ли не с детского садика, потому что первые лет семь моей жизни маме нравилась сама идея того, что я буду ходить с длинными волосами. Как ты думаешь, почему надо мной смеялись?

Я промолчала, так как в озвучивании ответ не нуждался — он был очевиден. Да и интересовало меня совсем другое.

— И ты никогда не пытался с этим ничего сделать?

— Пытался. Поэтому в детстве меня считали хулиганом, который только и делает, что дерётся. Знаю, из моих уст это звучит, как плохой анекдот, — он невесело улыбнулся. — Но со временем мне это просто осточертело, так что я перестал давать сдачу. И до тех пор, пока я не реагировал, они действительно стали цепляться ко мне меньше, только иногда сгоняя злость, но дальше идиотских шуток это обычно не заходило.

— Что же изменилось теперь?

— Появилась ты, — Рэнди внимательно посмотрел на меня. — Только не смей думать, что это твоя вина, это они по своему поведению напоминают детей. Здесь они цеплялись ко мне скорее ввиду старых привычек. Ну, ещё повлияло то, что мы оказались в новом коллективе, где им нужно было самоутвердиться. Тем не менее, пока я не реагировал, я не представлял для них особого интереса, и они уже готовы были даже забыть обо мне. Вопреки всему, я никогда не был тем, кого избивали при любой удобной возможности, а ещё я не могу сказать, что у меня вообще нет друзей в классе, ты же одного видела. Просто я был тем, кого нравилось всем доставать из-за внешности. А тут вдруг появилась ты. Новый персонаж, который почему-то, вопреки ожиданиям, обратил на меня внимание, пусть они и старались сделать так, чтобы хотя бы здесь я был незаметным. И тут кто-то начинает реагировать на то, что они делают. Да они добивались этого со времён средней школы!

Я закусила губу, внезапно почувствовал себя нехорошо. Скорее, омерзительно. Что бы ни сказал до этого Рэнди, всё равно получалось так, что это именно из-за меня его начали доставать ещё сильнее, да я ещё и на себя беду накликала. Честно, совсем не хотелось приходить сюда и знать, что кто-то ждёт тебя, лишь бы поиздеваться.

— Только не делай такое лицо, серьёзно, — парень ободряюще улыбнулся. — Ты в любой момент можешь сделать вид, что мы поссорились, они тогда и отстанут. Им нет смысла сильно цепляться к тебе.

— А ты?

— Что я? Я привык. Всё равно ничего со мной не случится.

— Не сказала бы... — протянула я, вновь посмотрев на его ушибленную руку, покрасневшую ещё сильнее.

Рэнди, проследив за моим взглядом, тут же натянул рукава своей толстовки до запястья, закрывая последствия нашего «разговора» с Джоном, я же с каждой секундой чувствовала себя всё хуже и хуже. Усугубляло ситуацию ещё и то, что мне было невдомёк, как к такому

можно привыкнуть, а ведь Рэнди уже привык.

Словно подтверждая мои слова, парень поднялся и, сказав, что мы сильно задержались, спокойно принялся собирать вещи, не преминув напомнить мне, всё ещё сидевшей и ожидавшей непонятно чего, что всё же стоит собраться.

С горем пополам натянув на лицо фальшивую улыбку, я встала и направилась вместе с ним к выходу, по пути одеваясь, так как потратить ещё больше времени означало заставить Гардинера что-то заподозрить, а мне не хотелось ему ни о чём говорить.

В голову вдруг закралось подозрение, что это могли бы сделать вместо меня. Кэтрин уже виделась с Филом, а зная, что он всегда приходит немного раньше окончания моих занятий, я могла предположить, что они обязаны были встретиться. Если бы она не была последней стервой, она бы рассказала ему. Она бы увидела его на улице и, узнав, непременно рассказала бы о том, что происходит в аудитории. Но она этого, по всей видимости, не сделала, иначе парень уже очутился бы там. Возможно, он бы даже успел до того, как Рэнди покалечили.

Хоть парень и делал вид, что всё в порядке, шёл он, неловко прижимая руку к туловищу. Я поинтересовалась, не встречается ли он сейчас с другом, он же сказал, что нет, к тому же ему ещё нужно кое-куда заскочить перед тем, как направиться домой. Хоть я и волновалась, он чуть ли не силой выпроводил меня из университета и до того, как встретился с Гардинером, юркнул обратно в здание, направляясь по своим делам. Некоторое время я провожала его взглядом, как вдруг ощутила чью-то руку на своём плече.

На сей раз я не испугалась, поэтому спокойно обернулась, встречаясь взглядом с Филом, который улыбался, приветствуя меня. Я улыбнулась в ответ, но ничего не сказала.

— Как сегодня всё прошло? Ты долго, — первым начал разговор он.

— Хорошо. Лекции были скучными, поэтому мы с Рэнди почти всё время переписывались. Настолько увлеклись, что задержались. Извини.

— Переписка интереснее реальной жизни? — спросил парень, взяв меня за руку, а после мягко потянул меня за собой, чтобы мы двинулись в направлении к дому.

— Переписка интереснее учёбы, — констатировала я, надеясь, что ничем не выдам ему своё настроение, которое почему-то лучше не становилось. — Что там с Майком? Доделали всё?

Мы начали болтать о самых ненужных и самых глупых вещах, которые только могли обсудить. Когда заканчивались нормальные темы, мы придумывали что-нибудь новое, опустившись даже до обсуждения обуви прохожих. Где-то на середине разговора мне показалось, будто Фил ведёт себя точно так же, как я: говорит обо всём, лишь бы не рассказывать того, что хотелось на самом деле.

Обычно он, провожая меня до дома, никогда не принимал приглашения мамы на чай, ссылаясь на то, что ему нужно домой. Сегодня он зашёл к нам и просидел за столом около получаса. Обычно он не любил, когда Роберт в шутку предлагал проводить его до дома, чтобы Филу не было страшно. Сегодня он первым попросил моего отца пройти с ним, а когда мужчина предложил подбросить его до дома на машине, отказался, мотивируя это тем, что хочет подышать воздухом.

Когда мы с мамой вышли, чтобы, как она выразилась, проводить наших мужчин, я, пользуясь тем, что Люси решила поделиться с Гардинером печеньем, которое накануне испекла сама, и ушла на кухню, а папа вышел на улицу, чтобы не запариться в доме, в который раз за день спросила:

— Ты в порядке?

Фил как-то печально ухмыльнулся, даже не подняв на меня взгляд, притворившись, что увлечён завязыванием шнурков. Это меня насторожило сразу же, ведь если бы всё было хорошо, реакция была бы совсем другая.

— Теперь это уже не имеет значения, — негромко сказал парень, после чего посмотрел на меня.

Видимо, в моём взгляде отразились все те чувства, которые я испытывала по отношению к его ответу, который выбил меня из колеи, потому что он вдруг, постаравшись шире улыбнуться, спросил:

— Хочешь я найду тебе занятие на вечер?

Я поначалу собиралась ответить, что у меня, в принципе, и так много дел, которыми можно заняться вечером, но, к счастью, вовремя появилась мама с печеньем, которое хотела отдать Филу, дав мне немного больше времени, чтобы всё обдумать и наконец сказать:

— И какое же?

Шатен, поблагодарив Люси, посмотрел на меня и, как-то странно улыбнувшись, наклонился ко мне и еле слышно прошептал:

— Я хочу уехать ненадолго. Сбежать, так сказать. Если хочешь со мной, твоя задача — придумать, куда бы мы могли направиться.

— Я всё ещё здесь, если что, — весело сказала женщина, наблюдавшая за нами. После её слов парень отстранился. — Однако если вы хотите, чтобы я ушла...

— В этом нет необходимости, — заверил её Фил. — Я уже сказал всё, что хотел, — он перевёл взгляд на меня и добавил: — Подумай, хорошо?

Всё, что я смогла сделать в тот момент, — это тупо кивнуть, позволив ему, ничего не объясняя, скрыться за дверью и оставить меня с мамой только вдвоём.

— Бедный мальчик, — сказала Люси после того, как некоторое время наблюдала за ним с Робертом в дверной глазок. — Он выглядел таким уставшим.

Я что-то ляпнула ей в ответ, но толком даже и не помнила, что именно, поскольку в моей голове раз за разом звучали его слова.

«Я хочу уехать ненадолго. Сбежать, так сказать».

Сбежать? Почему ему вдруг захотелось куда-либо сбежать? Какой в этом был резон, особенно сейчас, когда он практически всё свободное время проводил с Сэм, которой его поддержка была просто необходима? Что вообще творится в голове этого парня?

===== Глава девятая =====

Отказавшись от предложенной мамой еды для «заправки на ночь», я на негнущихся ногах поднялась этажом выше, в свою комнату. Неловко закрыв дверь так, что она всё же осталась слегка приоткрытой, я, не обращая на это ровным счётом никакого внимания, побрела к кровати, однако замерла буквально в шаге от неё. Сама не знаю, почему в тот момент чувствовала такую растерянность, но попросту ничего не могла с собой поделать, поскольку когда я не знаю, какое решение стоит принять, я всегда впадаю в лёгкое подобие паники.

А что мне стоит делать сейчас, я определённо не знала. Предложение, озвученное Филом, казалось каким-то нереальным, словно мне могло это присниться или же я могла не расслышать, а может я просто не совсем поняла весь смысл — парень же говорил очень тихо. Но что-то всё равно подсказывало, что услышала я всё правильно.

Ну и что теперь делать? Сбежать вместе с ним? На сколько? Куда? Зачем?

Или остаться? Но он же всё равно поедет тогда один. И что тогда? Всё ли будет с ним хорошо? Где он будет? Если он собирается сбежать, будет ли он выходить на связь в случае моего отказа ехать с ним?

Слишком много вопросов, ответы на которые я могла получить лишь непосредственно от Гардинера, который ушёл куда-то с моим отцом. Великолепно. Нет, серьёзно, это просто замечательно. Настолько прекрасно, что хотелось с разгону врезаться головой в стену. Может быть, если бы я заработала себе сотрясение мозга, тогда эта глупая идея уезжать куда-либо не пришла бы ему в голову.

Эта идея внезапно показалась такой заманчивой, что я даже заинтересованно поглядела на одну из своих стен. Но буквально в следующую секунду я категорически покачала головой из стороны в сторону, после чего, негромко вскрикнув от собственного бессилия, рухнула на кровать, подняв в воздух ноги и сделав ими движение, которое можно было классифицировать как разминочное упражнение «Велосипед» или как конвульсии припадочного человека. Первый вариант был более симпатичным мне, а второй больше походил на правду.

Уставившись в потолок, я всё надеялась, что вот ещё секундочка, и мне в голову обязательно придёт то единственно верное решение, которое я была обязана принять в сложившейся ситуации, но этого почему-то не происходило, а я не знала, у кого спросить совета, ведь это было не тем, что можно было обсудить с кем угодно. Даже мама, которая уж точно не была первым попавшимся и случайным человеком, не могла мне помочь, ибо её родительские чувства уж точно побудили бы её связаться с родителями Филадельфии и узнать, что такое у них произошло.

Возможно, если бы я была хорошей девочкой, я действительно должна была бы рассказать именно маме, чтобы не волновать своих родителей, а заодно выбраться из этой ситуации, не принимая равным счётом никакого самостоятельного решения, но я не хотела поступать так. Это было бы нечестно по отношению к парню.

Не знаю, как долго я пролежала в таком положении, но, по всей видимости, достаточно долго, так как в комнату вдруг вошёл отец, который, увидев меня, весьма удивился и сказал:

— Я думал, что ты уже спишь. Почти полночь, Кэтрин. Пора ложиться.

— Я уже лежу, — бесцветно ответила я, отмечая, что от долгого лежания на одном месте моя поясница начала болеть, а конечности затекли. Но двигаться всё ещё не хотелось.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — Роберт прислонился плечом к дверному проёму, скрещивая руки на груди. — Не пререкайся.

Я просто молча смотрела на него, не говоря ни слова. По выражению лица мужчины не было возможно понять, говорили ли они с Гардинером о чём-то важном, способном помочь мне наконец-то определиться, что требуется от меня в данной ситуации. По выражению его лица вообще ничего не было возможно понять.

Внезапно папа перестал хмуриться из-за такого моего поведения и, вздохнув, приблизился к постели, после чего, крепко схватив меня за плечи, аккуратно подтянул с края кровати к подушкам, пристраиваясь рядом со мной. Я молча позволяла ему это делать, с радостью отмечая, что моё тело почувствовало себя лучше, оказавшись в более удобном положении. Но ещё лучше почувствовала себя именно я, когда, просунув руку под мою голову, второй рукой Роберт притянул меня к себе, нежно обнимая и заставляя уткнуться носом в его грудь и ощутить знакомый немного резкий, но уже такой родной запах его одеколона.

— Помнишь, как мы спали так в детстве, когда тебя мучили кошмары? — внезапно спросил он, заставляя меня первый раз за последнее время легко улыбнуться и хоть как-то пошевелиться, кивая. Видимо, удовлетворившись таким неловким ответом с моей стороны, он продолжил: — Ты тогда считала меня чуть ли не супергероем и говорила, что всегда будешь просить папочку помочь, если тебя что-то беспокоит. Это ты тоже помнишь? — я снова кивнула. — Так что же изменилось, Кэтрин? Понимаю, в детстве всё воспринималось несколько иначе и с тех пор ты очень изменилась, но не я. Я-то всё тот же папочка, который готов спать с тобой в одной кровати, если тебе снова приснится дурной сон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я вздохнула, чувствуя некое подобие горечи, ведь, произнося эти слова, Роберт сам уже прекрасно понимал, что я не расскажу ему всей сути проблемы. Но он всё равно рассчитывал помочь мне хоть как-то, даже если я не попытаюсь высказать ему всё, что меня беспокоит. От этого я ощутила себя неловко. Очень странно хотеть рассказать всё человеку, готовому выслушать тебя, но молчать. Ведь тайна, по сути, не моя.

— Не знаю, что говорить, если честно, — призналась я. — Слишком много всего хочется сказать, а с чего начать — не знаю.

— Ты начала принимать наркотики? — задал Роберт вопрос, заставивший меня удивлённо округлить глаза и рывком отстраниться от него, осовело посмотрев в повеселевшее лицо мужчины.

— Папа! — только и смогла протянуть я, не зная, как реагировать на его реплику.

— Если это не наркотики и ты не беременна, — он многозначительно покосился на меня, — то самое худшее уже позади, а бригада скорой помощи, которая могла бы приехать, когда у меня случился бы инфаркт, может собираться домой.

Я открыла, а после захлопнула рот, словно рыба, но так и не смогла ничего сказать на это, даже улыбнуться сил не хватило. Не знаю, с чем это связано, но я внезапно ощутила такую неловкость, будто папа принялся объяснять мне, откуда дети берутся. По всей видимости, Роберт примерно понял ход моих мыслей, так как в следующую секунду сказал:

— Я понимаю, что между детьми и взрослыми всегда будет барьер, который разрушить нельзя. Прежде всего, мы из разных поколений. Как бы ни старался, я никогда не смогу целиком понять тебя, а ты меня. И мы никогда не сможем рассказать друг другу всё. Но... Можно же попытаться, да?

Я посмотрела прямо на него, заглядывая в красивые глаза, которые, по счастливому совпадению, были такого же цвета, как и у меня, и по непонятной причине понадеялась, что прямо сейчас он что-нибудь скажет об их с мамой ситуации, но услышала вовсе не это.

— В любом случае, — произнёс отец, — тебе необходимо всегда слушать своё сердце. Знаю, что это достаточно банальный совет, который ты можешь услышать в качестве морали в большинстве мультиков, которые периодически пересматриваешь, но в этом есть доля истины. Часто голос разума, насколько бы прав он ни был, оставляет после себя лишь сожаления о том, что в своё время ты послушался именно его, а не попробовал то, чего хотел. Ты понимаешь, о чём я?

Я кивнула, так и не отводя свой взгляд от лица мужчины.

— Мне всегда было интересно, — говорю, улыбаясь, — как тебе удаётся, не зная ситуации, давать правильные и хорошие советы?

— О, так это правильный и хороший совет? — Роберт сделал вид, что искренне удивлён такому повороту событий. — Ну, что я тогда могу сказать? Просто у меня дар. Не больше, но

и не меньше.

Я улыбнулась шире, стараясь не придавать значения вопросу, мелькавшему у меня в голове с самого начала этого разговора. «Если ты знаешь, как всё разрешить, почему не послушаешь голос сердца и не разрешишь всё с мамой?» — я бы никогда не осмелилась высказать это вслух. В конце концов, я не настолько взрослая, чтобы до конца понимать отношения родителей.

Вдруг я почувствовала лёгкую вибрацию в кармане своих джинсов, которые до сих пор не передела, сопровождаемую гудком, оповестившим меня о пришедшем на телефон сообщении. Этот звук был настолько не к месту, что мы с Робертом одновременно поморщились.

— Это могло бы быть первым пунктом в пособии о том, как разрушить приятную лирическую атмосферу, — пробурчал папа, выпуская меня из объятий и поднимаясь с кровати, неохотно покидая тёплую постель. Потянувшись вплоть до хруста в костях, он несколько сонным взглядом посмотрел на меня и, едва не зевая, сказал: — Отвечай всем, кому не терпится поговорить с тобой даже в полночь, а после, занятая леди, засыпай. Я уже не в том возрасте, чтобы каждое утро исполнять ритуальные танцы, лишь бы ты всё же проснулась и пошла в школу.

Он подмигнул улыбавшейся мне, после чего поспешно покинул комнату, оставляя меня наедине с написавшим мне человеком (а я была уверена, что это не оповещение от оператора). Когда Роберт оказался за дверью, он громко заверил Люси, что я уже десятый сон вижу, заставляя улыбнуться ещё шире. На секунду я забыла о том, что вообще могут быть какие-либо проблемы, поэтому прочитала сообщение от Фила — оно было именно от него — с хорошим настроением, которое не испортилось даже после того, как я быстро пробежалась взглядом по всего-навсего двум словам от него.

«Что надумала?»

Ничего, если честно. Так я и собиралась ответить, попросив у него ещё немного времени, дабы решиться наконец-то сделать то, к чему после разговора с Робертом склонилась чаша весов. Но Гардинера, по всей видимости, не волновал тот факт, что он сообщил мне о своих планах всего несколько часов назад, поскольку, не успела я набрать ответ, как мне пришло ещё одно сообщение от него.

«Надеюсь, ты не спишь. Потому что осталось не так много времени».

Я нахмурилась и быстренько отправила ему вопрос, вертевшийся в голове.

«В каком смысле?»

«Я отправляюсь этой ночью», — был ответ.

Что? Сегодня? Ещё и ночью?!

«Ты с ума сошёл?» — я аж приподнялась на кровати, напрягшись. Мне казалось, что это спонтанное решение, от которого я смогу отговорить парня, если немного постараюсь, но из того, что я видела, можно было сделать вывод, что он планировал это уже достаточно давно. Боги, почему он не сказал мне обо всём этом немного раньше?..

«Возможно, — писал парень в следующем сообщении. — Но либо сегодня, либо никогда. Потом могу передумать».

«Так, быть может, оно не стоит того? И не надо сбегать?»

«А в этом случае я буду жалеть, что не сделал это, когда была возможность».

Я в отчаянии рухнула обратно на подушки, с трудом сдерживая желание застонать в голос. Если я когда-то и жалела, что встречаюсь с этим парнем, то только в моменты,

подобные этим, когда он принимал спонтанные решения, от которых отговорить его было невозможно!..

«Кэтрин...» — вдруг пришло от него сообщение, так как он не дождался ответа на предыдущее.

«Что?» — ответила я, надеясь, что он поймёт, сколько злобы вложено в это слово.

«А хочешь я тебе дам стимул поехать со мной?»

На секунду я забыла о раздражении.

«Какой? Я всё же сама выбираю, куда мы поедем».

«Снимаю с тебя эту привилегию — я уже знаю, куда ехать. Хочешь я тебя вкусно накормлю?»

Я прямо увидела, как рушится мой мир, полный представлений о том, какой именно стимул придумал Фил. Еда? Серьёзно? Я похожа на ту, кого можно подкупить обещанием покормить?

«Издеваешься, да?» — написала я ему, прекрасно понимая: да, он издевается.

«Ничуть. Просто вспомнил, что там есть одно потрясающее место — тебе уж точно понравится».

«Там?» — хорошо, что это не живое общение, иначе я бы не смогла скрыть вернувшуюся заинтересованность.

«Интересно, да? — уверена, он ухмылялся, когда писал об этом. — А вот поедешь со мной — узнаешь».

Почему-то мне вдруг показалось, что он заинтересовывает меня так же, как обычно заинтересовывают маленьких детей.

Но мне правда стало интересно. Как никогда хотелось прислушаться к совету папы, а именно — забыть о голосе разума, забыть о том, что завтра нам обоим необходимо идти на занятия, а родители будут беспокоиться и ни за что не разрешат, если я прямо попрошу у них отпустить меня... Но внезапно мне действительно так сильно захотелось не думать об этом! Я сама не поняла, как у него получилось это, но за такой короткий промежуток времени Фил заставил меня изменить своё решение, убирая куда подальше ответ «Не знаю», являя на поверхность твёрдое «Я согласна!»

«На какой период ты хочешь сбежать?» — не выдержав, написала я ему, понимая, что если раньше у меня ещё были пути к отступлению, то после такой слабости с моей стороны их уже точно не будет.

«Как придётся. Зависит ещё и от тебя, ведь прежде всего это ты будешь этой ночью выползать из дома».

Говорит так, будто я уже согласилась, хотя я не припомню за собой такого. Нравится мне этот парень.

Мы переписывались до часу ночи, обсуждая детали нашей вылазки. Можно было бы и созвониться, что значительно упростило бы ситуацию, но я боялась своими разговорами разбудить родителей, которые, судя по тишине в доме, нарушаемой только звуками работающих электроприборов, давным-давно заснули.

Мне не нравилось то, что я делала. Мне не нравилось то, что я позволила себе так легко согласиться, будто за таким моим решением не последует никаких последствий, а ведь это не так. Люси будет первой, кто спустит с меня три шкуры, когда я вернусь. И будет хорошо, если я вернусь сама, а не меня приведёт обратно в дом наряд полиции, заботливо отправленный мамочкой на мои поиски. И не стоит забывать о Роберте. Каким бы хорошим

он ни был, будет счастье, если после этого он вообще разрешит мне видиться с Филом.

Собирая вещи в небольшой пакет, который порекомендовал мне приготовить Гардинер, чтобы потом сложить всё в его рюкзак, я думала, что лучше положить всё на свои места и лечь спать. Побег. Это ничто иное, как побег из дома! Да у меня никогда и в мыслях ничего подобного не было! Всякий раз, когда мои сверстники обсуждали желание поскорее выбраться из душащего родительского особняка, я жила себе спокойно и думала, что же мама приготовит на обед. И вот теперь я, Кэтрин Моллиган, отличница, хорошая девочка (по словам окружающих, которые не в курсе, какой у меня на самом деле ужасный характер), готовящаяся к поступлению в престижное учебное заведение, собираю вещи для побега со своим парнем. Идеально.

Дрожащими руками я написала родителям записку о том, что со мной всё действительно в порядке, а сама я буду отсутствовать несколько дней, где — сама не знаю, но определённо будет всё хорошо... Фил ведь со мной. Это ведь должно было их успокоить, да? Боюсь, что нет. Я бы своему ребёнку голову открутила, честное слово.

Этой маленькой бумажке предстояло оказаться на холодильнике, чтобы мама, которая первым делом утром идёт на кухню, дабы готовить завтрак, тут же увидела её. Я так боялась разговора по возвращении, а ещё больше боялась, что не удастся выскользнуть из дома незамеченной. Именно поэтому, дожидаясь сообщения от Гардинера, я сидела в практически тёмной комнате, освещаемой лишь ночником, стараясь даже дышать тише. Мне казалось, что родители могут проснуться в любую секунду.

Около половины третьего Фил сообщил мне, что приехал. Я напряглась. Теперь нужно было действовать мне, причём самостоятельно, а этого ой как не хотелось. Дрожа всем телом, я подхватила увесистый рюкзак, в который постаралась сложить вещи на все случаи жизни, и направилась к двери собственной комнаты. Оказавшись уже в коридоре, напряжённо вздохнула, прислушиваясь. Все спали. Первая точка своеобразного квеста пройдена.

На носочках подошла к лестнице, проклиная порой поскрипывающие половицы. Почему я никогда не замечала этого, проходя здесь каждый день? Даже лестница издавала неприятные скрипучие звуки при каждом моём шаге, отчего казалось, что сердце нет-нет, да и выскочит из груди. Последний раз я была так напряжена, когда больше года назад оказалась совершенно одна в лесу, упав с обрыва в лагере. Но тогда меня ждала, как максимум, встреча с диким животным, а моя мама страшнее их всех вместе взятых будет, если её разозлить.

После того, как я с горем пополам добралась до кухни и закрепила магнитиком записку, вздохнула с облегчением. Осталось только выйти из этого дома и поспешить к Филу. Осталось совсем немного.

Однако именно этот самый короткий промежуток оказался самым ужасным. Трижды я натыкалась на какие-то предметы мебели, расставленные по дому подобно ловушкам, а дважды едва удержала папин огромный зонт джентльмена, как он сам его называл, который так и норовил грохнуться на пол. Я даже не стала надевать свой пуховик в доме, боясь задеть что-нибудь, а потому выскользнула за дверь, как можно тише запирая её, а там уже оделась. Облегчённо вдохнув холодный воздух, буквально обжёгший мои лёгкие, я, чувствуя облегчение в душе, посмотрела на свой дом, впервые видя его таким... неживым. Ни единого проблеска света.

Я бы могла и дольше смотреть на него, пытаюсь успокоить до сих пор бешено

колотившееся сердце, но нетерпеливый кашель позади меня напомнил, что кое-кто ждёт меня на улице уже достаточно долго для того, чтобы околеть. Начала замерзать и я, так как пуховик ещё надо было застегнуть. Этим я и занялась, направившись по дорожке к Гардинеру, сидевшему в достаточно расслабленной позе на своём мопеде.

— Ты долго, — сказал он, а я не могла разглядеть выражение его лица — парень был в шлеме. — Думал уже, что струсила и скоро пришлешь мне сообщение с отказом.

— Я хотела. Поверь. Это ужасно страшно, я боюсь даже представить, какой нагоняй получу от родителей, когда вернусь.

— Почему же всё равно пошла со мной?

Он в тот момент передал мне в руки второй шлем, а я, отдав ему пакет со своими вещами, чтобы он сложил всё в свой рюкзак, на секунду замерла с ним в руках, думая, что же сказать. Почему я пошла? Любопытство из-за того, что у Филя оказалось очередное тайное место, которое он собирался мне показать? Желание получить новую дозу адреналина, сбегая куда-то? Или дело было всё же в том, что я сбегала именно с ним?

— Захотелось. Такой ответ устроит?

— Ты слишком нагло используешь мои собственные фразы. Залезай уже.

Я усмехнулась, после чего поспешила устроиться позади шатена, однако помехой стал его рюкзак, который тот предварительно взгромоздил себе на плечи. Да он же огромный!

— Что ты туда положил? — недоумённо спросила его я. — Мы собираемся жить там?

— Вообще-то, там не только мои вещи, раз уж на то пошло, — ответили мне. — Держись покрепче, и всё будет хорошо.

— Да меня же снесёт с сиденья, когда мы тронемся, потому что я толком ухватиться за тебя не могу!

— Господи, какая же ты!..

Даже если он и хотел обругать меня последними словами, то не сделал этого, а лишь слез с мопеда, предоставив мне самой удерживать весьма шаткое (учитывая, что это я) равновесие, после чего весьма резко снял рюкзак со своих плеч, кое-как устраивая его на моих. Поначалу я не понимала, что он вообще творит, но когда я почувствовала всю тяжесть груза, протестующе заныла.

— Так не снесёт? — спросил парень, вновь приняв удобное положение, усевшись впереди меня и приказав ухватиться за него руками.

— Тебе не кажется, что всё было бы куда проще, приобрети ты, к примеру, машину или хотя бы установив что-то наподобие корзины для багажа? — решила осведомиться я, чувствуя, что ужас будет сопровождать меня всю дорогу, так как мне всё равно казалось, что я слечу, только теперь из-за груза, водружённого на мои плечи. — Кажется, так ездить опасно.

— Я подумаю над твоим предложением в следующий раз. А теперь постарайся расслабиться, иначе я тоже буду переживать по пути, а это не есть хорошо.

— И долго нам ехать? — как-то жалобно пропищала я, стоило нам отъехать.

— Пару часов. Не отвлекай меня.

Мне хотелось кричать от ужаса, ведь, хоть я и держалась достаточно крепко, чувство паники, охватившее меня, никуда не пропало. Казалось, что вот-вот я как-то помешаю Гардинеру вовремя повернуть, отвлекая тем, что так крепко ухватила за него, мы вылетим с дороги, разобьёмся и все умрём. Или на каком-либо из поворотов я просто слечу с мопеда. А ведь ещё и ночь! Возможность подобного исхода была крайне велика. Мои

«оптимистические» прогнозы угнетали...

Всё время, что мы ехали «туда», я была напряжена, особенно когда мы покинули город, но всё же я, кажется, знала эту местность. Было так радостно понимать, где мы находимся, ведь я до сих пор помню, как мы всем классом ездили на экскурсию в эти окрестности. Стало немного легче от понимания, что, если Гардинер решит остановиться где-то здесь, мы будем недалеко от Лондона. Нет, я и не думала, что он меня из страны вывозить собирается, но всё же...

Прошло явно больше двух часов, поскольку начало светать, а я чувствовала, что скоро из моего носа будут торчать сосульки. Прогулки на мопеде в такую погоду — явно не лучшее занятие, даже прижавшись к парню я очень замерзала. Видимо, он всё же заметил, что я буквально дрожу, хотя и ему самому было не лучше, так как оповестил, что скоро мы будем на месте.

К счастью, на сей раз он не соврал. Спустя какое-то время мы замедлили ход, оказываясь в окрестностях какой-то деревушки, название которой я успешно забыла посмотреть. Вскоре мы и вовсе остановились, и я тут же спрыгнула с мопеда, спеша размять ноги и хоть как-то согреться с помощью движений. Фил выглядел не лучше: первым делом он, конечно, помог мне избавиться от рюкзака, а после устало потёр плечи, которые, по всей видимости, затекли от долгого пребывания в одном положении. Мне стало жаль его, пусть и сама чувствовала себя разбитой.

— Хочешь я сделаю тебе массаж? — вдруг предложила я, ничуть не смутившись подобному ходу собственных мыслей. — Когда мы окажемся в тепле, конечно.

— Боюсь, мне ничего не поможет в ближайшее время, — простонал он. — К тому же, это ведь тебе пришлось тащить на своих плечах рюкзак, а не мне. Ты в порядке?

— Жить буду, — буркнула я, обидевшись на то, что он проигнорировал мою великодушную попытку помочь ему. Вот пусть и мучается теперь. — Где мы, кстати?

— Лавенхем, — спокойно ответил Гардинер, явно ожидая этого вопроса. — Не знаю, почему, но мне вдруг очень захотелось оказаться в месте, подобном этому.

— И что здесь такого особенного? — скептически поинтересовалась я, оглядываясь вокруг. Пока что, помимо нескольких домов, идущих в ряд друг за другом, я не заметила ничего.

— Увидишь, — подмигнул мне парень. — Только сперва давай заселимся и оставим вещи. Думаю, будет гораздо удобнее перемещаться без багажа на плечах.

— Заселимся? — тупо переспросила я, не ожидая такого поворота событий, хоть это и было глупо после всех намёков Фила о том, что мы явно не денёк здесь погуляем. Я же даже пижаму взяла, почему же так удивилась?

— Заселимся, — повторил парень. — Нужно только найти тот домик, который нам будут сдавать, и...

— Домик? — я чувствовала себя непроходимой тупицей, повторяя по одному слову из предложений, сказанных им, но ничего поделать с собой не могла.

— Я решил, что это будет удобнее, чем отель, к тому же, милая женщина, согласившаяся сдать его на неопределённый срок, не стала уточнять, сколько лет мистеру Гардинеру, который предупредил, что заявится к ней около пяти утра, ещё и, быть может, не один. Я прямо почувствовал себя свободнее, когда у меня не стали выяснять всю подноготную, вплоть до моей платёжеспособности. Я же собираюсь всего лишь на пару дней найти место для ночлега, а не подпольный бизнес открывать, ей-Богу...

Парень рассказывал ещё много весьма любопытных нюансов о том, как ему удалось договориться, но я пропускала всё мимо ушей, осматриваясь. Мне было невдомёк: почему именно сюда? Если ему так хотелось уехать за пределы города, мы вполне могли посетить тот домик, что он показывал мне раньше, тогда и придумывать ничего не пришлось бы... Почему надо было ехать именно сюда?

Я так и не решилась задать ни один из тревоживших меня вопросов, предпочтя просто довериться ему на сей раз. К тому же, учитывая, что этой ночью мне так и не удалось сомкнуть глаз, а большую часть дороги я переживала жуткий стресс, сейчас на меня накатила такая усталость, что хотелось упасть прямо там, где стояла, и уснуть. Фил выглядел не менее уставшим, поэтому мы оба, по всей видимости, решили сперва поспать хотя бы немного. Но сперва предстояло найти нужный дом.

Это оказалось на удивление легко — следовало пройти буквально несколько десятков метров вглубь маленького ответвления одной из главных улиц, как перед нашими глазами появился сравнительно небольшой двухэтажный домик красного кирпичного цвета с выставленными наружу горшками цветов, которые украшали чуть ли не каждое здание в этом месте. Парень подогнал к нему свой мопед, а после мы решились позвонить в дверной звонок, оповещая, что приехали. Хозяйка, несмотря на раннее время, открыла дверь достаточно быстро и была довольно бодра и приветлива. Почему-то она приняла нас за молодожёнов, что было странно. У нас ведь не было колец на руках.

Рикки — а именно так звали эту женщину средних лет — оказалась настолько ненавязчивой персоной, что быстренько показала нам, где что находится, а после, приняв у Фила плату за первую ночь и день, поспешила удалиться, мотивируя это тем, что мы устали с дороги. Так и было. Я позволила Гардинеру первым направиться в ванную, а сама решила тем временем прилечь на пару минут, чтобы отдохнуть. Проснувшись я около полудня, обнаружив рядышком сопевшего парня, который недовольно хмурился во сне.

Несколько секунд понадобилось моему слегка отдохнувшему мозгу, чтобы осознать: а кровать в домике только одна. Двухспальная. Значит, всё время мы будем спать вместе. Мне отчего-то стало неловко, поэтому я подскочила с кровати, успешно зацепившись за накинутое на меня одеяло, а после с грохотом рухнула на пол прямо в груды вещей, вывалившихся из рюкзака (по моей вине, кстати). Я обязательно хотела их аккуратно разложить, но заснула раньше.

Громко чертыхнувшись, я, конечно же, разбудила Гардинера, лицо которого вдруг оказалось прямо над моим, ведь парень, опираясь на локти и немного свисая с кровати, сейчас смотрел на меня сонным взглядом, слегка склонив голову набок. Я с удивлением увидела, что он болтал ногами в воздухе, очевидно, не до конца проснувшись.

— Ты теперь всегда так креативно просыпаешься и будишь других? — спросил он, потирая глаза.

Я лишь виновато улыбнулась, не найдя, что сказать. То ли я не до конца проснулась, то ли этому была ещё какая-то причина, но спорить мне вообще не хотелось. К тому же, вид сонного Гардинера почему-то приносил некое подобие удовольствия.

— Кушать хочется, — не особо задумываясь над тем, что несу, выпалила я первое, что пришло в голову.

— Ты поэтому меня разбудила? — казалось, парень не удивился. — Тогда умывайся, а потом мы поищем какое-нибудь кафе...

Я кивнула, после чего поспешила завершить все утренние процедуры, включавшие в

себя быстрый душ, лишь бы поскорее выйти на улицу и чего-нибудь перекусить. Справившись минут за тридцать, я пыталась растолкать Фила, уговаривая поскорее оторвать своё тело от кровати. Вела я себя преувеличенно бодро, стараясь не показывать, как же мне страшно на самом деле. Телефон я отключила, поэтому дозвониться до меня никто не мог, а это не предвещало вообще ничего хорошего. Родители убьют меня, точно убьют...

— Ты идёшь? — вырвал меня из собственных нерадостных мыслей голос шатена, поспешно натянувшего на себя свитер и уже приготовившегося выходить, так как джинсы он даже не снимал — так и спал в них. Я кивнула, после чего, стараясь имитировать абсолютное удовольствие от того, где и с кем нахожусь, всю дорогу пыталась говорить много, громко, радостно, попутно по-настоящему восхищаясь этой деревней. Когда мы нашли нечто наподобие кафе, я всё не могла перестать восхищаться его обстановкой, а после — едой. И я бы продолжила это делать, если бы после того, как мы оказались на улице, парень вдруг не сказал:

— Продолжишь в том же духе, и я отправлю тебя домой.

— Что? — глупо переспросила я, с трудом осознавая смысл сказанного.

— Серьёзно, Кэтрин, если тебе это в тягость, не стоило и соглашаться, — парень был вполне серьёзен, когда говорил это.

— Между прочим, я ради тебя это терплю! — обиженно протянула я. — Меня дома ждёт расправа, а я всё равно отправилась сюда с тобой! Цени ты меня, дубина эдакая!

Моя последняя реплика оказалась внезапной для нас обоих. Словно по команде, мы одновременно округлили глаза и уставились друг на друга так, будто в первый раз увиделись. Было странно видеть напротив себя другого человека, но с таким же выражением лица. Я вроде решила посмотреть в зеркало, которое показало, как бы я выглядела, будь женщиной. Должна признать, я была бы чертовски хороша.

— Ценю, — протянул шатен. Его настроение как-то чересчур быстро переменялось, поскольку довольная и нахальная ухмылка не имела ничего общего с тем, что я лицезрела несколькими минутами ранее.

Я всё наблюдала за ним, будто замороженная, когда Фил, оглянувшись по сторонам, медленно приблизился ко мне, наклоняясь для того, чтобы наши лица оказались на одном уровне, а я почему-то неловко вжала голову в плечи. Пожалуй, я выглядела весьма нелепо, но тогда мне было настолько интересно, что же парень скажет в следующий момент, что я даже не обращала на это внимания.

Гардинер вдруг посмотрел мне в глаза, на несколько секунд, показавшихся вечностью, замирая в одной позе. Позже, скользнув взглядом по моему лицу и, как мне показалось, ненадолго остановившись на моих губах, он взглянул куда-то позади меня, а после начал медленно приближаться ко мне. Я затаила дыхание, боясь даже пошевелиться, в то время как Фил делал всё нарочито медленно. Вот он делает шаг вперёд, отчего его нога оказывается между моих, а после якобы случайно задевает меня коленом. Вот его лицо оказывается в нескольких сантиметрах от моего, из-за чего я зажмуриваюсь и сглатываю подкативший к горлу комок. Через несколько секунд он пощекотал моё ухо своим дыханием, сказав:

— Ты бы всё же вытерла остатки завтрака со своего лица, неценная моя. Смотрится органично, но портит настрой так, что все мысли из головы вылетают.

Я почувствовала, как у меня начали гореть щёки, а сама была уверена, что покраснела. Распахнув глаза, я увидела Фила, который отодвинулся и с усмешкой смотрел на меня. Осознание того, что всё это было сделано явно специально, заставило меня приняться

яростно тереть лицо, надеясь, что оно станет чистым, а когда Гардинер перестанет смеяться, то я просто убью его. Место тихое — его нес скоро найдут. Идеальные условия.

Пока мы стояли буквально посреди улицы, а в моей голове зрел план убийства моего парня, мимо нас то и дело сновали редкие прохожие, что не могло не радовать — плохая погода явно не способствовала наплыву туристов, а ведь это было и нужно. Я вдруг подумала, что для того парень и сбежал. Ему просто хотелось побыть вдалеке от огромного скопления людей, а также в месте, где его никто не знает.

Туристов, быть может, было и не так уж много, но о местных жителях забывать не стоило. Не успела я и слова сказать Филу по поводу его колкости, как мы почему-то посмотрели в ту сторону, откуда стал доноситься залиvistый смех. Увидев перед нами парочку — мальчика и девочку лет четырнадцати-пятнадцати, — я почему-то не отвернулась, а заинтересованно посмотрела на них. Только по одному взгляду на них можно было сказать, что эти двое встречаются, так как они стояли друг напротив друга, держась за руки, и мило ворковали. Очевидно, паренёк говорил что-то смешное, так как его спутница громко смеялась. Преувеличенно громко, я бы сказала.

Я была бы готова назвать их милыми и невинными, если бы буквально в следующую секунду девчушка не вырвала свои руки из рук парня, а после, обняв его за шею, прильнула к нему, целуя. И если сперва это был простой поцелуй, то через некоторое время он стал гораздо откровеннее, а руки её спутника стали опускаться гораздо ниже талии его подруги. Мои глаза округлялись всё больше и больше с каждой секундой, а их действия становились всё откровеннее и откровеннее... Прямо на улице... Но, а как же?.. На улице! Им же точно обоим и шестнадцати нет! Что же?.. Боги!

— Ты тоже это видишь? — пугаясь, но всё ещё почему-то не отводя взгляда от столь странной парочки, удивлённым голосом спросила я у Фила.

— К сожалению, — в тон мне ответил тот. — Кажется, я не хочу это видеть.

— Тогда... Уходим отсюда? — спросила я, оставаясь на месте.

— Уходим, — ответил Фил, не двигаясь.

Прошло несколько секунд. Парочка нас не замечала, целиком и полностью погрузившись в поцелуй, а я, слегка коснувшись мизинцем руки Гардинера, спросила:

— Пойдём, взявшись за ручки?

— За ручки, Кэтрин, — парень крепко сжал мою руку в своей, после чего потянул меня за собой.

Секунда на осознание. Кажется, мы пошли напрямиком к тем двоим.

— По-моему, мы идём не туда, — всё ещё находясь в некоем подобии ступора, сказала я, немного замедляя шаг. Фил подстроился под мой темп.

— Кажется, ты чертовски права, — мы остановились.

— Разворачиваемся?

— Именно этим и займёмся.

Мы, словно роботы, развернулись и последовали в другую сторону. И если сперва я была не против того, что мы шли обычным прогулочным шагом, то через какое-то время желание как можно скорее оказаться подальше от той странной парочки оказалось настолько сильным, что я ускорила шаг, потянув парня за собой. Некоторое время мы бежали — благо, Фил не возражал, очевидно, понимая моё желание, — но вскоре остановились. Мне необходимо было отдышаться после длительного забега.

— Жива? — спросил Гардинер, когда я немного успокоилась.

— Да, всё нормально, — ответила я и хотела было осведомиться, как себя чувствует он, но вдруг заметила, что шатен смотрит на меня с едва скрываемой насмешкой во взгляде. Нахмурившись, я недовольно спросила: — Что?

Парень, не выдержав, прыснул.

— Ты бы видела себя! — пытаюсь унять смех, произнёс он, откровенно издеваясь. — Твоё лицо покраснело так, будто тебе фильм для взрослых с теми ребятами в главных ролях показали.

— Но они же... маленькие! — настаивала на своём я, почему-то позабыв, что лицо Гардинера в тот момент было немногим краше моего. — Да я в их возрасте ещё даже о противоположном поле не думала!

— Да ну? — скептически спросил Фил. — Прямо не думала?

— Ну... Может быть и думала немного... Но уж точно не воображала себе ничего такого!

— Не воображала? Правда?

— Правда, чёрт возьми! Да у меня и не было тогда никого, о ком бы я могла так думать!

Спустя пару секунд я наконец-то поняла, что ляпнула. В тот же момент до меня дошло: именно это стало моей фатальной ошибкой.

Гардинер хитро улыбнулся, а после, сделав шаг вперёд, приближаясь ко мне, каким-то странным тоном спросил:

— Тогда, значит, никого не было?

Я уже примерно понимала, к чему всё идёт, но осознанно позволила загнать себя в ловушку, пролепетав:

— Да, тогда не было.

Я готова была поклясться, что в глазах Филя увидела огонёк, не предвещавший для меня ничего хорошего.

— Сейчас же, получается, — нарочно растягивая гласные, медленно произносил каждое слово он, — когда у тебя есть, о ком думать, ты...

Он бы продолжил, встретить какое-то сопротивление с моей стороны. Или, по крайней мере, увидев столь необходимую ему реакцию, однако ничего не последовало.

— Стоп, — в его мозгу будто что-то щёлкнуло. — Думала? Нет, серьёзно... Ты об этом думала?

— Я такого не говорила, — безразлично произнесла я, понимая, что отсутствие реакции с моей стороны — единственный способ скрыть смущение, волной накрывавшее меня в тот момент.

— Но и отрицать не стала, — парировал Гардинер, не скрывая своего удивления. Кажется, к такому повороту событий он был не готов. Это можно было понять по его следующей реплике: — Ты... У меня нет слов, Кэтрин. Оказывается, мне нужно было дважды подумать, прежде чем брать тебя с собой.

— Почему это? — я нахмурилась. Только что мне практически удалось отбить атаку Гардинера, но что-то подсказывало мне, что рано праздновать победу.

— Как это “почему”? — изображая искреннее удивление, спросил парень. — Ещё набросишься на меня, когда я спать буду, что же тогда мне делать?

Если в моей голове и мог созреть достаточно остроумный и колкий ответ, который помог бы мне выйти из этой ситуации с высоко поднятой головой, оставшись довольной, что в кои-то веки я смогла выдержать все нападки Гардинера, то он почему-то не созрел. Вместо

того, чтобы ответить, я лишь несколько раз открыла и закрыла рот, аки рыба, после чего лишь покачала головой из стороны в сторону, признавая своё поражение. Фил, по всей видимости довольный таким исходом, довольно ухмыльнулся, после чего спросил:

— Хочешь я подниму тебе настроение?

— И как же? — подавленно произнесла я, даже не заподозрив подвоха в его словах. А зря.

Шатен, зачем-то положив руку на моё плечо, негромко сказал:

— Когда захочешь перейти от фантазий к реальности — зови. Всегда рад помочь.

Он отстранился, чтобы понаблюдать за моей реакцией. О, в этот раз я не смогла отказать ему в таком удовольствии! Чувствуя, что мои щёки буквально горят, я попыталась отвернуться, да только это было уже бесполезно.

— Придурок ты, Гардинер, — к моему удивлению, я даже не повысила голос, произнося это. Но от дрожи в нём избавиться не удалось. — Самый настоящий придурок.

— Я радую стабильностью, правда? — со смехом проговорил тот, а, встретившись со моим вопросительным взглядом, добавил: — Ты всегда так меня называешь. Который год уже. Знаешь, что слова материальны? Если верить этой теории, то чем чаще ты будешь называть меня придурком, тем больше я буду на него похож.

Я фыркнула.

— Мне не требовалось называть тебя так постоянно, чтобы ты был им с самого начала.

— Ещё раз поздравить с тем, что ты встречаешься с придурком? Я даже подарок могу сделать.

— Нет уж, уволь. Это не то, что стоит праздновать.

Парень засмеялся, отчего я тоже улыбнулась, забывая о смущении. Несмотря на то, что этой ночью я лишилась, пожалуй, половины нервных клеток, с каждой секундой эта поездка нравилась мне всё больше и больше. Мне нравилось то, как заметно расслабился Фил, оказавшись здесь, словно на какое-то время забыл обо всём, что его беспокоило. И если поначалу я собиралась устроить ему нечто наподобие допроса с пристрастием, то сейчас чувствовала, что это попросту было бы кощунством с моей стороны. У него ведь было такое хорошее настроение, незачем его портить.

— Кстати, — вдруг сказал парень, прерывая поток моих мыслей. — У меня есть два предложения.

Я совсем недолго думала: обижаться мне на него за всё сказанное или же простить и насладиться отдыхом, который в следующий раз, учитывая приближение экзаменов, может случиться не так уж и скоро. Выбрав второй вариант, я заинтересованно спросила:

— Какие же?

— Первое, — он демонстративно загнул большой палец, — я прямо сейчас даю тебе повод назвать себя придурком ещё раз. Второе, — загнул указательный палец, — мы на некоторое время забудем о разногласиях и попробуем осмотреться. Что выберешь?

Сказать, что Гардинер поставил меня в тупик, — ничего не сказать. Несколько раз удивлённо моргнув, я неуверенно произнесла:

— А есть исход, при котором я не назову тебя придурком?

— Вряд ли. Я слишком хорошо тебя знаю.

— Вот как... Тогда я выбираю временное перемирие. К тому же, боюсь, что после того, как я лицезрела ту картину, — я многозначительно кивнула в сторону, откуда мы недавно пришли, — я в ближайшее время не готова к каким-либо потрясениям.

— Отлично! — казалось, именно такого ответа Фил и ждал, поскольку, можно сказать, обрадовался, услышав о таком моём решении. Да, пожалуй, он слишком хорошо меня знает. — Тогда не будем терять время!

Схватив меня за руку, на сей раз он поволок меня в направлении, известном лишь ему, а мне оставалось только подчиниться. Поначалу я даже искренне верила, будто он знает, куда меня ведёт, однако вскоре поняла, что парень шёл наобум. Когда я озвучила своё предположение, Гардинер подтвердил, что так оно и есть, а после сказал:

— Я ни разу здесь не был, потому и выбрал именно это место. Нам нужно хорошенько осмотреться, здесь не может быть скучно.

— Откуда такая уверенность, если ты ни разу здесь не был? — со скепсисом поинтересовалась я.

— Чуйка, — с важным видом изрёк шатен.

Не отпуская моей руки, он принялся просто водить меня по разным улочкам, то и дело прося обратить внимание на ту или иную вещь, которая казалась ему интересной.

Пожалуй, если Фил и обладал каким-то уникальным даром, то к нему действительно можно было отнести так называемую чуйку. Предполагая, что в этом месте не может быть скучно, он оказался чертовски прав. Вроде бы ничего особенного: обычная деревенька с небольшими домиками и порой показывавшимися людьми, но было там нечто особенное.

Казалось, будто в этом месте сама обстановка была другой. Здесь было уютно и... радостно, что ли? Пожалуй, именно это слово было самым подходящим. Интересно сконструированные разноцветные домики, на фасадах которых практически всегда можно было заметить цветы; спокойные прохожие, которые без лишней суеты направлялись по своим делам; необычные характерные особенности деревеньки вроде креативных табличек с названиями улиц... Всё здесь было совершенно не такое, как в Лондоне, что не могло не радовать меня.

С детства мне казалось, что в каждом городе или деревушке, без исключений, есть не только свои особенности, но и своя атмосфера. И так приятно было в этом убеждаться, погружаясь в спокойствие, которое было тут. Даже то, что людей было достаточно много, а по дорогам то и дело проезжали машины или экскурсионные автобусы (которых, кстати, всё равно было не так уж много, по всей видимости, из-за приближающегося дождя), не мешало чувствовать себя спокойно. Прохожие не беспокоили, но это не было похоже на то холодное равнодушие большого города, где все попросту чересчур заняты прежде всего собой. Всё здесь было по-другому.

По правде говоря, поначалу я была не сильно воодушевлена самой идеей поездки куда-то, да и не было у меня достаточного количества времени для того, чтобы всё хорошенько обдумать. Теперь же я была рада, что поехала с Филом, ведь мне давно нужно было развеяться. К тому же, дело было не только в этом.

Глядя на то, как загорался интерес в глазах Гардинера, когда мы набредали на что-то любопытное, я наконец-то могла сказать: зима закончилась. Пусть уже и наступил апрель, пусть ушли морозы, оттаял снег, уступив место дождю, прежде чем всё пробудится ото сна и засверкает своей весенней красотой, я всё никак не могла сполна ощутить этого. Пожалуй, пора было свыкнуться с тем, что помимо «погоды в доме» есть ещё и «погода в отношениях». И если в доме у меня всё ещё порой сыпал снежок, который, я надеялась, вскоре растает под тёплым солнышком, то в отношениях с Филом я наконец-то ощутила весну.

Наконец-то.

— У меня вдруг появилась идея, — сказал шатен, когда мы проходили мимо сувенирного магазинчика. Судя по его взгляду, он заметил что-то интересное. — Можешь подождать здесь?

Я кивнула, примостившись на ближайшей лавочке, а потом, когда парень скрылся за дверью магазина, посмотрела на небо, затянутое тучами. Пожалуй, стоило поторапливаться и заканчивать нашу прогулку по этой местности, если мы не хотели попасть под дождь. Кстати, а как долго мы гуляли?..

Я по привычке потянулась за телефоном, дабы посмотреть, который час, но вовремя вспомнила, что он выключен по вполне понятным причинам. Нет, разговаривать с родителями, рискуя быть обруганной, я ещё не была готова. Не сдержавшись, я вздохнула. Да, на время не только Фил, но и я забыла о своих проблемах, разгребать которые, по ощущениям, мне надо будет ещё долго...

Вскоре из помещения вышел Гардинер, и я заметила у него в руках обыкновенную прозрачную бутылку, детский совок (там даже такое есть?), тетрадку и два сувенирных карандаша.

— И для чего весь этот набор? — поинтересовалась я, вставая со своего места.

— Капсула времени, — торжественно произнёс Фил. — Давай сделаем свою собственную.

Секунда для того, чтобы почувствовать себя тормозом. Осознание.

— Здесь? — первый вопрос, который сорвался с моих уст. — Почему не в Лондоне?

— Так не интересно, — тут же отмахнулся тот. — Нужно попытаться отойти от банальностей и сделать это где-нибудь в другом месте. К тому же, так у нас с тобой всегда будет повод вернуться сюда.

«Вдвоём», — захотелось дополнить мне, но я промолчала. Эта мысль внезапно начала мне нравиться. Даже если Гардинер не подразумевал ничего такого, я сама додумала весь романтический подтекст, который только мог быть у этого предложения, и, посчитав его достаточно милым, поспешно согласилась. К тому же, это было интересно.

Сперва я подумала, что мы будем писать что-либо самим себе, как это обычно делают люди, если оставляют капсулы времени лишь ради развлечения, но Фил, услышав это, запротестовал, сославшись на то, что так тоже не интересно. Вместо этого он предложил мне написать послание ему в будущее, а сам он напишет что-нибудь для меня. Я уже готова была сказать, что будет весьма неловко читать всё это, если мы всё же расстанемся к тому времени, но что-то меня удержало. Кто знает, когда мы захотим прочитать то, что написали друг другу. К тому же, это отличный способ хотя бы сейчас высказать то, что мы почему-то никак не можем озвучить.

Мы долго искали приметное место, чтобы не ошибиться, когда будем искать эту бутылку в будущем. Наконец найдя таковое, мы остановились неподалёку, после чего Фил вручил мне тетрадку, предварительно вырвав оттуда листик для себя, и карандаш, сам же отошёл в сторону. Чтобы никто не подсматривал. Я усмехнулась, а после принялась думать над тем, что бы написать, с опаской поглядывая на небо, когда раздавался звук грома. Нужно было торопиться.

Я совершенно не представляла, какое послание нужно писать. Нужно что-то, что будет иметь значение для нас и в будущем, а также не покажется глупым подростковым лепетом или же отпиской, мол, лишь бы было, раз уж это не я придумала. Как же я завидовала в тот

момент Филу, который достаточно быстро всё написал и ждал меня.

Решение пришло неожиданно. В конце концов, как я и думала, это потрясающая возможность для того, чтобы написать то, о чём я думаю в данный момент с проекцией в будущее. Улыбнувшись тому, что наконец-то нашла выход, я написала:

«Не знаю, что будет с нами потом, но я надеюсь, что смогу остаться для тебя человеком, которому ты можешь доверять. Эй, Фил из будущего... Что ты думал обо мне, когда предложил написать письмо себе самому? Фил из будущего, скажи... Сейчас у тебя всё хорошо, правда?»

Я несколько раз перечитала свою записку, всё больше и больше убеждаясь в том, что написала полнейший бред, но ничего более путного всё равно придумать не смогу. Не хотелось писать целую поэму, ведь Гардинер вряд ли написал больше меня. В конце концов, решив, что Фил и так знает обо всех моих глупостях, я смирилась с тем, что никогда не поумнею, а потом отдала ему записку, предварительно подписав её.

Забавно, если честно, было смотреть, как парень пытался раскопать совком замёрзшую землю, и вообще ему не помогать. Да, я злая. К тому же, долго мучиться ему не пришлось, так как, словно по волшебству, перед нами возник мужчина средних лет, предложивший воспользоваться для этого дела лопатой. Каково же было моё удивление, что он не прогнал нас и даже не спросил, что это такое мы тут делаем, а просто предложил помощь. Быть может, здесь и люди другие?.. Или мы просто не первые, кто до такого додумался именно здесь.

Дело сразу же пошло быстрее, поэтому Гардинеру удалось закопать бутылку под деревом ровно в тот момент, когда начался дождь. Я даже не успела подумать о том, что этого и следовало ожидать, как он превратился в настоящий ливень. Мужчина, выхватив у Фила лопату, сказал следовать за ним, после чего быстро подбежал к какому-то сараю. Мы за ним. Незнакомец оставил в сарае лопату, даже не позволив нам зайти внутрь, а оставив стоять под навесом. Нас обдувал ветер, мы мокли от залетавших капель, но о нас не особо беспокоились.

Когда мужчина появился с зонтом в руках, я уж было обрадовалась, что это для нас, но тут он вдруг закрыл за собой дверь в сарай и, раскрыв зонт, зашагал в своём направлении, бросив:

— Можете переждать, пока дождь стихнет, здесь.

Не знаю, как Фил, я же такому его поступку... удивилась. Это точно тот же человек, который спокойно одолжил нам лопату несколькими минутами ранее? А может, в этом всё и дело? Он просто был странным. Да, в этом и дело. Иначе он и не подошёл бы к нам. Или обозвал бы варварами и прогнал бы с помощью всё той же лопаты.

— Он был, — Фил на секунду запнулся, подбирая слова, — почти добрым.

Я фыркнула.

— Ну да, почти. Был бы добрым, не оставил бы нас мёрзнуть.

— Был бы злым, не позволил бы нам остаться здесь, — со смешком сказал Гардинер, а в следующую секунду обвил мои плечи своими руками, прижимаясь своим телом к моей спине. Разница в росте позволила ему положить подбородок на мою голову, отчего я почувствовала лёгкую вибрацию его голоса, когда парень спросил: — Теплее?

Жарко. В тот момент мне стало настолько жарко, что я готова была расплавиться и растечься счастливой лужей, а потом слиться с дождевыми, навеки исчезнув из этого мира.

— Немного, — сказала я, зарываясь носом в рукава его куртки, вдыхая знакомый запах.

Нечасто от Фила пахло каким-либо одеколоном. Чаще его вещи были пропитаны свежестью, будто он держал их на улице, когда не носил. Мне нравилось это, поскольку такие объятия дарили ощущение чистоты и какого-то подобия правильности. Почему правильности — сама не знаю, но чувствовалось именно так.

— Знаешь, этот момент мог бы быть романтичным, если бы я не чувствовал себя так, будто меня засунули в морозилку, — сказал Гардинер, заставляя меня улыбнуться. Отвечать ему не хотелось.

Какое-то время мы молча простояли в одном положении, наблюдая за дождём, который всё не желал заканчиваться, как вдруг шатен убрал подбородок с моей макушки, а после придвинулся поближе и в самое ухо негромко произнёс:

— Кэтрин... Возможно, сейчас не самый подходящий момент, но я давно хотел сказать это.

Я сглотнула. По тону, которым он сказал всё это, было невозможно определить, насколько серьёзным будет наш разговор, поэтому я, сгорая от нетерпения, спросила:

— Что же?

— Кое-что важное. Знаешь, мне не стоило скрывать это от тебя. Дело в том, что Роберт всё знает.

Ступор. Именно так можно было описать моё состояние на тот момент.

— Что знает? — спросила я, не понимая, что мне недавно сказали.

— Всё. О поездке. Я сказал ему, когда он вышел провожать меня.

До меня наконец-то дошло. Поначалу подумалось «Ну и что в этом такого?», а потом я осознала, что в этом такого. Чёрт! Получается, я ночью играла в шпионские игры, а весь день была, словно на иголках, тогда как эта зараза могла с самого начала рассказать мне, что мои в курсе?! И как же я не додумалась? Ведь Роберт, когда пришёл ко мне в спальню, весьма неплохо намекнул, что всё знает!

— То есть, папа с самого начала был в курсе?! — воскликнула я, вырвавшись из объятий парня, на лице которого не было заметно и подобия мук совести. Да он нисколько не жалел о том, что весь день водил меня за нос!

— Ты серьёзно думаешь, будто я способен подставить себя настолько, чтобы увезти тебя, никого не предупредив? — спокойно поинтересовался Фил. — Да Роберт бы закопал меня рядом с бутылкой и цветы бы на могилке посадил!

— А почему же ты мне не сказал об этом ни слова?! — недоумевала я, чувствуя, что становится теплее. Да уж, ярость отлично греет. Не душу, так тело.

— Ты не спрашивала, — пожал плечами тот, а потом ухмыльнулся. — К тому же, ты так забавно паниковала.

— Всё! Не хочу ничего слушать, Фил Гардинер! Твой кредит доверия исчерпан! Поверить не могу... Я весь день места себе не находила, а что в итоге?..

Какое счастье, что сарай был закрыт. В тот момент я чувствовала себя так, словно готова была ударить его, а если бы мне под руку подвернулось что-то тяжёлое — быть беде. Я так злилась...

Я так сильно злилась, что через некоторое время, замёрзнув, сама обняла парня, чтобы мы грелись. Точнее, чтобы он грел меня. Какой непостоянной стала я в последнее время...

Вскоре дождь затих. Не став дожидаться его конца, опасаясь, что вскоре он хлынет с новой силой, мы поспешили к себе домой, едва вспомнив, где именно мы живём. Было бы весьма печально потеряться и потратить время на поиски дороги, но нам, к счастью, удалось

избежать этой участи и благополучно добраться до дома.

Первым делом сняв с себя промокшие куртки и джинсы, после мы поспешили переодеться в домашнюю одежду. С этим лично у меня была маленькая проблемка, потому что я впопыхах взяла с собой не пижаму, которую можно показывать людям, а домашнюю — байковую с кармашком в виде барашка. В первый момент прокляв себя за такую глупость, я решила, что хуже, чем было, когда Гардинер подсмотрел моё нижнее бельё, уже и быть не может, так что с чистой совестью надела её. Благо, парень никак не отреагировал, занятый поисками чая, который так хотел выпить, дабы согреться. А я не пью чай, поэтому единственным моим спасением оказалось тёплое одеяло в спальне.

Однако Фил что-то задерживался, вероятно, позвонив кому-то, а просто лежать в одиночестве мне быстро наскучило, поэтому я решила порыться в вещах шатена, раз он не видит. К моему удивлению, стыдно мне не было — это казалось справедливой расплатой за всё то, что он заставил меня пережить за последние сутки. И каково же было моё удивление, когда я обнаружила в его рюкзаке нетбук. Пусть и маленького размера, но он взял с собой компьютер! Вместо того, чтобы поругать его за зависимость, я обрадовалась, поэтому, не скрывая следов того, что рылась в его вещах (в конце концов, я в любой момент могла соврать, что искала что-то своё), заползла на кровать, устраиваясь поудобнее и молясь, чтобы удалось подсоединиться к интернету.

Фил вернулся в комнату через пятнадцать минут, когда я уже загружала фильм, который хотела посмотреть. Не так давно он вышел на экраны, а в кино я на него так и не сходила, времени же глянуть всё не было. Вот я и решила посмотреть его, раз уж есть возможность, надеясь, что Гардинеру понравится. Это ужастик.

— У тебя классный нетбук, — сказала я, когда парень, держа в руке чашку чая, присел рядом со мной на кровать, заглядывая в экран, чтобы посмотреть, что я делаю. — Почему не сказал, что купил?

— А ещё у меня был классный пароль, но тебя это, по всей видимости, не смутило, — проигнорировав мой вопрос, сказал шатен, делая глоток.

Я нахмурилась.

— Ты как-то сказал мне, какой у тебя пароль от основного компьютера, вот я и предположила, что здесь такой же. Никто же не виноват, что у тебя не хватает фантазии.

— Фантазии хватает, только техники слишком много, боюсь запутаться.

Я усмехнулась, после чего продолжила ползать в интернете, словно так и надо, не отдавая даже отчёта в том, что нагло заняла компьютер Гардинера, но его это, по всей видимости, тоже не сильно волновало. К тому же, очень скоро мы уселись смотреть фильм. Потом ещё один. Потом ещё. Мы смотрели их вплоть до поздней ночи, изредка вздрагивая из-за грома на улице, ведь на фоне просмотренных ужасов это казалось чем-то зловещим.

Около часу ночи я почувствовала, что пора сворачиваться. Во-первых, хотелось спать, а во-вторых, внутренний голос подсказывал мне, что этой ночью кошмаров не избежать. Именно поэтому, захлопнув ноутбук и спихнув с кровати сонного Фила, которому всё происходящее на экране где-то на втором фильме уже не казалось чем-то интересным, потому как парень был ещё более уставшим, чем я. Всё же он спал куда меньше.

Расстелив постель, я помогла шатену, который, казалось, был не против уже заснуть и на полу, забраться обратно на кровать. Стоило ему оказаться на ней, как он тут же уткнулся лицом в подушку, явно не желая более сталкиваться с внешним миром. Поначалу я спокойно улеглась рядом, но, пять минут поворочившись, поняла, что такой расклад меня не

устраивает. Я была не настолько уставшей, чтобы не обратить на это внимание, как сделала это утром.

— Мы серьёзно просто так возьмём и уснём?

— Хочешь сплясать перед этим? — едва шевеля губами, пробормотал Гардинер.

— Нет. Но кое-что сделать всё же хочу.

— И что это?

— Повернись.

Сонный Фил — прекрасный Фил. Не задавая лишних вопросов, он перевернулся на спину, а после, едва приоткрыв один глаз, взглянул на меня. Я же, воспользовавшись его полной безоружностью и податливостью, наклонилась к нему и чмокнула в губы. Мне показалось, что он вздрогнул от неожиданности, стоило моим губам коснуться его, поэтому я победно улыбнулась и, отстранившись, сказала:

— Поцелуй на ночь. Думаю, это могло бы стать неплохой традицией.

Сама не знаю, почему мне вдруг захотелось сделать это. Наверное, дело было в том, что сегодня Гардинер нагло испортил несколько моментов, когда я ждала чего-то подобного, а получила лишь издёвку. Душа требовала романтики или хотя бы её подобия.

Ухмыльнувшись, парень схватил меня за шею, притягивая к себе. Я поудобнее устроилась возле него, положив руку ему на грудь. Улыбнулась от посетившей меня мысли и поспешила её озвучить.

— Мы похожи на женатую пару.

— Спи уже.

— Нет, правда!

— Серьёзно, Кэтрин. Я устал.

— Вредный муж, — я насупилась, уткнувшись носом в его плечо.

— Все мы такие. Это суровая реальность. Привыкай.

Я вновь улыбнулась, после чего положила голову на подушку, чтобы было легче наблюдать за засыпающим. В темноте это было несколько проблематично, но свет от уличного фонаря позволял мне разглядывать лицо Филадельфии вплоть до того, как он заснул. Очень скоро его дыхание стало спокойным и равномерным, поэтому я, успокоившись, тоже постаралась заснуть, подумав, что завтра утром всё же следует позвонить родителям и друзьям. Они-то не знают, куда мы пропали.

Ночью Гардинер несколько раз разбудил меня своими беспокойными метаниями по кровати. Это удивляло, ведь обычно он спал спокойно и редко когда менял позу, в которой заснул, — так и спал в одной всю ночь напролёт. Сегодня же всё было не так. Я просыпалась из-за того, что он вдруг ни с того, ни с сего сжимал меня в объятиях так крепко, что не хватало воздуха, или из-за того, что парень начинал вертеться на одном месте, часто дыша и выпихивая с кровати одеяло, подушки и меня заодно. Поначалу я раздражалась, ведь пихаться во сне — моя прерогатива, но после я поняла: похоже, ему снились кошмары. Всю ночь. Каждый раз, заново занимая своё законное место на постели, я принималась гладить парня, обнимать, как в своё время обнимал меня Роберт, и шептать всякий бред, порой никак не относящийся к словам утешения, но ему помогало. Поначалу он открывал глаза, в удивлении глядя на меня, но потом, будто ничего не понимая, переворачивался на другой бок и быстро засыпал. А я всё гадала: неужели это марафон ужасов на него так подействовал или что-то другое?..

Из-за такой вот ночной деятельности проснулась я в ужасном настроении и жутко не

выспавшейся. Встала я раньше Гардинера, с удовольствием отмечая, что хотя бы сейчас он спит спокойно, раскинувшись звездой на кровати. О да, теперь с ним точно всё в порядке.

Я потянулась за телефоном, который так и остался в кармане куртки, поскольку со вчерашнего дня я его так и не включила. Когда же, собравшись с духом, я заставила эту махину вновь работать, то, к своему удивлению, не увидела ничего экстраординарного. Лили звонила мне четыре раза, Дженни — три, Майк — один. Обидевшись, что мне пришло не так много уведомлений об их пропущенных звонках, я решила, что не буду им перезванивать, пусть звонят сами. Я же занятая леди.

Увидела сообщения от родителей. Мама волновалась, как я там, и просила перезвонить сразу же, как увижу сообщения. Но сообщение от папы запомнилось мне больше всего.

«Повеселитесь там и не хулиганьте! Папа видит всё в радиусе страны!»

Я улыбнулась, но вдруг мне пришло оповещение о том, что мне звонил Рэнди. Неужто тоже волновался, раз я не пошла на курсы? Мне показалось, что это мило, но потом я заметила, что он звонил мне девять раз. Девять. Даже родители звонили не так много, а потом и вовсе ограничились сообщениями.

Я решила сперва позвонить ему, так как не сомневалась, что разговор будет коротким, а потом я смогу связаться с мамой. Надеюсь, что парень не сильно занят посреди недели в половину девятого утра, я некоторое время слушала гудки, когда набрала его номер. После четвёртого мне ответили.

— Звонил? — весело спросила я, встав с постели и выйдя из спальни, лишь бы не разбудить и так плохо спавшего Филя.

— Ты в порядке? Ничего не произошло? — послышался обеспокоенный хриплый голос парня.

— И тебе доброе утро, — неторопливо произнесла я, спустившись на первый этаж, где была кухня, чтобы попить. — Нет, ничего такого, просто внеплановая поездка. А что?

Парень облегчённо вздохнул.

— Это хорошо. Джон вчера просто... Я волновался, что ты не пришла из-за него.

— «Джон вчера»... Что? — я насторожилась. Как-то странно звучал голос рыжика, это мне не нравилось. Очень не нравилось.

— Ничего. Болтал много. Поэтому я действительно побоялся, что он мог что-либо сделать. Даже Алекс не выдержал — они едва не сцепились.

— Алекс пришёл вчера? — заинтересованно спросила я. — Отлично, тогда прямо сейчас я ему позвоню. Созвонимся, Рэнди.

— Да... Пока, — после короткой паузы, обескураженный моим быстрым прощанием, ответил парень.

Мысленно извинившись перед парнишкой, я набрала Алекса, не особо беспокоясь о том, что у того могут быть дела.

— Кэт? — вскоре послышался его голос из трубки.

— Что уже вчера произошло на курсах? — не поздоровавшись, спросила я. — Я только что звонила Рэнди, и он был... Станным.

— Ещё бы ему не быть, — недорыжик говорил тихо, а я слышала вокруг множество говорящих людей и шум машин — похоже, он как раз был на пути в школу. — Я и сам испугался от этих фразочек одного придурка, когда ты не пришла.

— Каких фразочек? — я села за стол, гипнотизируя стоявший напротив напиток. Вот тебе и доброе утро...

— Это не важно, если ты в порядке.

— Я в порядке. А Рэнди?

— Интересуешься, значит? — странным тоном спросил парень. — А у меня даже не поинтересовалась, как я себя чувствую. В порядке он. Был до конца занятий.

— А потом?..

— Не уверен.

На некоторое время повисла тишина. От неё буквально звенело в ушах, из-за чего я чувствовала себя весьма неуютно. Первым нарушил молчание Алекс.

— Ты когда придёшь?

— Не знаю. Я не совсем контролирую свой распорядок дня.

— Тебя многие будут ждать, серьёзно. Просто от моего вмешательства всё, в итоге, стало только хуже. А когда ты рядом, Джон и остальные ведут себя как-то поспокойнее. По отношению ко всем. Даже Кэтрин это заметила.

Вот её имя мне сейчас хотелось слышать меньше всего, однако я успешно проигнорировала это, спросив:

— В каком смысле?

— Ну, ты же у нас единственная голубых кровей, — готова поклясться, что парень усмехнулся. — Меня преследует необъяснимое чувство неправильности, когда я говорю тебе это, но они действительно не так бушевали, когда ты присутствовала. Видимо, боялись, что раз ты дочь важной шишки, то им влетит.

— А сейчас?

— А сейчас у меня ощущение, словно я оказался в средней школе, когда ребята разбивались на кучки и делили власть. Только на сей раз разборки посерьёзнее.

Я, примерно понимая, что это дохлый номер, поинтересовалась, почему никто до сих пор не пожаловался на эту компашку, хоть понимала, почему никто этого не делает. Объяснений не требовалось — мало кому хотелось отвечать перед ними, когда станет известно, кто именно пожаловался. И как всегда был вопрос: почему бы не пожаловаться всем коллективом? Но, опять же, почему-то в таких ситуациях люди поступают весьма неразумно.

— Тогда я пожалуюсь, — вдруг сказала я. — Я же дочка важной шишки, верно? Мне они ничего не сделают.

— С дуба рухнула?! — воскликнул Алекс. — Даже если то, что я сказал до этого, — правда, тебе ни в коем случае нельзя вмешиваться в это иначе, как просто ходить на пары. Сама себе могилу роешь!

— Вот именно: сама. Вот прямо сейчас и начну это делать.

До того, как парень успел что-либо сказать, я сбросила вызов, выключив звук на телефоне. Он звонил, но бесполезно — я не собиралась брать трубку, а скоро ему бы это надоело.

Сейчас мне было не до парня хотя бы потому, что у меня появилась проблема. В принципе, никто меня не торопил и ничто не мешало мне пробыть тут с Филом вплоть до конца нашего внепланового отдыха. Но внутренний голос упрямо твердил, что за это время много чего может произойти. Даже если я втраплю в это своих родителей, попросив их пожаловаться на то, что их чаду мешают учиться злые однокурсники, — моё присутствие всё равно необходимо, ведь подобного рода жалоба — дело серьёзное. Неизвестно, какое решение примет руководство, а мне нужно было как-то прекратить это.

С одной стороны, никому я ничего не обязана. Да, они цепляются и ко мне, но прямо сейчас никто даже не знает, где я, поэтому мне не холодно и не жарко от того, что они будут ходить в университет в то время, когда меня там не будет.

С другой стороны... Рэнди, Алекс... Да мало ли, что там может произойти! Рэнди Джо и его придурки просто не любят, а Алекс такой, что скоро и сам влезет в неприятности, просто сцепившись с кем-то из них.

Господи, почему вообще я должна что-то решать?! Почему именно мне надо искать проблемы на свою голову, придумывать какие-то сложности и прочие обязанности, когда я могу просто сидеть здесь, пить сок и наслаждаться спокойным утром в компании моего парня?

Я просидела на кухне минут двадцать, но так и не смогла ничего решить. Поэтому решила дождаться пробуждения Фила. Очень не хотелось ему ничего рассказывать, да я и не собиралась посвящать парня в это. Мои проблемы — не то, о чём ему необходимо знать в данный момент. Я просто хотела спросить, что мне следует выбрать, когда речь идёт о совести... И одно только осознание того, что я уже допускаю возможность о том, чтобы уехать отсюда раньше, заставляло меня чувствовать себя непередаваемо мерзко.

===== Глава десятая =====

Вплоть до того момента, как Фил проснулся, я всё ходила туда-сюда по комнате, обдумывая, что же мне лучше сделать и как лучше рассказать ему о том, что я надумала. Это была та самая ситуация, когда абсолютно любое решение могло оказаться неправильным в той или иной степени. Из-за этого становилось настолько неуютно, что несколько раз я подумывала о том, чтобы пойти спать и, проснувшись, притвориться, якобы мой день только начался, не было никакого звонка и вообще всё прекрасно, а я могу отдыхать дальше, ни о чём не беспокоясь. Ведь действительно была своя прелесть в том, чтобы не вставать по будильнику и не бежать по делам, надеясь, что в этом круговороте событий удастся урвать хотя бы полчаса с этим человеком, а просыпаться сразу рядом с ним и понимать: впереди у нас ещё весь день, а то и не один. Но не тут-то было.

Гардинер спал долго, даже слишком долго. Поначалу мне казалось, что дело в кошмарах, мучивших его всю ночь, потом же списала такую усталость на отсутствие нормального сна вчерашней ночью. Решив чем-то себя занять, я успела и отправить маме сообщение, что со мной всё в порядке, а позвонить не могу из-за плохой связи, немного слукавив, ведь на самом деле не была готова к разговору с ней в данный момент; и поесть; и душ принять; и немного телевизор посмотреть, а парень, сколько бы я ни заходила в спальню проверить его, не просыпался. Время перевалило за полдень, а он ещё спал.

Как ни странно, мысль оставить ему записку и уехать посетила меня всего один раз, но я быстро отмела её, прекрасно понимая, что не способна на такой поступок. Сколько бы ни задавала себе вопрос о том, кто стоит на первом месте, Гардинер всегда лидировал во всех рейтингах, причём с огромным отрывом. Когда часы показали час дня, я уже готова была даже свыкнуться с идеей отправиться домой завтра, но не оставлять его одного вот так. В противном случае, я перестала бы себя уважать.

Через какое-то время я снова услышала гром, а после и звуки дождя. Выглянув в окно и заметив, что погода вновь стала необычайно ужасной, я подумала, что это само небо говорит: сегодня никуда не уезжай. Странно было думать именно так, но мне даже нравились подобные мысли. Это заставляло считать, что моё решение остаться было правильнее желания уехать и помочь остальным.

Фил показался в небольшой гостиной внезапно. И узнала я о его присутствии не из-за того, что парень окликнул меня или что-то в таком духе, а потому что услышала кашель. Обернувшись, я увидела несколько бледного Гардинера, стоявшего в дверном проёме и наблюдавшего за мной.

— Давно тут стоишь? — улыбнувшись, спросила я, однако шатен не успел ответить, вновь закашлявшись, что заставило меня нахмуриться. Подойдя ближе, я внимательно взглянула на его лицо и спросила: — Ты в порядке?

— Да, просто покашлял немного, — беспечно ответил тот. — Как спалось?

— Уж лучше, чем тебе, — ответила я и, проигнорировав его удивлённый взгляд, вновь задала вопрос: — Ты не мог заболеть из-за того, что мы вчера под дождь попали?

— Если я и заболел, то не из-за этого, от лёгкой простуды отделаться я уже последние два месяца не могу, несмотря на сожительство с врачом. Что там насчёт сна? Мы поменялись местами, так что теперь я бежал марафон, мешая тебе спать?

— Что-то в этом роде.

Продолжая внимательно разглядывать Фила, который, казалось, сейчас мечтал оказаться в любом месте, лишь бы подальше от меня, чтобы никто на него так внимательно не смотрел, я всё больше убеждалась в своей догадке, что ему, по всей видимости, нездоровится. Однако при себе не оказалось ни градусника, ни лекарств, а если где-то в доме и было нечто подобное, то я не имела ни малейшего понятия, где бы всё это могло находиться. Пришлось пользоваться доступными средствами, именно поэтому я уговорила Гардинера выпить чай и тут же улечься обратно в постель. Попутно я радовалась, что не уехала без его ведома. Я бы не смогла простить себе подобный поступок, узнав потом, что он заболел.

Фил поначалу пытался оказывать некое подобие сопротивления, но я пресекала все эти попытки на корню, мотивируя тем, что это именно ему потом нас домой везти, а также пригрозив пожаловаться его родным на то, что сыночек себя не бережёт. Это подействовало лучше всяких уговоров, поэтому Гардинер из сопротивления перешёл в наступление, решив, что можно пользоваться моими услугами в полной мере.

— Знаешь, мне бы пригодился колокольчик или ещё что-то наподобие, — сказал он, когда я принялась ходить туда-сюда по комнате, собирая свои вещи, а также отчаянно пытаюсь разглядеть среди них хотя бы таблетки от кашля, которые могла случайно прихватить с собой, но, по всей видимости, не сделала этого.

— Зачем? — удивлённо спросила его, на некоторое время замирая с вещами в руках.

— А как же без него? — изобразив искреннее удивление, вопросом на вопрос ответил парень. — Я же у нас человек болеющий. Вот был бы у меня колокольчик, я бы начинал звонить в него, а ты, как в фильме, появлялась бы, спрашивая, что мне нужно.

— Я твоя девушка, а не служанка, — фыркнув, ответила я ему.

— И ты говоришь об этом именно в тот момент, когда убираешься в комнате, да?

Взглянув на вещи в своих руках, я осознала, как это должно было выглядеть со стороны. В тот же момент захотелось запустить ими в Фила, но останавливала та мысль, что он всё-таки болеет. Не так сильно, как мне сперва показалось, но раз уж именно я устроила ему такое подобие больничного, не мне было злиться и бросаться в него вещами. Но хотелось.

— Простите, мистер Гардинер, — поклонившись, сказала я. — Похоже, вас несколько удручает мой вид в ваших покоях, когда я пытаюсь навести здесь чистоту. Я, пожалуй, выйду и не буду вас беспокоить, а вы тут отдыхайте.

— Отчего же вы так уверены, мисс Моллиган, — сделав акцент на последних двух словах, в тон мне ответил тот, — что ваше присутствие вызывает у меня ощущение дискомфорта? Напротив, я был бы весьма польщён, если бы вы остались и составили мне компанию.

— Но как же? — картинно возмутилась я. — Ведь я простая служанка: негоже мне состоять в близких отношениях с работодателем.

— А мы никому не скажем, — чуть тише произнёс Фил.

— Обещаете? — шёпотом поинтересовалась я.

— Конечно, — теперь так же шёпотом ответили мне.

Несколько секунд мы пробыли в полнейшем молчании, глядя друг на друга, а потом одновременно рассмеялись.

— По-моему, мы выглядим, как два придурка, — сказала я.

— Возможно. Но, знаешь, мне определённо нравится вся эта ситуация. Ты, забота, всё такое. Приятно, однако.

Я улыбнулась. Может же говорить приятные вещи, когда захочет.

— Это хорошо, — всё ещё улыбаясь, сказала ему. — Если что-то понадобится, всегда можешь обратиться.

— Правда? — вдруг спросил Фил, заставляя меня напрячься. Я знаю этот тон. Нет пожалуйста, не надо... — Тогда предлагаю тебе прямо сейчас перестать быть служанкой и вновь стать моей заботливой девушкой.

— В каком смысле? — немного удивлённо спросила я его. Причём тот факт, что не последовало никакой издёвки, удивил меня больше, нежели сам вопрос.

— Просто помогай мне без каких-либо обязательств и не перегружайся. В конце концов, я не смертельно болен и не умру, если не получу свою таблетку от кашля. Маленькой помощи будет достаточно. А если случится что-то нехорошее... Что же, к примеру, может случиться?..

— Да нет, мне, в принципе, не в тягость, да и доводить до чего-то нехорошего не хотелось бы... — мямлила я, тогда как шатен не обращал на меня ровным счётом никакого внимания.

— К примеру, — игнорируя мои слова, начал он, — я могу вдруг обессилеть и свалиться без сознания в душе, ведь перепады температуры, вертикальное положение... Поэтому твоя маленькая помощь будет весьма кстати. Как насчёт совместного душа? Это было бы не только помощью, но и серьёзным прогрессом в наших отношениях, тебе не кажется? К тому же, во мне всё ещё зреет некое подобие зависти из-за увиденной вчера малолетней парочки.

— Я знала, чёрт возьми, я знала, что ты обязательно ляпнешь нечто подобное! — воскликнула я, поспешив удалиться из комнаты и искренне надеясь, что если и покраснею, то от гнева, а уж парень это и вовсе не увидит.

Гардинер ничего не ответил, я лишь услышала его смех уже после того, как закрыла за собой дверь в спальню. Проклиная себя за то, что так и не научилась отвечать ему в большинстве словесных пикировок, я не смогла придумать ничего лучше, чем, успокоившись, вернуться в комнату и притвориться, будто ничего не произошло, что стоило мне немалых усилий. Парень, к счастью, не отвлекал меня, когда я решила продолжать наводить хоть какой-то порядок в вещах, а стоило мне закончить, как предложил опять посмотреть какой-то фильм. Несмотря на то, что теперь каждое его слово подвергалось сомнению, я с опаской согласилась.

Была какая-то прелесть в том, что на улице был дождь, ведь выходить туда и не хотелось, пусть я и понимала, что мне ещё предстоит вылазка за лекарствами. А то, что почти весь день нам предстояло провести фактически в кровати, ничуть его не омрачало. Я вдруг подумала, что это действительно похоже на будни женатой пары, ведь далеко не всегда в выходные они выбирают куда-то погулять и не важно — вместе или каждый со своими друзьями. Я не раз становилась свидетельницей того, как мои мама и папа просто отгораживались от окружающего мира, проводя весь день дома и занимаясь такими обыденными, но приятными сердцу делами. Вдвоём. Мне так хотелось озвучить свои мысли, но я почему-то побоялась.

Тем не менее, чем дольше мы с Филом встречались, тем чаще я ловила себя на подобной чепухе. Ведь близился конец школы, конец какого-то рубежа в жизни, что волей-неволей заставляло задумываться о неопределённом будущем, причём не только в карьере, но и в личной жизни. Мы встречаемся уже достаточно долго. За это время я так сроднилась с парнем и со многими его привычками, на которые даже он не обращал внимания, что становилось страшно. Страшно, что однажды кто-то из нас подумает, будто продолжать дальше бессмысленно. Назвать это можно было как угодно — юношеский максимализм, не умерший во мне романтизм или ещё как, однако я попросту не представляла себе, что же буду делать, если вдруг мы захотим разбежаться, поэтому очень часто думала, как можно хотя бы для себя самой найти гарантию, что мы будем вместе. Всегда.

Я улыбнулась подобным мыслям. Да уж, нашла о чём думать в свои семнадцать лет. То, что Гардинер, по сути, был моей первой и пока единственной любовью, которая смогла продержаться так долго, радовало, но ещё не означало, что мы проведём вместе всю жизнь, вовсе не означало. Мы оба ещё слишком молоды, мы оба меняемся с каждым годом, месяцем, днём, часом. Возможно, однажды мы изменимся настолько, что не узнаем ни друг друга, ни себя в том, во что превратимся. И всё же... Так хотелось, чтобы моя первая любовь стала последней.

— О чём задумалась? — хриплым голосом спросил парень, нажав на паузу и остановив показ фильма, который я вот уже минут двадцать как не смотрела, хотя поначалу он показался даже интересным.

— Ни о чём, просто какая-то мимолётная мысль повлекла за собой другую, вот и... — негромко ответила я, заметив, что голос мой звучал расстроено. Чёрт. Только этого теперь не хватало.

— И всё же? — как и предполагалось, Гардинер уловил это. — Рассказать не хочешь?

Рассказать хотелось. Не знаю, что именно влияло так на меня в последнее время — быть может, это даже было связано с тем, что в жизни у Роберта и Люси нынче был не самый лёгкий период. Однако мне так хотелось получить подтверждение тому, что я не останусь одна в решающий момент. Усугубляло эту ситуацию ещё и то, что я не могла перестать думать об утреннем разговоре, как бы ни пыталась отбросить это куда подальше ещё хотя бы на один день.

— Это действительно ерунда, — отмахнулась я поначалу, а после мне в голову вдруг пришла одна идея. Что, если?.. — С фильмом связано. Просто думаю, как же тяжело, должно быть, главному герою жить и не знать, как правильно выразить свои чувства, а также не иметь человека, который мог бы его выслушать.

— Она же появилась и готова его слушать, — усмехнулся Фил, и я почувствовала, как его тело расслабилось. Поверил. — А вообще, этот фильм отлично показывает то, что

испытывают часто и обычные, социально активные, в отличие от героя, люди. Просто преувеличивает, чтобы зрителю было проще понять.

— То есть? — я поудобнее устроилась на его плече, укрывая нас сползшим одеялом, и принялась слушать его.

— Ты сама уже поняла, что людям порой, даже если всю жизнь они бед не знали и спокойно сходились с окружающими, трудно говорить о том, что их по-настоящему беспокоит. Всегда находится миллиард отговорок, почему этого делать не стоит, почему это может подождать, почему это глупо, почему лучше молчать. По какой-то причине большинство так и молчит, ведь попросту отказываются прилагать усилия.

— Прилагать усилия? — заинтересованно спросила я, поскольку шатен замолчал.

— Именно. Ведь для того, чтобы рассказать о чём-то, нужно приложить усилия. К примеру, свыкнуться с тем, что действительно подпустил кого-то достаточно близко к себе для того, чтобы рассказать обо всём.

— Если ты уже давно общаешься с этим человеком и уверен, что ему можно доверять, разве это должно быть проблемой?

— О, в этом самая большая загвоздка, — усмехнулся Гардинер. — Чем ближе подпускаешь, тем сложнее потом отпустить. Потому и держишь на расстоянии, чтобы уход не был болезненным. Но знаешь, что? — я присела на кровати, отныне глядя на него сверху вниз, и всем своим видом показала, что жду продолжения. Фил хохотнул из-за такой моей реакции и сказал: — Мы, люди, идиоты. Всю жизнь ищем человека, которому хотим рассказывать обо всём, что нас беспокоит, а потом молчим, потому как боимся, что доверимся слишком сильно, а всё зря.

Повисла тишина. Парень смотрел на меня внимательно, не отводя взгляд, я, в свою очередь, делала то же самое, осознавая всё, что он мне сказал. И когда голову посетила одна догадка, я весьма несмело её озвучила.

— Выходит... Ты молчишь по той же причине? И не отрицай, знаешь же, что я в курсе.

— Возможно, — зачем-то тоже присев так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, ответил он. — Я, пожалуй, не самый умный человек во Вселенной, но за такое время тоже смог догадаться, о чём ты думаешь. И причина не в том, что я не доверяю тебе, Кэтрин. Есть много того, что меня беспокоит, и я хочу тебе рассказать. И так же хочу, чтобы ты рассказала мне, что беспокоит тебя.

— Но?

— Но.

Гардинер внимательно посмотрел в мои глаза. Из-за пасмурной погоды его собственные сейчас казались практически чёрными, отчего складывалось впечатление, будто он меня сканирует.

— Осознаёшь, как много этих «Но»? — вдруг спросил Фил. — А объясни мне причину хоть одного из них.

— Что? — я немного опешила от такого поворота событий, так как ожидала продолжения объяснений, а не вопроса к аудитории.

— Ты тоже хочешь мне о многом рассказать. Ты готова. И уже рассказала бы. Но? Что за «Но», Кэтрин?

Я моргнула, не совсем понимая, к чему он ведёт, поэтому решила, что наилучшая тактика — молчать и дать ему самому закончить.

— Я тоже хочу о чём-то рассказать, и я готов. Но? Ты хочешь это услышать, ты хочешь

понять. Но? Ты доверяешь мне. Но? Ты хочешь быть вместе и дальше. Но? Ты хочешь, чтобы я помогал тебе решать твои проблемы, а ты мне — мои. Но? — он ухмыльнулся. — Но мы молчим. И что теперь?

Шатен вдруг встал с кровати, из-за чего я невольно повторила это действие за ним. Оставалось загадкой, что же он собирается делать, поэтому я просто ждала продолжения. И Фил сказал:

— На самом деле, я ради этого и затеял эту поездку. Просто чтобы поговорить об этих «Но», из-за которых в последнее время что-то не совсем всё клеится, как ты и сама видишь. Как-то странно, что даже для разговора о том, почему мы не рассказываем друг другу о важных вещах, нам понадобилось провести вместе так много времени, выжидая подходящий момент и ища удобный случай. Поэтому я хочу, чтобы мы кое-что друг другу пообещали, — он, до этого повернутый ко мне спиной и глядящий в окно, вдруг развернулся ко мне лицом и сказал: — Давай пошлём куда подальше всё то, о чём я только что говорил? И просто назначим дату, когда каждый из нас придёт и выложит всё друг другу. Мне уже осточертело ловить на себе твои взгляды, требующие объяснения, которого я дать не могу. Не меньше мне надоело, что ты считаешь, будто и мне ничего знать не следует, а сам я настолько слепой, что и не замечаю происходящего вокруг себя. Давай просто забудем об этом и поговорим. Подготовимся и поговорим. Как смотришь на это?

Всё, на что меня хватило в тот момент, так это просто молча кивнуть. Говоря откровенно, я попросту не ожидала услышать от парня так много всего за один раз и именно сегодня. Сколько бы ни злилась на него за молчание, всё равно не была готова к тому, что он так внезапно может вывалить на меня такой поток информации, по сути так ничего и не сказав. Очень сильно меня интересовало, что же именно натолкнуло его на такие мысли.

Гардинер, самостоятельно решив, что разговор окончен, вдруг изъясил желание перекусить, а потому направился на кухню в поисках чего-то съестного, хотя знал, что ничего там не было. Думаю, он просто давал мне время осмыслить всё им сказанное, что я и пыталась честно сделать. Это же о чём нужно было думать, чтобы прийти к таким вот выводам? И какой вывод из всего этого должна была сделать я? В голову ничего не приходило, хоть убей. Поэтому, отказавшись думать, я сказала, что схожу и поищу магазинчик, где можно было бы купить еды. Дождь как раз поутих, поэтому я спокойно могла это сделать, немного жалея, что Фил заболел, ведь это значило, что придётся мне идти одной.

Зонтика всё равно не было, поэтому я старалась идти как можно быстрее, по пути выпрашивая у прохожих, где продуктовый и есть ли тут аптека — заодно и лекарств каких-то куплю, что ли.

Я заблудилась три раза. Один раз не туда свернула, когда искала продуктовый, а дважды — когда пыталась дойти до аптеки. Но, в принципе, учитывая мой топографический кретинизм, справилась я весьма неплохо и быстро, потому могла собой гордиться. Ну, мне казалось, что я справилась быстро, а парню этого времени хватило для того, чтобы опять уснуть. Я всё боялась, что он заболел гораздо сильнее, чем мы думали, потому что не могла представить, как же можно столько спать.

Оказавшись дома в нашей спальне, я вздохнула, увидев Фила, заснувшего за просмотром очередного фильма. Выключив ноутбук, я отставила его в сторону, буквально укутав парня в одеяло, а сама решила сделать хотя бы некое подобие обеда из того, что купила, ведь лекарства нельзя было принимать на пустой желудок. Сама не знаю, почему, но мой взгляд

упал на его телефон. Тогда-то я и задумалась о том, что он почему-то ни разу никому не звонил, а ведь это странно, учитывая, как часто Гардинер обычно интересовался здоровьем своей матери.

Я решила, что он, возможно, не хотел с ней связываться во время поездки, чтобы не беспокоить, к примеру, тем, что заболел, но ведь она должна была знать, как он себя чувствует. Преследуя неведомую мне цель, я просто хотела переписать номер Сэм, чтобы позвонить ей и сказать, что её сын в порядке, раз уж он сам никак не удосужится этого сделать. Хотя перед этим решила всё же проверить журнал вызовов — он же мог звонить ей, когда я не видела.

К моему удивлению, его телефон оказался выключен. Подумав, что он попросту сел, я подключила его к своей зарядке — благо, разъём у наших телефонов был одинаковый — и попыталась включить. Пароля не было, а даже если бы и был, я бы справилась с ним так же быстро, как и с компьютерным, поэтому ничуть не волновалась. Немного удивившись тому, что зарядка была чуть ли не полной, я всё же не обратила на это практически никакого внимания. Однако не обратить внимания на то, что тут же пришло два сообщения, потом ещё и ещё, и ещё... Это было сложно.

В панике я даже не сразу сообразила, что надо бы попросту выключить звук у телефона, а потому какое-то время просто беспомощно смотрела на звонивший телефон. От Эллиота, снова от него, опять же от него... Незнакомый номер, снова знакомый номер, опять и опять знакомый номер, причём каждый раз новый. Поскольку с каждым новым сообщением его текст высвечивался на дисплее, некоторые из них я могла прочитать. Эллиот спрашивал, где пропадает Фил, а также настоятельно рекомендовал уведомить его о местоположении парня, а сообщения с знакомых номеров... Были несколько неожиданными.

Чего только там не писалось. И пожелания смерти, и просьба простить за что-то, потом ругательства всякие. Каждый раз, пробегаясь взглядом по очередному сообщению, я всё больше хотела задать Гардинеру множество вопросов, появившихся в моей голове, но лишь продолжала глупо смотреть в экран до тех пор, пока парень не выдернул телефон из моих рук, заставляя вздрогнуть и испуганно посмотреть на него, ожидая вспышки гнева. Что характерно, он, похоже, не злился. Я же лишь хмыкнула, так как последнее высветившееся сообщение пришло от абонента с интересным именем Придурочное Наказание.

По взгляду шатена невозможно было понять, собирается он отчитывать меня или нет, поэтому я решила делать вид, что вообще ничего не поняла.

— Ты бы хоть звук выключила, если собралась проверять мой телефон, — спокойно сказал он и, как я поняла по характерному звуку, вновь отключил свой мобильный, после чего небрежно бросил его на прикроватную тумбочку.

Я внимательно посмотрела на него, ожидая какой-либо реакции, так как была уверена, что она последует незамедлительно, учитывая общую раздражительность Гардинера, когда дело касается его личного пространства, а также тему разговора, который состоялся совсем недавно. Однако он молчал и спокойно ждал расспросов с моей стороны. Я решила начать с чего-то безобидного.

— И кто же на самом деле Придурочное Наказание? — задала я тот вопрос, на который, чисто теоретически, могла действительно получить ответ, в отличие от остальных.

— Торнтон, — спокойно ответил Фил, тем не менее я заметила, что его плечи слегка напряглись. — В данный момент я весьма наглым образом пропускаю вечеринку в честь его

Дня рождения, за что они со своим отцом и Эллиотом, должно быть, уже раз двадцать меня прокляли.

У меня появилась надежда, что при таком раскладе парень может ответить на ещё, как минимум, один мой вопрос.

— Выходит, — осторожно начала я, — ты не сказал ему, куда поехал?

— Издеваешься, да? — скривился тот. — Он бы приехал и за уши приволок меня на ту недо-вечеринку, лишь бы наши семьи соизволили помириться, чего в моих планах нет. Я не собираюсь дружить с тем, кто изначально считает себя лучше остальных.

Я вздохнула. Отчасти я его понимала, но всё же некоторые заморочки этого человека действительно оставались для меня загадкой. Интересно, это у всех парней так?.. Почему-то первым в голову пришёл Майк, поведение которого уж точно не было бы таким же, как у Фила.

— А твоя мама?..

Я не закончила вопрос, заметив, как Фил вздрогнул, стоило мне заговорить об этом. Движение было едва заметным, можно было даже подумать, будто мне показалось, однако я точно знала, что видела это. Несмотря на то, что больше ничего не указывало на нежелание парня говорить об этом — во всяком случае, виду он не подавал, — я поняла, что приблизилась к запретной теме. И стоило бы замолчать, ведь он же буквально недавно пообещал в обязательном порядке мне всё рассказать... Но попытка ведь не пытка?

— Ты и ей не сказал? — решила начать издалека я.

Вопрос был проигнорирован. Приложив руку к животу и погладив его круговым движением, после чего втянув носом воздух, шатен на выдохе произнёс:

— Я проголодался. На пустой желудок говорить вообще не хочется.

— Хорошо. Я поняла, — улыбнувшись, спросила: — Не хочешь помочь? Ты ведь помнишь, что я великий кулинар, если не приближаюсь к кухне.

Гардинер улыбнулся в ответ и, кивнув, нехотя поднялся с кровати под мои слова о том, что после еды ему нужно принять лекарства. Инцидент был исчерпан. Ясное дело, парень не изъявил ни малейшего желания начинать этот разговор самостоятельно, а я прекрасно понимала, что пытаться выспросить у него что-либо в данный момент бесполезно. Поэтому вместо того, чтобы донимать его бесполезными расспросами, покончив со всеми делами, такими как готовка, поздний обед, вливание в парня лекарств и мытьё посуды, я спросила:

— Как много времени тебе нужно, чтобы подготовиться?

В первую секунду Фил несколько растерялся, однако быстро сообразил, что я от него хочу, поэтому сказал:

— Зависит ещё и от того, как много времени потребуется тебе. У нас ведь равноценный обмен, помнишь?

Я помнила. И хотелось ответить, что я готова выложить ему всё прямо сейчас, однако я понимала, что понятие «Всё» с моей стороны было весьма абстрактным. Я не готова была рассказывать о своих намерениях относительно курсов до тех пор, пока всё не уляжется. А потом можно было и поговорить. Именно поэтому, немного подумав, я произнесла:

— Неделя. Ровно. Думаю, больше мне не потребуется, чтобы приготовить для тебя речь длительностью в несколько часов и отбить любое желание ещё когда-либо меня слушать. Что насчёт тебя?

Шатен ухмыльнулся, по всей видимости ожидая подобного ответа от меня, я же радовалась, что это не прозвучало ни в коей степени подозрительно. Во всяком случае,

Гардинер не выглядел, как человек, подозревающий меня в чём-либо.

— Хорошо. Неделя, — вдруг сказал он. — Меня всё вполне устраивает. Значит, ровно через неделю избавимся от различного рода дел, соберёмся и выложим друг другу всё, что давно должны были.

Я хотела было сказать что-то в ответ на его реплику, однако буквально по пути меня перебила моя собственная мысль, которую я поспешила озвучить.

— Тебе не кажется, что всё же есть нечто неправильное в наших отношениях? Может мы ещё график откровений составим? Ну, знаешь, чтобы не накапливалось.

— То, что в наших отношениях есть нечто неправильное, было понятно с того самого дня, как ты решила сблизиться со мной, — со смехом сказал парень, а потом, хитро прищурившись, издевательски протянул: — Дружище.

Я скривилась, вспоминая, как часто он так называл меня, когда я только делала попытки с ним сойтись... Вернее, я занималась непонятно чем, а мы в итоге почему-то сходились.

— Мне просто интересно, как бы всё сложилось, не подойди я тогда к тебе по причине того спора? — вдруг спросила я, присаживаясь рядом с Филом, устроившимся на диване в гостиной, забравшись на него с ногами и протянув ему чашку чая. — Возможно, мы бы так и продолжили игнорировать существование друг друга, а я знала бы о тебе только со слов других. Кто знает, быть может, я бы даже поверила всем тем сплетням, которые сейчас распускают о тебе по всей школе.

— Всё возможно, — ответил парень, сделав глоток горячего напитка. — А может быть, ты бы заинтересовалась мной и моим тёмным прошлым, попыталась бы сблизиться, а в итоге все равно влюбилась бы, ведь я само обаяние.

— Ты мистер Самоуверенность, а не само обаяние, — фыркнула я, поражаясь, как легко у него получается перевести самый серьёзный разговор в совершенно другое русло.

— Ещё раз напомнить тебе, кто твой парень?

Я хохотнула, думая, что эта его черта, наверное, никогда не изменится. Гардинер тоже улыбнулся, вероятно, подумав о том же. К тому же, нельзя было отрицать то, что ему явно нравилась эта черта. Особенно если не принимать во внимание тот факт, что он сам очень сильно нравился себе.

— И всё же, — ещё разок попыталась превратить этот разговор хотя бы в подобие серьёзному я, — ответь мне на такой вопрос. Только честно, — Фил заинтересованно посмотрел на меня, не прекращая пить чай, а я, закусив губу, так как вопрос внезапно показался мне очень глупым, осторожно начала: — Представь, что мы тогда так и не начали общаться. Фактически все события прошедших месяцев остались примерно такими же, только вычеркни из жизни меня и моих подруг. Что бы ты тогда пожелал?

Шатен посмотрел на меня так, будто я только что произнесла самую большую глупость, какую он только слышал в своей жизни, и даже вздохнул. Мне тоже казалось, что это глупый вопрос, но любопытство было сильнее нежелания показаться ещё глупее, чем я являюсь. Несмотря на явный скептицизм в отношении к такого рода вопросам, Гардинер вдруг ответил:

— Сложно представить, что мне было бы нужно в тот момент. А если исходить из того, что у меня всё же уже есть... Наверное, познакомится с тобой. Не сложись у нас тогда... Сейчас я чувствую себя так, что больше всего хотел бы всё же познакомиться с тобой.

На секундочку я выпала из реальности. Точно так же, как серьёзный разговор превращал

в шутку, Фил легко превращал шутку в серьёзный разговор. Сколько бы он так ни делал, я всё не могла привыкнуть к таким вот резким переходам.

— Вот как?.. — только и смогла выдавить из себя я, даже не скрывая собственной растерянности.

— Конечно, ведь твоё появление в моей жизни принесло немалое количество плюсов, — задумчиво проговорил шатен, после чего выставил вперёд одну руку, другой продолжая держать чашку, и принялся загибать пальцы, говоря: — Во-первых, Лили. Она достаточно долго была девушкой Майка. Из-за этого он и сам стал не таким занудой, каким был, да и я мог без зазрения совести скрываться от него, когда хотелось побыть одному, а он и не обижался, ведь у него кое-кто был. Во-вторых, Дженни. Уж не знаю, что такое она рассказывает Генри, что он стал не таким буйным и — вот чудо! — начал думать о чём-то ещё, а не только о спорте, но это мне определённо нравится. В-третьих, львиную долю смеха в моей жизни приносят именно твои глупости. Ох, иногда я так жалею, что не успеваю записывать самые большие достижения на видеокамеру или хотя бы на диктофон...

— Достаточно, можешь не продолжать, — пробурчала я. — Теперь мне ясно, что твоя выгода от моего присутствия в твоей жизни носит чисто потребительский характер. Я и раньше догадывалась, но лучше не продолжай, чтобы моя самооценка ещё вообще хотя бы осталась, а не пропала без вести.

Фил, лукаво посмотрев на меня, улыбнулся, искренне радуясь, что удалось меня поддеть. В такие моменты он улыбался как ребёнок, да и выглядел совсем мальчишкой, удачно подшутившим над ненавистной соседкой.

Отставив в сторону чашку, пролив буквально капельку на кофейный столик, Гардинер вдруг, опираясь одной рукой о диван, а другую, на которой загибал пальцы, поднеся поближе к моему лицу, сам придвинулся поближе, нарушая всякое понятие о личном пространстве. Демонстративно загнув ещё один палец, он сказал:

— В-четвёртых, благодаря всё тебе же я и понятия не имею, с кем бы смог уживаться так долго и кто смог бы терпеть меня всё это время. Чего не изменить — так это того, что с тобой мне комфортно.

— Спасибо за то, что хотя бы один комплимент сделал, — не сдержав улыбки, ответила я. — Да уж, мне точно памятник давать нужно за то, что я так долго с тобой уживаюсь. Видимо, у меня хорошее терпение.

— Или я чертовски обаятельный.

— Или у меня всё же действительно хорошее терпение.

— Ты бы не терпела меня, не будь я чертовски обаятельным.

Я не сдержалась и рассмеялась. И всё равно я продолжала считать, что такие мелкие и бессмысленные перепалки делали жизнь немного веселее и лучше, что бы кто ни говорил.

Время неумолимо близилось к ночи. За всеми этими приятными моментами легко было не заметить, как приближался тот миг, когда предстояло пересилить себя и как можно более ненавязчиво сказать о том, что пора бы прекращать. А не хотелось.

— Кстати, — будто невзначай сказала я, — раз уж ты добился своего и пропустил День рождения Торнтонна, мы будем собираться?

— Это ведь было не основной моей задачей, — ответил парень, что-то внимательно читая в интернете и пока что не придавая моим словам ровным счётом никакого значения. — Я же хотел отдохнуть с тобой. Вовсе необязательно собираться и ехать завтра.

— Но можно ведь, да? — стараясь звучать как можно более безобидно, спросила я.

Гардинер оторвался от чтения какой-то статьи и внимательно посмотрел на меня, стараясь заметить что-то, что помогло бы ему понять ситуацию, но, кажется, так и не заметив, спросил:

— Что-то случилось?

— Нет, ровным счётом ничего, — в этот раз удавалось звучать убедительно. — Просто так получается, что сегодня я пропускаю уже второй день на курсах... Ладно школа, хотя и с этим есть трудности, но за курсы мы ведь и деньги платим. Так что...

Он не верил. Ни единому слову. Это было видно по холоду, сквозившему в его глазах. Больше всего Фил, как и многие, в том числе я, ненавидел, когда ему лгали, но делать было нечего. Он мог бы расспросить меня, но я в любой момент могла сослаться на то, что расскажу через неделю, и тогда ему нечем было бы возразить мне. Он понимал это. Понимал, но, по всей видимости, решил попытаться ещё раз:

— Хочешь уехать именно завтра?

Можно было ответить, что вовсе необязательно срывать с места именно завтра. Можно было сказать, что, раз уж ему хочется, мы могли бы подождать ещё день или даже два, но почему-то мне очень хотелось покончить со всем этим как можно скорее. Можно было бы ответить иначе. Можно было бы. Но нельзя. Именно поэтому я сказала:

— Пожалуй, это лучший вариант. Да и ты приболел... Если завтра не будет дождя, лучше бы тебе добраться до дома, где о тебе смогут нормально позаботиться и нормально накормить, а не воспроизвести то жалкое подобие заботы, которое пыталась проявлять я...

Я закусила губу. Очень переживала, что же он скажет, как отреагирует.

— Хорошо, поедem завтра, — спокойно сказал парень, после чего вновь устался в свой нетбук.

И именно от этого ответа я почувствовала себя хуже, чем если бы он разозлился. Вот бывают такие ситуации, когда больше хочется, чтобы человек накричал. Не потому, что во мне резко проснулась склонность к мазохизму, а потому, что так он бы выпустил пар и забыл бы, а не, как Фил сейчас, злился бы и держал всё в себе. Но не могла же я просто сказать: «Разозлись, накричи на меня».

И после этого атмосфера слегка изменилась. Вроде бы мы лежали вместе в обнимку, смотрели фильм — всё, как и вчерашним вечером. Но не разговаривали, не делились впечатлениями. Не смотрели друг другу в глаза, в конце концов. Из-за этого, когда парень, убаюканный лекарствами и спокойным фильмом, который должен был по идее быть романтической комедией, а на деле оказался лирической колыбельной, мне буквально хотелось выть. Но вместо этого я молча собрала свои вещи, не преминула уложить и вещи парня, которые он, кстати, в отличие от меня, не разбрасывал так сильно, а после легла рядом с ним. Я долго пыталась заснуть, так и не в силах решить, правильно ли я поступила. Только через несколько часов наконец-то пришло осознание, что это уже не имеет смысла. Что сделано, то сделано.

Утром всё было куда лучше. Гардинер, хоть и был чем-то опечален, что старался скрыть, а я притворялась, будто не замечаю, выглядел получше хотя бы потому, что уже не был таким больным. А ещё он улыбался и наконец-то смотрел прямо на меня. Это немного подняло мне настроение, но осадок всё равно остался.

Покинули мы Лавенхем как-то странно. Быстро, не оставляя после себя никаких следов, кроме закопанной под деревом бутылки с посланиями самим себе в будущее, кое-как попрощавшись с хозяйкой и не оглядываясь назад. Мы бы уехали совсем рано, если бы не

пришлось ждать хозяйку до часу дня. При желании можно было сделать вид, будто нас здесь никогда не было, забыть про капсулу времени и больше никогда сюда не возвращаться. Но это нам было не нужно. Суть заключалась в том, что пусть мы и пробыли здесь совсем мало времени, воспоминания, полученные здесь, всё равно стали уникальными и ни в коем случае не должны были исчезнуть, стёршись из нашей памяти. Уверена, Фил считал так же.

На сей раз дорога домой не показалась такой длинной. То ли привыкла, то ли ещё что, но мне даже показалось, что мы и часа не ехали. Возможно, причиной этому стало моё нежелание прощаться с парнем. Хотелось оттянуть этот момент как можно дальше, вот он нагло и наступил так быстро.

Попрощались мы, вопреки всему, тепло. Меня действительно удивляло то, что этот человек способен так легко прощать. Улыбнувшись на прощание, Фил сказал:

— В качестве компенсации за моральный ущерб я решаю, когда мы поедem обратно за бутылкой.

Я легко и весьма охотно согласилась. Мы не поставили никаких чётких рамок, когда должны были прочитать эти письма, в чём была особая прелесть. Поэтому я надеялась, что не слишком сильно удивлюсь, если в один прекрасный день парень заявит ко мне и прокричит: «Едем!»

Когда Фил уехал, в который раз пообещав забрать меня после курсов, я зашла в дом. Предстоял, по всей видимости, долгий разговор с мамой, которой я за всё это время так и не позвонила. В глубине души теплилась надежда, что мне всё же прилетит не так сильно, однако морально я всё же старалась подготовить себя к любой реакции с её стороны. Но только не к тому, что Люси выбежит в коридор и остановится на месте как вкопанная, увидев меня. И явно не обрадуется.

— Кэтрин... — как-то жалобно протянула она. — Ты... вернулась пораньше?

— Так уж получилось, — я постаралась улыбнуться. — Очень злишься, да?

Люси отрицательно покачала головой, отчего-то нервно покосившись на дверь. Она повторила это движение несколько раз, переводя взгляд то туда, то на меня, а потом обратно, поэтому я не удержалась и тоже взглянула туда, чтобы не увидеть... ничего, кроме входной двери, конечно же. Чувствуя себя в какой-то степени обманутой, я нахмурилась, после чего посмотрела на маму и прямо спросила:

— Кого-то ждёшь?

Она вздрогнула из-за звука моего голоса, заставив меня начать подозревать... Боги, нет. Только не говорите, что...

— Ты ждёшь Арона? — озвучила я волновавший меня вопрос.

Женщина удивлённо посмотрела на меня.

— Нет, — обескураженно выдала она. — Я не жду его. Наше сотрудничество продолжается, но это не даёт ему никакого права появляться на пороге моего дома, не являясь даже другом... По сути, не являясь никем.

— А он тоже так считает?

Вот и зачем, спрашивается, я задала этот вопрос? Давно ведь повторяла самой себе: нужно уметь держать язык за зубами... Так почему же никак не научусь этого делать?

В глазах Люси сверкнул недобрый огонёк. Оно и немудрено, ведь меньше всего она ожидала по возвращении услышать от меня именно эти слова. А я взяла и сказала.

— И ты туда же? — это звучало скорее как утверждение, чем вопрос. Глаза женщины искрились от гнева, а в уголках появились слёзы, которым не суждено было даже скатиться

по щекам — она тут же настолько незаметно, насколько только могла, вытерла их. Почти что с вызовом посмотрев на меня, она спросила: — Вот что такое, скажите мне на милость, я сделала? Чем я заслужила такие подозрения со стороны окружающих, а главное — со стороны своей собственной семьи? За столько лет я настолько привыкла к этому «Высшему и культурному обществу», готовому раздуть из мухи слона и поливать тебя грязью за спиной, улыбаясь тебе в лицо. Если ты отравишься и пожалуешься на тошноту — будешь беременной. Однажды выпьешь чуть больше дозволенного на вечеринке — станешь алкоголиком. Я действительно привыкла к этому, потому и не удивилась, когда повсюду начали трещать о том, что наш с Робертом брак разваливается по причине моей измены. Я даже не удивилась тому, что все посчитали, будто я так поступаю из-за денег. Но меня... ошеломило то, что даже вы в это поверили.

Я нервно закусила губу. Ведь я же имела в виду совсем не это...

— Я верю тебе, мамочка, — отчего-то тихо произнесла я, заставив Люси удивлённо посмотреть на меня. — Если и были моменты, когда я сомневалась, сейчас всё не так. Не в твоих принципах поступать так. Даже если бы ты вдруг захотела быть с Ароном, зная тебя, могу заявить: Роберт был бы первым, кто узнал об этом. И ты бы не раздражалась из-за всего этого. Ты бы раскаивалась.

Если я и могла быть в чём-то уверена, так это в реакции своей мамы. Не могу считать себя человеком, который хорошо разбирается в людях, но всё же свою маму я знаю достаточно хорошо. Если бы такое случилось, она бы не смогла перестать винить себя за то, что у неё возникли мысли расстаться с человеком, с которым вместе провела не один десяток лет.

— И что же тогда ты хотела сказать мне этим? — почему-то так же тихо спросила женщина, словно кто-то мог услышать нас, а мы обе так боялись этого.

— Ты злилась, что тебя обвиняют, — неуверенно начала я, ведь всё же странно было чувствовать себя так, будто это я даю совет собственной матери, а не наоборот, — что тебе никто не поверил, даже мы с папой. Но... Не знаю, говорила ли ты что-либо Арону, и всё же сказала ли ты хоть что-то папе? «Ты же знаешь, что это не правда, я бы так не поступила». Это до жути банально, но и этих слов было бы достаточно. А ты...

«Ты просто молчала», — именно это захотелось сказать мне, но я запнулась на полуслове. Потому что, оказывается, легче всего обвинять человека в недостатках, которые есть и у тебя самого. Я так злилась из-за всей этой ситуации родителей, так расстраивалась из-за того, что они не могут поговорить. Наверное, отчасти это было связано с тем, что в моих отношениях происходило то же самое. Вместо того, чтобы учиться на ошибках близких, мы, не посвящая в это друг друга, просто наступали на одни и те же грабли по очереди, а потом прятали синяки на своих лбах. А ведь всегда можно было, пусть и завуалировав ситуацию, пусть и подолгу подбирая слова, кратко рассказать друг другу обо всём и... Быть может, прийти к какому-то выводу.

Судя по взгляду Люси, мне не требовалось заканчивать предложение, чтобы она поняла, о чём я. Однако вместо того, чтобы дать какой-либо ответ на мою реплику о ней и отце, она вдруг спросила:

— Наш мальчик тоже откровенностью не блещет, да?

— Не только он, — грустно сказала я. — Это наша общая проблема. Но мы договорились, что через неделю обязательно всё друг другу расскажем. Может вы с папой сделаете то же самое?

Мама улыбнулась.

— Сколько бы взрослых вещей ты не сказала до этого, итог остаётся один. Ты ещё такой ребёнок, Кэтрин. Но это хорошо. Может нам всем иногда стоит становиться детьми, дабы обескураживать всех и вся своей откровенностью?

Я молча смотрела на женщину, которая, заметно расслабившись (если сравнивать с началом нашего разговора), точно так же смотрела на меня.

— Мы поговорим, Кэтрин. Мы и собирались поговорить. Но решиться начать разговор всегда сложнее, чем осознать, что вам действительно нужно о многом поговорить с человеком.

Я кивнула, соглашаясь сразу со всем, что она сказала. И с тем, что им с Робертом нужно как можно скорее поговорить, и с тем, что это всегда очень сложно делать.

У меня появилось ещё достаточно много мыслей на тему того, что всё же лучше и нам с Филом как можно скорее разобраться уже со всем, но мне предстояло сегодня ещё сделать одно полезное для общественности дело, поэтому я решила отложить мыслительный процесс на потом.

Забросив вещи в свою комнату, там же и переодевшись, я, отказавшись от предложенной мамой еды, хоть и проголодалась, поспешила выйти из дому. Я и так изрядно задержалась, поэтому уже, можно сказать, опоздала на первую пару, но немного не туда мне и надо было, поэтому я не особо спешила. Если честно, всё хотелось одёрнуть себя и просто пойти на занятия или домой — в конце концов я никому ничего не обязана.

Уж не знаю, случайность ли это, а может таким образом сама судьба, если представить, что она существует, решила подсказать мне, как именно стоит поступить, но именно в этот момент мне позвонил Рэнди. Я вздохнула, подумав, будто таким образом мне пытаются намекнуть, что кому-то я всё же обязана. Хоть в чём-то...

— Алло, — спокойно произнесла я, желая сперва прощупать почву, а уже потом делать какие-либо выводы.

— Я так понимаю, что ждать тебя и сегодня не стоит? — послышался голос парня, который явно был не на занятиях, так как был слышен шум улицы. А должен был.

— Почему же? Я в пути.

— Правда? — он заметно оживился, вызывая у меня улыбку. — То есть я не зря сейчас отмораживаю себе всё, что можно и нельзя?

— В каком смысле?..

— Поторапливайся. Я жду тебя на улице во дворе университета.

Не успела я ничего сказать, как рыжик положил трубку. Я даже на месте остановилась на некоторое время, поскольку такое его поведение очень сильно мне напоминало кое-кого, чья фамилия начиналась на «Г». Не замечала прежде за Рэнди таких вот выходовок...

Тем не менее, даже лёгкий ступор не давал мне ровным счётом никакого права и дальше стоять на месте, раз уж он решил подождать меня на улице, где до сих пор было совсем уж не тепло.

В этот момент я невольно вспомнила, как мы с Филом попали под дождь, как он приболел. Надо позвонить, проверить, как он. Дурачок же, даже лечиться не станет, если ему не напомнить, а ещё и врачом стать собирается... И всё же я до сих пор думала, что, пожалуй, стоило продлить наши импровизированные каникулы. Необходимо было, но получилось то, что получилось. Быть может, теперь мне стоит его куда-то пригласить?.. Наш отдых вместе с моей семьёй был очень хорошим и запомнился надолго. Раз уж близится

лето, в этот раз стоило бы съездить на море. Но вдвоём. Только нам.

Улыбнувшись из-за собственных мыслей, я ускорила шаг, боясь, что к моему приходу парнишка, ожидающий меня, совсем околет, а по пути продолжала размышлять над тем, как я изменилась. Ещё год назад я и представить себе не могла, что смогу так думать о ком-то. О Филе хотелось заботиться не меньше, чем он заботился обо мне, хотелось узнавать о нём всё больше, ведь до сих пор оставалось то, о чём я и не подозревала. А самое главное — не хотелось думать больше ни о ком.

Никогда не считая себя идеалистом, который верит, что первая любовь становится последней, я сейчас мечтала лишь об этом. Я просто не знала, кто ещё сможет занять такое место в моём сердце, ведь на данный момент всё, связанное с Гардинером, казалось важным. Наше первое совместное фото, сделанное для того, чтобы позлить Фиби, которая в тот момент решила «предъявить свои права на парня». Наша поездка в лагерь. Наша первая прогулка. Первые объятия. Первый поцелуй. Первое свидание. «Семья» для моей Сосисочки. Парные дельфины. Было столько вещей и моментов, которых больше ни с кем не будет, а если и случится нечто схожее, то чувства будут уж точно не те.

Оглядываясь назад, я всё лучше осознаю, что воспоминания идеализируются. Даже первоначальная неприязнь друг к другу теперь кажется мне довольно милой. Все его выходки и издёвки кажутся забавными, а моя реакция — вообще смешной. Воспоминания идеализируются. И оттого становятся ещё ценнее.

Я покачала головой из стороны в сторону, стараясь отогнать от себя все дурацкие и романтические мысли, в который раз весьма навязчиво напоминая себе о Рэнди, который скрывался во дворе университета. Почему скрывался? Потому что найти его оказалось довольно сложно. Я думала, что он будет сидеть где-то на видном месте, но вместо этого парень «спрятался», сидя на лавочке, сокрытой от посторонних глаз всё ещё голыми ветками кустов, высаженных вокруг неё. Странно, обычно это было излюбленное место курильщиков, но рыжик оказался там один. Опустив голову, он играл во что-то на телефоне и был так поглощён этим занятием, что даже не заметил меня.

— Привет, — решила известить его о своём приходе я.

Парень вздрогнул, но потом спокойно посмотрел на меня снизу вверх и, улыбнувшись, поздоровался. Однако вместо того, чтобы улыбнуться ему в ответ, я нахмурилась, после чего аккуратно прикоснулась рукой к его разбитой губе, окружённой синяком, заставив рыжика вздрогнуть ещё раз, и строго спросила:

— Это что ещё такое?

Как ни странно, Рэнди снова улыбнулся и, аккуратно убрав мою руку от своего лица, встал и сказал:

— Это то, о чём я должен с тобой поговорить.

— Говори, — напрягшись, сказала я. Не время для предысторий и всего прочего.

— Твой друг Алекс, — осторожно начал парень, — весьма болтливый. К сожалению, болтливый в дружелюбном плане он с тобой, а когда дело касается меня, это получается примерно так: «Придурок! Ты влип, ты и разбирайся!»

— Чего-чего? — решила уточнить я, так как мой собеседник вдруг замолчал.

— Алекс любезно поделился со мной твоими планами касательно Джона и остальных. Не стоит. Серьёзно говорю: не делай этого. Чьей бы дочкой ты ни была, не ищи проблем на свою голову. Я справлялся раньше, справлюсь и сейчас.

— И это ты называешь «справляться»? — со скепсисом посмотрев на рассечённую губу,

спросила я.

— Именно так я это и называю, — твёрдо ответил Рэнди. — Я не валяюсь избитым посреди дороги, никто из них больше не цепляется ни к кому. Да, это то, что я называю «справляться». Поэтому тебе нет никакой особой нужды лезть во всё это. Хоть раз поступи по-умному, Кэтрин. И просто не лезь.

— По-умному, значит? — нахмурившись, спросила я. — Хочешь сказать, что все мои предыдущие действия были глупыми и опрометчивыми?

— Если честно, то в той или иной степени такими они и были. Но я всё же попрошу: не считай себя никому и ничем обязанной, а просто забудь.

— Просто стоять и смотреть, как издеваются над моим другом, я правильно тебя поняла?

От этих моих слов Рэнди удивлённо посмотрел на меня, на секунду запнувшись. Ещё бы, первый раз за всё время я сказала, что мы друзья. И пусть мы были знакомы не так уж и долго для того, чтобы стать по-настоящему близкими друг другу людьми, назвать парня простым знакомым я уже не могла.

— Есть такие люди, — собравшись, начал рыжик, — которые не должны своим появлением как-либо влиять на жизнь человека. Они могут помогать ему быстрее прийти к каким-либо выводам касательно ситуаций, в которые он должен был попасть, но не имеют права становиться отдельной главой, максимум — страницей. Я именно из таких людей, Кэтрин. Ты не должна думать, что моё случайное появление в твоей жизни должно что-либо значить.

— Никто и никогда не появляется ни в чьей жизни просто так, — возразила я.

— Так и есть, — к моему удивлению, отрицать никто не стал. — И всё же я сомневаюсь, что моей целью было перебросить все свои проблемы на тебя. Это не то, чем нужно делиться.

— Господи, да что же вы все заладили «Проблемы — это не то, чем нужно делиться»?! — всплыв, я повысила голос, заставив Рэнди, удивлённо округлив глаза, сделать шаг назад. — Не всё, поймите же вы, наконец, не всё можно в этом мире сделать одному! Разве один человек сможет трое суток вести машину, направляясь в дальнейшее путешествие, если его ни разу никто не сменит, а остановиться на ночлег он не может себе позволить? Нет! Один человек сможет, будучи прикованным к постели, сам заботиться о себе? Нет! Человек вообще может всю жизнь провести один и не сойти с ума? Нет, конечно! Ему нужен кто-то, способный помочь, кто-то, на кого можно положиться, кто-то, с кем нужно поговорить. Это называется до-ве-рие. Грёбанное доверие! Когда же вы все сможете понять эту простую вещь и перестанете выносить мне мозг?!

Произнеся эту тираду практически на одном дыхании, я почувствовала, что мне катастрофически не хватает воздуха, поэтому, согнувшись в три погибели и упираясь руками в колени, попросила у собеседника немного времени для передышки, прежде чем смогу продолжить раунд.

Вот и высказалась... Да уж, если Рэнди не сбежит прямо сейчас с криком «Сумасшедшая!», можно считать, что мне повезло. Вывалив на него всё это, я вдруг запоздало осознала, что большая часть, собственно, и не к нему относилась... Да и я, если подумать, хороша. Всё то, что я прямо сейчас наговорила, можно с таким же успехом применить и ко мне. Интересно, можно ли, раз уж я всё поняла и осознала, считать мой приступ минуткой здоровой самокритики?.. Или мои вопли под понятие «Здравый» явно не

вписываются?

— Почему мне показалось, что это адресовалось кому-то другому? — подал голос рыжик, когда я, очухавшись, выпрямилась и спокойно посмотрела на него.

— Наверное... Не знаю, — почесав затылок, ответила я, отводя взгляд. — Я правда думаю, что тебе нужно прекратить считать, что пытаться справиться одному — это лучший из вариантов. В то же время я могу то же самое сказать и себе. Тем не менее, ты хотя бы не молчишь. Некоторые не делают и этого...

Я вздохнула. Проблемы, сплошные проблемы, причём такие похожие. Меня посетила мысль, что нужно созвать всех и провести заседание, где нам необходимо выговориться и разобраться уже со всем.

— Фил, я угадал?

— Частично. В семье тоже небольшие несостыковки...

Я несмело посмотрела на Рэнди. Он говорил спокойно и, казалось, не злился. Смею ли я надеяться, что не обидела его?..

— Идея! — неожиданно громко воскликнул парень, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Если я и не достоин отдельной главы, то на выделенной мне страничке могу написать то, что может изменить ход сюжета!

— Что-что? — не поняла я. Ох уж эти метафоры, чтоб их...

— Не поделишься номером своего парня? — вкрадчиво улыбнувшись (я вообще не ожидала, что этот тихий мальчик умеет так улыбаться), он с мольбой в глазах посмотрел мне в глаза.

— Если ты собираешься отбить его у меня, это какой-то слишком резкий поворот сюжета, не находишь? — неуверенно озвучила свои мысли я.

— Дело не в этом, — неожиданно серьёзно сказал парень. — Просто... Раз уж мы друзья, могу же я открыть тебе свою весьма неожиданную сторону и помочь?

— Что же это за сторона? — всё ещё недоверчиво спрашивала я.

— Если дело касается не моих взаимоотношений, то я довольно неплох в подталкивании людей друг к другу. Кто знает, третий, конечно, лишний, но спровоцировать твоего парня на максимально откровенный разговор я всё же могу. Или ещё чем подсобить... В любом случае, если у меня и есть шанс как-либо удивить тебя и помочь, то это он! Других талантов, кроме как доставлять всем неприятности, я не имею, есть только это. Что же? — он вновь с мольбой посмотрел на меня. — Ты только что распиналась о доверии. Сможешь довериться мне?

Было крайне сложно как-либо ответить на это, поскольку, если он ещё не понял этого, Рэнди меня уже удивил. Аудио не соответствует видео — именно так я могла описать данную ситуацию. Неужели тот тихий, предпочитающий не вмешиваться ни во что парень, который только недавно начал отвечать мне предложениями, а не жалкими словосочетаниями, прямо вот сейчас сказал то, что я услышала?

Тем не менее, возражать я не стала. Это странно, потому что я даже от любой помощи Лили отказывалась, а тут вдруг... Наверное, дело было ещё и в том, что где-то в глубине души я уже давно хотела, чтобы Рэнди и Гардинер подружились, а причин для этого всё как-то не было. И поводов тоже. Но почему-то хотелось, чтобы они общались, ведь даже Алексу это удаётся. Время от времени. А ведь для того, чтобы подружиться, нужно, как минимум, пообщаться, что у них получится, если я прямо сейчас подтолкну их, взяв на себя «обязанность» Рэнди. Наверное, именно поэтому, ещё недолго посомневавшись, я таки дала

рыжику номер Фила. Хуже всё равно не будет. Так?..

Я хотела узнать у новоиспечённого друга, как я сама же его и назвала, подробности его коварного плана, раз уж таковой имелся, но мои благие намерения обрубали на корню. Потому что, как только я направилась к зданию университета и задала интересующий меня вопрос, Рэнди сказал:

— Извини, но сегодня я не собирался идти на занятия. Думал, что тебя не будет, и уже отпросился у Стивена. Будет как-то странно, если после этого я заявлюсь, правда?

— Ты просто хочешь прогулять, да? — со скепсисом спросила я, стараясь не обращать внимания на то, что отпросился он только у Стивена, а значит, по идее, только с его пары, а об остальных речи не было, что странно.

— Один раз ведь можно, — виновато улыбнулся парень и, прежде чем я успела что-либо сказать, добавил: — К тому же, не тебе меня судить.

Я, уже собравшаяся было его судить, захлопнула рот. Да уж, сама-то недавно с импровизированных каникул вернулась...

— В таком случае, до встречи и не скучай, — помахав рукой на прощание, сказал парень. — А ещё ты ведь помнишь, чего не должна делать? Ни в коем случае...

— Не буду я ни на кого жаловаться, успокойся, — вздохнув, отвечаю ему, хотя как-то ускользнул от меня тот момент, когда я соглашалась... Кажется, меня опять обвели вокруг пальца. — Вместе придумаем план получше.

— Вот и хорошо, — ответил рыжик, после чего мы наконец-то попрощались.

Поскольку я и так безбожно пропустила большую часть первой пары, идти я туда не спешила, вместо этого решив немного посидеть в вестибюле, согревшись, в кои-то веки перекусив, а заодно и узнав у Гардинера, как тот себя чувствует. Ну, и извиниться ещё раз. Но этому желанию также не суждено было сбыться, поскольку трубку он не взял, а на сообщение не ответил. Поэтому, бурча себе под нос ругательства, всё оставшееся время до перерыва я провела, уплетая купленные шоколадные батончики и сортируя фотографии на своём телефоне. Хорошо, что занялась этим, — учитывая, как любят некоторые недорыжики порой копаться в моих фотографиях, компромата было слишком много.

Впервые в жизни обрадовавшись началу очередного занятия, я, гордо вошедшая в кабинет, была тут же захвачена в плен и усажена рядом с Алексом, который был безумно рад меня видеть. По всей видимости, настолько рад, что даже не обратил внимания, как спихнул с места обескураженную Кэтрин, которой пришлось теперь искать себе место. Как ни странно, он не стал ничего спрашивать. Не было вопросов о том, где я была, почему опоздала, а также поговорила ли я с Рэнди. Были только эмоции (много эмоций), болтовня на протяжении всей пары, замечания от преподавателя и косые взгляды Кэтрин, которой я мысленно пожелала, чтобы под ней стул проломился, поскольку до сих пор была зла на неё за тот случай, но сегодня явно никто не собирался исполнять моих желаний.

Когда занятие, из которого я почерпнула ровным счётом ничего, мысленно дав себе пинка и поклявшись, что с простым просиживанием штанов покончено, закончилось, между прочим, слегка раньше обычного, мы все поспешили на улицу. Оказавшись там и не заметив Гардинера, я с горечью подумала, что он иногда чересчур точен — практически не опаздывает, но ещё и редко приходит пораньше, так что «свободные» десять минут мне придётся ждать его, а ведь и Рэнди, как назло, нет, а Алекс...

Видимо, Кэтрин всё же положила на него глаз, поскольку, стоило парам закончиться, как она практически мёртвой хваткой вцепилась в недорыжика, попросив проводить её. Это

выглядело до жути нелепо, а ещё меня так и подмывало рассказать парню о том, что эта самая милая девушка, коей она всегда старалась перед ним казаться, сделала, но... Я вдруг с ужасом поймала себя на мысли, что, возможно, Кэтрин ему тоже интересна. Мало ли. А то, что она поступила так со мной, не обязательно должно означать, что она совсем уж плохая. Она поступила так же, как все. При этом сама на меня никого не натравила. И... И почему-то я промолчала, позволив без конца извинявшемуся Алексу, который не хотел оставлять меня одну, но девушка настаивала, что ей нужно поторопиться, уйти вместе с ней и остаться одной.

Иногда мою голову посещали мысли о том, что пора бы купить либо другие мозги, либо другую голову, так как в последнее время практически ни одно из принятых мною решений не оказывалось удачным. Возможно, стоило бы настоять, мотивируя это всё нашей дружбой, чтобы Алекс остался со мной. Возможно, стоило попросить Рэнди остаться. Возможно, стоило ответить на предложение Стивена посидеть и подождать в аудитории. И всё же, я этого не сделала.

Продолжая стоять на улице и нервно глядя в телефон, я вдруг почувствовала, как кто-то закрыл мои глаза ладонями. Улыбнувшись, я уж было решила, что Гардинер пришёл пораньше, и быстро обернулась, оказываясь в объятиях, но, увы, не Фила. Мои глаза стали размером с блюдца от удивления, когда я обнаружила, что, едва сдерживая смех, на меня смотрел Джон, позади которого, к моему удивлению, был только один человек.

— Ох, прости, — наигранно расстроенным голосом произнёс парень, крепче прижимая меня к себе, — ты же, наверное, не меня ждала, а я так обломал.

Опомнившись, я попыталась отстраниться, сильно ударив кулаками парня в грудную клетку, но он, пусть и шикнул от боли, всё равно не отпустил, переместив одну руку мне на шею и, сильно сдавив, притянул к себе, на самое ухо сказав:

— Что же тебе на месте-то не сидится? Любое недопонимание можно решить с помощью конструктивного диалога, разве не так в школе учили?

— А с тобой это подействует? — злобно прошипела я, а когда парень сильнее сдавил мою шею, прохрипела: — Да что тебе вообще от меня нужно?!

— Поговорить, Моллиган, да и только, — больше не пытаясь говорить дружелюбно, ответил тот. — Надо же мне выяснить, что именно я сделал не так, если твою голову посетила мысль пожаловаться на меня, не правда ли?

На секунду мне показалось, что я задыхаюсь, однако причиной этому стало даже не стальное «объятие» парня.

— Кто тебе сказал?

— О, я слышу заинтересованность в твоём голосе. Тогда ты согласишься со мной поговорить?

— Кто тебе сказал, что я вообще собиралась это делать? — не обращая внимания на его слова, попыталась защититься я. — Никто ведь никому не пожаловался, так ведь? Я стою здесь, а не в кабинете, где жалуюсь всем подряд. Что бы и кто тебе ни сказал, ты не можешь утверждать, будто я вообще собиралась это делать. Разговор не имеет смысла.

Я услышала, как парень, стоявший позади, тихонько прыснул, а также подумала, что Джон обязан был ухмыльнуться, но не могла сказать наверняка — из-за неудобного положения возможности заглянуть ему в лицо не представлялось.

— О, мой источник, пожалуй, весьма надёжен, к тому же, он утверждал, что делает так, чтобы ты ничего и никому не рассказала, — в голосе парня слышалась явная издёвка. —

Рэнди ведь попросил тебя никому ничего не говорить, не так ли?

Услышав это имя, я на секунду впала в ступор. Да какой ему вообще резон делать это? Бред. Просто очередной бред.

— Он ведь свалил сразу после того, как попросил тебя, да? — продолжал Джон. — Умный мальчик, иначе пришлось бы стоять здесь и пытаться как-то смотреть в твои полные праведного гнева глазки.

— Прекрати нести вздор, — грубо сказала я. — У Рэнди не было никаких причин делать это.

— Причин не было, но у меня есть много способов заставить человека говорить, не имея на то никаких причин, — парень позади нас уже откровенно смеялся, так что блондину пришлось подождать ещё какое-то время, прежде чем он смог спокойно повторить свой вопрос. — Итак, Моллиган, попытка номер два. Поговорим?

===== Глава одиннадцатая =====

Вопрос Джона был из разряда таких, какие обычно хочется игнорировать. Если бы было возможно, будь во мне немного больше сил, я бы просто стояла на месте как вкопанная, не позволяя сдвинуть себя ни на шаг. Однако, как оказалось, моя физическая подготовка не идёт ни в какое сравнение с силой этого парня, и если он хотел, чтобы мы отошли для разговора, то вполне реально мог закинуть меня себе на плечо и унести куда-нибудь подальше.

И всё же я лелеяла надежду, что, прояви немного упрямства, я смогу задержать их здесь, на видном месте, а там и Фил подоспеет. Десять минут, даже меньше. Нужно было просто каким-то образом говорить именно здесь это время.

— Давай-ка отойдём в сторонку, — кажется, парень повторил это второй раз и сейчас в его голосе сквозило нетерпение.

— Если ты хотел просто поговорить, то это можно сделать и здесь, — подала голос я, абсолютно не зная, что же в таких ситуациях следует говорить, благо, не каждый день с таким сталкиваюсь.

— Смешная, — подал голос его друг, имя которого рано или поздно я смогу запомнить. Или не смогу. Не так уж и важно.

— Нет, в принципе, поговорить, — как-то странно выделил это слово Джон, — можно и здесь. Но ведь у нас спектакль с продолжением.

Я нервно сглотнула, продолжая оставаться в тисках парня и лихорадочно соображая, что же делать. И почему никакой преподаватель не может прямо сейчас выйти из университета? Им что, домой не надо?

— Боюсь, что не могу далеко отходить, — подала голос я. — Я жду своего парня. Будет неприятно, если он придёт, а меня на месте не окажется, так ведь?

Парни присвистнули.

— Ух ты, Моллиган, — растягивая гласные, сказал блондин, — так у тебя, оказывается, парень есть? А что же бедняжка Рэнди? Я-то думал, у вас с ним романчик намечается, а ты, оказывается, просто играешь с чувствами бедного мальчика.

Я вздохнула. Не хотелось слышать от них ничего, что было каким-либо образом связано с Рэнди, и не потому, что я поверила в услышанное мной не так давно. Напротив, дело было в том, что я не верила ни единому слову, поэтому слушать их дальше была не намерена.

— Более того, мой парень знаком с моей семьёй. И сегодня забирать меня он будет вместе с папой, — не видя иных вариантов, я решила приукрасить ситуацию. Ведь если было

что-то, чего они могли испугаться, так это вовлечения третьих лиц, особенно взрослых, верно?

— Какая же ты упрямая, — прошипел Джон, однако решительности в его голосе было уже поменьше. В конце концов, он не мог с полной уверенностью утверждать, что я наговорила полный бред. — Ну хорошо, поговорим, — опять выделил он это слово, — здесь.

Он ослабил хватку, так что я не преминула выскочить из его «объятий» как можно скорее, становясь прямо напротив обеих парней. Это напоминало мне правило из неизвестного мультика, когда отец говорил своей дочери, что к чужакам нельзя поворачиваться спиной. Точно так же не хотелось поступать и мне.

— Вот скажи, Моллиган, — с издёвкой в голосе начал Джон, — конкретно тебе мы сильно мешаем? Нет, конечно, были моменты недопонимания, — он по-дурацки хихикнул, — но мы же разошлись с миром. Или лапочку Рэнди тебе жаль?

Я молчала. Конструктивного диалога между нами всё равно не вышло бы, поэтому я не видела ровным счётом никакого смысла отвечать на его вопросы, а блондина это, по всей видимости, несколько не смущало.

— Так этот щеночек сдал тебя со всеми потрохами, хотя мы всего пару раз попинали его, — из-за не сходящей с его лица ухмылки мне самой захотелось врезать ему, но силы были не то что не равны... Они катастрофически отличались в своём уровне. — Так что тебе жаловаться и повода нет.

— Кажется, я уже говорила, что никто жаловаться не собирается, — стараясь, чтобы мой голос звучал увереннее, ответила я. — Какие ещё вопросы?

— О, так ты подумала, что это всё? Нет, мы просто прояснили тот момент, что желания жаловаться у тебя и не возникало. Теперь же нужно закрепить. Чтобы и не возникло.

Не успела я даже никак среагировать на произнесённые парнем слова, как его друг уже очутился рядом и, не делая никаких лишних движений, так ловко подставил мне подножку, больно ударяя по ногам, что я, не удержав равновесия, моментально упала наземь, едва успев выставить вперёд руки, болезненно приложившись к асфальту. Негромко вскрикнув и шикнув от боли, пронзившей ещё и колени, на которые всё же пришёлся основной удар, я неловко присела на землю, попытавшись в свете от уличного фонаря разглядеть урон, нанесённый мне таким вот падением, как из-под меня будто опять выдернули землю.

Почувствовав, как кто-то с силой потянул меня за низ пуховика, я, хоть и сидела, в который раз потеряла равновесие, теперь не успев ни локти вперёд выставить, не сгруппироваться каким-либо образом, отчего ощутимо стукнулась затылком об асфальт, теперь слыша какой-то негромкий звон в голове. Какое-то неопределённое время я не соображала. Нельзя было точно сказать, что и где у меня болит. Я чувствовала себя оглушённой рыбой, чувствительность вернулась только тогда, когда двое парней, подхватив меня под руки, с силой потянули на себя, заставляя принять вертикальное положение.

Это в какой-то степени отрезвило меня. Пару раз качнувшись из стороны в сторону, но не упав из-за того, что те двое поддерживали меня, я наконец-то ощутила, что могу стоять. Заметив это, друг Джона медленно отстранился, а блондин, улыбнувшись, принялся нарочито заметно отряхивать меня, будто я не на асфальт, а в грязь упала.

— Как хорошо, что у нас нет привычки бить девушек, — вдруг сказал он. — Ты такая неуклюжая, что на ровном месте несколько раз об землю приложилась, а что произошло бы, решив мы ещё и ударить тебя?

Скрипнув зубами, я скинула с себя руки, прикосновение которых сейчас было для меня

настолько мерзким, будто по мне ползали трупные черви, отступая на шаг назад.

— И чего вы пытаетесь этим добиться? — прорычала я. — Думаете, попугали меня, так теперь я тихо сидеть буду?

— О, ты будешь, — уверенно заявил Джон. — Мы ведь пока только поговорили, потом и иначе можем поступить.

— И резон вам так делать? — спросила я, не сдержавшись и оглянувшись назад. Фила не было. — Причина ваших действий...

— Её нет, ты мне просто не нравишься, — пожал плечами парень, глядя на меня так, словно это был настолько очевидный вариант, что нужно быть полнейшим идиотом, дабы не догадаться. — И, судя по тому, что ты сейчас стоишь здесь и совершенно одна, то не мне одному.

Он вдруг улыбнулся. Будь это любая другая ситуация, и мысли бы не возникло, что такой человек может так поступать. Джон не выглядел жестоким, даже наоборот — внешне он казался весьма приятным парнем, но внешность обманчива... Эта мысль не давала мне покоя, раз за разом возвращая в момент, когда Рэнди, улыбаясь, предложил свою помощь с Филом.

«Ты только что распиналась о доверии. Сможешь довериться мне?» — кажется, так он сказал?

Я ухмыльнулась. Сложно было понять, что я чувствовала. Непонимание, недоверие, страх, обида, злость — всё это сейчас смешалось в какой-то непонятный сгусток эмоций, из-за чего невозможно было выделить что-то одно. Поэтому я молчала. Будучи не в силах привести в порядок собственные мысли, как же я могла придумать, что сказать? По этой причине, не проронив ни слова, я позволила Джону подойти к себе и, положив руку на моё плечо, произнести:

— Удачи, Моллиган. Будет скучно — мы повеселимся вместе, — и, гаденько посмеиваясь на пару со своим дружкой, уйти.

Я же продолжала стоять на месте. Хотелось опуститься на землю, присесть, перевести дух, но колени болели так, что было трудно согнуть. Хотелось оказаться дома, прижаться к маме с папой и, выплакавшись, уснуть у них на руках, но я была не дома. Хотелось ещё некоторое время побыть одной, чтобы успеть привести в порядок собственные мысли и чувства, но появился Фил.

Услышав, как парень окликнул меня, заметив издали, я вздрогнула. В руке я всё ещё держала телефон, который лишь чудом не выронила и не разбила, так что почему-то первым делом я решила посмотреть на время. Ровно девять. Время окончания занятий. Гардинер пришёл вовремя, это я не смогла продержаться и десяти минут.

Криво усмехнувшись, я была рада хотя бы тому, что слёзы не текут. Как говорится, только этого не хватало для полного счастья. Я даже не знала, как именно сейчас отношусь ко всему этому. С одной стороны, я попадала в передраги и похлеще. Чего уж там, когда Фил подсунул мне флаг, сказав, что я должна пройтись в нём и только в нём по всей школе, я испытала такое унижение, что разрыдалась прямо при своём тогдашнем обидчике. Сейчас никто, кроме тех двоих, не видел меня, никто, кроме них, не смеялся надо мной. В конце концов, когда всё происходило, я даже толком ничего не соображала, чувствовать что-либо по этому поводу начала только сейчас. Отчего же тогда было так мерзко?..

Не дождавшись моего ответа, Фил быстро подошёл ближе, становясь прямо напротив меня. Тут же посмотрев на его лицо, я успела увидеть, как остаток улыбки пропал, так как

парень нахмурился, внимательно оглядывая меня с головы до ног. Он уже хотел было что-то сказать, как я, сама не ожидая от себя, с улыбкой произнесла:

— Ты вовремя.

Глаза Гардинера округлились, будто ему открыли какую-то тайну Вселенной, сама же я, игнорируя боль в разодранной руке, обхватила его локоть, добавив:

— Если позволишь дойти до дома в полной тишине и рассказать всё, когда немного приду в себя, буду безмерно благодарна. Пожалуйста? — последнее слово прозвучало жалко, но в тот момент мне настолько не хотелось обсуждать произошедшее, причём без видимых на то причин, что я готова была проигнорировать это.

Я взглянула в его глаза, которые в слабом освещении в очередной раз казались полностью чёрными, надеясь, что никто не будет из меня ничего выколачивать. Ожидая любого ответа, я не удивилась, а лишь благодарно улыбнулась, когда Фил, не сказав вообще ни слова, молча кивнул, потянув меня за собой в направлении к моему дому.

По пути меня посетило много мыслей. Пожалуй, даже слишком много, поскольку не удалось упомянуть даже половины из всего того, что я передумала за то время, что мы шли. Наверное, оно было и не важно, раз не могу вспомнить. Ну, обычно мама говорила именно так.

Когда мы с парнем наконец-то подошли к моему дому, прежде, чем завести его во двор, я спросила:

— Зайдёшь?

— Ты спрашиваешь так, будто у тебя был шанс избежать разговора, отправив меня восвояси, — ухмыльнувшись, сказал Гардинер, невольно заставляя меня сделать то же самое.

Сказав что-то неопределённое в ответ, я поманила его за собой, приглашая в дом. Однако, стоило оказаться внутри, как я сразу поняла: что-то не так. Глядя на полки для обуви, которые каждый вечер принимали один и тот же вид, изредка изменяясь, если к нам приходили гости, я сейчас смотрела на них и не находила какой-то важной детали. Опустившись на колени, я, под удивлённым взглядом шатена, явно непонимающего, что происходит, принялась рыскать по полкам, пытаюсь понять, чего не хватает и что не так, хотя на первый взгляд всё было как обычно. Но чего-то же не хватало.

И когда до меня наконец-то дошло, я, ничего не объясняя, вскочила с места и поспешила в гостиную, принявшись звать маму. Но на первом этаже её не оказалось, а на мои крики Люси не отзывалась. И я уж было решила, что каким-то неведомым образом она выбралась из дома, ведь её-то обувь стояла на месте, как вдруг увидела женщину, которая, застёгивая последние пуговицы своей тёплой кофты, спускалась вниз по лестнице. Выражение её лица было нечитаемым, однако было что-то в её взгляде... Что-то, что я обязательно смогла бы разгадать, если бы меня не волновала другая вещь.

— Мам, почему папа ещё не вернулся? — выкрикнула я, опасаясь, что она так и не откликнется, а просто возьмёт и уйдёт, поскольку, проигнорировав не менее шокированного, а может даже и больше, чем я, Гардинера, подошла к вешалке с верхней одеждой, стягивая тёплое пальто. Я, не теряя времени, продолжала засыпать её вопросами: — Он уехал в командировку? Но разве он должен был? Почему на полке с обувью на том месте, где уже должны стоять его туфли, до сих пор тапочки?

Это и было той вещью, которая тут же показалась мне странной. Стоило сказать это, как мама и Фил, словно по команде, взглянули на злополучную полку. В нашей семье было заведено: утром, обуваясь, мы ставили тапочки на то место, где до этого стояла обувь, в

которой вышли на улицу. По возвращении же, ставя её обратно на полку, мы забирали свои тапочки и продолжали ходить в них по дому, что тут же давало остальным возможность понять, кто уже дома. И вот Роберта дома не было. Именно это тут же показалось мне неправильным.

Глубоко вздохнув, Люси, всё ещё не смотря на меня, сказала:

— Он не пришёл. Позвонил и сказал, что задержится на работе, утверждая, будто дел у него на всю ночь. Но ты сама знаешь, что такого просто не бывает! Даже когда компании грозило разорение, а мы рисковали остаться без дома, переехав на улицу, Роберт всё равно возвращался в дом, чтобы спокойно поспать хотя бы несколько часов! И именно сейчас этот человек пытается убедить меня, что действительно будет работать всю ночь?! Ну уж нет, я... — Люси вдруг запнулась, так как наконец-то посмотрела на меня.

Поначалу я сама не поняла, что именно её так шокировало, потому как настолько сильно была поглощена мыслями о папе, что забыла о своём внешнем виде. Несколько раз моргнув, я, вдруг осознав, что сама ещё не видела себя при нормальном освещении, решила посмотреть на свои руки и колени. И если последние были ещё ничего, разве что джинсы испачкались, но даже не порвались, то обе руки были поцарапаны, а одна, на которую пришёлся чуть более сильный удар, была рассечена так, словно я на стекло упала. К счастью, рана не выглядела очень большой и кровь уже хоть немного запеклась, иначе паники со стороны Люси было бы не избежать.

— Спокойно, — примирительно подняв вверх руки, однако достаточно быстро осознав, что это было весьма опрометчиво с моей стороны, и тут же спрятав их, сказала я. — Я у нас кто? Человек-косяк. Что входит в мои обязанности? Спотыкаться, падать и ранить себя. Ничего нового и ничего серьёзного, не волнуйся. Фил поможет мне обработать раны.

Гардинер, не ожидавший такого поворота событий, а также того, что моя мама тут же обернётся к нему, требовательно глядя в глаза, сконфуженно улыбнулся и, стараясь, по всей видимости, выглядеть не растерянным, что так или иначе плохо у него получалось, сказал:

— Да, помогу. Всегда хотел. Поступление в медицинский. Практика, — он кивнул, подтверждая свои слова и дожидаясь, пока женщина наконец-то отвернётся от него, после чего убийственно посмотрел на меня.

Если и был такой человек, рядом с которым шатену было сложно подбирать слова, так это моя мама, хотя я не знала причин этому. Сам же Фил называл это «Аурой убийцы». Ему всё казалось, что при любом неправильном его движении или слове Люси испепелит его, что странно. Потому что, когда общались, у них были достаточно неплохие отношения и даже диалоги нормальными получались...

Люси вздохнула, в очередной раз осматривая меня с головы до ног, и сказала:

— Раздевайся, я могу и сама всё обработать. К тому же, надо сперва промыть раны, вдруг...

— Мам, всё правда нормально, мы и сами справимся, — постаралась заверить её я, поскольку другая проблема волновала меня куда больше, нежели мои ранки. — Ты собиралась за папой, да?

— Именно за ним я и собиралась, — женщина нахмурилась. — Ишь, чего удумал! Четвёртый десяток близится, а он до сих пор, как ребёнок, бегаёт от меня, стоит заявить, что нам необходимо поговорить! Если ты не знала, Кэтрин, то у меня всегда было два ребёнка: ты и твой папочка. И, знаешь, порой я сомневаюсь, кто старше.

Я усмехнулась, когда она ненадолго замолчала, чтобы перевести дух. Я правда не знала,

что она так думает о папе. Для меня он всю жизнь был взрослым человеком, мама же осталась одной из немногих, кто знал его совершенно с другой стороны — примерно в том возрасте, в котором сейчас мы с Филом. Поэтому весьма логично было предположить, что её мнение в корне отличается от моего, и всё же это не переставало быть странным.

— В любом случае, — подала голос Люси, — пора уже покончить с этим. Если дело дошло до побега из дома, значит с ребёнком определённо не всё в порядке. Нам надо поговорить. Даже если он не на работе, я подамся в сыщики, буду отслеживать его кредитные карточки и найду, в каком отеле он остановился, предварительно обзвонив всех родственников и узнав, не ночует ли он сегодня у них. Пусть за уши, но я приволоку твоего отца домой, Кэтрин. И больше не буду допускать такого.

В этот момент мне захотелось и смеяться, и плакать одновременно, что уже пахло психическим расстройством, но я всё ещё никак не могла решить, чего хотелось больше, поэтому стояла с, по всей видимости, каменным выражением лица. Это застало маму врасплох, поэтому, повинувшись какому-то неведомому инстинкту, она подошла ко мне и аккуратно, будто боясь причинить боль, обняла меня, тихонько прошептав:

— Прости меня, что пришлось пережить такое, малышка. Меньше всего на свете я хотела, чтобы мой ребёнок проходил через такое. Я виновата, я же всё и исправлю. Если я не в силах опровергнуть слухи, я могу попытаться хотя бы заставить твоего отца поверить, что всё у нас хорошо. Ты отпускаешь меня? Или нужно побыть с тобой? Я же вижу, что что-то не так. И хочу остаться.

По какой-то причине не отвечая на её объятия, я покачала головой из стороны в сторону и, отстранившись, сказала:

— За мной есть, кому присмотреть, мам. Иди к папе и верни его сюда.

Как-то странно посмотрев на меня, Люси с явной неохотой кивнула. Если со стороны моё поведение могло показаться актом доброты и понимания к родителям, то нет. Я была, буду и есть эгоистка, по всей видимости, до мозга костей. Потому что сейчас я мечтала, чтобы она поскорее ушла и поскорее вернулась с отцом. Тогда я смогла бы сделать то, что захотела уже достаточно давно: обнять их и заснуть в такой позе, чтобы они успокаивали меня и жалели.

Попрощавшись с мамой, я с каким-то странным чувством осознала, что Фил всё ещё здесь, и это я его пригласила. Сама. И то ли я такая непостоянная, то ли ещё что, но в один миг мне захотелось, чтобы он ушёл. Внезапно захотелось забиться в ванную и посидеть там в углу в полном одиночестве, чтобы никто не трогал и никто ни о чём не спрашивал. Гардинер выжидающе посмотрел на меня. Я почему-то отвела взгляд.

— Можешь идти, я сама справлюсь, — на удивление ровно произнесла я тоном, не терпящим возражений. — Извини, что пришлось постоять здесь и послушать всё это, к тому же, я сама тебя позвала...

— Уже прогоняешь? — усмехнувшись, спросил парень. — Болеющего человека выгонишь ночью на морозный воздух?

Отодвинув подальше обувь (я и не заметила, как он разулся), парень, не дождавшись ответа, прошёл мимо меня, оказываясь в гостиной, после чего, обернувшись, спросил:

— Ты так и будешь там стоять? Твой же дом, проходи.

— Вот именно, мой дом, — сказала я, при этом мой голос показался настолько холодным, что самой страшно становилось. — В моём доме я хочу и могу побыть одна, так что, будь добр...

Закончить мне не дали, так как Гардинер, игнорируя абсолютно все мои слова, вдруг в несколько шагов приблизился ко мне и, нежно прикоснувшись к плечам, аккуратно притянул к себе, устраивая одну свою руку на моём затылке, а другую — на талии. Он не держал меня крепко, в любой момент я могла вырваться, однако стояла на месте.

— Отпусти, — попросила я, не желая вырваться и доводить дело до ссоры. — Ты знаешь, что я не люблю, когда меня трогают, если я злюсь.

— Ты злишься? — спросил шатен, принявшись поглаживать меня по голове, что успокаивало.

Я вздохнула. Как и прежде, всё ещё трудно было разобраться в своих чувствах, которых до сих пор было слишком много, поэтому я не могла выделить основное. Злилась ли я? Да, я злилась. Я злилась на то, что сейчас начала сомневаться во всём и вся. Меня не должны были трогать слова Джона, но трогали, поэтому злость постепенно перерастала в бешенство. Но при этом я не могла не признать, что была и напугана произошедшим. Ещё я была растеряна. Ещё внутри теплилась надежда, что у родителей всё может наладиться. Было слишком много всего для одного раза.

Чуть позже появилось ещё какое-то чувство. Оно было неясным и пока что едва различимым на фоне всех остальных, но каким-то странным образом заглушало всё остальное, оставляя после себя несколько странный, но приятный осадок. И что-то подсказывало мне, что дарили мне его объятия Гардинера.

— Да, я злюсь, — сказала я. — И прежде всего на себя, потому что отреагировала на это гораздо острее, чем должна была.

— Расскажешь, что «Это»? — спросил парень, всё ещё не отстраняясь от меня и поглаживая голову, мягко перебирая волосы, вызывая мурашки на спине своими действиями.

На какое-то время я задумалась. Рассказать всё означало вылить на него всё и сразу гораздо раньше назначенного срока — недели. Также это означало, что придётся рассказать и о Рэнди... А насчёт него я не была уверена. Что касается меня, то я не поверила ни одному слову Джона касательно того, что именно он взял и рассказал обо всём. Но ладно я, ведь мы с рыжиком хотя бы общались, но Фил... Я не была уверена в том, как он отреагирует, да и неправильно это как-то.

— Если начну сейчас, то через неделю нам не о чем будет говорить, — сказала я.

— Будет, — вдруг ответили мне. — Всегда останется и моя история.

— Но план...

— Не все разговоры должны быть запланированы. Иногда нужно просто рассказать, когда того требует ситуация. Ты ведь хочешь рассказать, правда? К тому же, — он отстранился и, взяв одну мою руку в свои, рассматривая засохшую рану, сказал: — Это — не то, что я могу просто проигнорировать и позволить тебе рассказать через неделю.

Проследив за его взглядом, я тоже посмотрела на свою рану. Да, не мешало бы промыть её, прежде чем обрабатывать...

— Хорошо, — на выдохе произнесла я. — Только тогда я вывалю на тебя всё, абсолютно всё. То, что собиралась рассказать через неделю, я расскажу тебе сегодня. Потому что не знаю, хватит ли мне духу повторить это ещё раз. Я слишком легко нахожу поводы, чтобы молчать.

Фил кивнул, а потом потянул меня за собой в ванную, чтобы промыть увечья. Предварительно переодевшись у себя в комнате и обнаружив, что одно колено у меня было здорово ушиблено, а второе — разодрано, я лишь вздохнула, пожелав, дабы это всё зажило.

как можно скорее. Даже если теплеть будет не скоро и мало кто увидит это под слоем верхней одежды, осознание того, что колени у меня выглядят так, будто я по горам лазала, не внушало радости.

Этот разговор определённо был не таким, как я планировала. Прежде всего, наверное, потому, что действительно был внезапным. Мы не сели, как я себе представляла, за стол и, глядя друг другу в глаза, не принялись разговаривать. Прямо в ванной Гардинер попросил начать, потому я просто говорила и говорила, где придётся. Я говорила, сидя на краю ванной, когда парень промывал мои колени и вытирал их после полотенцем. Говорила, когда по лестнице он вёл меня на кухню, так как аптечка у нас была не где-либо, а там. Говорила, сидя уже в гостиной на диване, пока шатен мазал мои руки и ноги и даже дул на ранки, если я вскрикивала от того, что их щипало.

И если в первый раз я сдерживалась, то теперь выпалила действительно всё, что могла. Коль ему в общих чертах было известно о ситуации моих родителей, об этом говорилось не так много. Большая часть была посвящена моим рассказам о курсах. О Рэнди, о Джоне, с настоящей причиной, по которой я решила прервать нашу поездку, а также о сегодняшнем инциденте. Слушая последнюю часть, парень заметно напрягся, однако опасалась я не того, что он решит наломать дров, а того, что так реагирует он на Рэнди. Не могла понять, почему мне так упрямо не хотелось верить в его причастность к этому, но я всё ещё оправдывала его.

— Даже после того, как всё действительно прямым текстом указывает, что это должен быть он, ты продолжаешь думать, будто Рэнди не виноват? — спросил Гардинер, когда я озвучила свои мысли касательно парня.

— Я не знаю, — честно сказала я. — Мне сложно что-либо сказать, потому как всё действительно идеально складывается, но именно это в то же время и настораживает больше всего. Я не знаю, что думать, поэтому просто хочу послушать Рэнди. В конце концов, Джон не сказал, что Рэнди просто рассказал, он сказал, что знает, как можно заставить того говорить. Если он и сдал меня... Я хочу верить, что у него действительно была причина.

Я замолчала. Сидя напротив меня, какое-то время Фил молчал, будто обдумывая услышанное. Я внутренне напряглась. Во-первых, не знала я, чего от него ждать. Это был и будет чересчур непредсказуемый для меня человек. Во-вторых, всё ещё было то, что я хотела сказать ему, но не успела.

— Это всё? — словно прочитав мои мысли, спросил парень. — Или есть что-то ещё?

— Зависит от того, что ты собираешься мне сказать, услышав всё это.

На секунду Фил задумался, однако почти сразу же ответил:

— Спасибо. Это я собирался тебе сказать.

Эта фраза заставила меня несколько раз удивлённо моргнуть, так как этот ответ был... Немного не тем, чего я ожидала.

— Спасибо, что наконец-то рассказала, — добавил Гардинер, воспользовавшись ступором с моей стороны. — И хотя сейчас мне хочется треснуть тебя по голове за то, что молчала всё это время, я всё равно благодарен. Но тебе действительно стоило сделать это раньше, а не превращать в тайны мадридского двора.

И тут мне показалось, будто внутри меня что-то лопнуло. Что-то, до сих пор державшее меня в каком-то неопределённом состоянии, будто я сидела на тонкой жёрдочке над пропастью, рискуя в любой момент потерять равновесие и полететь вниз. Повинуясь какому-то нелепому и мне самой непонятному порыву, я, игнорируя боль, пронзившую колени, резво подпрыгнула прямо на диване поближе к Филу, заключая его в крепкие, едва ли не

удушающие объятия.

Охнув и машинально обняв меня в ответ, парень вдруг потерял равновесие, рухнув на спину, головой ударяясь о быльце дивана и едва удерживая нас обоих от падения на пол. Я же, не обратив практически никакого внимания на данный конфуз, уткнулась носом ему в грудь, неловко обнимая за талию и чувствуя, как слёзы потекли из глаз и теперь стекали прямо на его серый джемпер. Подтянув меня к себе так, что носом я теперь уткнулась в его шею, а мои руки пытались совершить манёвр в попытке обнять лежавшего парня за грудную клетку, Фил, пристроив свои руки на моих плечах, спросил:

— Ты чего вдруг? — и, видимо, почувствовав мои слёзы уже на своей шее, добавил: — А расплакалась-то почему?

— Не знаю! — рывкнула я, а после всхлипнула и попыталась, немного успокоившись, уже более спокойным тоном произнести: — Не знаю. Я просто так долго держала это в себе, представляя твою реакцию, что... Чёрт, — я ругнулась, не в силах сдержать очередной всхлип, заставлявший меня чувствовать себя ещё более жалкой. — Всё это время я думала, как тебе сказать, а главное — нужно ли тебе это знать. Ты прав. Люди — идиоты, а я в первой сотне. Потому что мне так хотелось тебе всё рассказать, но по какой-то причине я находила так много поводов, чтобы не делать этого. А ещё... Ещё я до жути боялась, что мы отдалились, а впоследствии отдалимся ещё больше, и я просто не успею сказать тебе всё, что хотела. Как бы банально это ни звучало, я не хочу, чтобы мы отдалялись, — я вдруг почувствовала, как его руки переместились с плеч на мои скулы, заставляя поднять лицо, но не придавала этому особого значения, продолжая. — Не хочу, чтобы мы расставались, потому что совершенно не представляю, как буду без тебя. Мой день начинается с того, что я думаю: а что бы тебе сказать? Заканчивается тем, что я вспоминаю все слова за прошедшие сутки и думаю, что бы добавить к ним завтра. Только тебе мне не хочется врезать, когда ты трогаешь меня, если я злюсь. И именно ты расстраиваешь меня сильнее всех, потому что с тобой меньше всего хочется ссориться, и именно нашим примирениям я радуюсь больше всего. Потому что...

Я вдруг вздрогнула и замолчала, когда Фил прикоснулся большим пальцем своей правой руки к моей щеке, плавно переместив его на губы, несильно нажав на них и заставив замолчать. Попытавшись приподняться на локтях, я вскоре отбросила это намерение в сторону, так как боялась сделать парню больно. Он же, тем временем, чересчур ловко отмахивая падавшие на его лицо пряди моих волос, провёл пальцем вдоль нижней губы, отчего я почувствовала солоноватый привкус собственных слёз. Продолжая повторять это движение, Гардинер негромко сказал:

— Наверное, это самое длинное и запоминающееся признание, которое мне доводилось слышать за всю жизнь.

Произнеся это, он ухмыльнулся, отчего я, с трудом изображая недовольство, так же тихо ответила:

— Дурак. Кто сказал, что это признание?

— Оно самое, — продолжая ухмыляться, он переместил руку на мой затылок, притягивая к себе, и уже в самые губы прошептал: — И не смей отрицать. А ещё я надеюсь, что мысли о расставании больше не посетят твою голову. Хотя бы в ближайшее время.

В принципе, не слишком сильно мне и хотелось отрицать, это было скорее из вредности, потому что я сама понимала: мои слова являлись ничем иным, как признанием. Но ведь именно этого я и хотела. Слишком долго я молчала и толком не могла высказать то,

что казалось бы сильные «Я люблю тебя» попросту не могли передать, так как были не настолько всеобъемлющими. Вот только, как обычно, меня слегка занесло, поэтому Фил решил остановить меня в своей собственной манере, попутно добавляя мне толику уверенности касательно наших отношений, однако я не могла сказать, что мне это не нравилось.

Когда наши губы соприкоснулись, я не смогла сдержать вздох облегчения, заставив Фила на секунду в непонимании отстраниться. Казалось, целая вечность прошла с того момента, как он в последний раз меня обнял и поцеловал, поэтому сейчас было всё мало. И то, что он отстранился, мне отнюдь не понравилось, поэтому я уже самостоятельно потянулась к нему, требуя продолжить, что вызвало у Гардинера лишь улыбку, которую скрыть он не смог, хотя, наверное, и не пытался.

То, что мы определённо слишком долго не целовались, стало ясно гораздо отчётливее, когда шатен сильнее прижал меня к себе, а потом, прикусив мою нижнюю губу, углубил поцелуй, ненадолго заставляя меня в удивлении распахнуть давно закрытые глаза. Мне всё ещё было интересно, как с моими-то скудными навыками он смог достичь такого уровня (даже если речь не об игре, это не мешало мне), и это наводило на вполне логичные выводы, что тренировались явно не со мной. Подумав об этом, я случайно стиснула зубы, заставив парня вздрогнуть и издать какой-то непонятный и не классифицируемый звук, отчего я тут же отпрянула и испуганно прошептала:

— Извини. Тебе больно?

— Ты как всегда вовремя, блин.

— А? — только и хватило меня, прежде чем парень, предложив мне заткнуться, вновь притянул к себе.

Первые две секунды, наверное, я была в лёгком ступоре, но потом уже сама усмехнулась, позволив Филу целовать себя. С кем бы он не тренировался, все его умения сейчас достаются мне, что не может не льстить. К тому же, всегда оставался вариант, что это я брёвнышко, вот он на фоне и кажется таким умелым. О, а ещё мне не с чем сравнивать было. А ещё...

Так уж получилось, что я запнулась на собственной мысли, когда ощущения от поцелуя выбили её из моей головы. Это было... Не так, как обычно. Смущало всё: наша поза; то, что я случайно стучалась зубами о зубы Фила, делая очередное неловкое движение (никак не могла исправить это, будучи в лежачем положении); а ещё и то, что это продолжалось настолько долго, что в один момент перестало хватать дыхания. В тот момент уши будто заложило — ничего не было слышно, ничего не чувствовалось, кроме, разве что, какого-то покалывания в губах.

Тяжело дыша, я отстранилась от Фила, нависая над ним, и помутневшим взглядом рассматривая его покрасневшие чуть приоткрытые губы. Руки парня, словно потеряв всякую силу, соскользнули с моих плеч на диван, отчего он лежал подо мной ровно, будто я застала его врасплох, а он невинная жертва. И если кто-либо из нас и собирался что-то сказать, возможности больше не представлялось.

— А я говорил тебе, что вернуться сюда было плохой идеей, — послышался негромкий голос моего отца со стороны прихожей. — Нужно было послушать меня и найти другое место для ночёвки. Или всё же сходить в тот ресторанчик.

Сглотнув подкативший к горлу комок, я медленно повернула голову в сторону, откуда доносился голос, и встретила взглядом с покрасневшей и открывшей рот от удивления

мамой. Она стояла, не переставая учащённо моргать, и явно была в шоке. Роберт тоже не выглядел довольным, но дар речи у него, во всяком случае, не пропал.

— Фил, солнышко, тебе там как, удобно? — воспользовавшись воцарившимся в комнате молчанием, спросил мой папа у парня, вздрогнувшего, едва услышал своё имя.

Посмотрев на Гардинера, я увидела, как он закусил губу и, прокашлявшись, закрыл глаза, как-то обречённо сказав единственное слово:

— Нормально.

— Уверен, что не хочешь выползти из-под Кэтрин и поздороваться? — с явной издёвкой спросил мужчина, пока я медленно, но уверенно краснела. Фил не краснел, но ему явно было очень и очень неловко.

— Не думаю, что готов сейчас встретиться с вами лицом к лицу, — немного тише, чем в прошлый раз, но уже слегка увереннее ответил шатен.

— Вот как, — выдал Роберт, после чего, обнимая Люси за плечи, добавил: — Идём, дорогая, наверх. Не будем смущать молодёжь.

— Но... — слабо попыталась возразить она, однако ей не дали этого сделать.

— Успеем, дорогая. Фил сейчас пойдёт домой, мы сделаем вид, что не заметили его. А потом вдруг подумаем, что самое время поговорить с нашей доченькой о некоторых весьма важных вещах. Ты к тому моменту как раз снова говорить научишься. Согласна?

Ничего не ответив, женщина только кивнула и позволила увести себя куда подальше от нас. Всё ещё тяжело дыша и чувствуя небывалое смущение, я перевела взгляд на Фила, который лежал с закрытыми глазами и обречённым видом.

— Фил...

— Молчи. Я пытаюсь справиться с ощущением собственной никчёмности.

— Тебе неловко? — задала я, пожалуй, самый глупый вопрос, но спросить ничего другого больше не смогла.

— Нет, я эксгибиционист и сейчас ощутил небывалое удовольствие и мечтаю попробовать ещё раз, — со слишком явным сарказмом в голосе произнёс он и, наконец открыв глаза, окинул меня ничего не выражающим взглядом, добавив: — Ты действительно можешь слезть с меня.

Охнув, я соскочила с дивана, приземляясь на пол, отчего охнула ещё раз. Покачав головой, Гардинер встал с дивана, а потом помог подняться и мне. Всё это происходило молча. Я проводила его до самого выхода, а прямо перед его уходом сказала:

— Вот ты злишься, но это же не тебе сейчас лекцию выслушивать.

В ответ на эти слова он как-то нервно рассмеялся и сказал:

— Мне не выслушивать? О, ты не знаешь, как твоему отцу нравится звонить посреди ночи и делиться своими мыслями. Но, знаешь, почему-то сейчас меня уже не так волнует то, что твои родители всё увидели.

— Он названивает тебе по ночам? — удивлённо спросила я, проигнорировав последнее предложение.

— Бывает, — ответил Фил, а после, лукаво посмотрев наверх, добавил: — Можешь сама у него спросить, как только он спустится. А я пошёл.

Прежде, чем я успела обернуться, он коротко поцеловал меня в губы, а после выскользнул на улицу, оставляя меня стоять и непонимающе смотреть на уже закрывшуюся за ним дверь. Послышался звук шагов на лестнице, благодаря чему я смогла убедиться в своей догадке, что отец всё же стоял там и был замечен парнем, но почему-то не

повернулась в его сторону вплоть до того момента, как он подошёл ко мне.

— Нынешняя молодёжь такая напористая и наглая, совсем страха не знают, — сказал Роберт, останавливаясь рядом со мной и зачем-то глядя на закрытую дверь так же, как и я. — Хоть бери и учись у них, как личную жизнь устраивать.

Я кивнула, не в силах отвести взгляд от воображаемой точки, на которую уставилась, что послужило поводом для вздоха со стороны отца.

— Нет, ну хоть бы вид сделала, что сожалеешь! — воскликнул он, неожиданно вцепившись пальцами в мою щёку и больно оттягивая её, отчего я вскрикнула и, стоило ему отпустить, прижалась руками к теперь болевшему месту, застонав от боли.

— Мне жаль, правда! — почти прохныкала я. — Но, в конце концов, ничего противозаконного мы не сделали!

— Ещё бы вы сделали, — сказал мужчина таким тоном, словно в этом предложении было скрыто обещание выкинуть нас в окно в случае чего-то подобного. Однако в следующую секунду его тон смягчился. — Ты ведь сейчас слегка в нирване, поэтому говорить тебе что-либо в данный момент бесполезно, правда?

Я с надеждой воззрилась на него, в очередной раз заставляя мужчину вздохнуть.

— Иди уже спать. Завтра поговорим. Но даже не думай, что тебе удастся избежать этого разговора, милочка. Я даже защищать тебя не буду. В родительском доме, прямо посреди гостиной, подумать только...

Потерев пальцами переносицу, Роберт, продолжая тихонько сетовать, направился было в ту самую злополучную гостиную, но тут я поняла, что мне жизненно необходимо кое-что у него спросить.

— Пап, — позвала я, заставив его остановиться и выжидающе посмотреть на меня. — Всё ведь уже хорошо, правда? И я больше не буду приходить домой и внезапно обнаруживать твои тапки в коридоре, тогда как они должны быть на тебе?

Поначалу он нахмурился, вероятно, не сразу сообразив, о чём речь, но в следующий миг улыбнулся и сказал:

— Нет. Теперь мои тапочки всегда будут по вечерам на своём хозяине, поэтому у вас с Филом больше не будет возможности повторить ваш опыт в гостиной, — он хохотнул. — А сейчас беги в свою комнату и постарайся не попасться на глаза своей матери, иначе на этом будет поставлена точка в жизни Кэтрин Моллиган.

Не выдержав, я, прежде чем побежать вверх, скрываясь от праведного гнева собственной мамы, подбежала к отцу и, крепко обняв его, поцеловала в щёку, попросив рассказать как-нибудь, как же они всё же помирились.

Уже оказавшись в своей комнате, я, переполненная непонятно откуда взявшимся счастьем, запрыгнула на кровать, распластавшись на ней в форме звёздочки, с трудом сдерживая себя от радостных воплей. Хотелось вопить, кричать всем о том, что что-то в моей жизни, да налаживается, но вместо этого я лишь схватила многострадальную Сосисочку и, прижав её к своему рту, пыталась изливать бессвязные крики радости, заглушая их ею. Хотелось позвонить Лили, хотелось позвонить Дженни, Майку, Генри, Алексу... Почему-то даже захотелось взять и набрать номер Рэнди.

Что там оставшиеся проблемы, когда я наконец-то почувствовала себя свободно? Ни от кого я больше ничего не скрываю, родители наконец-то перестали скрывать всё от меня, а ещё совсем немного — и всё расскажет Гардинер. Жизнь налаживается! Разве нет?

Думая об этом, ночью я так и не смогла нормально поспать, лишь изредка проваливаясь

в полудрёму, никак не похожую на нормальный сон. Однако даже это не помешало мне утром чувствовать себя неописуемо прекрасно. Позавтракав, попутно выслушав много не самых приятных слов от мамы, я не могла сдержать улыбку. Мы сидели всей семьёй за одним столом, завтракали и разговаривали, как раньше. Роберт больше не выглядел задумчивым, он был нормальным, а мама то и дело ругала его, если какая-то капля вдруг попадала мимо его рта. Всё было так, как обычно. Всё было так, как должно быть.

Испортить настроение мне не смогла даже новость о внезапной репетиции, которая была назначена из-за того, что слишком много людей не явилось на предыдущие. Я была настолько воодушевлена, что даже с радостью согласилась репетировать столь отвратные мне моменты, когда нам с Майком нужно было разыгрывать подобие романтических ситуаций. Подобием это было хотя бы потому, что его персонаж всё время то за руку меня пытался взять, то ещё что-то, а я лишь скакала туда-сюда по сцене, намереваясь очутиться как можно дальше от него. Поскольку репетировать все сразу не могли, когда прорабатывались наши сценки, все остальные участники сидели и смотрели в ожидании своей очереди. Под конец кто-то не выдержал и отпустил какую-то шутку в наш адрес, из-за чего все засмеялись, а моё настроение стало ещё лучше, хотя казалось, лучше и быть не может.

Когда на сцену поднялась Лили для того, чтобы прорепетировать свой монолог, мы с Майком, весело переговариваясь, спустились вниз, никак не в силах отлипнуть друг от друга. Наверное, у него тоже было хорошее настроение, что с обычно серьёзным брюнетом случалось достаточно редко, но он отвечал на все мои шутки и смеялись мы вместе. Причиной для смеха могло быть всё, что угодно, мы продолжали смеяться, сами не понимая, почему же смеёмся, из-за чего Сью несколько раз покрикивала на нас, призывая к тишине, однако это не сильно помогало.

Остановиться мы смогли лишь тогда, когда, отойдя немного в сторону, дабы не мешать Лили, красноречивых взглядов которой я почему-то не заметила или же по какой-то причине не придавала им значения, мы посмеивались в уголке, а мимо нас прошёл Гардинер. Он шёл не спеша, ему ведь некуда было торопиться, и потягивал яблочный сок из пластмассовой бутылочки, а, поравнявшись с нами, негромко сказал практически мне на ухо:

— Бесите. Самую малость.

Глаза Майка, стоявшего напротив меня, округлились, после чего он непонимающе посмотрел на Фила, который в тот момент был за моей спиной. Однако, встретившись с ним взглядом, брюнет неожиданно понимающе кивнул и улыбнулся, а потом, сославшись на срочные дела, ретировался. С сожалением глядя вслед моему непривычно весёлому собеседнику, я, быстро развернувшись к Филу, спросила:

— Ну и что это было?

— Что именно? — как ни в чём не бывало спросил тот, делая глоток сока.

— Твоё «Бесите», — напомнила я. — И чем же мы тебе так мешали?

— О, дай-ка подумать. Может быть тем, что смеялись громче, чем Лили роль проговаривала?

— Всё было не настолько плохо.

— Нет, настолько.

— Даже если и так, тебе-то что не понравилось?

— Бесит. Вот и всё.

Скрестив руки на груди, я внимательно посмотрела на парня, лицо которого оставалось до невозможного непроницаемым. Вот и как ему удаётся выглядеть таким спокойным, говоря такие обидные вещи?..

Стоп. Обида. Внезапная догадка, посетившая мою голову, показалась такой заманчивой, что я не выдержала и ухмыльнулась.

— О, так тебе неприятно, да? — с издёвкой протянула я, однако всё, чего мне удалось добиться, так это лишь того, что шатен в ожидании склонил голову набок, таким образом показывая, что ждёт продолжения. А я и не преминула продолжить. — Неужели ты приревновал?

Лицо Гардинера непроизвольно вытянулось, а глаза округлились, словно он действительно не ожидал такого вопроса с моей стороны, что несколько пошатнуло мою уверенность в своих догадках, а последующие слова разбили её в пух и в прах.

— Да был бы повод, — ответил он, причём в его тоне действительно не было ничего такого, кроме искреннего удивления, что стало причиной внезапного исчезновения моей радости. И в кого он такой самоуверенный? Повода у него, видите ли, нет... — Ты бы лучше не о моей ревности думала, а о том человеке, у которого она может реально появиться.

Удивлённо посмотрев на Фила, я увидела, как он кивком головы указывает мне куда-то за мою спину. Обернувшись, я заметила Лили, которая в данный момент сосредоточенно проговаривала выученные заранее реплики, но тут вдруг память подбросила один из её взглядов, когда мы с Майком, никого не замечая вокруг, едва ли не держась за ручки спустились со сцены.

— Стыдно должно быть, — подлил масла в огонь Гардинер, в очередной раз делая глоток из бутылки.

Будучи взвинченной, я, как-то слишком быстро позабыв обо всём хорошем, что пережила за прошлый вечер, скрипнула зубами и сказала:

— Стыдно мне было вчера, когда кое-кто позорно сбежал и оставил меня разбираться со всем одну.

— Эй, ты стрелки-то не переводы, — нахмурившись, сказал Фил, после чего, повертев перед моими глазами полупустой бутылкой сока, добавил: — У меня в руках опасное оружие.

— Это ты про сок? — со скепсисом произнесла я, уперев руки в бока. — Такое опасное, ужас просто.

— А спорим, ты никогда не мыла голову яблочным соком? — издевательски улыбнувшись, произнёс парень, поднимая руку с «оружием» и угрожающе приблизив её к моей голове.

Издав непонятный звук, я попыталась перехватить вражескую бутылку, но в следующий миг он поднял её так высоко, что я, даже привстав на носочки, не могла дотянуться.

— Ты слишком низкая, чтобы тягаться со мной в этом, — с усмешкой произнёс Гардинер, не без удовольствия наблюдая за моими жалкими попытками дотянуться до бутылки, хотя я мысленно начала задаваться вопросом, на кой чёрт мне вообще она теперь нужна, раз никто выливать содержимое на мою голову больше не собирается.

— Мой рост — сто семьдесят три сантиметра, это выше среднего! — обиженно пробурчала я, всё ещё безуспешно стараясь отобрать у него сок.

— Твоё «Выше среднего» всё ещё где-то на пятнадцать сантиметров ниже моего роста, — со смехом заключил шатен. — Молочка в детстве надо было больше пить.

— Знаешь, — на выдохе произнесла я, наконец-то оставив всякие попытки дотянуться до того, до чего невозможно было дотянуться, не рискуя при этом пролить содержимое на нас обоих, — я думаю, что было бы несколько печально, будь я твоего роста. Сам подумай: вот стоит мне надеть каблуки...

— И смотреться мы будем так же, как ты рядом с Эйтаном в былые времена, — закончил за меня шатен. — Знаем, проходили.

Я обиженно нахмурилась, но так ничего и не ответила, так как Гардинер внезапно сказал:

— Быть может, сможешь своей подруге подступиться к моему непутёвому другу? Мне уже больно на это смотреть.

Обернувшись и проследив за его взглядом, я увидела, что моя подруга, оказывается, уже закончила со своей частью и теперь, пока Сью раздавала поручения новичкам в нашей команде, о которых я толком ничего и не знала, стояла в нескольких шагах от Майка рядом с Дженни, то и дело поглядывая на парня, который ни о чём не подозревал и спокойно разговаривал с Генри, а уж он под пытливым взглядом моей подруги явно чувствовал себя не в своей тарелке. Нахмурившись из-за сложившейся ситуации, я принялась думать, как бы ненавязчиво соединить эти две компании, и уже хотела попросить помощи у своего парня, но в этот момент, назло мне, у него зазвонил телефон, оповещая о пришедшем сообщении (уж этот звук я выучила, когда прокололась на нашем отдыхе).

Обернувшись, я увидела, что Фил принялся читать его, но, по всей видимости, так и не успел сделать этого, так как вдогонку пришло ещё одно сообщение, напоминая мне о ситуации, произошедшей в Лавенхеме. Вздохнув, парень перевёл взгляд с телефона на меня и сказал:

— Ты иди, я сейчас отвечу и подтянусь.

Неуверенно кивнув, я развернулась, после чего неуверенно последовала к подругам, на ходу придумывая, как бы всё же соединить две разделившиеся компании, а также навязчиво отгоняя от себя мысли о том, кто бы мог писать Филу.

Прекрасно помня о подобной ситуации, я всё же никак не могла отделаться от ощущения, что это мог бы быть Рэнди, из-за чего где-то в груди появлялось странное чувство. Я была рада, что сегодня нет занятий на курсах, и не рада одновременно. С одной стороны, не увижусь ни с кем, кто отравляет мою жизнь. С другой... Я не могла увидеться и с Рэнди, с которым мне просто необходимо было поговорить, а позвонить ему почему-то не решалась. И это я ещё не учитывала мысли, что Гардинеру мог писать странные сообщения кто-то другой, а кто — я, конечно же, не знала.

POV Фил

Стоило Кэтрин, с подозрением посмотрев на меня, наконец-то направиться в сторону наших друзей, как я, несколько воровато оглянувшись по сторонам, словно мне есть, что скрывать, сделал несколько шагов в противоположную ей сторону, вновь заглядывая в экран телефона.

Сколько бы раз ни менял номера, Коди знает, что я всё равно догадаюсь, если мне пишет он. Это было немного трудно поначалу, но вскоре я с лёгкостью научился выуживать его сообщения из потока тех, что мне приходили с разных номеров.

Во-первых, вопиющая безграмотность. Как парень, который помогал делать мне домашнюю работу, мог теперь писать хуже первоклашки, мне оставалось только догадываться. Во-вторых, странное построение предложений, которые, ввиду отсутствия

чего-то, хотя бы отдалённо напоминающего пунктуацию, мне приходилось перечитывать по нескольку раз, дабы вникнуть в суть. Да, теперь я с лёгкостью мог понять, когда мне пишет именно Коди, а не мои неприятели, считающие, что меня действительно как-либо задевает текст их сообщений.

Впервые получив сообщение от Коди, я удивился и, конечно же, не поверил своим глазам, когда увидел его имя, приписанное в конце того бреда, который можно было назвать мыслями. Если постараться. Сложно было не удивиться, потому как ответов на вопросы «Где он взял телефон?» и «Откуда у него вообще мой номер?» первое время не было.

Вскоре всё пояснила Салли, которая при следующем моём визите первым делом сказала, что мой номер Коди дала она, когда тот попросил у врача телефон. Никому не показалось плохим решение больного, отказывавшегося от личных встреч, идти хоть на какой-то контакт с единственным человеком, который его навещал, а также мог помочь хотя бы частично вернуться в социум, что являлось целью всех тех, кто его лечил. Выполнимой или же нет — другой вопрос.

Поначалу сообщения были безобидными. Хотя бы потому, что это были не совсем согласованные и банальные предложения вроде: «Ты не приходил раньше теперь будешь». Даже если там и не было никаких знаков препинания, всё равно можно было примерно понять, о чём он меня спрашивал. Хотя частенько приходилось задумываться — он всё же спрашивает или утверждает.

Сообщения всегда приходили с разных номеров — по всей видимости, Коди отсылал их с того мобильного, который ему одолжили, однажды весьма странное сообщение пришло и от Салли. Если честно, до сих пор я ни разу не ответил ему, потому как не был уверен, что же стоит написать. К тому же, что-то подсказывало мне, что мой странный собеседник и не ждёт ответа, тут же возвращая телефон тому, у кого его одолжил. Это действительно было странно — получать от него сообщения и слышать отказ на просьбу повидаться.

Однако то, что я получил сегодня, заставило меня в удивлении уставиться на экран, по нескольку раз перечитывая одно и то же слово, которое было единственным, что парень смог написать. Конечно, вдогонку он отправил мне мало что прояснившее «?!!»), но на него я не обратил внимания, так как, отойдя в сторонку, ещё несколько раз перечитал предыдущее сообщение.

«Приходи».

Значит, если я правильно понял, Коди, несколько месяцев упорно отрицающий сам факт моего существования и то, что я навещал его минимум раз в неделю (поэтому его желание писать мне, собственно, и вызывало недоумение), вдруг сам взял и написал мне, чтобы я пришёл? Это было... забавно. Да, именно забавно, потому что, стоило мне представить, какими именно словами Салли пришлось уговаривать его наконец-то встретиться со мной, улыбка невольно появлялась на лице. Да уж, кто бы знал, что, однажды столкнувшись с девушкой в одном из коридоров больницы и разговорившись с ней, теперь я обрету человека, готового помочь мне в этом весьма непростом деле.

И только я собрался было набрать Салли, дабы удостовериться, что у меня не начались галлюцинации на почве нервного истощения, а также поблагодарить за всё, ежели всё действительно так, как оно кажется на первый взгляд, кто-то решил мне позвонить. Номер опять был незнакомым, поэтому на секунду мне даже подумалось, будто это Коди решил мне вдруг позвонить, хотя задним умом понимал: делать ему это нет никаких причин и смысла.

Тем не менее, трубку я взял. Никогда не считал свой голос слишком грубым и тем более

устрашающим, однако что-то в моём «Алло», по всей видимости, настолько напугало потенциального собеседника, что на том конце послышалось сдавленное «Ох», а после раздались какие-то непонятные звуки, похожие на шуршание. Обычно в таких ситуациях я тут же завершаю разговор, однако что-то заставило меня всё же ещё раз повторить столь страшное и пугающее «Алло», заставив собеседника, по крайней мере, перестать шуметь.

— Фил? — послышался мужской голос из трубки. Принадлежал он явно не Коди, однако было в нём что-то до жути знакомое...

— Он самый, — ответил я, прислонившись спиной к стене у выхода из актового зала, принявшись наблюдать уже за Майком и Генри, которых выгнали на сцену репетировать. Выход ребят сопровождался печальным взглядом Лили, недовольным взглядом Кэтрин, а сам я удостоился испепеляющего взгляда Сью, потому как пропускал свою очередь, наверное, раз в третий. Улыбнувшись и помахав ей рукой, заставляя недовольно фыркнуть и отвернуться от меня, я как-то чересчур дружелюбно спросил: — И кто интересуется?

Наверное, это хорошо, что последняя фраза прозвучала весьма дружелюбно, позволив собеседнику расслабиться и спокойно произнести:

— Это я, Рэнди. Кэтрин наверняка говорила, что я должен звонить.

Улыбка пропала с моего лица. Рэнди, значит? Нет, в принципе, это хорошо. Я ещё после вчерашнего рассказа Кэтрин намеревался с ним поговорить, однако всё думал, как бы найти подходящую возможность, удобный случай, как скрыть всё от своей девушки... А тут на тебе, сам позвонил. Как ты вовремя, голубчик.

— О, она рассказывала, да, — растягивая гласные, протянул я, подбирая слова. — И о чём ты хочешь поговорить?

В голову лезли не самые приятные и цензурные выражения, которыми я мог бы с ним поделиться, но не с места же в карьер. К тому же, по какой-то непонятной причине Кэтрин продолжала ему верить, да и если бы он на самом деле был последним негодяем, звонок, который, вполне вероятно, был лишь предлогом, чтобы поскорее уйти, не имел бы смысла. Если только он не решил покаяться или, напротив, устроить мне встречу с теми весёлыми людьми, которые ранили девушку.

— Если честно, сам до конца не знаю, поэтому... Мы могли бы встретиться?

Да уж. Кажется, когда Кэтрин рассказывала, что с общением у него действительно есть проблемы, она не врала и ничуть не преувеличивала. Да ни один нормальный человек не согласился бы встретиться с ним хотя бы потому, что эта просьба звучит, как минимум, подозрительно, особенно если учесть, в каких мы с ним отношениях. Точнее, что мы ни в каких отношениях. Нормальный человек точно не согласился бы. А я сказал:

— Ладно, считай, что договорились. Тебе когда удобнее?

Обсудив время и место, мы договорились встретиться сегодня, когда закончится репетиция, поскольку занятий на курсах в этот день не предвиделось. Увидеться мы должны были возле его школы, так как таким образом я мог убить одним ударом сразу двух зайцев. Кажется, Кэтрин что-то говорила о том, что Джон (если его, конечно, именно так зовут, а не я забыл и неосознанно дал ему имя самого раздражающего меня на данный момент человека) и его компания — одноклассники Рэнди. Если они, конечно, посещают занятия исправно, сегодняшняя встреча могла стать весьма любопытной.

Вздыхнув, я с некоей горечью подумал о том, что сегодня лучше было бы всё же сразу пойти к Коди, пока он не передумал, но... Разобраться с ситуацией Кэтрин я решил сразу, как только она мне обо всём рассказала, поэтому не мог игнорировать представившуюся мне

возможность, а быть в двух местах одновременно я не мог. Именно поэтому, рискуя быть убитым кровожадными руками Сью, которая порой была слишком похожа на собственных учеников, я всё же позвонил Салли, попросив её всеми правдами и неправдами сделать так, чтобы Коди оставался верным своему решению в ближайшие двое суток. Как бы я ни хотел сорваться к нему прямо сейчас, дел всё ещё было как-то слишком много.

Одним из них стала репетиция, на которой учительница решила спросить с меня по полной как за пропуски, так и за то, что большую часть времени нагло отлынивал, а потому муштровала меня, меня и ещё раз меня до самого конца, заставив возненавидеть театр и всё, что с ним связано, пожалуй, до конца дней. Ей-Богу, такими темпами, если кто-то из моих детей вдруг решит стать актёром, он же силком своего отца на выступление не затащит!

Кстати, об отцах и им подобных. Стоило репетиции завершиться, как я, с горем пополам убедив Кэтрин в том, что у меня ещё действительно есть дела, а потому мой поход к ней домой и, несомненно, долгий разговор с Робертом вынуждены подождать, под её тяжёлым, пристальным и полным недоверия (и чем только заслужил такое?) взглядом направился по своим делам. Точнее — к школе Рэнди, которая располагалась достаточно далеко от нашей, ведь находилась в совершенно другом районе, поэтому, в виду отсутствия сегодня моего мотоцикла, пришлось воспользоваться услугами такси. Оттуда я решил позвонить Эллиоту, дабы узнать, как там мама, ведь звонить ей напрямую мне было запрещено, однако единственный, с кем мне удалось поговорить, это голос, извещающий о том, что аппарат абонента выключен. Диалог не удался.

Вздыхнув и несколько раз намеренно стукнувшись головой о подголовник заднего сиденья, тем самым привлекая весьма нездоровый интерес со стороны водителя, я таким образом попытался отогнать от себя все ненужные мысли. Проблемы, как по мне, всегда являлись чем-то странным и нелогичным. Их либо какое-то время нет, либо раз навалются, так все и сразу, так что не успеваешь как следует сосредоточиться на чём-то одном. Пытаясь решить их все, я только ещё больше запутывал и себя, и окружающих, поэтому решил воспользоваться советом, который дал мне Роберт в тот день, когда я спрашивал у него разрешение на поездку в Лавенхем с Кэтрин. Не стоит пытаться разобраться абсолютно со всем — всё равно не получится. Лучше решать всё постепенно, пусть и долго, но освобождая свою жизнь от того, чего в ней быть не должно.

Решив, что это действительно лучший вариант, к тому моменту, как доехал до школы этого Рэнди, я уже успел успокоиться и таксист, наверное, не подумал, что я окончательно сошёл с ума. Во всяком случае, мне хотелось верить, что это правда.

Выйдя из машины, я усмехнулся. Да уж, даже если школа, в которой я учусь, и не была самой престижной в городе, она определённо отличалась от остальных школ, которые были похожи одна на другую, как две капли воды. Эта, к примеру, была практически точной копией той, в которой я учился ещё тогда, когда мы жили вместе с отцом и матерью. Казалось, что даже трещины на ступеньках расположены на тех же местах, пусть здесь недавно и был сделан косметический ремонт.

Оказавшись на улице, первым делом я решил позвонить. Легче, чем искать Рэнди здесь среди сотен школьников, которые, проходя мимо, смотрели на меня так, словно я зверёк, сбежавший из зоопарка и совершенно случайно забредший на их территорию, было позвонить ему и попросить подойти к выходу из школьного двора.

Выполнив этот простой пункт из списка дел, которые мне предстояло сделать в ближайшие минут двадцать, я, к счастью, ожидал парня недолго. Уже через пять минут

заметив рыжую макушку, явно выделяющуюся на фоне практически одноцветных шапок и волос менее ярких оттенков, я направился ему на встречу. Стоило подойти ближе, как я едва сдержался, чтобы не нахмуриться. Кажется, Кэтрин говорила о том, что у него рассечена губа? А о том, что есть ещё синяк под глазом и странного рода царапины на щеке, будто он лицом об асфальт тёрся, она решила умолчать или вчера их ещё не было?

— Привет, — достаточно спокойно поздоровался парень, будто его и не волновал его внешний вид. Как же ему не повезло, что сегодня у меня достаточно хорошее настроение, чтобы позволить себе быть любопытным.

Кивнув ему в знак приветствия, я сделал вид, будто только сейчас заметил все увечья на его лице, и произнёс:

— Шикарно выглядишь.

Рэнди скривился, в следующую секунду зашипев от боли. Да уж, по себе знаю — если тебе подбили лицо, излишняя эмоциональность может быть весьма болезненной.

— Кто твоим стилистом был? — беспечно спросил я, воспользовавшись тем, что он промолчал. Что же, если из него выколачивали информацию таким способом, пожалуй, где-то в глубине души я мог бы и попытаться понять причину его поступка.

— Это не важно, — угрюмо проговорил парень и уже было собирался сказать что-то ещё, но я не дал ему такой возможности.

— Это важно, поскольку ты мог попросить кого-то помочь тебе вместо того, чтобы обеспечить вам с Кэтрин парные увечья.

Глаза рыжеволосого округлились, после чего он непонимающе посмотрел на меня. Это оставляло весьма двоякое впечатление, так как подобная реакция имела место быть, если он не ожидал, что Кэтрин тут же расскажет мне. Или же если понятия не имел, что его могут сдать.

— Вот сейчас я, кажется, чего-то не понял, — настороженно и, по всей видимости, аккуратно подбирая слова, протянул он. — Кэтрин... Что?

Я вздохнул. Никогда не отличался особым терпением, да и сейчас не очень-то и хотелось стоять и раскладывать для него всё по полочкам, однако что-то не позволяло мне сорваться раньше времени. Именно поэтому, вздохнув ещё раз — для верности, как говорится, — я медленно, как учитель начальных классов растолковывает материал маленьким деткам, принялся пересказывать ему события вчерашнего вечера со слов Кэтрин. По лицу Рэнди сказать можно было многое, однако я предпочитал не считывать эмоции, а сосредоточиться на рассказе и реакции, которая последует по окончании.

Стоило закончить, как я наконец-то внимательно посмотрел на парня, который, нахмурившись, смотрел в одну точку, по всей видимости, обдумывая только что услышанное. То ли день такой был, то ли ещё что-то, но его реакция показалась мне забавной. Что-то слишком много всего мне казалось забавным сегодня.

— Итак, — решил я прервать воцарившееся молчание. — И что ты имеешь сказать? Только учти, что тут, как в суде, всё, что вы скажете, может быть использовано против вас.

— Но мне нечего сказать, — парень посмотрел на меня так, будто я и сам, идиот такой, должен был понять, что ему нечего, блин, сказать.

Клянусь, если бы последствий было меньше, я бы уже вспылал. И как Кэтрин вообще с ним общается? Да тут такое чувство, будто я со стеной разговариваю.

— И в каком смысле «ничего»? — предпринял ещё одну попытку я, мысленно призывая себя самого к спокойствию.

— В прямом. Если я начну говорить, что это не я, ты не поверишь и решишь, будто я оправдываюсь. Но это правда не я, поэтому мне сложно что-либо прокомментировать. А Кэтрин... Кэтрин хоть в порядке?

— Да в порядке, что с ней будет? — потеряв виски, устало произнёс я. Как её парню, мне следовало бы больше беспокоиться, однако этот разговор начал меня изрядно раздражать. Предполагалось, что выяснять обстоятельства буду я, а оправдываться будет Рэнди, однако каким-то образом этот человек повернул всё так, что я выгляжу дураком, пришедшим для расправы без суда и следствия. Ситуация требовала исправления. — Хорошо, давай представим, что я тебе поверил...

— Представим? — со скепсисом произнёс парень.

— Именно представим. Допустим, ты не виноват. Тогда кто ещё мог рассказать об этом, раз Кэтрин вляпалась в такую ситуацию?

— Знали только я, она и Алекс, — спокойно произнёс рыжеволосый и, будто сам хотел вырыть себе могилу, добавил: — Но именно Алекс был тем, кто попросил её вернуться, а потом просил меня сделать так, чтобы она ни во что не ввязывалась. Да и он терпеть Джона с его придурками не может, а они сами к нему и не лезут, так что... Вероятность мала.

Он, конечно, молодец, что оправдал Алекса, которого я бы и подозревать не стал, поскольку он скорее сам кого угодно разукрасит так, как разукрасили Рэнди, чем позволит, чтобы это случилось с Кэтрин. Даже если меня и не радовало осознание этого, стоило признать, что это факт. Всё ещё оставался Рэнди. Или Кэтрин каким-либо образом сама всем обо всём разболтала, что маловероятно. Легче не стало.

— Ты понимаешь, что алиби у тебя никакое? — постаравшись, чтобы в моём голосе не звучало ничего, хотя бы отдалённо напоминающего обвинение, спросил я.

— Понимаю, — всё с тем же раздражающим спокойствием ответили мне. — Но мне действительно нечего добавить. Ты можешь или поверить мне, или врезать ещё раз, если до сих пор считаешь, что это я. Мне нечем доказать свою правоту. Равно как и тебе нечего сказать кроме того, что ты знаешь со слов Джона. А это, как показывает практика, не самый надёжный источник.

В этот момент меня посетило какое-то странное чувство того, что я буду неправ в любом случае. Терпеть не могу неоднозначные ситуации. Если бы он начал отпираться, принять решение было бы и того легче, так нет же.

Ситуации, в которых не знаешь, как поступить, лучше игнорировать. Именно так и решил поступить я, поэтому, справедливо решив, что выяснение отношений с этим парнем может и подождать, я задал вопрос, который пока что мог волновать меня больше остальных.

— Ладно, поступим по-другому. Где Джон?

Рэнди подозрительно сощурил глаза, с недоверием глядя на меня.

— И зачем тебе?

— Да так, поговорить.

— Просто поговорить или есть какой-то план?

— О, мой план отличается тем, что плана нет. Оценить ситуацию, поглядев на того парня, тоже было бы неплохо.

По всей видимости, у него сложилось мнение, будто я, без разбору махая кулаками, кинусь на толпу его друзей, которые точно будут с ним, один, желая разобраться во всём самостоятельно... Это было бы, пожалуй, весьма благородно с моей стороны, но несколько

глупо. Если мне хотелось проучить Джона, то делать это лучше было один на один. Говорят, частные уроки лучше запоминаются.

— В любом случае, сегодня его нет. Он не пришёл.

— Если он не посещает школу, почему же так послушно ходит на занятия в университет? — спросил я.

— Одному ему это известно, — пожал плечами, ответил Рэнди. — Но я знаю, где он может быть.

— Вот даже как, — я ухмыльнулся. — Покажешь?

— И что ты будешь делать? — не отставал от меня парень. — Если и найдём его, он наверняка будет не один. Не лучшее время для выяснения отношений, если рядом с тобой никого не будет.

— А как же ты? — сделав вид, будто удивлён, спрашиваю его. Нет, я всё ещё не собирался идти в бой, но почему-то захотелось немного побесить Рэнди. Не только же ему меня раздражать. — Разве ты не поможешь мне? Заодно, раз не виноват, объяснишь ему, что обманывать не хорошо. Можешь даже взять с собой своего друга, чем нас больше — тем лучше.

— Не думаю, что среди моих друзей есть те, кто с радостью согласится ввязаться в драку, — ответили мне.

— Неужели за столько лет в школе так и не нажил?

— А сам-то?

— У меня один художник, другой спортсмен с кодексом чести, где запрещается применять свою силу в уличных драках. Боюсь, от них будет мало толку. Разве что если брызнем в противника краской и убежим, пока он ничего не понял.

По непонятной причине рыжеволосый коротко хохотнул, отводя взгляд и закусывая нижнюю губу, будто показывая, что ничего не было, а мне показалось. Я решил ему подыграть, сделав вид, словно действительно ничего не заметил, а он тем временем спросил:

— Тогда зачем он тебе?

— Оценка противника — крайне важная составляющая. К тому же, в отличие от вас, я единственный, кто не видел его в лицо. Для начала и просто внешность узнать было бы неплохо.

— И что ты собираешься делать потом?

— А потом... — я собирался было сказать, что придумаю со временем, но внезапно проскользнувшая в моём мозгу идея вдруг показалась настолько заманчивой, что я, не сдержав улыбки, сказал: — А потом мне понадобится твоя помощь и, если у тебя есть время, было бы неплохо, послушай ты моё предложение.

В ответ на мою улыбку ухмыльнулся и Рэнди, однако прежде, чем согласиться, не преминул спросить:

— То есть ты уже думаешь, что я не виноват?

— Нет, я думаю, что если виноват, то получишь на пару с Джоном, а пока можем и сотрудничать.

Даже если моя фраза и не была воодушевляющей, её хватило для того, чтобы парень согласился. Был он виноват или не был — выяснить это точно можно было лишь если я попрошу его помощи. Убивая таким образом сразу двух зайцев, я, пусть и чувствовал, что действительно легче было бы просто пнуть того парня пару раз, всё же не мог отказать себе в удовольствии применить меньше насилия, решая всё... Как он там выразился? Решая всё

конструктивным диалогом, ничуть не уступающим тому, который состоялся между ним и Кэтрин.

===== Глава двенадцатая =====

POV Кэтрин

Последние несколько дней я могла бы описать лишь одним словом — сумятица. Другого подобрать мой мозг был не в силах, поскольку не так давно я начала вообще сомневаться в наличии у меня данного органа. Когда-то он точно был, но из-за последних событий, наверное, умер.

Оказывается, повседневная рутина имеет свойство поглощать человека с огромной скоростью, не оставляя ему и шанса подумать о чём-либо, кроме того, что ему нужно сделать ещё то, это, вот это и желательно не забыть это, а ещё вон то. Конечно, большинство моих дел так или иначе были связаны с постановкой, которую мы готовили в школе, ведь Сью то и дело вносила кое-какие коррективы в сценарий, после чего злилась, если мы не успевали выучить свои слова к следующей репетиции, постоянно напоминая, что времени осталось не так много. Мы и сами знали, но ничего поделать не могли, ведь внезапно все начали как-то слишком остро ощущать приближение экзаменов.

Так или иначе, на какое-то время я смогла выкинуть из головы все тревожившие меня до сих пор мысли. Возвращаясь домой полностью уставшей, я не могла заставить себя в душ сходить, не то что думать о чём-то более или менее важном. Однако время шло, неумолимо приближаясь к тому дню, когда мне необходимо было вновь идти на курсы.

Тысячу, нет, наверное, миллион раз я хотела позвонить Рэнди. Не обязательно было встречаться — достаточно было просто поговорить, однако то ли я действительно была настолько занята, то ли дела стали слишком удобной отмазкой для того, чтобы ему не звонить и не разговаривать. Ведь сам парень тоже не торопился выходить со мной на связь. Поначалу это угнетало и наводило не на самые приятные мысли, но чуть позже я вспомнила, что и до этого мы переписывались, по сути, только во время занятий в университете шутки ради, а созванивались лишь пару раз. Страннее было бы, если б он вдруг решил мне позвонить, а сейчас всё, в принципе, было так, как обычно.

И поскольку на какое-то время мне удалось забыть обо всём, что произошло на курсах, я абсолютно не знала, что же мне стоит делать, когда шла на очередное занятие в университет. В голове было много мыслей по этому поводу, но всё зависело также от реакции Рэнди, которую я предугадать, как ни старалась, не могла. Вздохнув, я решила пустить всё на самотёк. Если же окажется, что парень и правда виноват в том, что произошло... Так тому и быть. Я приму это. Как бы ни было сложно, я просто приму это, потому что изменить ничего всё равно уже нельзя. К тому же, слишком много проблем было в последнее время, а так хотелось уже забыть обо всём этом, не заикливаться, а спокойно пережить наступивший в моей жизни не совсем лёгкий период...

Я так переживала, как пройдёт наша встреча с Рэнди. Можно уговаривать себя миллион раз, будто всё в порядке, но волнение никуда не денется. Чувствуя какое-то неприятное покалывание в области груди, когда я вошла в аудиторию, где должно было проходить занятие, огляделась по сторонам. Алекс, уже сидевший там и занявший для меня место, заметив, что я пришла, тут же ослепительно улыбнулся и, приветливо махнув рукой, подозвал к себе. Порадовавшись тому, что рядом с ним не было Кэтрин, на которую у меня скоро начнётся аллергия, я не без сожаления отметила, что рыжик тоже не пришёл.

Поначалу мне показалось, что он опаздывает. Потом он не пришёл на первую пару, на вторую тоже. Я бы не беспокоилась так сильно, если бы не одна маленькая деталь. Джона тоже не было. Не всех его дружков, а только Джона. Это напрягало, а плохое предчувствие, появившееся чуть ли не с самого начала занятий, говорило, что это всё неспроста. И когда беспокойство уже достигло своего апогея, а я сама превратилась в клубок нервов, на помощь пришёл Алекс. Ничего не говоря, он просто положил прямо передо мной конфетку вместе с запиской.

Одарив парня удивлённым взглядом, я сперва взяла в руки листок бумаги и, стараясь не привлекать к себе внимание преподавателя, аккуратно развернула его, чтобы прочитать написанное.

«Не хмурься — морщинки появятся. А ещё не беспокойся так сильно. Всё будет хорошо».

В который раз удивлённо взглянув на парня, я, наклонившись ближе к нему, прошептала:

— Почему ты так уверен?

— Просто знаю, — ухмыльнувшись, ответил тот. — Я чувствую перемену климата. И она сулит тебе тёплую и ясную погоду.

Я и была бы рада спросить у него, что это вообще значит, но после встретилась взглядом с преподавателем, который без слов дал понять, что у меня и так не самая лучшая репутация, а потому следует помалкивать. Сконфуженно улыбнувшись, я принялась воссоздавать вид бурной деятельности, попутно прожевав конфетку, подаренную Алексом, про себя отметив, что шоколад действительно является потрясающим антидепрессантом. Пусть и ненадолго, но я успокоилась. Думаю, должный эффект возымели ещё и слова парня, но главное, как говорится, результат.

По окончании занятий я получила сообщение от Гардинера. Слегка удивившись этому, ведь мы вроде, как и обычно, договорились, что в то же время он придёт для того, чтобы встретить меня, я поспешила прочитать его.

«Сегодня я жду тебя возле второго выхода из университета. На случай топографического кретинизма — тебе надо пересечь холл, пройти прямо по коридору и повернуть налево — к металлической двери. Я верю, что ты потратишь меньше пятнадцати минут и свернёшь не туда не более трёх раз!»

— Что это он удумал? — тихо задала себе под нос вопрос я, невольно улыбнувшись.

Я бы соврала, сказав, что после того разговора наши с Филом отношения не изменились. Всё ещё чувствовалась некоторая недосказанность с его стороны, но её достаточно легко можно было простить, памятуя, что до нашего с ним разговора остался всего-навсего один день. А ещё... Ещё появилась некая осторожность — пожалуй, это самое подходящее слово, — чувствовавшаяся в его действиях по отношению ко мне. Кто знает, быть может, я просто слишком много всего себе нафантазировала, но даже в облике фантазий мне это нравилось.

Говоря о временах года в наших с ним отношениях, теперь мы, опережая все сроки, минуя апрель и май, близились к лету. Не жаркому и выматывающему, а тёплому и уютному. Такому, когда хочется выйти и погреться на солнышке, вдохнуть свежий воздух полной грудью и насладиться происходящим. Мне нравилось, что даже спустя столь долгое время, которое мы с Гардинером вместе, постоянно происходит что-то новое, нравилась эта непредсказуемость. Желать чего-то большего было бы весьма эгоистично с моей стороны,

поэтому я и не думала о подобном. Никто ведь не просит лето из тёплого стать теплее, а из яркого ярче? Все наслаждаются и теплом, и яркостью просто так, надеясь, что такое продлится дольше.

Улыбнувшись теперь из-за собственных мыслей, я попрощалась с Алексом, а на его вопрос, почему мне резко понадобилось идти на другой вход, сказала, что Фил попросил подойти туда.

— О, сюрприз решил устроить? — как-то чересчур довольно протянул недорыжик, а после кивнул, словно одобряя действия Гардинера. — Правильно. Ведь всегда есть риск, что в один прекрасный день тебя кто-то уведёт.

— Я не вижу рядом с собой ни одного достаточно привлекательного для этого кандидата, — намеренно задевая достаточно самолюбивого парня, ответила я.

Алекс нахмурился, после чего, недовольно втянув носом воздух, на выдохе проговорил:

— А вот сейчас обидно было. Но совсем немного.

— Немного? — со скепсисом спросила я.

— Да. У тебя ужасный вкус. Я, как узнал, что ты встречаешься с Гардинером, — он поёжился и скривился. — Ух. Аж передёрнуло. Ты определённо не разбираешься в парнях.

— Меня радует, что у тебя такой отличный вкус на парней, — не скрывая язвительности в своём голосе, ответила я.

— Туше, — подмигнув, сказал Алекс, а после, обняв на прощание, добавил: — Ладно, я побежал. В отличие от тебя, вечно хранящей верность одному человеку, сегодня у меня намечается встреча с кем-то новым и интересным.

Помахав мне рукой на прощание, парень, получив такой же ответный жест от меня, направился по своим делам, а я же, следуя указаниям Гардинера, направилась ко второму входу университета. Как-то запоздало я подумала о том, что его осведомлённость в местонахождении этого места была сама по себе странной. Что-то я не припомню момента, когда устраивала ему экскурсию по зданию. Или я чего-то не знаю?

Помотав головой из стороны в сторону, отгоняя от себя неподходящие и столь неуместные сейчас мысли, я без помех добралась до металлической двери, которая, в отличие от парадной, казалась какой-то бедной и невзрачной. Создавалось ощущение, словно ей давно никто не пользовался, а также что она может быть вообще заперта. Однако, когда она с лёгкостью поддавалась, стоило мне толкнуть её, и даже не скрипнула, все сомнения отпали.

Мстительно подумав о том, что я справилась гораздо лучше и быстрее, чем Фил вообще мог предположить, я раздумывала, как с гордостью сообщу ему об этом. Выйдя на улицу, я уже представила себе его выражение лица, когда он увидит меня, как вдруг столкнулась с кем-то.

Чудом удержав равновесие, но всё же отойдя назад на шаг, из-за чего отпустила дверь, и она захлопнулась с громким и противным звуком, я немного затравленно посмотрела на человека, в которого врезалась. Шкаф. Именно это слово первым возникло в моей голове, так как мужчина, на которого я наткнулась, был высоким, широкоплечим, крепко сбитым и вообще не внушал доверия. И только в моей голове промелькнула мысль, что я, кажется, могла опять вляпаться во что-то нехорошее, как незнакомец, смерив меня жёстким взглядом, спросил:

— Это та девочка, о которой вы мне рассказывали?

— Она самая, — прямо из-за спины этого человека вдруг появился Фил, обаятельно

улыбнувшись. — Привет, Кэтрин.

Всё, на что хватило меня в тот момент, так это на то, чтобы кивнуть, переводя взгляд с мужчины на парня и обратно. Впервые в жизни Гардинер показался мне маленьким и... хрупким? Будучи рослым и крепким, на фоне этого незнакомого мне человека шатен смотрелся, как шпиц рядом с овчаркой. Мысленно я несколько раз извинилась перед ним за это сравнение.

— Что же, — мужчина, чей голос оказался несколько выше, чем я поначалу предположила, вдруг повернулся ко мне спиной, а после я заметила, как он положил руку на плечо какой-то фигуре, добавив: — Ты знаешь, чего мы от тебя ждём.

Когда незнакомец подтянул фигуру ко мне, я поняла, что ошиблась. Он не положил руку на плечо, он буквально схватил парня, в котором я через секунду признала, к своему удивлению, Джона, за шкуру, силой заставив подойти ко мне. Всё ещё не понимая, какого чёрта здесь вообще происходит, я перевела полный удивления взгляд на Фила, словно ожидая, что он прямо сейчас мне всё объяснит, но тот лишь стоял, скрестив руки на груди, и довольно ухмылялся.

Поняв, что от него помощи сейчас не дожидаться, я вновь посмотрела на Джона, на лице которого красовался свежий, ещё даже не успевший окончательно потемнеть, синяк, который было очень хорошо видно, так как прямо над нами горело несколько ламп. Блондин, с ненавистью поглядывая на шатена, явно наслаждавшегося всем происходящим, говорить не спешил, но незнакомец, встряхнув его, с нажимом произнёс:

— Ну же.

Парень рыкнул то ли от гнева, то ли от бессилия, после чего, взглянув на меня, процедил:

— Извини.

На миг оторопев, я даже не нашлась, что сказать на всё это действие. Мужчина, по всей видимости, неправильно трактовал мою реакцию, так как, встряхнув парня ещё раз, в тон ему произнёс:

— Нормально извиняйся.

Всё ещё не понимая, что здесь вообще творится, я лишь наблюдала, как блондин кривится от боли, а после, глядя на меня едва ли не с отвращением, говорит:

— Я был не прав. Извини. Ничего из того, что было, больше не повторится.

— Обещаешь? — подлил масла в огонь Гардинер, заставив Джона перевести полный неприязни взгляд на него и, не прекращая кривиться, кивнуть. Удовлетворённый, по всей видимости, таким положением дел, шатен лишь победно улыбнулся и, кивнув, перевёл взгляд на мужчину и сказал: — То, что нужно. Спасибо. Мистер?..

— Не за что, — коротко сказал мужчина, не удостоив Фила чести знать его имя. — Если это всё...

— Это всё, — убеждённо заверил его мой парень, получая в ответ на свои слова кивок.

— Тогда мы идём домой. Нам есть, о чём поговорить, — вновь с нажимом произнёс он последнюю фразу, поудобнее хватая Джона за шкуру, а после потянув его за собой.

Глядя на две удалявшиеся фигуры, я как-то не сразу даже обратила внимание, что Гардинер подошёл и встал рядом со мной, глядя туда же, куда и я, всё ещё будучи со скрещёнными на груди руками.

— Как тебе представление? — первым подал голос он. — Я, конечно, не ожидал ничего сверхъестественного, но всё же надеялся на что-то поинтереснее. К примеру, ты могла

заупрямиться и потребовать, чтобы Джон встал на колени и молил о прощении, а ты только стояла и глазами хлопала.

— Наверное, я бы отреагировала как-то по-другому, если бы ты соизволил меня хотя бы предупредить, — с упрёком произнесла я, крепче сжимая ручку сумки, висевшей на моём плече, в руке. — Но, раз уж ты ничего подобного не сделал, я сама спрошу. Это что вообще тут было?

— О, я могу объяснить, — раздался голос прямо за моей спиной, заставив меня вздрогнуть и, испуганно взвизгнув, прижаться к несколько обескураженному Гардинеру, затравленно глядя на Рэнди, откуда-то оказавшегося за моей спиной. — Я тоже рад тебя видеть, Кэтрин.

Продолжая жаться к Филу, я с недоверием посмотрела на рыжика, словно вместо него передо мной мог стоять кто-либо другой. Его клон, например, или злой двойник. Но, к счастью, такое в реальной жизни невозможно, поэтому я заметно расслабилась, но не торопилась отпускать своего парня. Нужно совмещать приятное с полезным.

Шатен, по всей видимости, понял, чего я хочу, поэтому краем глаза я заметила, как он ухмыльнулся, а после почувствовала, что он поудобнее устраивает свои руки на моей талии. Странно мы, наверное, со стороны смотрелись, но менять я ничего не хотела.

— Ты давно тут стоишь? — первым подал голос Гардинер, задавая мой вопрос. — Даже я удивился, когда ты неожиданно вырос за спиной Кэтрин.

Взгляд Рэнди словно на секунду потух, после чего он несколько обиженно ответил:

— Я стою здесь с самого начала. Очень рад, что вы меня не заметили.

Я закусила губу, едва сдерживая улыбку. Я всегда подозревала, что мой новоиспечённый знакомый мог бы быть неплохим тайным агентом, которого весьма сложно обнаружить во время задания, но явно не была готова испытывать это на собственной шкуре.

В следующую секунду лёгкое подобие улыбки пропало с моего лица, я опять напряглась. На секунду я забыла о том, что произошло, теперь же, когда вспомнила, решительно посмотрела на Рэнди, которого такая перемена в моём настроении ничуть не смутила. Казалось, он ожидал подобного, что несколько злило меня. Ведь сам он ничего и не сказал по этому поводу...

— Насчёт того, что не так давно сказал мне Джон... — аккуратно начала я, наблюдая за реакцией парня.

Выражение его лица ничуть не изменилось. Услышав мои слова, он лишь на пару секунд прикрыл глаза, вздыхая, после чего спокойно сказал:

— Что бы я ни сказал, у меня нет никаких доказательств, чтобы подтвердить мои слова. Поэтому...

— Почему ты не можешь просто сказать мне, ты это или не ты? — чувствуя, что начинаю злиться ещё больше, спросила я. — Неужели так трудно? Мне решать, убедят твои слова меня или нет. Я же не прошу тебя оправдываться... Просто скажи, как есть.

Рэнди посмотрел в мои глаза и как-то странно улыбнулся. Сложно было понять, чем именно была вызвана эта улыбка, поэтому я напряглась ещё сильнее. С одной стороны, я верила в то, что это не он. Скажи мне сейчас Рэнди, что он правда ничего такого и никому не говорил, я бы без раздумий поверила ему. Но, как показывает практика, обычно люди не спешат ничего объяснять вовсе не тогда, когда правда на их стороне.

— Я действительно обсуждал это, — сказал парень, а после передёрнул плечами. — Но не с Джоном. Это последний человек, к которому я бы пошёл поговорить об этом.

Внимательно посмотрев на рыжика, я почувствовала, как невольно уголки губ поползли вверх. Сложно было описать то облегчение, которое я испытала в тот момент. Мне хотелось обнять Рэнди, обнять Филя, обнять, в конце концов, их обоих и кружиться на месте, залиvisto смеясь. Для меня всё решалось именно таким способом — с помощью разговора. Наверное, я слишком наивный человек, но мне казалось, что в подобных ситуациях людям нет смысла обманывать, поэтому так легко поверила словам парня. И из-за того, что всё можно было решить за несколько секунд, но нам, как особо одарённым, понадобилось чересчур много времени, начала злиться.

— Почему нужно было так долго молчать? — вырвалось у меня. — Это сейчас мода такая? Молчать и делать трагедию из простых ситуаций? Ты же сразу мог сказать мне — знаешь же, что я бы тебе поверила.

— Я знаю, — улыбнулся в ответ Рэнди. — Именно поэтому сейчас сказал тебе то, что сказал.

— Мне он не соизволил и этого сообщить, считай, что ты сродни божества для него, — буркнул Гардинер, совсем немного отстраняясь от меня.

— Ты бы мне поверил, скажи я тебе то же самое? — со скепсисом спросил рыжик.

— Нет, — пожал плечами в ответ шатен. — Но это уже не так важно.

Рэнди фыркнул и, на секунду закатив глаза, улыбнулся, явно не желая продолжать эту словесную перепалку. Я же, в свою очередь, покачав головой из стороны в сторону, просто предложила всем наконец-то отправиться восвояси. Очень хотелось спросить этих двоих о многом, но в один момент мне начало казаться, что такими темпами у меня попросту голова лопнет. Однако не задать один весьма интересующий меня вопрос я всё же не смогла.

— Может теперь мне хоть кто-то расскажет, что за ерунду я недавно видела?

В первую секунду парни, казалось, не совсем поняли, о чём я говорю, но в следующий миг переглянулись и как-то странно улыбнулись. Их действия были настолько синхронны, что я в любой другой ситуации готова была бы поклясться, будто они репетировали это.

— Мы решили, что его же методы на такого, как Джон, вряд ли подействуют, — начал Гардинер. — Поэтому подумали, что стоит действовать по-другому. Рэнди спросил Стивена о родителях Джона, поэтому мы весьма удачно узнали о том, что своего папочку он боится как огня.

— И Стивен с лёгкостью согласился помочь? — спросила я, поворачиваясь к Рэнди.

— Нет, задал пару вопросов, но потом сдался. В этом преимущество родственных связей с преподавателем.

Стоп. Родственных связей?

— Это мой дядя, — ответил рыжик, когда я озвучила свой вопрос. — Мы просто решили не афишировать это. Точнее, я попросил его молчать — не хватало только чтобы все думали, будто мне будет здесь легче учиться и поступить только из-за того, что у меня здесь работает родственник. Но он столько раз прокололся, что под конец я уже выть был готов! Чего стоит только его пристальное внимание к тебе!

Лицо у Рэнди было такое, будто его уже достаточно долгое время пытали, а после, когда он заметил мой удивлённый взгляд, направленный на него, криво усмехнулся.

— Только не говори, что не заметила, — протянул он, внимательно глядя на меня. — С какого-то перепугу он решил, что ему следует помочь мне с тобой общаться, иначе сам я отпугну тебя на первой неделе знакомства. Это несколько обидно даже.

Парень нахмурился и вздохнул, а я начала припоминать что-то, отдалённо

напоминавшее то, о чём он говорил. Повышенное внимание со стороны Стивена я, кажется, помню... Неужели это всё было лишь для того, чтобы помочь мне сойтись с Рэнди?

Помотав головой из стороны в сторону, отгоняя подобным образом навязчивые мысли, я посмотрела на Гардинера и спросила:

— И как же он вам помог?

— Ну, знаешь, — начал парень, спрятав руки в карманы, — перспектива того, что Джон несколько раз случайно упадёт лицом на мой кулак, казалась мне безумно заманчивой. Но, как я уже говорил, его же методами таких людей брать бесполезно. И, знаешь, вдруг я узнал, что школу он-то прогуливает, а сюда, как я заметил, ходит исправно. К тому же, будь у меня такой же характер, как у Джона, я бы даже записываться никуда не стал, при его-то отношении к учёбе. Тогда я подумал и предположил, что у парня в арсенале либо печальная история его семьи, где он делает всё ради того, чтобы не расстраивать свою маму, либо двухметровый аргумент. Как видишь, я оказался прав.

В первую секунду всё, сказанное им, показалось мне достаточно логичным. Однако достаточно скоро у меня появился вопрос, который я поторопилась озвучить.

— Ты же не знал наверняка. И что бы ты делал, если бы не угадал?

— Я же угадал, — пожав плечами и улыбнувшись, ответил Фил, после чего победно взглянул на меня. — Как видишь, я оказываюсь прав в девяносто девяти случаях из ста.

Увидев эту самодовольную ухмылку, тут же появившуюся на его лице, я не сдержалась и фыркнула.

— Всё равно ты мог ошибиться. А ещё, — я с вызовом поглядела на него, — обычно я против насилия, но разве в таких ситуациях парень не пытается хоть как-то отомстить за свою девушку? Я имею в виду... Это здорово, конечно, что ты у нас мистер Всезнайка и смог придумать такой хитроумный план, но... И всё? Это немного обидно.

Отвернувшись, я скрестила руки на груди, посмотрев на Рэнди, который явно собирался что-то сказать, но Гардинер опередил его, произнеся:

— И чем же ты недовольна?

— Тем, что закончилась эпоха рыцарей, — с деланным сожалением ответила я. — А ведь было время, когда мальчики сами заступались за девочек, а не шли жаловаться на них родителям...

— Ну уж извини, что постарался выполнить твою же, — парень сделал акцент на этом слове, — просьбу и не устроил побоище, — пристыдив меня, он сделал глубокий вдох, чтобы говорить спокойнее. — Я пошёл вперёд, а вы, девочки, — он обвёл взглядом поочередно меня и рыжика, — можете поболтать и попрощаться как следует.

— Эй! — недовольно воскликнул Рэнди. — Кто тут ещё девчонка?

— Ну, я же, как настоящий рыцарь, — недовольный взгляд, обращённый на меня, — отстаивал и твою честь, миледи.

— А я, по-твоему, в бирюльки играл? — как бы ни старался скрыть это, в голосе парня звучала обида. — Я тоже помог, поэтому достоин быть кем-то другим. Не миледи.

— Ну, раз не миледи, — Гардинер на секунду сделал вид, что задумался, — тогда ты мой Санчо Панса?

Сказав это, Фил улыбнулся, после чего, как и говорил до этого, отошёл на несколько десятков метров вперёд, чтобы дать нам с Рэнди возможность поговорить.

— Да чтобы он вечность только с мельницами и сражался, — обиженно пробурчал тот, вызывая у меня невольную улыбку.

Несколько секунд провожая шатена недовольным взглядом, рыжик вдруг повернулся ко мне и, явно вложив в свой тон всю обиду и всё чувство несправедливости, что у него были, спросил:

— И почему тебе нужно было поддеть его именно тогда, когда он сделал всё так, как ты хотела? — увидев мой изумлённый и полный непонимания взгляд, парень, вздохнув, пояснил: — Он не устроил побоище, потому что кое-кто этого не хотел. Но, как ты успела заметить, Джону всё же прилетело. Не от отца.

— Так значит?.. — только и смогла выдавить я, показав большим пальцем своей руки на стоявшего поодаль Гардинера.

— Именно! — обречённо произнёс Рэнди, будто разговаривал с непроходимой тупицей. — Мне за столько времени так надоели все эти скандалы, интриги и расследования, а тут ещё и ты. Сам не знаю, почему, но меня действительно бесит то, что вы так препираетесь.

И только я хотела сказать, что это ещё, в принципе, не препирательство, даже если Гардинер и обиделся, а я и чувствовала небольшой груз вины, подобное всё равно не способно заставить нас всерьёз поссориться. Но, как бы странно это ни звучало, такое поведение рыжика вдруг показалось мне милым. Он слишком долго строил из себя флегматичную куклу, так что было непривычно видеть такую его реакцию.

— Я смотрю, вы с Филом немного подружились? — спросила я, чувствуя себя несколько неловко из-за своего же вопроса. Будто мама спрашивает сыночка, нашёл ли он себе в школе друзей, ей-Богу.

— Не знаю, помнишь ли ты, — мгновенно переключаясь с темы на тему и меняя раздражённый тон на свой обычный (пожалуй, мне стоит поучиться у него так быстро отходить), протянул парень, — о том, что я тебе обещал. Но раз уж я собрался помогать вам, если что, налаживать отношения, то было бы логично общаться с вами обоими, правда ведь?

— Это очень мило с твоей стороны, — улыбнувшись, сказала я, — но всё же, думаю, мы теперь справимся сами. Если за это время что-то и изменилось, так это то, что теперь мы, кажется, можем обо всём спокойно поговорить.

Я была искренна, говоря эти слова. Как ни крути, сейчас, когда мне удалось выговориться, я чувствовала себя в обществе Фила куда спокойнее. Одно время мне казалось, будто мы отдаляемся друг от друга, как такое периодически бывает с парами. Самый лучший период был тогда, когда мы только начали встречаться, а теперь же всё постепенно сходило на «нет». Но впервые в жизни я была так рада, что ошиблась. То, как я чувствовала себя рядом с ним сейчас, не шло ни в какое сравнение даже с тем, как было, когда мы только начали встречаться.

Возможно ли влюбиться в одного и того же человека, с которым и так был неразлучен в течение долгого времени, второй раз, причём с новой силой? Если да, то именно это сейчас со мной и происходило, определённо. Уже давно, несмотря на симпатию, я не ощущала себя влюблённой дурочкой, готовой улыбаться лишь из-за того, что этот человек прислал мне сообщение, даже если там будет только смайлик. А сейчас опять хотелось проводить вместе ещё больше времени, чем раньше, нагло отбирая Гардинера у других, хотя существенная разница всё же была. Мне не хотелось казаться лучше, чем я есть. Выглядеть красиво? Возможно. Пожалуй, мне хотелось бы чаще слышать комплименты в адрес своей внешности, но теперь вообще не приходилось задумываться над тем, что я говорю и как себя веду, гуляя с ним. Рядом с Филом я чувствовала себя свободной, отчего хотелось петь и танцевать по

поводу и без. Станные ощущения, но до жути приятные.

Рэнди, какое-то время молча наблюдавший за сменой выражения моего лица, как-то странно улыбнулся и сказал:

— Здорово, если всё действительно так, но я ведь всё равно должен использовать отведённую мне страничку в книге. Поэтому звони мне, если что, хорошо?

— Опять ты заладил со своими страницами из книг, — нахмурившись, сказала я. — Тебе вовсе необязательно делать что-то глобальное, чтобы становиться частью моей жизни, когда же ты поймёшь это?

— Постараюсь осознать это в скором времени, — слегка улыбнувшись, произнёс парень, после чего, вмиг посерьёзнев, добавил: — И всё же... Ты больше ничего не хочешь у меня спросить?

Поначалу я задумалась, старательно вспоминая, не забыла ли действительно что-то у него уточнить, но так и не смогла понять, что же это должно быть.

— Например? — решила спроситься на подсказку я.

— Фил дал нам время для того, чтобы мы окончательно всё решили со сложившейся ситуацией. Поэтому мне интересно, не хочешь ли ты спросить у меня, я ли рассказал Джону обо всём и таким образом натравил его на тебя?

Этот вопрос меня действительно удивил. Возможно, я отношусь ко всему слишком просто, но мне казалось, что мы уже решили это, и тема закрыта.

— Нет, — сопровождая свои слова покачиванием головы, сказала я. — У меня нет ни малейшего желания спрашивать тебя об этом.

— И почему же?

— Я с самого начала не верила, что это мог быть ты, так зачем же мне слышать это ещё раз, если я и так права? — просто сказала я, пожав плечами.

Рэнди посмотрел на меня так, будто я вынесла ему приговор, что было странно. Так или иначе, я действительно больше не хотела во всём этом разбираться. Мне было всё равно, кто это сделал — посторонний человек или же даже он. Если «стукач» только на то и способен, что кого-то натравливать на меня, то большого вреда от него теперь не будет. К тому же, глядя на парня, стоявшего сейчас передо мной, я точно знала, что не ошиблась. И с самого начала это было недоразумением.

— Это прозвучит странно, если я сейчас спрошу, могу ли тебя обнять? — вдруг спросил рыжик, выводя меня из собственных мыслей и заставляя на секунду впасть в ступор.

— Это прозвучит чертовски странно, потому что никто ещё ни разу не спрашивал меня об этом прямым текстом, — с улыбкой ответила я, но тут же добавила: — Конечно, ты можешь меня обнять.

Слабо улыбнувшись, Рэнди подошёл ближе и неловко обнял меня, словно я в любой момент могла передумать. Пожалуй, это был первый раз, когда я так ясно и чётко поняла, насколько он должен быть сильным. И дело было не в том, что по комплекции он был всё же крепче меня, не в разнице в росте (ведь она как раз была едва заметна). Дело было в ощущениях. Когда меня обнимали Лили и Дженни, это носило один характер, эти же объятия — другой. Объятия женщины, не считая разве что мою мать, никогда не давали ощущение защиты. Возможно, такое впечатление складывалось у меня лишь из-за моего характера, но девушки, с которыми я когда-либо обнималась, казались хрупкими и уязвимыми. И пусть на моём счету было не более пяти мужчин, обнимавших меня, только их объятия заставляли меня чувствовать хрупкой себя саму. Так было и в этот раз.

Объятие не затянулось надолго — Рэнди отстранился очень быстро, после чего бросил беглый взгляд на Гардинера, словно боялся, что он в любой момент подбежит к нам и произведёт столкновение своего кулака с лицом парня, но шатен был слишком увлечён своим телефоном, что-то сосредоточенно читая. Посмотрев на меня, рыжик опять слабо улыбнулся и сказал:

— Спасибо.

Всего одно слово, а улыбку вызывало.

— Не за что, — отмахнулась я, после чего хитро посмотрела на него. — Уже влюбился в меня, правда?

Кажется, впервые в жизни я готова была понять Фила, когда он регулярно поддевал меня. Было в этом всё что-то. Реакция Рэнди была такой забавной.

— Вот уж нет, — ответил он. — Я уже говорил, что да, мне тоже может кто-то нравиться, но нет, Кэтрин, это не ты.

— Значит, кое-кто другой? — не отставала я, наслаждаясь ситуацией. Прости, друг, но, кажется, я слишком долго испытывала это на себе, захотелось самой попробовать. — Покажешь как-нибудь?

Парень передёрнул плечами, показывая всё раздражение от моих расспросов, однако после сказал:

— Обязательно покажу. Надеюсь, отстанешь тогда.

Я утвердительно закивала, лишь немного расстроившись, что он сдался так быстро. Но даже это не могло убить моё хорошее настроение, так что распрощались мы с улыбкой, пообещав друг другу, что на следующем занятии обязательно сядем вместе; я обещалась взять переговоры с Алексом на себя.

Проводив взглядом Рэнди, я со счастливой улыбкой подошла к Гардинеру, который, как и несколько минут назад, копался в своём телефоне. И уже хотела было сказать ему, что пора домой, как вдруг парень спросил:

— Тебе на сегодня уже хватит объятий или потом обратишься ко мне за новой порцией?

— Я думала, что ты полностью погружён в свой телефон, — сказала я и, не сдержавшись, фыркнула. — Разве нет?

— Третьим глазом заметил, — ответили мне. — Ну что, домой?

Даже если у меня и было отличное настроение для споров и препирательств, я решила, что это может подождать. Странно всё это было. Предполагалось, что сегодняшние события надолго выбьют меня из колеи... Почему же ничего не произошло? Почему же всё будто прошло мимо меня, словно и не было предыдущих напряжённых месяцев, изрядно потрепавших мои нервы? Я так и не могла найти этому объяснения.

Позднее, когда уже оказалась дома и попрощалась с парнем, вкратце описав своё состояние папе, я решила поинтересоваться у него, что он думает по этому поводу. Вот казалось бы, что я должна радоваться, раз уж всё решилось, почему же меня не устраивало, что решение было таким... простым? Из-за этого складывалось ощущение, будто меня впереди ждёт что-то очень и очень нехорошее. Возможно, я просто стала параноиком за всё это время, но такая реакция ведь ненормальна. Ненормальна, я говорю! Особенно если учесть, что я думала, будто с лёгкостью перестану накручивать себя из-за этого...

А вот Роберт считал иначе. Он предположил, что я, возможно, уже разобралась с тем, что беспокоило меня сильнее, нежели трудности, с которыми удалось справиться сегодня. А ещё он сказал, что я много нервничала в последнее время, из-за чего сил на это больше не

осталось. Любой из этих вариантов он считал возможным и не самым худшим из всех, которые могли случиться. Я же на секунду подумала, что он просто хотел поскорее от меня отделаться, так как в следующий миг отец отправил меня спать, но предпочитала считать, что он искренне погрузился в суть проблемы.

На следующий день опять была репетиция. Они стали настолько привычной частью моей повседневности, что проходили достаточно быстро. Раз — и три часа пролетело, не оставив за собой ни малейшего послевкусия. Но именно в этот день это сыграло нам с Филом на руку.

Сама не знаю, как так получилось, но утром мне в голову пришла идея, как можно подтолкнуть Лили и Майка навстречу друг к другу, ведь такими темпами они рисковали так и не помириться до самого выпуска, навсегда разойдясь. Это не устраивало меня, ну и Гардинера по умолчанию. Хотел он мне помогать или нет — у него не было выбора, так как Джевонс, в конце концов, был его лучшим другом, а не моим. И для того, чтобы ни у кого из них не возникло подозрений, действовать нужно было сообща. Конечно, все мои мысли касательно дальнейшего развития событий были притянуты за уши, но почему-то именно в тот момент меня это не волновало.

План был нехитрый и, признаю, банальный. В конце концов, оригинальностью я никогда не отличалась, а сейчас главной была не виртуозность, а действенность. А уж подобные вещи неплохо действуют на взаимоотношения людей — знаю не понаслышке. Ведь главным пунктом моего плана было выгнать всех из помещения (желательно небольшого, так что актовЫй зал, в котором мы репетировали, тут же отпадал), оставив там только Майка и Лили. В непосредственной близости. Минут десять будут возмущаться и попытаются найти выход из сложившейся ситуации, а потом, гляди, и поговорят откровенно. Банально? До жути. Но ничего не поделаешь, если они так тормозят.

Сказала я. Ладно, можно представить, что я не тормозила в своих отношениях с Гардинером, а... пыталась осмыслить ситуацию. Да, именно это я и делала. Давай, Кэтрин, утешай себя...

Главной загвоздкой моего идеального плана оказалось то, что нужно было:

А) Найти помещение. Нельзя же просто прикрепить к одному из школьных кабинетов надпись «Арендвано», обеспечивая этим двоим полный покой таким образом;

Б) Заманить туда Майка и Лили. С этим тоже были трудности, но я решила, что можно сослаться на какое-то поручение от Сью. В конце концов, отчасти благодаря ей мы с Филом хотя бы начали общаться. Общаться, а не пытаться убить друг друга. Пусть наш школьный Купидон поможет ещё одной паре, даже если это будет весьма косвенная помощь;

В) Запереть их. Ведь даже если найдём помещение, то нужно их там оставить на определённое количество времени, достаточное для разговора. Проще было бы уже пригласить этих двоих, к примеру, ко мне домой, но у меня была мама, поэтому этот вариант отпадал. Дом Гардинера тоже — по понятным причинам. А идти, к примеру, в гости к Майку и запирать его у него же дома... Это было бы слишком глупо даже для моего идиотского плана;

Г) Нужно было как-то за ними наблюдать. Или хотя бы подслушивать как-то. Если этих двоих занесёт не в ту степь, должны же мы появиться на сцене и спасти ситуацию! Пусть я и не вынашивала идею их примирения годами, мне всё же не хотелось оплошать, поэтому данный пункт был обязательным.

Выслушав мой план в подробностях, Гардинер, пойманный мною утром и поневоле

вовлечённый в это дело, не без скепсиса решил осведомиться, что я собираюсь делать в случае непредвиденной ситуации, но у меня не было ни времени, ни желания думать об этом, так что я просто отмахнулась от него. Несколько раз он пытался сбежать. Правда пытался. Он в буквальном смысле разворачивался и быстрым шагом пытался скрыться от меня, но я была бы не я, если бы не смогла хоть как-то удержать его. Ведь без него у меня бы толком ничего не получилось.

С горем пополам, мы выполнили первый пункт плана. Уж не знаю, каких небывлиц Фил наплёл нашей техничке, которая буквально млела от него после того, как пару раз он на добровольных началах помог ей двигать мебель в классах, чтобы она смогла помыть за шкафами, к примеру, и прочим... Но это сработало. Женщина как раз собиралась убирать, а потому любезно предоставила нам ключи от одной из своих каморок, которых по школе было раскидано слишком много даже для такого большого по размерам заведения, сказав, чтобы вернули не позже, чем в три часа дня. Поскольку встретились мы с ней в полдень, нас всё очень даже устраивало.

Проблемы возникли на втором пункте. Оказалось, что дверь каморки легко захлопывается, открыть её можно было только ключом, поэтому дилеммы с тем, чтобы запереть их, не возникло. Нужно было только каким-то волшебным образом заманить этих двоих сразу, ведь если дверь захлопнет кто-то один, а мы побежим открывать, то план рухнет.

Идея пришла внезапно, причём не в мою голову. Фил предложил мне сперва позвать Лили и попросить дожждаться нас, но ни в коем случае не закрывать дверь, так как она захлопывается. Он же, в свою очередь, наплётёт Майку нечто диаметрально противоположное, чтобы тот оказался вторым и сразу же закрыл за собой дверь.

Подобный вариант был весьма сомнительным, но выбирать было не из чего, так что я согласилась и, быстренько позвонив подруге, сказала прийти и подождать меня в этом месте, так как Сью попросила нас помочь с чем-то. Не теряя времени, Фил начал набирать Майку, не преминув сказать:

— Я чувствую себя идиотом. В последний раз тебе помогаю.

— Ты помоги сперва, потом поцапаемся! — нервно сказала я, выглядывая из-за угла школьного коридора. Лили должна была появиться оттуда, мы же с Филом должны были притаиться за колонной, чтобы она нас не заметила.

Пока Гардинер обрабатывал своего друга, я всё высматривала девушку, но она не появлялась. Это было странно, учитывая, что обещала прийти минуты через две. И тут моё шестое чувство, обычно напрочь отказывавшееся работать, заставило меня посмотреть в другую сторону. Мои глаза округлились, рискуя вылезти из орбит, когда я увидела шатенку, выпорхнувшую из совершенно другого конца коридора. Она что-то искала по пути в своей сумке, поэтому ещё не заметила нас с Филом, стоявших около каморки, так как внутри связь почему-то была плохой, словно в другое измерение попадаешь, что, опять же, было нам только на руку. Так они не смогли бы позвать кого-то на помощь.

Слабо отдавая отчёт своим действиям, я буквально втолкнула едва успевшего закончить разговор шатена в каморку, тут же прикладывая палец к его губам, пресекая все попытки заговорить, на ходу объясняя сложившуюся ситуацию. Бегая глазами по небольшому помещению, я отчаянно искала, куда же можно спрятаться, как вдруг наткнулась на место, где нас, надеюсь, искать не будут.

— Полезай в шкаф! — прошипела я, словно опасаясь, что подруга услышит мой голос и

всё поймёт.

— Чего?! — не выдержав, Гардинер немного повысил голос. — Да ни за...

— Нет времени! — подбежав к спасательному предмету мебели, в котором хранились вёдра, швабры и моющие средства, процедила я, заталкивая не сильно сопротивлявшегося парня туда.

Что-то говоря про странное чувство дежавю, Фил всё же позволил мне впихнуть его в шкаф, а буквально в последний момент я залезла туда сама, аккуратно закрывая за собой дверь с внутренней стороны, через пару секунд услышав, как в каморку вошла Лили, тут же принявшись звать меня. Стараясь не шуметь, я тут же выключила звук у телефона, после чего повторила подобную манипуляцию с сотовым шатена, чтобы нас не раскрыли раньше времени.

Победно посмотрев на парня, лицо которого было видно только благодаря свету от телефона, я встретилась с полным неодобрения взглядом. Фил смотрел на меня так, будто я только что совершила величайшую в своей жизни глупость, я же непонимающе смотрела на него, пытаюсь осознать, что же такого я сделала.

Взяв из моих рук свой телефон, Гардинер быстро открыл заметки и напечатал: «И что дальше, гений? Ключ у нас, а к трём часам его нужно вернуть. Ты понимаешь, что нам нужно будет вылезти из своего укрытия, и тогда Майк и Лили всё поймут?»

Я, едва слышно цокнув языком, взяла свой телефон и, повторив те же манипуляции, набрала следующий текст: «Какая разница? Учитывая, что это мы их заманили, они всё равно обо всём догадаются. Сейчас нам нужно просто посидеть здесь часик-другой. Не впервой же», — когда писала последнее предложение, я поняла, о каком чувстве дежавю говорил парень. Прошлый год. Шкаф. Иногда мне начинает казаться, что Вселенная просто играет с нами.

Специально осветив своё лицо телефоном, чтобы я смогла разглядеть весь скепсис, отражённый на нём, Фил после быстро напечатал: «Сидеть в шкафу и не быть стеснёнными — это одно дело, а сидеть в шкафу почти два часа, не имея возможности толком пошевелиться и даже поговорить — это новый уровень сложности, Кэтрин!»

Поймав мой полный удивления взгляд, шатен со злостью начал печатать пояснения, хотя я уже примерно начала понимать, к чему он ведёт. Вот чёрт. Как-то я об этом не подумала. Может быть надо было всё же прислушаться к нему утром и продумать все варианты развития событий?..

«Мы заперты в шкафу, — писал Фил в протянутом мне телефоне, — в одной комнате с Майком и Лили. Любое неосторожное движение раньше времени, и тогда они заметят нас, а твой план полетит в тартарары. Значит, нам нужно сидеть здесь около часа и почти не двигаться. Как тебе перспектива?»

Я обречённо посмотрела на парня, который жестами показывал, что обязательно убьёт меня, когда мы выберемся отсюда. Учитывая, что он с самого начала не горел желанием участвовать в подобного рода аванюре, я вполне могла поверить в серьёзность его намерений.

— Майк... — послышался голос Лили, а за ним тут же последовал вопль: — Стой, не закрывай!..

Но было уже поздно. Все, кто находился в помещении, услышали громкий хлопок двери, отчего я сжала руки в кулаки, уже с трудом веря в свою удачу. Ну хоть что-то пошло по плану, в самом деле!..

Парень с девушкой засуетились, поначалу пытаюсь открыть дверь, а после — докричаться до кого-то. Но в коридоре, как обычно, стоял такой шум из-за сновавших туда-сюда школьников, то и дело кричавших что-то, поэтому даже если бы их и услышали — помочь бы ничем не смогли. Им бы понадобилось для начала отыскать техничку, а после — запасной комплект ключей, что заняло бы определённое количество времени. Конечно, при таком раскладе нам с Гардинером могло бы сильно влететь...

Осознавая, что исполнение плана опять под угрозой, я быстро напечатала подруге сообщение, в котором говорила, что ключ у нас, а откроем мы их только тогда, когда они поговорят и разберутся со всеми своими проблемами. А что? Нас и так, в конечном итоге, разоблачат, а так они хоть перестанут тарабанить в дверь, рискуя всё же привлечь чьё-то внимание и поставить нас с Филом, который стоял, скрестив руки на груди и закрыв глаза, будто его вообще здесь нет, под удар.

Послышался звук входящего сообщения, а через пару секунд, когда Лили прочитала его, я услышала, как она, ругнувшись, крикнула:

— Ну что за зараза! И как ей только такие идеи в голову приходят?!

Я нервно сглотнула, переводя взгляд на Гардинера, который ради такого момента даже глаза открыл, желая таким образом показать, что целиком и полностью согласен с моей подругой. Я лишь нервно улыбнулась, отворачиваясь от него. Кажется, людей, которые хотят меня убить, только что стало на одного больше. А когда поймёт, в чём дело, Майк рискует стать третьим.

Мой телефон вдруг загорелся, так как девушка принялась названивать мне, а я мысленно поблагодарила высшие силы за то, что додумалась отключить не только звук, но и вибрацию. А свет от экранчика нас не выдаст. Надеюсь.

— Нет, она меня ещё и игнорирует! — недовольно воскликнула Лили. — Ну что за девчонка, а?..

Джевонс, до сих пор хранивший молчание, всё же решил поинтересоваться, какого чёрта здесь вообще происходит, так что следующие две минуты его подруга по несчастью объясняла, что к чему. Спешу заметить, что ей бы понадобилось гораздо меньше времени, если бы она не вставляла свои комментарии по поводу моей затеи через каждые два-три слова.

После окончания её рассказа на несколько мгновений повисла тишина. Но вскоре в камерке раздался залиvistый смех Майка, который все слышали не так часто, отчего мы с Гардинером синхронно вздрогнули, лишь чудом не задев ничего в шкафу и не выдав своего присутствия. Судя по тому, что она аккуратно поинтересовалась, почему парень так реагирует, реакция Лили была чем-то похожа на нашу.

— Нет, здесь нет ничего смешного, — явно с улыбкой ответил брюнет, ведь это легко можно было понять по тону его голоса, — просто... Боги, разве это не похоже на неё? Я уже пару месяцев жду, когда же Кэтрин учудит что-нибудь эдакое, даже удивлялся: неужто в этот раз она пустит всё на самотёк? Но, как видишь, нет. Серьёзно, я удивлён только тем, что нам пришлось ждать так долго.

Опять короткая пауза, после чего тихонько прыснула и моя подруга.

— Наверное, ты прав, — произнесла она, но в следующую секунду сурово добавила: — Но наказания за свой поступок ей не избежать.

Я, уже было совсем немного расслабившаяся, напряглась вновь. Даже если пока мне ничего не грозило, кто знал, что могут сделать трое человек, объединённые одной целью —

проучить меня? Об этом, по правде говоря, было страшно думать...

Но в течение того времени, что мы с Филом, предпочитавшим игнорировать моё присутствие рядом с ним, находились взаперти, меня грела мысль хотя бы о том, что те двое, ради кого всё это и затевалось, хотя бы разговаривают. Не перебрасываются ничего не значащими ни для кого фразами, а они действительно начали общаться. Майк, сказав, что им всё равно нечего терять, принялся говорить на какие-то отвлечённые темы, из-за чего мне показалось, что он давно хотел это сделать. Они оба.

Неожиданно, пожалуй, даже для самих себя парень с девушкой принялись пересказывать события предыдущих месяцев, проведённых порознь друг от друга, казавшиеся им наиболее интересными. Я, понимая, что важного пока всё равно ничего не пропущу, толком не вслушивалась в их разговоры, но всё же обратила внимание на кое-что. Они очень хотели это рассказать, причём не кому-то, а именно друг другу.

Часто я замечала за собой, что действительно продумываю, что бы рассказать родителям, друзьям или Филу. Я думаю об этом заранее, стараясь не забыть, могу даже по пути на встречу думать, что хочу рассказать именно это и как можно скорее, именно этому человеку. То же самое, кажется, было и у этих двоих. Такое ощущение, будто все месяцы, которые практически не общались друг с другом, они накапливали всё то, что собирались рассказать, и вот сейчас у них наконец-то была такая возможность.

— В конечном итоге, мой выбор ВУЗа стал похож на лотерею, — спустя какое-то время сказал Майк, закончив одну из историй, рассказанных им за это время.

Я еле сдержала недовольный вздох. Мы с Филом находились взаперти уже почти сорок минут, из-за чего я уже готова была громко хныкать. Ноги затекли, болели, гудели и просили дать им хоть немного отдыха или хотя бы сменить положение, но единственное, чем я могла помочь им и самой себе — это переносить центр тяжести с одной конечности на другую, давая им время немного отдохнуть. Гардинер, вот уже минут двадцать тоже недовольно переминавшийся с ноги на ногу, по всей видимости, испытывал то же, что и я, а его желание убить меня, похоже, крепло. Вот ничего хорошего в его взгляде, обращённом на меня, не было.

— Я рада, что ты всё же сделал выбор, — тем временем сказала Лили. — Тебе было так сложно решиться пару месяцев назад, что я беспокоилась. Но хорошо, что всё так закончилось.

Повисла длинная пауза. Первая столь продолжительная с момента начала их разговоров ни о чём, но о важном. Медленно они приблизились к теме, которую избегали долгое время, — это чувствовалось по напряжению, повисшему в воздухе.

— Мне жаль, что я тогда так поступила, — сказала девушка, нарушив молчание. — Это была ссора на пустом месте. Я могла, нет, должна была отреагировать спокойнее. Но на тот момент меня так достало то, что ты всё носил в себе, что...

— Я понял, — прервал её Джевонс. — Мы оба хороши, не находишь?

Лили ничего не сказала, поэтому мне оставалось лишь предположить, что она кивнула или сделала что-то в этом роде. На какое-то время опять повисла странная тишина, уже начавшая немного нервировать меня, однако после брюнэт всё же сказал:

— Я думаю, нам стоит обсудить это, когда мы будем одни.

Мы с Филом, не сговариваясь, посмотрели друг на друга с одинаковым непониманием в глазах. Это отмело всякие подозрения, что мне могло послышаться, так как парень тоже явно слышал это, а вдвоём галлюцинациями не страдают. Обычно.

— Кэтрин, можешь выходить, — со вздохом сказала Лили. — Мы уже поняли, что ты там прячешься.

Я сглотнула подкативший к горлу комок. Значит все эти паузы были ничем иным, как перешёптыванием? Они просто обсуждали, когда лучше раскрыть меня? Так, что ли?

— Кэтрин, — с нажимом повторила подруга, а я невольно поёжилась от звука её голоса и с мольбой посмотрела на Филя, ожидая его помощи и поддержки.

Тот же, лишь усмехнувшись, аккуратно, чтобы его не заметили, открыл дверцу шкафа с моей стороны и, махнув напоследок рукой, толкнул меня под ногу, заставляя буквально вывалиться на пол каморки под удивлённые взгляды парня и девушки. На секунду опять повисла тишина, успевшая мне изрядно надоесть за это время, после чего Майк сказал:

— Ты даже появляешься в своём стиле.

Он подошёл ко мне и, протянув руку, помог подняться, после чего закрыл шкаф, даже не заглянув в него. Я, всё ещё не отойдя от такой выходки Гардинера, даже не сказала ничего, лишь тупо смотрела, как брюнет не замечает человека, всё это время находившегося в том самом злополучном шкафу рядом со мной.

— Кэтрин, — послышался голос Лили, отчего я обернулась и взглянула на неё. Шатенка выглядела так, будто злится, но в глазах у неё плясали весёлые искорки, что заставляло меня не воспринимать её внешний вид, излучавший мнимую угрозу, всерьёз. — Я просто хочу сказать, что из всех глупых идей, которые приходили в твою голову, эта уверенно попадает в десятку самых-самых.

— Ты даже Филя подговорила, хотя он терпеть такие вещи не может, — вставил брюнет. — Хорошо ещё, что ты не заставила его с собой прятаться. Знаешь, сколько я выслушивал после того случая со шкафом в прошлом году? Думаю, сейчас он бы тебя убил, не задумавшись.

Майк коротко хохотнул, Лили улыбнулась, а вот мне было не до смеха. Фил убил бы меня, если бы просидел со мной в шкафу, да? Но они же не знают, что он просидел, а значит — убьёт. Интересно, я успею составить завещание или лучше сейчас быстро сказать им, что где лежит в моей комнате и что наиболее ценно?

— И всё же, — подал голос парень, невольно заставив меня вздрогнуть. — Спасибо. Вообще-то, мы и сами собирались поговорить, но благодаря твоему весьма непрозрачному намёку сделали это быстрее.

— Это до сих пор не значит, что тебе следует повторять подобное, — заметила Лили.

Внезапно их слова заставили меня почувствовать себя маленькой девочкой, которую вот прямо сейчас родители ругают за то, что опять натворила дел. А в шкафу прячется злобный старший брат, который стукнет меня по голове за то, что вмешала его во всё это. Так странно было чувствовать себя младше ровесников, но я ничего не могла поделать со своими ощущениями.

Они говорили что-то ещё, о чём-то спрашивали, но слушала я вполуха и явно отвечала невпопад, потому что все мои мысли то и дело возвращались к шкафу, в котором сидит Гардинер с явно готовым планом отмщения. Но ещё хуже всё стало тогда, когда он начал буквально заваливать меня сообщениями с требованием поскорее выпроводить этих двоих и выпустить его, вот только я понятия не имела, как это сделать ненавязчиво.

Ещё немного сбивало с мыслей то, что он сам виноват. Да, это я его заставила прийти сюда и именно из-за меня он оказался в такой ситуации, но если бы он соизволил выползти на свет, а не прятаться, то уже был бы свободен. Моё сочувствие и моя совесть пытались

доказать, что я мыслю чересчур эгоистично и введу себя подобно ребёнку, но я уже давно научилась договариваться с ними. Теперь мы все были против Фила.

Когда Лили и Майк соизволили уйти, я сказала, что мне необходимо дождаться техничку именно здесь, поэтому осталась. Проверив, нет ли их где-то поблизости, я вернулась в каморку, увидев, что Гардинер уже вылез из шкафа и, глядя в телефон, сосредоточенно что-то печатал. Нахмурившись, я подошла к нему и уже собиралась было что-то сказать, как парень, засунув мобильник в карман, вдруг положил обе руки на мои плечи и сказал:

— Мне нужно бежать, сегодня иди домой без меня.

— Но... — я попыталась возразить, однако странный блеск, появившийся в его глазах, уже говорил о том, что ничего у меня не получится.

Так и вышло, поскольку Фил, толком даже не взглянув на меня, быстро отдал мне ключи от каморки и уже почти на выходе произнёс:

— Я расскажу всё завтра, в наш День откровений. Не скучай!

Я невольно даже подняла руку, словно хотела схватить его и остановить, но застыла посреди этого действия, крепче сжимая в другой руке отданные им ключи. Но сегодня ведь четверг... И наш День откровений, о котором мы договорились неделю назад, именно сегодня. Забыл?.. Или потерялся в днях недели? Вполне возможно.

Я всегда считала себя достаточно понимающим человеком, когда дело касалось формажоров. В конце концов кому, как не мне, знать, что иногда случаются ситуации, которые не зависят от нас. В любой момент может произойти что-то, заставляющее человека сорваться с места и стремглав рвануть куда-то, как это только что сделал Гардинер. Я действительно всегда считала, что могу понять это. Почему же сейчас это мерзкое чувство обиды, появившееся ровно в тот момент, когда парень сказал, что ему нужно уходить, не отпускало меня? Я всё понимала, но в то же время в голове крутились весьма некорректные в данной ситуации вопросы.

Что произошло? Это настолько важно, что нужно вот так вот уйти? Конечно, это важно. Иначе бы ты не бросил меня и не забыл то, о чём мы договаривались. Правда ведь?

Сколько бы я ни пыталась отогнать от себя подобные мысли, ничего не получалось. Поэтому я решила отвлечься. Как ни крути, мне действительно нужно было дождаться нашу техничку, чтобы отдать ей ключи, поэтому я решила поделаться домашнее задание, выудив из шкафа сумку, которую с перепугу там и оставила, когда предстала перед Майком и Лили.

Никогда не была фанатиком учёбы, но время, проведённое за уроками, всегда проходило быстро, если мысли, которые были альтернативой сему занятию, не были очень радужными. Мне показалось, что я только села, как вдруг уже пора было собираться домой. Когда пришла домой, с сожалением отмечая, что сегодня ведь нет занятий на курсах, то быстро пообедала, перекинувшись парой слов с мамой, после чего опять засела за уроки.

Когда моя голова болела уже настолько, что я даже не понимала, чего от меня хотят в том или ином задании, я, откинувшись на спинку стула, устало потёрла уже болевшие от перенапряжения глаза, тяжело вздохнув. Странно всё-таки, что меня обидела такая мелочь. Я, конечно, обидчивая, но не настолько же. Возможно, дело в том, что я слишком ждала этого, но не получила желаемого. А может ещё в чём-то. Кто знает.

Вздохнув, я решила, что самое время перекусить. Семь вечера — прекрасное время для позднего ужина, который Люси или Долли, я уверена, приготовили. Лелея эту мысль, я спустилась со второго этажа, не без удовольствия отмечая, что теперь Роберт в это время

всегда дома. Знаю, что в любой момент на работе может произойти аврал, но тогда он будет опаздывать лишь несколько дней, а не задерживаться едва ли не до полуночи всё время, включая выходные.

Родители, несмотря на обещание, так и не рассказали, как помирились. Мне досталась лишь пара предложений, из которых можно было лишь сделать вывод, что мама прижала отца к стенке и по-мужски с ним поговорила. В подробности никто не вдавался. И даже если мне было интересно, то я всё равно не заставляла никого рассказывать, довольствуясь тем, что теперь ужинаем и завтракаем мы всей семьёй. Не считая моих набегов на холодильник, которые происходят явно чаще, чем три раза в день.

Вот и сегодня родители сидели в гостиной и смотрели телевизор, я же, вызывая улыбку у Долли, которая в последнее время помогала маме по дому всё чаще из-за того, что у Люси возникали другие дела, уплетала приготовленные ею вафли. Не сказала бы, что это был мой любимый десерт, но если с яблочным соком, а если ещё и горячие...

— Кэтрин, открой дверь! — послышался крик отца из гостиной, отрывая меня от процесса поглощения пищи.

— Вам же ближе! — жалобно простонала я с набитым ртом, выжидающе посмотрев на Долли.

Горничная сочувствующе посмотрела на меня, после чего, что-то сказав моему отцу о том, что ему следует опять привыкнуть к её присутствию, направилась открывать дверь, а я лишь довольно продолжила жевать вафли. Но мне, видимо, не хотели давать их доедать, потому что уже через минуту папа вновь крикнул:

— Кэтрин, иди сюда! Смотри, кто пришёл!

Его голос звучал настолько радостно, а слова были такими непривычными для гостей, которые обычно навещали нас, что я даже поперхнулась. В первую секунду мне подумалось, будто приехали бабушка с дедушкой, что было бы весьма печально хотя бы потому, что они начали бы спрашивать, как там дела в школе. Узнали бы о постановке. И хоть до директора дошли бы, но на репетицию попали бы. А ещё их комментарии по поводу моих отношений с Гардинером... Нет, только не это. Это же как ангел и демон, сидящие на разных плечах. Бабуля всё просила меня присмотреться к окружающим меня людям, а дед с улыбкой заявлял, что я умница — такого парня отхватила. Как же я, при всей любви, не хотела, чтобы они нагрянули так внезапно — до того, как я успела подготовиться, а ещё и в тот день, когда у меня было далеко не самое лучшее расположение духа.

Быстренько прожевав кусок, бывший на тот момент у меня во рту, я помчалась в гостиную, на ходу вытирая рот рукой, а также по пути упрашивая все высшие силы, чтобы это был кто угодно, но не бабушка с дедушкой. И это был один из тех раз, когда судьба решила смилостивиться надо мной.

Оказавшись в гостиной, я увидела, как Роберт стоял рядом с каким-то мужчиной, с улыбкой пожимая ему руку, а вот рядом с Люси стояла другая женщина — худая, буквально миниатюрная и очень хрупкая на вид. Секунда понадобилась мне для того, чтобы узнать обоих.

— Сэм! — радостно воскликнула я, осознавая, что нужно было бы поздороваться ещё и с мистером Уильямсом, но ничего не могла с собой поделать.

Стоило увидеть маму Гардинера, как плохое настроение будто рукой сняло. Слабо отдавая отчёт собственным действиям, я буквально подлетела к женщине, с радостью заключая её в крепкие объятия, с удовольствием вслушиваясь в её смех, который не слышала

уже так долго. Кто бы мог подумать, что я смогу так соскучиться по человеку, который не является ни моим родственником, ни близким другом? Просто... Это было необъяснимо, но Сэм всегда располагала меня к себе, с первого дня нашего знакомства. Мы общались не очень много, но я безумно любила её, как если бы она была моей сестрой, пусть и гораздо старше. Когда я узнала, что её здоровье ухудшилось, очень переживала, но нам никто ничего не говорил. Мы не виделись, наверное... Почти полгода? Больше? Меньше? Казалось, что гораздо больше, практически вечность.

Отстранившись от неё, я не смогла удержаться от внимательного осмотра. Всё ещё очень худая и бледная, но ни худоба, ни бледность теперь не казались такими болезненными. Некогда сухие и потрескавшиеся побелевшие губы сейчас вновь приобрели свой яркий цвет, делая её улыбку красивее. Ещё никогда она не казалась мне такой идеальной, даже утратившие силу каштановые волосы, в которых начала прорисовываться седина, не портили её.

— Рада видеть тебя, Кэтрин, — с улыбкой сказала она, незаметно для меня обхватив мои ладони своими.

— А я-то как рада! — широко улыбаясь в ответ, произнесла я, после чего повернулась к Эллиоту и, чтобы не казаться невежливой, сказала: — Вас тоже рада видеть, мистер Уильямс.

— Взаимно, Кэтрин, — слабо улыбнулся мужчина, хотя даже такая улыбка много стоила, учитывая, что он вообще редко кому улыбался. — Давно не виделись.

— Это уж точно! — протянула я, вновь поворачиваясь к маме Филадельфии. — Надеюсь, теперь проблем со здоровьем нет?

Женщина, продолжая улыбаться, лишь крепче сжала мои руки в своих и ответила:

— В моём возрасте они будут всегда, но самое страшное позади. У меня были некоторые проблемы с сердцем... Но теперь, уверяю, вам не стоит волноваться. Эллиот сделал всё возможное, чтобы я не попала в больницу снова.

— Теперь твоя очередь делать всё, чтобы не попасть туда. Соблюдай уже режим, ради всего святого! — строго, но с улыбкой произнёс отец Филадельфии.

Я же нахмурилась. Больница? Разве Гардинер говорил что-то о том, что Сэм попала в больницу? Мне всё это время казалось, будто она лечится дома. Эллиот ведь сам говорил, что он может обеспечивать лечение своей супруги на дому.

Судя по лицам моих родителей, переглянувшихся друг с другом, не одна я находилась в неведении. Быстро, чтобы больше никто не обратил внимание на эту заминку, Люси осторожно поинтересовалась:

— И сколько, получается, ты лежала в больнице?

На секунду женщина задумалась, но потом ответила:

— Если не считать того, что меня возили туда раз в два дня на процедуры до того, как я вынуждена была занять своё место в палате... Чуть меньше, чем два месяца, а всё из-за реабилитации. Это были самые ужасные два месяца в моей жизни, скажу я вам, поэтому сегодня я едва ли не прыгала от радости, осознавая, что меня наконец-то выписали.

Обычно мне удавалось лучше справляться со своими эмоциями, но на сей раз это у меня не получилось. Сэм тут же заметила изменения в выражении моего лица и поспешила поинтересоваться, что же случилось, но я смогла лишь отрицательно покачать головой, мол, ничего страшного.

Но... Два месяца? Получается, вот уже два месяца мама Гардинера лежала в больнице, а

он же мог разве что навещать её там? И никому не сказал?

— Вы, кстати, не против, если мы подождём здесь Фила, правда? — словно частично прочитав мои мысли, спросила Сэм, поставив всех обитателей этого дома в тупик своим вопросом.

— Подождёте?.. — спросил Роберт, по всей видимости, так же ничего не понимая, как и мы с мамой.

Мать Фила заметно напряглась, но, пытаясь сохранить спокойствие, уже не очень уверенно произнесла:

— Он сказал, что вернётся ближе к восьми сегодня. Так ведь?

— Вернётся? К нам домой? — с искренним недоумением спросила Люси, положив одну руку мне на плечо и крепко сжав его. Атмосфера в комнате стала более тяжёлой.

Эллот, нахмурившись, подошёл к своей жене, обнимая её за талию, словно желая уберечь от чего-то, а после с нажимом проговорил:

— Я был слишком занят в больнице, так как, помимо работы, львиную долю времени забирало то, что я ухаживал за Сэм, поэтому появлялся дома крайне редко, считайте, жил на работе. И тогда вы, — он обвёл взглядом моих родителей, — предложили ему пожить у вас, и он согласился. Так ведь?

Нет, не так. Чёрт возьми, всё было совершенно не так, как думали его родители!

Я отвернулась от Сэм, лишь бы она перестала так внимательно всматриваться в моё лицо. Постепенно, шаг за шагом ко мне приходило понимание того, что происходит. Тот раз, когда он провожал меня после курсов и обмолвился, что дома его никто не ждёт. А потом тот день, когда он сказал, что не может нормально спать из-за того, что дома тихо. Да и сам тот факт, что он спокойно уехал из дому, где, как предполагалось, находится его болеющая мама.

Не сдержавшись, я хлопнула себя ладонью по лбу, абсолютно не стесняясь привлечь всеобщее внимание. Господи, ну почему, почему же всегда вся картинка идеально складывается воедино тогда, когда уже слишком поздно? Сейчас мне это всё кажется очевидным, ранее же и в голову не приходило.

— Фил пару раз ночевал у нас, это правда, — мягко начал Роберт, знаками показывая Эллоту, что Сэм лучше бы присесть, — но он не живёт у нас. Он должен быть дома.

— Но его там нет! — воскликнула женщина, отчаянно вцепившись в супруга. — И не просто нет... Первым делом я проверила его комнату. Там нет его вещей. Ни одежды, ни техники, ни даже учебников... Там ничего нет. И телефон выключен, иначе мы бы просто поговорили с ним, а не приехали к вам.

— Успокойся, — Люси отошла от меня, становясь рядом с мамой Гардинера и нежно обнимая её за плечи. — Не так давно он отключил свой телефон только потому, что они с Кэтрин уехали за город в поездку, но ничего, как видишь, с ними не случилось. Давай мы сейчас спокойно попробуем подумать, куда он мог направиться. Хорошо?

Внешне моя мама казалась спокойной, но по её взгляду можно было легко понять — эта новость её не на шутку обеспокоила. Боже мой, Фил... Не ты ли первым просчитывал свои действия на десять шагов вперёд, лишь бы твоя мама лишний раз не волновалась? Отчего же допустил такую оплошность теперь и куда направился? Ума не приложу...

===== Глава тринадцатая =====

К сожалению, идей, куда бы мог направиться Фил, в голову никому не приходило. Поначалу мы решили просто попытаться дождаться Гардинера, так как надеялись, что он

придёт к сказанному родителям времени, как и собирался, но он не пришёл. После мы начали думать, куда бы он мог направиться, но мест было не так много. И все они отпали.

Мы попытались позвонить тем двум братьям, к которым как-то возил меня Фил, чтобы покататься на лошадях. Это первое место, которое пришло в голову его маме, так как у парня наблюдалась тенденция сбегать ото всех туда. Естественно, нам сказали, что его там нет, но Эллиот ни на секунду не поверил этому, потребовав быть честными, так как сложившаяся ситуация очень волнует Сэм. Но даже тогда, хоть голос мужчины, говорившего с мистером Уильямсом, и был переполнен сожаления, ответ не изменился.

Вторым пунктом в списке были друзья. В конечном счёте, Фил часто ночевал у них, когда не хотел оставаться дома, поэтому логично было позвонить Майку и Генри, чтобы спросить, нет ли парня у них. Но даже там его не оказалось.

Третьим вариантом могло бы стать что-то ещё, но, к сожалению, такового не было. У Гардинера было не так много мест, куда он мог бы и хотел пойти, и вот все они закончились. Либо он остался у друзей, о которых ничего не рассказывал своей матери, либо нашёл ещё какое-то место для ночёвки, либо что-то ещё. И, к сожалению, на связь он всё так же не выходил.

Сказать, что беспокоиться начали все, — ничего не сказать. Даже Эллиот, обычно хорошо (даже чересчур) державший себя в руках, нервно расхаживал по комнате, приложив руку, в которой был мобильный телефон, тыльной стороной ладони к губам, отчаянно пытаясь понять или вспомнить, куда мог запропасться этот несносный ребёнок. Однако мужчина и сам прекрасно понимал, что в этой комнате у него меньше всего шансов на что-либо подобное, учитывая, что они с Филом никогда не были близки, несмотря на старания его матери.

— Он точно ничего тебе не говорил? Вообще ни словом не обмолвился о том, что может куда-то пойти? — в который раз задавал одни и те же вопросы мистер Уильямс, заставляя меня лишь горько вздохнуть и покачать головой.

— Я только сейчас поняла смысл всех его фраз, когда он намекал на то, что ему не нравится находиться дома одному, так что... — тихо произнесла я под пристальными взглядами взрослых.

У них уже возникло подозрение, что это побег. Подростковый бунт, всплеск гормонов, потому Фил взял и попросту сбежал. Я сразу отмела эти мысли в сторону, прекрасно понимая, что Гардинер не стал бы так поступать. Как показывает практика, интуиция меня подводит крайне редко — с Рэнди же я оказалась права.

И всё же... А если сбежал? Если это действительно так, и Фил просто собрал свои вещи и уехал... Тогда в этом могла быть виновата и я. Мне казалось, что в этом действительно есть моя вина. Если бы я была внимательнее, если бы я тогда не сорвалась и не прервала нашу поездку, если бы я так не грузилась собственными проблемами и нашла время поговорить с ним хотя бы немного раньше... Да даже если бы настояла, чтобы он рассказал мне о своих проблемах в тот же день, что раскрылась и я, этого ведь могло не произойти! Знаю, что все начинают себя винить в подобных ситуациях, если что-то случается с человеком, который им небезразличен. И всё же...

Мы могли бы просидеть так всю ночь, если бы не Эллиот, который настоял, что Сэм, несмотря ни на что, необходимо отдыхать. Они собирались поехать к себе, но моя мама не хотела их никуда отпускать на ночь глядя, предложив остаться у нас. Мистер Уильямс согласился с тем, что Сэм не стоит в такое время ездить туда-сюда, учитывая, что она только

выписалась из больницы, но никто не хотел отметить возможность возвращения Гардинера домой, потому он решил всё же направиться туда. Сэм же, уже отчаявшись спорить со своим супругом, приняла предложение моей матери остаться у нас, разместившись в той же комнате для гостей, где обычно ночевал её сын.

Я очень надеялась, что миссис Уильямс устала достаточно для того, чтобы хоть немного поспать, поскольку мне толком не удалось сомкнуть глаз. Преследуя неведомые цели, я даже спросила у Лили и Дженни, нет знают ли они, где может быть Фил, прекрасно зная ответ на вопрос, но попытка — не пытка. Где-то в час ночи, наплевав на позднее время, мы все втроём созвонились, пытаюсь придумать, куда ещё мог бы направиться парень. Конечно, если не знала ни я, ни его родители, ни Майк и Генри, то у двух девушек, при всём моём уважении, шансов было ещё меньше, поэтому большую часть времени они старались успокоить меня. И уже за это я была им благодарна.

— Просто приди завтра в школу, — сказала Дженни перед тем, как мы решили завершить разговор, ведь время близилось уже к трём ночи. — Если ты в последний раз видела его именно там, всегда ведь есть шанс, что он явится туда и завтра, верно? А мы с Лили подумаем, как ещё можно помочь.

— Именно, — подхватила подруга, оставаясь бодрой даже в такое позднее время. — Не вешай нос, Кэтрин! Ты же знаешь: Фил не из тех, кто поступает столь безответственно.

Я, не скупясь на слова, поблагодарила их, после чего отключилась и, обхватив ноги руками, уткнулась лбом в колени, прокручивая в голове последние слова Лили. Фил действительно был не из тех, кто обычно поступает таким образом, но это не успокаивало, а беспокоило только сильнее. Пусть я буду законченной пессимисткой, но именно это и заставляло думать, будто с ним что-то случилось. Сидя на кровати в такой позе, я почувствовала себя ещё более маленькой и жалкой, не способной найти выход из сложившейся ситуации. И это мерзкое чувство отпустить не желало.

Утром я была похожа на привидение — бледная, с тёмными кругами под глазами, которые лишь чудом удалось хотя бы немного замаскировать тональным кремом. Мои родители выглядели лишь немного лучше, как и Эллиот, утром заехавший за своей супругой, к сожалению, без радостных новостей о том, что Фил вернулся, а о Сэме же я в первую секунду, как только увидела, подумала, будто она не спала всю ночь, хотя надеялась, что это не так.

У нас был небольшой план действий. Я собиралась поехать в школу, чтобы разузнать всё там (в конце концов, давайте не будем забывать, что есть ещё господин Придурочное Наказание, который писал сообщения Филу), а мистер и миссис Уильямс воспользовались моей идеей попросить Стивена вновь дать контакты Джона и его родителей, чтобы выспросить, не могло ли исчезновение их сына быть хоть как-то связано с их конфликтом, если это можно так назвать. К сожалению, для начала придётся приложить усилия самостоятельно, потому как первое, что нам скажут, обратись мы за помощью в правоохранительные органы, — подросток просто решил сбежать из дома. И это не пустые слова. Папа уже пытался — ничего. Нужно было просто ждать, каким бы возмутительным это ни было.

К тому же, если Фил собрал вещи, значит он ушёл куда-то осознанно, сам. Это не давало никому покоя и лишь подливало масло в огонь. Самым ужасным было то, что я слабо понимала мотив. Только из-за того, что он один дома? Если он не остановился у кого-то, а просто переехал, есть ли хоть какая-то логика в подобного рода действиях? Хоть убейте,

понять я не могла.

К сожалению, моё посещение школы не принесло ровным счётом никаких результатов. Сам Гардинер туда не явился, от друзей помощи было ровно столько же, сколько и ночью. Всё, что они могли сделать, — это утешить меня и безустанно пытаться звонить Филу, надеясь, что вот-вот он возьмёт трубку, но безрезультатно. Даже когда я подошла к Торнтону, с которым как-то подрался парень, а после не явился на его День рождения, где должно было состояться своеобразное перемирие, ничего я не узнала.

Джон искренне удивился, когда я спросила, не знает ли он, где сейчас Гардинер. И, что характерно, он даже предложил помочь, поспрашивав у своих знакомых, не видели ли они его. Это было странно, поскольку раньше все их встречи (мне ли не знать) заканчивались тем, что кто-то бил кого-то, а то они и взаимно устраивали обмен подобного рода любезностями. Сейчас же Торнтон спокойно отреагировал на то, что я подошла и начала спрашивать о Филе, а уж то, что он предложил помочь, — вообще нечто из ряда вон.

— У нас с ним были одно время тёрки, — заметив мой скептический настрой, сказал он. Я даже не удержалась и горько вздохнула. «Тёрки»? Да ты был первым в ряду, кто поливал Гардинера грязью, когда на свет всплыла история его детства! — Но сейчас мы всё решили. Правда. К тому же, ты знаешь, как сильно мне могло бы прилететь от отца, если бы выяснилось, что это я что-то с ним сделал.

Честно? Понятия не имела, что всё обстоит именно так, но практика в последнее время показывала, что если главные задиры всех и вся и трепещут перед кем-то, так это перед своими собственными отцами. Быть может, в этом отчасти и была причина их поведения? Срывали зло на тех, кто был в чём-то слабее их или попросту оказался уязвим в тот момент, когда такие решали спускаться на кого-то всех собак. Фил ведь практически никогда не отвечал на подобные нападки. Кроме одного раза...

— Тем не менее, — зачем-то решила упомянуть тот случай я, — это не помешало тебе подражаться с ним тогда.

Глаза парня на долю секунды удивлённо округлились, словно он ждал, что я забуду о том инциденте, однако он быстро взял себя в руки и уверенно ответил:

— Как бы странно это ни звучало, не я был инициатором. Да не вру я, твою же налево! — последнюю фразу он произнёс из-за того, что я недоверчиво посмотрела на него. Но у меня были все причины не доверять ему. Вздохнув, Джон, почесав затылок, сказал: — Да, я, как и многие, не гнушался вернуть словцо, когда дело касалось Гардинера. Он, наверное, думал, что все достаточно быстро успокоятся, если он не будет отвечать, но всем нравилось то, что он ничего не говорит по этому поводу, потому и лезли. Однако в тот день не я сказал то, из-за чего Фил словно с цепи сорвался. Но получил я, — парень поморщился.

Я ничего не сказала, потому как буквально боялась спугнуть его. В последнее время мне в голову всё чаще лезли сравнения, что люди подобны маленьким и испуганным диким зверькам. Одно неловкое движение, и вот он, практически доверившийся тебе, убежит восвояси. Так и тут — одно неосторожное слово, и конец диалога.

— Вообще-то, из-за этого я и бесился при встрече с ним, потому что в тот раз я правда молчал. Но когда кто-то рядом со мной вякнул, что-то о его матери, то он и разбираться не стал, — парень вновь скривился. — В принципе, это всё. Даже если это и выглядит так, будто я пытаюсь выставить себя невинной овечкой... Мне, в общем-то, плевать. Но спускаться на меня всех собак и думать, что я действительно с радостью что-то сотворил бы с ним, не стоит.

— Я поняла, — вздохнув, ответила я, разочаровавшись из-за того, что ничего дельного выпытать не удалось. — Ты только не создавай вокруг этого шумиху, хорошо? И сообщи как-нибудь, если где увидишь его.

Джон лишь кивнул мне в ответ, после чего я, так и не попрощавшись, направилась к выходу из школы. Нужно быть серьёзнее, нужно быть ответственным, ведь скоро экзамены, но я прекрасно понимала, что на уроках до меня не дойдёт ничего из того, что будут пытаться донести учителя, а на репетиции я точно не смогу сосредоточиться. Это была одна из таких ситуаций, когда отвлечься не получится, поскольку проблема требовала немедленного её разрешения.

Оказавшись дома, я, конечно, получила от мамы, но выгонять обратно она меня не стала, с грустью сообщив, что буквально за десять минут до моего прихода ей позвонила расстроенная Сэм. Ничего. Отец уверял, что Джон с позавчерашнего вечера после хорошей взбучки ещё ни разу не вышел за пределы дома, а уж этому человеку можно было верить, вряд ли бы он стал покрывать его. Хотя... Кто знает, конечно, но где-то на периферии сознания я понимала, что мой горе-однорук не при чём. И что тогда?

Я была уверена, что мистер и миссис Уильямс, приготовившись к худшему, уже обзванивали больницы и... те места, в которые звонить до жути не хотелось бы. Но как поступать, если от парня ни весточки?

Время тянулось мучительно, просто болезненно медленно, будто получая садистское удовольствие от того, что с каждой минутой отчаянье достигает своего апогея. Я точно помнила, что сегодня у мамы были какие-то дела, но она сидела дома, словно ожидая, что Фил может заявиться сюда. И она будто не доверяла Долли, которая могла упустить парня, а вот она сама вцепилась бы в него мёртвой хваткой до прихода его родителей. И по ней было видно, что женщина до жути переживает за него. Как и Роберт, практически каждые полчаса звонивший Люси, дабы в который раз услышать то, что новостей нет.

Было около четырёх часов дня, когда у меня начал звонить телефон. Естественно, что в тот момент я первым делом подумала, будто звонит Гардинер, но, конечно же, ошиблась, впервые с унынием взглянув на имя Рэнди, высветившееся на экране. Отвечать не особо-то и хотелось, но на сей раз парень оказался на удивление настойчив. Когда я проигнорировала первый его звонок — он позвонил ещё раз, не желая останавливаться, поэтому я решила взять трубку.

— Алло? — безжизненно ответила я, с трудом представляя, что ему могло от меня понадобиться.

— Я только что разговаривал со Стивеном, — без расшаркиваний начал рыжик и, не дав мне даже слова вставить, спросил: — Родители Фила приходили к нему и спрашивали номер отца Джона... Что-то произошло?

Впервые за всё время нашего знакомства эта его заинтересованность и участие показались мне такими раздражающими, а не обрадовали, как это обычно бывало. Как, интересно, его дядя... Ах, точно... Они же с Филом вместе приходили, когда хотели узнать номер отца Джона. А мистер и миссис Уильямс не могли не объяснить причины, по которой они хотели знать контактный номер родителей одного из учащихся. Но кое-что мне было всё же интересно.

— Почему они обратились именно к Стивену? — спросила я, проигнорировав вопрос, который задал мне парень.

— Он наш куратор, именно он принимает решение, давать доступ к подобного рода

информации или нет, — сказал Рэнди, удивляя меня. Стивен был нашим куратором? Нет, настораживало, конечно, что он частенько отслеживал опаздывающих на занятия и приходил даже не на те пары, которые вёл сам. Но куратор...

— Вау, — только и смогла выдавить я, вставая с кровати, на которой до этого лежала, а после побрела к стене, чтобы дотянуться до выключателя и включить свет в комнате, так как до сих пор не удосужилась сделать этого.

— Ты не ответила на мой вопрос, — напомнил рыжик, когда я прищурилась из-за того, что в комнате стало слишком светло. — Что произошло?

Не торопясь отвечать ему, я вяло пошаркала обратно к постели, рухнув на неё, чувствуя, что я абсолютно выжата. Сил не оставалось ни на что, хотя не сделала я, по сути, тоже ничего. Однако откуда-то у меня всё же нашлось немного энергии для того, чтобы вкратце описать Рэнди сложившуюся ситуацию. Парень притих на то время, что я говорила, будто обдумывал каждое слово, я же просто вываливала на него весь стресс, накопившийся за день, рассказывая не только то, что произошло, но и говоря, что по этому поводу думаю лично я.

— Кэтрин, — послышался голос парня после того, как я закончила, — ты помнишь, что я тебе сказал позавчера на прощание?

Я нахмурилась. Сил на то, чтобы злиться, уже не было, поэтому я, решив приберечь все самые острые слова, которые только знаю, для Гардинера, решила порыться в памяти и выудить оттуда фразу, которая могла иметь хоть какое-то отношение к нашему разговору, раз уж Рэнди решил упомянуть об этом.

— Я попросил позвонить мне, если вдруг что случится, — напомнил рыжик, так как моё молчание явно затянулось.

Его слова заставили меня лишь горько усмехнуться.

— Без обид, Рэнди, — настолько мягко, насколько могла в данной ситуации, начала я, — но я искренне сомневаюсь, что твоя помощь здесь хоть как-то пригодилась бы. С Филом, конечно, стоит поговорить и разрешить ситуацию, с чем тебе, наверное, удалось бы справиться, но его нет. Этот придурок, надумав себе непонятно чего, просто взял и куда-то пропал, а нам теперь ищи его!

Не сдержавшись, я едва ли не прокричала последние слова, поспешно закрывая себе рот рукой. Не хватало ещё сорваться на ни в чём не повинного друга и поссориться с ним тогда, когда всё только разрешилось.

— Я, конечно, не уверен, — немного ступевавшись из-за такой моей реакции, начал Рэнди, — но есть одно место, где Фил чисто теоретически может появиться. И что-то мне подсказывает, что вы не искали там, иначе, думаю, нашли бы хотя бы его вещи.

Несколько мгновений я находилась в каком-то подобии ступора, обдумывая только что услышанное. После, резко сев на кровати, из-за чего в первую секунду даже слегка закружилась голова, я спросила:

— Это что ещё за место такое?

В глубине души я уже готовилась к разочарованию. Фил мог случайно заикнуться о любом из мест, которые мы уже проверили. Но тёплый огонёк надежды упрямо не желал угасать.

— Я узнал об этом случайно, поскольку она находится совсем недалеко от моей школы...

— «Она»? — нетерпеливо повторила я.

— Квартира, — чуть увереннее, чем до этого, ответил рыжик, почувствовав мою

неприкрытую заинтересованность. — Когда Фил хотел разобраться в сложившейся ситуации, думая, что я мог подставить тебя, он пришёл к моей школе. Тогда же мы решили придумать план, как проучить Джона, который, собственно, и воплотили в жизнь. Не помню, что там ему было надо... Но он заходил в какую-то квартиру.

Растерянно посмотрев по сторонам, я пыталась осознать смысл сказанного правильно. Заходил в квартиру? Он живёт у кого-то? Сам снимает? Что?

— Адрес... не подскажешь? — язык заплетался, поэтому я смогла лишь пролепетать эту фразу, но, к счастью, Рэнди был не из тех, кто придаёт слишком большое значение подобным огрехам, начав диктовать адрес, когда я принялась записывать его на с трудом найденной на столе бумажке.

Это была одна из тех квартир в двухэтажных домиках, где не было подъездов, а каждая дверь была дверью от новой квартиры. Кажется, их называют эдвардианскими домами. Такие ещё частенько в сериалах показывают, поэтому я очень обрадовалась, когда парень оговорил этот нюанс. Было бы хуже, если бы эта квартира была в многоэтажке, где пришлось бы звонить в каждую дверь, спрашивая у всех о том, не знают ли они парня по имени Фил Гардинер, а также не соизволят ли подсказать, где он живёт, ведь внутрь Рэнди не заходил.

Наспех одевшись, я даже не сменила домашние штаны на более-менее адекватные по внешнему виду джинсы, пулей вылетев в коридор и просто с невероятной скоростью принявшись обувать сапоги.

— Куда это ты? — в дверном проёме со стороны гостиной появилась удивлённая Люси, глядя на меня так, словно я с неба свалилась.

— Это ещё не точно, поэтому не говори пока никому, — я выпрямилась, чтобы застегнуть пуговицы на своём пальто, которое начала носить, стоило погоде стать несколько радужнее. — Но есть шанс, что я могу найти Фила.

Несколько секунд женщина молча смотрела на меня, обдумывая услышанное, а после произнесла:

— Но ведь нужно наконец-то успокоить Сэм.

— Мам, я не знаю, точно он там есть или нет, — попыталась оправдаться я, уже будучи готовой выйти на улицу. — Мне добираться туда около получаса, если возьму такси. Максимум — минут сорок, если улицы будут забиты. Я напишу тебе, как только всё узнаю, хорошо?

Видно было, что ей не хочется меня отпускать. Мой взволнованный вид явно говорил не в мою пользу, поэтому Люси, как и любая другая мать, опасалась отпускать своего ребёнка под вечер «туда, не знаю, куда», потому и колебалась. Но что-то, видимо, помогло ей принять решение в мою пользу, так как, кивнув, она пожелала мне удачи и, проводив прямо до калитки в нашем дворе, попросив позвонить сразу, как только узнаю что-то.

Поблагодарив маму, я принялась высматривать такси, заказанное накануне, желая увидеть его и сесть до того, как оператор оповестит, что оно прибыло, дабы сэкономить время. Когда машина подъехала и остановилась напротив моего дома, я тут же села в неё, убеждаясь, что это именно та, которую я вызывала, и подтвердила адрес, написанный на бумажке под диктовку Рэнди, попросив по возможности ехать быстрее.

По пути я ещё пару раз набрала Фила, с удивлением обнаруживая, что теперь телефон включён — пошли гудки. Я ждала и ждала ответа, но парень не брал трубку. Будучи очень и очень упрямой, я названивала ему едва ли не всё то время, что мы ехали, но, конечно же, не получила ответа. Сложно было сказать, обрадовало меня то, что мобильный включён, или

нет, учитывая, что ни с кем я так и не поговорила, но это помогло мне собраться, вселило какую-то странную решимость в меня.

Когда такси остановилось, а водитель спокойно произнёс, что мы прибыли в нужное место, я, расплатившись, но даже не удосужившись забрать сдачу, выпорхнула на улицу, принявшись осматриваться. Мне нужна была квартира под номером сто девятнадцать, вот только перед собой я видела квартиры с таким номером, но с приписанной рядом буквой «А» или же «В». Несколько минут я крутилась, словно юла, на месте, желая увидеть нужный мне номер если не с этой, то с противоположной стороны улицы, но мне капитально не везло. Лишь тогда, когда я увидела проходившую по улице женщину и спросила у неё, где нужная мне квартира, жизнь, казалось, начала налаживаться.

Оказывается, по какой-то непонятной системе мне нужно было пройти все квартиры, на которых рядом с номером значилась буква, тогда я и вышла к той, которая была мне нужна. Это была ничем не примечательная, такая же обычная и типичная, как и большинство в этих двухэтажных домишках, постройка, у которой не было абсолютно никаких выразительных черт. Те, кто здесь жил, старались сделать дома хоть как-то непохожими друг на друга, если, конечно же, позволяли средства. Кто-то перекрашивал, кто-то как-то украшал, кто-то высаживал очень много растений, кто-то вешал до жути уютные занавески, которыми можно было любоваться даже уличным прохожим. Эта же квартира выделялась тем, что ничем не выделялась.

Вздыхнув, я подошла ближе, чтобы постучаться или же позвонить в дверной звонок. Так и не решив, что лучше, одной рукой я начала звонить, а другой — стучать. Мало ли. К тому же, как оказалось, это помогает отлично успокоить нервы. Но, видимо, нервы таким способом успокаивались только лишь у меня, поскольку где-то через минуту такой релаксации из близлежащей квартиры выглянула недовольная женщина, кутаясь в домашний халат от пробирающего насквозь холода, преследовавшего людей и в апреле.

— Заняться нечем, что ли? — злобно воскликнула она, заставив меня вздрогнуть и отойти на шаг от двери. Хмурясь, женщина указала рукой куда-то позади меня и не особо-то вежливо произнесла: — Надпись видишь, нет? Слепая?

Проследив взглядом за её рукой, я развернулась на сто восемьдесят градусов, обращая своё внимание на окно. С внутренней стороны, немного съехав, отчего так сразу её и не заметишь, висела бумажка, на которой большими буквами было написано: «Продаётся».

Я с удивлением посмотрела на женщину, которая сверлила меня взглядом, явно ожидая, что сейчас я всё пойму и тихо-мирно уйду, чтобы никогда её больше не побеспокоить. Однако это никак не вязалось с тем, что сказал мне Рэнди, ведь Фил якобы заходил туда... Неужели рыжик ошибся или я перепутала адрес?

— А там разве не живёт никакой парень? — на всякий случай решила уточнить я, прекрасно понимая, что даже если Фил там и бывал, то он вовсе не обязан там жить.

— Сейчас там вообще никто не живёт, а до этого Салли жила, — проговорила она и усмехнулась. — Кажется, тот мальчик, что назвал тебе этот адрес, таким образом дал тебе от ворот поворот. Успокойся, в жизни и не такое бывает.

Я лишь покачала головой, когда она начала строить совершенно неверные предположения, после чего с надеждой спросила:

— Если не жил, то, может, появлялся?

— Да смотря о каком парне ты говоришь, — недовольно передёрнув плечами, ответила женщина, зябко поёжившись. Мне стало её жаль, но нужно было постараться выяснить хотя

бы что-то. — Я же не обязана всех мужиков Салли помнить.

— Недавно, — подойдя на пару шагов ближе к женщине, заставляя ту вздрогнуть, настаивала я. — Буквально пару дней назад.

— Точно нет, Салли уже пару недель, как съехала... — поначалу резко ответила незнакомка, но в следующий миг осеклась. — Хотя приходили тут двое не так давно... После них надпись появилась, наверное, они и повесили.

Моё сердце забилось быстрее, стоило женщине произнести эти слова. Фил и Рэнди. Это могли быть Фил и Рэнди!

— Один был рыжим, да? — решила уточнить я, зная: если что и могло привлечь взгляд постороннего человека, так это волосы Рэнди.

— Вроде бы, — женщина не на шутку всполошилась — её явно настораживали мои слова.

Ещё бы. Я бы тоже заподозрила неладное, если бы ко мне пришла какая-то незнакомка и начала расспрашивать о таких же незнакомых мне людях. И стоило бы ещё подумать, к кому относиться с большим подозрением, — к ней или же к ним.

— Пожалуйста, — я сделала шаг вперёд, а женщина — два назад. — Просто... Понимаете, дело в том, что один из этих парней пропал. Мы не можем найти его вот уже несколько дней, — осознанно слукавила я, дабы отбить у незнакомки любое желание отказать мне в помощи, — последний раз его вроде бы видели здесь. Если есть шанс, что они знакомы с бывшей хозяйкой этой квартиры... Может, у вас есть какие-нибудь её контакты?

Я смотрела настолько жалобно, насколько могла, практически и не играя. В тот момент я чувствовала себя героиней какого-то сериала, но не хотела придавать этому особого значения, так как больше вариантов, где мог бы находиться Гардинер, попросту не было. Если его не найти сегодня, а потом довести дело до поисков с помощью полиции, у которой уже не останется причин для возражений... Что тогда будет с Сэм?

— К сожалению, мы с ней не были особо близки, общались только тогда, когда на улице пересекались, — с сожалением сказала женщина, видимо, поверив моим словам и смягчившись. — Я даже фамилию её толком не помню — всё по имени звала.

— Совсем ничего не помните? — жалобно протянула я, чувствуя, как рушатся последние надежды.

Эллиот говорил, что не станет затягивать. Не найдём Филадельфия самостоятельно сегодня — поднимет всех на уши, но заставит искать, даже если парень сбежал самостоятельно. В конце концов, он собирался сделать это с самого начала и сделал бы, если бы сама Сэм не попросила подождать, припомнив, как часто сам мужчина, по его же словам, совершал побеги в детстве. И всегда возвращался. Конечно, это обычно происходило в тот же день, но всё же...

— О, — вдруг подала голос женщина, вспомнив что-то. — Я помню, как она говорила, что работает в больнице. Недалеко отсюда.

— Вы не помните, что это за больница?

— Если поспрашиваешь у прохожих — подскажут так, что не ошибёшься. В дурке она работает.

Я несколько раз удивлённо моргнула.

— В «дурке»?..

— Больница для душевнобольных, если тебе так больше нравится, — скривилась соседка некоей Салли. — Можешь у прохожих спросить о ней. Могут что подсказать, я сама

подобным не интересовалась.

Не дождавшись ответа от меня, женщина, принявшись растирать свои плечи руками в попытке согреться, быстро направилась к двери, давая понять, что разговор окончен, а после скрылась за дверью с красовавшимися на ней цифрами номера квартиры, оставляя меня одну. Какое-то время я стояла на месте, будто приросла к земле, так как совершенно не знала, что делать мне с полученной информацией.

Больница. Я за всю жизнь была только в двух в нашем городе. Больница для душевнобольных. Вот ни разу не была там. Поэтому понятия не имела не то что о примерном её местоположении, я не знала даже, в какую сторону мне сейчас идти. Туда, откуда пришла? В другую сторону? Больница ближе к центру или к окраине города?

Минут пять тихой паники, и я сильно хлопнула себя ладонью по щеке, едва не взыв от боли, которую сама же себе и причинила. Надо что-то делать и спрашивать у прохожих, которых, благо, здесь было достаточно, ведь улица не была безлюдной и нежилой. Именно этим я и занялась, чаще натыкаясь на неудачу, чем на помощь. Я не могла вызвать такси, потребовавшее бы от меня чёткого адреса, которого я попросту не могла назвать. Я не могла воспользоваться интернетом и посмотреть адреса ближайших больниц подобного направления, так как попросту не настраивала его у себя, впервые в жизни пожалев, что не удосужилась сделать это. Всё, казалось, было против меня ровно до тех пор, как один пожилой мужчина сказал, что я забралась слишком далеко и посоветовал сесть на автобус, который останавливается как раз недалеко от этой больницы — мне останется пройти лишь немного. И даже номер автобуса любезно подсказал, и дорогу к нему указал.

Сглотнув, я, понятия не имея, как и когда мне вообще расплачиваться, направилась к автобусу, уже стоявшему и набиравшему пассажиров на тот момент, как я подошла к остановке. Не считая экскурсионных и школьных автобусов, которые возили бы меня, к примеру, в тот же лагерь, я никогда ими не пользовалась и уж точно не оплачивала проезд самостоятельно — надобности не было. И сейчас я впервые в жизни почувствовала себя настолько беспомощной просто из-за того, что оказалась в общественном транспорте. Стыд и позор. Я ведь даже не знаю, как правильно попросить, чтобы меня высадили. А вдруг глупость скажу?

То ли удача решила в кои-то веки мне улыбнуться, то ли я действительно выглядела настолько жалобно, но одна добрая женщина, державшая за руку, как я поняла, свою дочку, любезно помогла мне разобраться со всеми премудростями покупки билета, отведя к кассе, после чего даже подсказала, на какой остановке такой непутёвой мне стоит выйти. Где-то тысячу раз поблагодарив её за помощь, я с лёгкой душой вышла из транспорта, столкнувшись с новой проблемой. В какой стороне больница? Где она?

Да уж, Кэтрин Моллиган. Ты — форменная неудачница. Не следующий День рождения попроси у родителей гида, который научит тебя пользоваться общественным транспортом и проведёт по всем стратегически важным местам города, не забыв включить в этот список больницы. Все, пожалуй. Для надёжности.

Как ни странно, когда спрашиваешь, наверное, двадцатого прохожего за день, вся стеснительность куда-то пропадает, поэтому я весьма спокойно интересовалась у спешивших (и не очень) по своим делам людей, куда мне надо идти. Кто-то даже спросил, не туристка ли я. Хотя лично мне было сложно представить, что туристка могла забыть в больнице для душевнобольных, ну да ладно.

Мама, не вытерпев того, что я так и не вышла на связь, не сообщив ей ничего, позвонила

сама, тогда я обнаружила, что вышла из дома почти два часа назад, а время уже близилось к шести вечера. Сказав, что, возможно, нашла на след, я не стала уточнять, где именно нахожусь и какое здание ищу. Мало ли, что могло прийти женщине в голову, учитывая, что к нам домой приехала Сэм, а Люси очень сложно всегда было держать в тайне от человека те вещи, которые могли значительно улучшить ему настроение. Но я попросила всё же немного подождать, а сама продолжала всеми правдами и неправдами узнавать дорогу к больнице, впервые так чётко осознавая, насколько огромен этот город. Мне говорили названия улиц, о которых я, живя тут всю свою жизнь, даже не слышала.

С горем пополам, минуя множество странных мест, от которых в дрожь бросало, — к примеру, сборище бродячих собак, — я вскоре вышла к большому, но старому и обветшалому зданию, на табличке которого было написано, что это именно то, что я искала. Возможно, конечно, я пересмотрела фильмов ужасов, но заходить туда не особо хотелось — эта больница выглядела пугающе и казалось, что хотя бы один доктор точно должен оказаться маньяком. Но я всё же справилась со своим приступом паранойи, двинувшись дальше.

Оказавшись внутри, в холле, тут же ощутив ударивший в ноздри резкий запах медикаментов, я поморщилась, хотя с удивлением заметила, что внутри ещё ничего так. Если где и делали ремонт, так это здесь. Взять хотя бы столик, за которым стояла девушка, которая сейчас разбиралась с карточками пациентов. Новый, белый, чистый — прямо как в фильмах показывают. Именно к нему я и решила подойти, чтобы поинтересоваться у девушки, не знает ли она никакой работницы по имени Салли. Хотя здесь и нигде не было написано, что это справочная, узнать было больше не у кого.

К моему удивлению, незнакомка оказалась достаточно приветливой и не отправила меня куда подальше с такими просьбами, а вежливо уточнила, не знаю ли я её фамилии, и, получив отрицательный ответ, лишь слегка нахмурилась, сказав, что мне придётся подождать немного подольше, раз я не могу предоставить никакой конкретной информации. Естественно, она поинтересовалась целью моего прихода, поэтому мне пришлось на ходу сочинять, что мне нужно поговорить с ней об одном пациенте, имени которого я называть не стала.

Эта медсестра (я не знала её настоящей должности, но все молодые девушки в белых халатах у меня автоматически попадали под класс медсестры) оказалась довольно юркой, поэтому ждать мне пришлось не больше десяти минут. В больнице работало всего три девушки по имени Салли, одна была доктором и уехала на какой-то симпозиум, одна была медсестрой, ещё одна оказалась уборщицей. Девушка предположила весьма верно, решив, что я ищу явно не уборщицу, хотя даже я не была в этом уверена, после чего предложила позвать девушку, которая является здесь обычной медсестрой, недавно окончившей интернатуру.

Я согласилась, подумав, что это, пожалуй, даже логично. Нет, круг общения Филя был настолько разношёрстным, что я бы не сильно удивилась, будь он знаком с доктором, уехавшей на симпозиум, но всё же надеялась, что парень не переключился на девушек постарше, если уж и общаясь с кем-то из этой больницы, так с бывшим интерном.

Боже мой, всё было настолько притянуто за уши, что мне оставалось надеяться лишь на то, что мне повезёт... В конце концов, я сегодня проделала просто огромнейшую исследовательскую работу, могло же мне повезти? Даже если она не знала конкретного местонахождения Гардинера, могла же она хотя бы подсказать мне, в каком направлении двигаться? Если не найду хоть что-то сейчас... Я просто сдамся и в слезах, которые уже в

который раз за день готовы были вот-вот покатиться по щекам, пойду домой, где у меня будет самая настоящая истерика.

Вскоре в коридоре появилась девушка с длинными светлыми волосами, завязанными в хвост, с тёплой кофтой в руках, которую она прижимала к своей груди, будто та была чем-то ценным. Подойдя к медсестре, которая позвала её, она что-то у неё спросила. Девушка, мило улыбнувшись, что-то сказала в ответ, после чего указала на меня, заставив моё сердце подпрыгнуть и рухнуть куда-то в пятки. Только бы это оказалась нужная девушка. А если и нет, хоть бы она не была злой и не устроила скандал. Боюсь, если на меня сейчас повысят голос, я разревусь прямо на месте, чувствуя себя слабой и униженной.

Удивлённо окинув меня взглядом, блондинка медленно, цокая своими каблуками, подошла ко мне, остановившись на расстоянии всего пары шагов от меня. Ещё раз внимательно осмотрев меня с ног до головы, будто надеясь узнать, она вежливо задала стандартный вопрос:

— Вы хотели со мной поговорить?

Глядя сверху вниз на эту девушку, которая даже на каблуках, пусть и совсем невысоких, была немного ниже меня, я спросила:

— Этот вопрос может показаться вам странным, но... Вы ведь проживали по этому адресу, так ведь? — я протянула ей бумажку с адресом, которая успела изрядно помяться в моём кармане. Не стоит называть имён и спрашивать о Филе, пока я не смогу убедиться, что нашла нужного мне человека.

Удивлённо вскинув брови, Салли приняла записку из моих рук, внимательно вчитываясь в довольно кривые (мой почерк никогда не был идеальным, особенно когда я писала быстро) буквы на бумаге, после чего с подозрением посмотрела на меня. Слишком много мыслей было на тот момент в моей голове, чтобы выделить какую-то одну, поэтому я просто ждала, когда она заговорит первая.

— Допустим, — сказала она, возвращая мне записку, а я почувствовала, что сердце забилось быстрее. — И по какому же вы вопросу ко мне обратились?

— Тогда, — облизав пересохшие от волнения губы, начала я, — вы знаете человека по имени Фил Гардинер? Или нет?

Девушка, стоявшая напротив, нахмурилась сильнее, крепче обхватив обеими руками свою кофту.

— Вы сами понимаете, что ваши вопросы без каких-либо объяснений звучат, по меньшей мере, странно? — спросила она уже не так вежливо, как раньше.

Нервно переступая с ноги на ногу, я внимательно смотрела на неё. Она не стала уточнять, о ком я говорю. Это означало, что она, скорее всего, знает Фила. Или мне просто слишком хотелось, чтобы это было правдой.

— Дело в том, — я сделала глубокий вдох, а затем выдох, после чего буквально скороговоркой выпалила всё, что ей нужно было знать: — Не так давно Фил куда-то отправился, после чего пропал. Его нигде нет, нет его вещей, на звонки он не отвечает. Его родители, обнаружив пропажу, очень, действительно очень сильно переволновались! Мы не стали обращаться в полицию, потому что раньше такое уже было, но найти его пока не смогли... Вернее, пытались, я пыталась, вот так и узнала, что едва ли не в последний раз его видели рядом с вашим домом... Больше не осталось мест, где мы могли бы его искать, поэтому, если знаете что-то...

Я тараторила и тараторила, сбиваясь, запинаясь, путаясь в собственных мыслях и

отчётливо осознавая, что со стороны я звучу, наверное, не очень-то и убедительно. Но я слишком устала, чтобы заботиться ещё и о том, как выгляжу, поэтому просто надеялась, что человек, стоявший напротив, не позволит мне вернуться домой с пустыми руками.

— Кто вы ему? — осторожно поинтересовалась Салли, когда я закончила свой рассказ. Тон её стал мягче, а голос — тише.

— Девушка, — на выдохе произнесла я, после чего зачем-то чётче повторила: — Я его девушка.

Давно, наверное, я не ощущала себя так... странно, оказавшись в полной растерянности, испугавшись. Я будто снова оказалась одна в том проклятом лесу и набрела на кладбище, как это было чуть больше года назад.

Медсестра снова осмотрела меня с головы до ног, после чего сказала:

— Присядьте. Я попрошу Лиззи приготовить чай, чтобы вы успокоились.

— Но... Фил?.. — слишком жалобно произнесла я. До чего же... стыдно.

— Он здесь, вы не ошиблись. Я сейчас позову его, — коротко ответила Салли, отворачиваясь от меня и направившись к девушке, которую, кажется, и звали Лиззи.

Я осталась стоять на месте, недоверчиво глядя на блондинку, которая, сказав пару слов коллеге, которая помогла мне найти её, быстрым шагом направилась в сторону, откуда пришла.

Лиззи — я уже почему-то не сомневалась, что её зовут именно так, — подлетела ко мне с обеспокоенным видом и всё предлагала пойти и присесть на один из стульев, стоявших в коридоре, но я лишь покачала головой, не веря тому, что происходило.

Так просто? Столько нервов, столько часов поиска, столько безрезультатных попыток... И, в итоге, всё? Я нашла его? Уже? Сама? Почему эта новость кажется мне такой нереальной?

Медсестра всё порхала вокруг меня, уговаривая то присесть, то взять тот пресловутый чай, который мне в горло не лез, обеспокоенно озираясь по сторонам. Она бы, может, и не так сильно волновалась, если бы я была способна хоть что-то ей ответить и объяснить ситуацию, но всё, что я могла делать в тот момент, — это молчать и смотреть туда, откуда должен был появиться Гардинер.

На сей раз сложно было сказать, сколько времени прошло, так как казалось, что целая вечность. Позже, когда послышались шаги, а после из-за поворота вышел Фил, удивлённо посмотревший на меня, будто знал, где именно я буду стоять и в какой позе, а после подошёл ближе. Странно было смотреть на него так, будто он уезжал на несколько лет, а сейчас только-только соизволил вернуться, а ведь именно такое у меня было ощущение, когда я всмотрелась в его лицо, в котором, кажется, выучила уже практически каждую черту.

То ли я сильно переволновалась, то ли ещё что, но в тот момент, когда нас разделяло не более двух метров, я просто медленно осела на пол, пугая и без того беспокоящуюся обо мне медсестру и Гардинера вместе взятых. Парень в несколько шагов преодолел разделявшее нас расстояние, опускаясь на колени и с беспокойством заглядывая в моё лицо.

Отдышаться. Мне нужно было отдышаться. Господи, вот же он. Не сломал себе ничего, да на нём вообще ни царапинки не было! Сам в порядке, а теперь обо мне волнуется... Не произошло ничего страшного, вообще ничего. Недоразумение. Все прошедшие сутки — это одно сплошное недоразумение.

— Позвони своей маме, — сказала я в ответ на вопросы шатена о моём самочувствии. Его глаза округлились ещё больше, но я, не объясняя ничего, лишь повторила: — Позвони

маме. Она очень переживает из-за того, что тебя нет дома.

— Она же выписывается сегодня, — с убеждением сказал парень, слегка отстранившись от меня. Кажется, он начал подозревать, что у меня с головой что-то не то. Я бы и сама так подумала, увидев себя со стороны, а вид, подозреваю, был ещё тот.

— Вчера, — сказала я, — её, чёрт возьми, выписали вчера!

Странно, но я даже практически не повысила голос. На меня чересчур резко накатило такое странное чувство спокойствия, что я не могла его принять, осознавая, что успокоилась я как-то слишком быстро, несмотря на то, что всё ещё сидела, как последняя идиотка, на полу прямо посреди холла. Но вот он здесь, сейчас он позвонит Сэм, а потом объяснит всё мне. Даже если не захочет — потребую.

Что-то пробормотав Лиззи, которая уже готова была дать мне успокоительное, Фил, заверив, что скоро вернётся, опять ушёл. Если честно, в тот момент совсем не хотелось его отпускать, поскольку казалось, что он опять может исчезнуть, но теперь спрячется гораздо лучше. Я с трудом подавила в себе этот приступ паранойи, позволив медсестре наконец-то усадить себя на стул и приняв из её рук тёплый чай, отказываясь от успокоительного, заверяя, что я в порядке. Если честно, мне и чай не был нужен, учитывая, что я не люблю этот напиток, но он согревал озябшие руки, которые рисковали отвалиться, если я немедленно не придумаю, как их согреть.

Фил вернулся действительно быстро. В руках у него был телефон, он всё ещё разговаривал, то и дело виновато улыбаясь. Я же неотрывно наблюдала за ним, словно он мог помахать мне ручкой и убежать, не возвращаясь больше никогда. Всё это было настолько странно, что я с удовольствием отбросила бы эти мысли куда подальше, если бы только могла. Но не получалось.

Закончив разговор, шатен приблизился ко мне и, кивнув Лиззи, которая повторила этот жест и, подарив мне ободряющую улыбку напоследок, удалилась, присел на корточки прямо передо мной, заглядывая в глаза. Какое-то время мы молчали, после чего он несколько виновато произнёс:

— Если станет легче, можешь вклеить мне затрещину.

Я поджала губы, но ничего не сказала. Это был один из тех редких случаев, когда Гардинер действительно осознавал, что не прав. И, чёрт возьми, он был очень и очень неправ! Насколько неправ, что действительно хотелось ударить его, да посильнее! Но уже в следующее мгновение память подбросила мне все те мысли, которые преследовали меня, когда я не знала, где же он.

Я боялась, что он ранен. Его могли избить, он мог попасть в аварию, могло произойти всё, что угодно. И бить его сейчас было бы настолько нелогично с моей стороны, что буквально хотелось выть.

— Идиот, — выдохнула я, заработав от парня удивлённый взгляд. Конечно, для него моя реакция была ненормальной. Слишком спокойной. Совсем не в моём стиле. — Идиот... Ты самый большой идиот, каких только стоит поискать! Вот какого, спрашивается, ты так поступил? Что за цель ты преследовал? Почему никому ничего не сказал?!

Я продолжала сыпать обвинениями, отчего удивлённый взгляд шатена сменился на понимающий. Пожалуй, он хотел, чтобы я отреагировала именно так. Он позволял мне срываться на него, позволял злиться, игнорируя косые взгляды медсестры, которая наверняка уже усомнилась в моей адекватности. Учитывая место, где мы находились, возможно, она думала, что я пришла по адресу. Но мне было всё равно. Сколько бы ни старалась, я не могла

найти объяснений, почему же Фил, будучи совершенно здоровым и в полном порядке, не пришёл вчера домой и не вышел на связь, заставив всех волноваться. Я ждала от него объяснений, даже если хотела просто обнять, потому что он нашёлся. Но это действительно могло подождать.

Выслушав мой монолог, парень взял обе мои руки в свои, крепко сжав их, призывая к спокойствию. Я сделала глубокий вдох, стараясь перевести дух, так как дыхание сбилось от огромного количества задаваемых мною вопросов, а потом внимательно посмотрела на него.

— Я пропустил День откровений, — начал Гардинер, — надеюсь, ты не будешь против, если я постараюсь реабилитироваться прямо сейчас?

Реабилитироваться. Терпеть не могу это слово, потому что его не употребляют, если речь идёт о чём-то хорошем. Тем не менее, я пропустила это мимо ушей, согласно кивнув, а после позволила парню помочь мне встать, только сейчас осознав, что меня трясло. Весь стресс, снедавший меня на протяжении суток, решил выплеснуться (мне даже нужно было, чтобы он выплеснулся), поэтому сейчас я слегка дрожала, что заставило парня положить свою руку на мои плечи, чтобы куда-то повести. Должно быть, со стороны я действительно выглядела, как сумасшедшая. Даже Фил разговаривал со мной, как с человеком с психологической травмой. Это немного злило, но это чувство было таким незначительным на фоне остальных, что я быстро отбросила его куда подальше.

Парень, всё ещё придерживая, куда-то повёл меня, игнорируя восклицания Лиззи, которая о чём-то просила его, но сама, видимо, понимала, насколько это бесполезно в данной ситуации. Какое-то время я не обращала ни на что внимания. Всё, что мне удавалось, так это думать, как же прошёл разговор Фила с Сэм. Всё хорошо? Ей не стало плохо из-за того, что она переволновалась? Она простила своего сына? Наверняка простила. Сложно было представить, чтобы Сэм злилась на своего ребёнка. Наверное, этого никогда не происходило. Пожалуй, она и руку никогда на него не поднимала. К тому же, ему хватило...

Вздвогнув из-за собственных мыслей, я решила перестать думать о том, что могло заставить меня беспокоиться ещё больше. На секунду в моей голове пронеслась мысль, что следовало бы сообщить обо всём моим родителям, но я надеялась, что Сэм свяжется хотя бы с моей мамой и расскажет ей обо всём. Поэтому, пока мы шли, я принялась осматриваться по сторонам.

Мы шли по пустым коридорам, будто в этом месте вовсе и не было больных. Лишь из некоторых комнат, которые лишь по моему подозрению были палатами, хоть я и не была уверена, раздавались различные голоса. Вскоре мы подошли к лифту, который был достаточно большим для того, чтобы вместить приличное количество человек, но в нём, кроме нас, никого не было. Если честно, меня вообще удивляло, что здесь есть такой лифт. Снаружи это здание определённо очень и очень сильно отличалось от того, что было внутри.

Поднявшись на нужный этаж, мы вышли, тут же будто попав в другое измерение. Здесь были люди, причём очень много людей. Больные, их родственники, друзья, врачи, даже те, кто просто сидел на скамейке в коридоре и ничего не делал. На первый взгляд, всё было нормально. Я знала, в каком месте нахожусь, и с радостью отмечала, что это не было похоже на больницу для душевнобольных, которые частенько изображали крайне ужасными в фильмах. Здесь не было такого, что мужчины и женщины, состоянием напоминавшие «овощей», слоняются туда-сюда без дела и делают странные вещи. Они все казались... Вполне нормальными, что не могло не радовать.

— Мы в крыле для людей, которые пережили сильное эмоциональное потрясение и не

могут с ним справиться, а не для тех, кто разговаривает с воображаемыми друзьями, — сказал вдруг Гардинер, верно трактовав мою реакцию на происходящее. — Они не сумасшедшие.

Я кивнула, слегка устыдившись собственных мыслей, даже если никто, кроме парня, больше не догадался, о чём я думаю. Но ведь он был прав. В таких местах оказываются по разным причинам, и начинать судить людей только по тому месту, где они вынуждены были находиться какое-то время, действительно было очень и очень глупо с моей стороны. Даже грубо.

Фил провёл меня вглубь коридора, по пути поздоровавшись с несколькими людьми, среди которых было несколько пациентов, что наталкивало на определённые мысли. Получается?..

— Я здесь бываю не так часто, — ответил шатен на вопрос, который я даже в мыслях до конца задать не успела, напугав меня. Нет, он точно либо мысли читает, либо я рассуждаю вслух. — Просто обычно задерживаюсь надолго, вот и удалось с некоторыми познакомиться. Хотя, на самом деле, я раньше дальше холла не заходил, только недавно смог добраться до этого места. Это было похоже на многоуровневую игру, когда ты не мог открыть потайную дверь и двигаться дальше.

Он усмехнулся, я же лишь ещё сильнее занервничала. То, что он сказал, никак не отвечало на мой вопрос, зачем ему вообще нужно было сюда приходить, но я не торопилась задавать его, прекрасно осознавая, что мне вскоре всё объяснят. Иначе было непонятно, зачем он привёл сюда меня.

Вскоре мы наконец-то остановились напротив такой же обычной двери, как и все остальные в этом коридоре. Она была слегка приоткрыта, словно таким образом обеспечивала связь с тем, что происходит за пределами палаты, которую она должна была закрывать от внешнего мира. Я вопросительно посмотрела на Фила, ожидая дальнейших объяснений или, быть может, указаний, но парень лишь молчал какое-то время, чуть позже спросив:

— Ты же помнишь моего друга детства?

Я нахмурилась. Что за друг детства и к чему этот вопрос? Смутно я начала понимать, к чему он ведёт, но не смогла не удивиться, когда Гардинер сказал:

— Он попал сюда почти сразу же после того инцидента прошлой зимой. И, как ты можешь убедиться, он всё ещё здесь.

Фил кивнул на дверь, явно призывая меня заглянуть внутрь. Я искренне сомневалась в его желании, чтобы я зашла в палату, поэтому лишь немного придвинулась ближе, чтобы рассмотреть всё через ту щель, которая образовалась между дверью и стеной. К моему счастью, прямо напротив стояла кровать, что позволяло рассмотреть того, кого хотел показать мне Фил, не пытаясь вывернуть шею в неизвестном градусе, пытаясь всё так же оставаться незамеченной.

Поначалу, если честно, в голову не пришло ни одной ассоциации. Ну, лежал на кровати какой-то человек, которому, кажется, было около тридцати лет... Или сколько? Я затруднялась ответить, учитывая, что мой папа в свои сорок всё ещё выглядел достаточно молодо. Предполагалось, что я знаю этого человека, раз уж Гардинер мне его показывает, вот только я не могла вспомнить. Было что-то в нём смутно знакомое, но...

Я отодвинулась, так и оставшись незамеченной, и вопросительно посмотрела на шатена, ожидая подсказки с его стороны. Парень горько ухмыльнулся, после чего произнёс:

— Это Коди.

И всё. Больше ничего он не добавил. Можно было бы сказать ещё хоть пару слов, дабы как-то объяснить сложившуюся ситуацию, но Фил не стал этого делать, дав мне возможность всё осмыслить. Нахмурившись, я ещё раз посмотрела в дверной проём, конечно же, увидев только лишь стену палаты, в которой находился парень, так как на сей раз не вглядывалась, но почему-то именно этот жест непонятным образом помогал собрать мысли в кучу.

Коди. И почему меня не посещало ни единой мысли, хотя бы отдалённо связанной с ним, с тех самых пор, как Фил рассказал мне обо всём в домике Майка? Почему я будто бы предпочла стереть его из жизни, хотя так было делать не то что нельзя — невозможно? Самое интересное, что я сама не знала ответов ни на один из этих вопросов. Это почему-то случилось, а я не могла найти всему объяснений.

— Он выглядит... значительно лучше, — только и смогла выдавить из себя я, когда способность говорить вернулась ко мне.

Почему-то не хотелось смотреть на Гардинера, не хотелось видеть его реакции на эти слова. Потому что я знала: пусть для меня парень и выглядит лучше, для Фила всё совершенно по-другому. Он видел его нормальным, весёлым, по-настоящему живым, в конце концов, а не пациентом подобного рода заведения. Но я другим его, увы, не видела.

— Пожалуй, — на удивление спокойно произнёс шатен. — Всё относительно.

На какое-то время повисла пауза, за время которой Гардинер решил, что в ногах правды нет, а потому предложил пройти ещё немного дальше по коридору, чтобы присесть на стоявшие возле окна стулья и поговорить. Я не сопротивлялась и, ничего не говоря, просто последовала за ним. Возможно, дело было в том, что накопившаяся за день усталость давала о себе знать, но я не могла, да и не знала, что и как сказать. Хотя мне, наверное, и не нужно было что-либо говорить.

Это был тот самый момент, когда опять обо всём говорил Фил. Сложившаяся ситуация до жути напоминала ту, когда я ждала того, чтобы он обо всём мне рассказал тогда, когда мы только начинали встречаться, вот только на сей раз дело было вовсе не в том, что парень не хотел мне что-либо говорить. Он просто не мог, причём не мог из-за меня же. Как жаль, что понять это я смогла только сейчас.

Пока парень говорил, мои чувства менялись просто с астрономической скоростью. В какие-то определённые моменты казалось, что говорят обо всём даже не мне, а ещё я часто задумывалась над тем, чтобы сменить место. И как так получилось, что рассказывает он мне обо всём именно здесь? Почему нельзя было сделать это так же, как я? Пусть и спонтанно, но дома, пусть и откровенно, но наедине?..

Наверное, как раз потому, что это было спонтанно и откровенно. Вряд ли Гардинер преследовал цель выложить всё мне таким вот способом, но именно так получилось, за что я не могла его винить. В конце концов, контролировать сложившуюся ситуацию он попросту не мог, хоть и пытался. И даже если поначалу я действительно злилась, то потом эти чувства стали последним, что я хотела испытывать и испытывала. В конце концов... Он же рассказал, так ведь?

Пожалуй, всё действительно произошло абсолютно не так, как я того ожидала. Когда мы с Филом договаривались устроить День откровений, представлялось всё как-то иначе. В лучших традициях кино (или ещё чего) я думала, что это будет очень красивый, важный и, возможно, немного даже пафосный момент в наших отношениях. Важным он был, а всё

остальное... Оно было попросту не нужно. Ведь не так важно, насколько симпатично выглядит модельер, нарисовавший эскиз безумно удобного, практичного и даже красивого наряда. В нашей ситуации всё было так же.

В какой-то определённый момент стало не важно, где и как именно всё это происходило. Пожалуй, было не важно и то, почему всё это время никто ничего не мог рассказать, это не играло роли. Единственное, что интересовало Гардинера в тот момент, когда он закончил, так это моя реакция. Внимательно посмотрев на меня, парень ждал моего ответа. Я в тот момент впервые в жизни решила всё осмыслить несколько позже. То, что он мне рассказал, определённо было проблемой, достаточно серьёзной и требующей разрешения. Однако теперь, когда я обо всём знала, в голову лезли всякие чересчур самодовольные мысли о том, что ещё есть время, чтобы мы всё решили. Мы, а не он один.

— Спасибо, — сказала я, заставив шатена лишь усмехнуться. — Да, знаю, что это абсолютно неоригинально, а ещё это полнейший плагиат твоих слов, но теперь я наконец-то поняла, что ты имел в виду, когда благодарил меня за то, что рассказала. Именно поэтому я говорю спасибо. Я действительно благодарна.

Красноречивость никогда не была самой сильной из моих сторон, но если я и могла хоть что-то дать ему сейчас, так только это. Не спрашивая парня больше ни о чём, а также не дождавшись ответа на мою предыдущую реплику, я подо двинулась к нему ближе, обнимая. Я не умела, не умею и вряд ли когда-нибудь научусь говорить в нужные моменты правильные слова, но мне хотелось, чтобы Фил знал главное: я рядом. Что бы ни происходило, я всегда хочу оставаться для него той, кто останется на его стороне, наплевав на всё остальное, насколько бы пафосно это ни звучало. И точно таким же человеком был для меня он. Если чему-то мы и должны были научиться за всё это время, так это тому, что молчание, даже если кажется, что оно во благо, никогда не будет хорошим выходом из ситуации. Недосказанность будет расти, словно снежный ком, пока он не станет неопиcуемых размеров, без возможности избавиться от него. Это именно то, с чем мы боролись так долго, именно то, с чем нам предстоит ещё бороться. Но мы справимся, так ведь?

Сложно сказать, сколько мы просидели в таком положении, но менять ничего не хотелось. Гардинер обнял меня в ответ, положив подбородок на мою макушку, из-за чего, несмотря на место, в котором мы находились, создавалось такое ощущение тепла и уюта, что хотелось зажмуриться и мурлыкать от удовольствия. У нас было ещё много дел. В конце концов, шатен должен был ещё зачем-то вернуться к Коди, а после нам предстоял долгий разговор со всеми нашими родственниками, но даже осознание всего этого не могло заставить нас торопиться. Моя злость давным-давно испарилась, так как я прекрасно понимала, что не она нужна была сейчас Филу, а простая поддержка. Её я и пыталась дать.

К тому же, что бы ни происходило, всегда должно быть место тёплым и согревающим объятиям, которые могли помочь почувствовать себя лучше...

***

Что же на самом деле происходило всё это время с Филом? Пожалуй, никто лучше него не смог бы дать оценку этой ситуации, однако попробовать всегда можно было. К тому же, никто и никогда не мешал мне раздумывать обо всём, что он тогда мне рассказал, анализируя, пытаясь понять собственные ошибки и больше никогда не допускать их.

Я могла сказать с абсолютной уверенностью, что Гардинер обязательно рассказал бы мне обо всём раньше, если бы мы обоюдно не пытались отгородиться друг от друга. Это было похоже на маленький коридор, в который вели одновременно две двери. Мы

скрывались, не рискуя показаться в этом коридоре, практически постоянно держа двери запертыми, лишь изредка, набравшись мужества, выглядывая из своих комнат, дабы увидеть закрытую дверь потенциального собеседника. Когда выглядывала я, по какой-то причине была закрыта дверь Филадельфии. И только я закрывала свою, как она открывалась, а сам парень пытался увидеть в этом коридоре меня, но я не успевала заметить это, скрывшись в своих владениях. Пожалуй, именно так можно было описать все те месяцы, что мы, словно дураки, не решались рассказать ничего друг другу.

Хотя Филадельфия понять в его нежелании рассказывать, пожалуй, было легче, ведь вся его тайна, по сути, вертелась вокруг одного человека — Коди, — о котором большинство, кто знал о сложившейся между ними ситуации, в том числе и я, к своему стыду, не желали слышать.

Глупо было думать, что эта история закончится так быстро и просто, глупо было считать, что Коди можно будет легко вычеркнуть из наших жизней после того, как его направят на принудительное лечение. Такие события обычно означают начало, но вовсе не конец.

Фил, никому ничего не сказав, как-то выведал, в какой именно больнице оказался тот парень, фамилии которого даже сам не знал. Что-то подсказывало, что и сам Коди давным-давно позабыл её, откликаясь лишь на своё имя, которым его тоже достаточно долгое время никто не называл. Однако каким-то способом Гардинеру всё же удалось добиться хоть какой-то информации о нём, оставляя при этом в неведении как свою семью, так и мою.

Шатен рассказывал, что по глупости почти в тот же день, как узнал, где находится его некогда лучший друг, пошёл к нему, наивно полагая, что тот захочет с ним говорить, но ничего, кроме истерики со стороны парня и осуждающих взглядов со стороны врачей так и не добился, чуть позже осознав, что Коди и не должен был хотеть с ним разговаривать. Но просто так сдаться он тоже не мог, до сих пор считая себя обязанным этому парню, в чём винить и осуждать его я не могла и попросту не имела права, так как (пожалуй, к счастью) никогда не смогу в полной мере осознать, что должен был чувствовать по отношению к нему Гардинер.

Сказать, что мой парень очень упрям, — ничего не сказать, я всегда знала об этой отличительной черте его характера. Хоть врачи, поначалу посчитавшие появление Филадельфии добрым знаком, так как этого пациента абсолютно никто не навещал, после того случая запретили шатену приближаться к палате больного на пушечный выстрел, он всё продолжал приходить, донимая всех своим присутствием и ничуть не смущаясь из-за этого факта. Так продолжалось достаточно долгое время — нужно отдать должное врачам, ведь крепкие орешки попались; они грозились даже охранникам сообщить о том, чтобы парня не пускали, но не могли сделать этого. В конце концов, с того дня он действительно не приблизился к палате Коди, даже не зашёл ни разу дальше холла, вызывая душевный диссонанс лишь у врачей, которые проходили мимо него, всё надеясь на то, что он перестанет приходить, но он не переставал.

К сожалению, беда не приходит одна, поэтому на некоторое время Фил вынужден был действительно оставить эту затею в покое, ведь его маме резко стало хуже, из-за чего она вынуждена была лечь в больницу. В то время, когда все окружающие думали, что Сэм на самом деле лечится на дому, она достаточно быстро поддалась на уговоры Эллиота и лечилась в специально отведённом для этого месте. Сам мистер Уильямс, которому хотелось проводить с ней больше времени, но у него была ещё и работа, пропал в больнице

практически круглые сутки, а вскоре и вовсе забрал почти все свои вещи, чтобы буквально переехать к себе на работу.

Несмотря ни на что, оставлять Гардинера одного он не хотел, отчего взял с него обещание, что тот найдёт, у кого переночевать. Хитрый парень то и дело говорил, что он либо ночует у друга, либо друг у него, поэтому он практически никогда не бывает один. Поначалу я задавалась вопросом: а к чему ему вообще была нужна эта кровать? Ведь действительно гораздо проще было бы жить у нас, а даже если ему не хотелось обременять мою семью, всегда можно было найти хоть какую-то альтернативу. Понимание, как это обычно бывает, пришло позже.

Дело было даже не столько в том, что Фил не хотел или, быть может, боялся рассказывать о том, что происходит в его семье и что он сам чувствует по этому поводу. Загвоздка в очередной раз была в Коди. Очень часто он отлучался для того, чтобы сходить в больницу, навестить парня, а ещё, как я поняла, оставшись один, проводил там достаточно большое количество времени, даже если в целом появлялся нечасто. Это вызвало бы расспросы со стороны моих родителей, даже если бы он очень убедительно врал — рано или поздно эта кровать бы разоблачилась, а Гардинер был не готов рассказывать об этом.

Пытаясь помочь, никто из нас не заметил, что загоняет парня в выстроенные нами же узкие рамки. После того инцидента все, без исключения, пытались сделать так, чтобы шатен не вспоминал о встрече и не думал о Коди. Его имя практически никогда не упоминалось, а семья Фила старалась избегать даже косвенных упоминаний этой темы, к тому же, у них и без того было множество проблем. И всё бы ничего, если бы не одно «Но». По какой-то причине, стараясь защитить парня, мы не поинтересовались, а нужно ли это было ему, хотел ли он такой «защиты». Наверное, никому тогда и думать не хотелось, что он может желать чего-то другого. А что, спрашивается, нужно было делать ему?

Смотреть на проблему лишь с одной точки зрения — самая большая ошибка, которую только может допустить человек. В тот момент, когда мы все принимали решение за Гардинера (что, опять же, было просто непозволительной ошибкой с нашей стороны), думали лишь о том дне, когда они подрались, а также только о том, какие впечатления у него остались от этой встречи, не учитывая того, что эти двое были знакомы слишком долго, чтобы сужать их отношения лишь до одной встречи. Но именно этим мы и занимались всё время, не оставляя Филу никакого выхода, кроме как лгать, лишь бы не встречать неодобрение со стороны дорогих ему людей, лишь бы не пытаться объяснить постороннему то, что он и сам был не в силах понять. Ведь, как признался мне парень, он и сам толком не отдавал себе отчёта в том, почему ему хотелось продолжать ходить к Коди, почему он пытался восстановить их отношения, даже зная, что это нереально.

Именно во время таких визитов он и познакомился с Салли, которая обратила внимание на настырного паренька, едва ли не каждый день попадавшего ей на глаза. Ей просто захотелось узнать, зачем он приходит сюда — быть может, это чей-то родственник или парень одной из медсестёр, дожидавшийся возлюбленную после смены, — потому она и подошла к нему. Когда с нами заговаривает посторонний человек, мы обычно более откровенны, нежели с некоторыми близкими, потому как думаем, что это, скорее всего, наша первая и последняя встреча. Примерно то же испытывал и Гардинер, когда решил рассказать девушке о настоящей причине своих визитов, а она стала единственной, кто спокойно его выслушал, не высказав своего мнения по этому поводу. Будучи абсолютно незнакомым ему человеком, она просто не имела на это права.

Но именно с тех пор и началось их общение, которое впоследствии переросло, пожалуй, в дружбу. Со временем Салли предложила свою помощь — она всё равно работала с пациентами из того крыла, где лежал Коди. Это было против правил, учитывая реакцию парня на появление Фила, но она пыталась подготовить его к их встрече, пыталась устроить эту самую встречу. Именно поэтому со временем шатен мог позволить себе не торчать в больнице всё то время, пока никто из его близких не знал о его передвижениях, тщательно стараясь скрывать, куда же он всё-таки ходил. Девушка просто оповещала его об изменениях, говоря, что пока он может не приходить, но он не мог удержаться от того, чтобы появляться в больнице хотя бы раз в неделю.

Совместными усилиями они добились того, что со временем почувствовавший себя одиноким Коди, всё ещё с трудом шедший на контакт с кем-то, решил, что им с Гардинером стоит встретиться. Эта новость и встреча, последовавшая за ней, выбили парня из колеи. Фил не стал рассказывать мне подробностей их разговора, но, по всей видимости, было там что-то, заставившее парня выпасть из привычного ритма жизни. Он не намеренно сбежал из дома, пытаясь скрыться ото всех, хоть и знал, что о нём будут беспокоиться. Он действительно просто перепутал числа, но не забыл о том, что должно было произойти. Парень искренне ждал выписки Сэм из больницы, а ещё действительно хотел рассказать мне обо всём, но так замотался, что попросту перепутал даты, за что теперь винил себя, хоть ничего поделать с этим уже не мог.

Однако хорошо то, что хорошо кончается. Дружба с Салли стала действительно хорошей главой в его и моей жизни хотя бы потому, что они были в достаточно близких отношениях для того, чтобы медсестра попросила его пойти и повесить табличку о продаже квартиры, в которую он и направился с Рэнди, когда решал мои проблемы на курсах. Эта квартира не оказалась чем-то важным, Фил не переехал в неё, собрав свои вещи, а действительно просто зашёл, так сказать, по пути, но именно благодаря этой ниточке я нашла его немного быстрее, чем могла. Что обидно — совсем немного быстрее, ведь он и так собирался к нам, думая, что сегодня именно то число, когда он должен был встретиться с родителями в моём доме.

Что касается его вещей, не оказавшихся на месте, то он взял их с собой, потому что этой ночью оставался ночевать в больнице вместе с Салли, которая была на ночной смене. И взял он не так много всего, но даже такого количества оказалось достаточно для воцарившейся паники. С телефоном тоже произошла банальная случайность — разрядился, а ни у кого не оказалось зарядки, ведь шатен свою попросту забыл и лишь недавно нашёл человека, любезно одолжившего ему свою. Совокупность банальных случайностей дала такой эффект, что некоторые люди едва ли с ума не сошли, хотя на деле оказалось, что ничего из ряда вон выходящего не произошло.

Только тогда, когда попыталась проанализировать услышанное, я поняла, что так и не получила ответа на вопрос, почему он то и дело вступал в перепалки с Торнтоном, но это, пожалуй, было и не самым важным. Парни остаются парнями, а юношество — это время выяснения отношений, недопонимания и попыток показать, кто из них сильнее. Возможно, Джон просто узнал что-то, чего ему знать не следовало, и не совсем осознанно задел Гардинера чересчур сильно, возможно, дело было просто в разбушевавшихся гормонах, а ещё он действительно мог просто попасть под горячую руку, но вместе это всё превращалось в бомбу замедленного действия.

Фил ничего не сказал по этому поводу, а я сомневаюсь даже, что он вообще задумывался над тем, насколько одиноким сам себя сделал. Нет, я не пытаюсь оправдать ни

себя, ни кого-либо ещё: все не без греха. В конце концов, хоть своя рубашка и ближе к телу, мы были чересчур заиклены на собственных проблемах, не обращая внимание на то, что не попадало под категорию «Срочное», а именно в эту категорию Гардинер по какой-то причине так и не попал. И всё же, проблема с окружающими никогда не сможет решиться, если ты её не озвучишь. Всегда легче самому додумать, какой будет реакция остальных на те или иные твои слова и действия. Почему-то именно так и поступает большинство, даже не пытаясь рассказать то, что лежит у них на душе. Именно так поступил и Фил, хотя мы могли бы избежать множества проблем и не оказаться в ситуации, когда готовы были волосы на себе рвать от бессилия, думая, что он пропал. А ведь всё могло сложиться совсем по-другому.

Вместо того, чтобы строить догадки о реакции окружающих, скажи, что думаешь на самом деле. Вместо того, чтобы думать, будто ты одинок, поскольку тебе не с кем поделиться сокровенными мыслями, попробуй поинтересоваться: а вдруг среди твоих знакомых найдётся тот, кто готов выслушать тебя? Вместо того, чтобы замыкаться в себе, попробуй открыться окружающим. Попробуй довериться. В конце концов, никто из нас не был рождён для того, чтобы быть одиноким.

На первый взгляд, это такие простые и понятные вещи, правда? Хотя и можно найти в них множество противоречий, а также придумать сотни, тысячи или даже десятки тысяч «если», способные разрушить вышеизложенную теорию в пух и прах, наверное, не найдётся человека, который не поймёт того, что ему пытались сказать. Это теория. А что же на практике? А на практике оказалось, что нам понадобилось больше года для того, чтобы понять такие простые и понятные вещи. Хотя нет, не год. Нам понадобилось прожить всю жизнь, пусть она ещё и не долгая, пусть это и лишь самое её начало, но нам понадобилось использовать всё это время для осознания этого. И можно подумать, что теперь мы справились с этим этапом, но я точно знаю — это лишь начало. Даже самому открытому человеку, наверное, жизни не хватит для того, чтобы полностью понять это.

Но сейчас я вдруг осознала, что это не так страшно. Помимо этого, будет ещё множество проблем, которые нам предстоит решить, и множество вещей, которые нам предстоит понять, но больше меня не пугает подобная перспектива. Даже если будут проблемы, теперь я знаю: мне не позволят остаться одной и проходить через это самостоятельно. Равно как и я не позволю страдать дорогому мне человеку.

И сейчас, сидя в больничном коридоре на жёсткой скамейке, я вдруг поняла, что чувствую себя неожиданно хорошо для подобного места и для того, что мне пришлось сегодня пережить и услышать. А всё потому, что человек, крепко обнимавший меня в ответ, давал ощущение защищённости и уверенности в том, что всё будет хорошо. Всё будет прекрасно, так как он больше никогда не исчезнет.

===== Глава четырнадцатая =====

— Сколько мне ещё здесь стоять? — спросила я, скрещивая руки на груди. — Жарко очень.

— Потерпи немного, почти нашёл, — хмуро отозвался Гардинер, на секунду отвлекаясь от своего занятия, чтобы перевести дух.

Вытерев выступивший на лбу пот тыльной стороной ладони, он устало вздохнул, после чего облокотился плечом о дерево, близь которого стоял, и, посмотрев на меня с видом великомученика, спросил:

— Ты вообще уверена, что это здесь? Мне кажется, что я скорее к центру Земли

доберусь, чем найду эту чёртову бутылку.

— Она точно здесь, продолжай копать, — уверенно сказала я, но всё же осмотрелась по сторонам. Не могла же я ошибиться местом?.. Хотя Фил ведь тоже со мной был в тот день, кто же ему виноват, что он сам придумал это всё и сам забыл?

В очередной раз вздохнув, шатен взял в руки лопату, чтобы дальше копать, а я непроизвольно ухмыльнулась. А ведь в прошлый раз нам её одолжили, поскольку было холодно, а земля была вся промёрзлая, теперь же, подготовившись, мы приехали с собственным орудием труда. Всё чаще я ловила себя на мысли, что отчасти хотела бы вернуться в тот день, лишь бы пережить все те эмоции, переполнявшие меня, ещё раз. Хотя, казалось бы, сегодняшний трепет вполне мог бы конкурировать с тем, что я испытывала тогда...

В данный момент мы с Филом занимались ничем иным, как откапывали свою капсулу времени, оставленную в Лавенхеме долгих шесть лет назад. Ну, если быть более точной, то Фил откапывал её, а я просто стояла рядом и помогала ему исключительно морально, поскольку иначе задела бы его мужскую гордость, как он сам и сказал.

Сейчас, оглядываясь назад, я с трудом верю в то, что с момента начала нашего общения прошло столько времени. Мы оба тогда были только школьниками, а сейчас я уже практически закончила своё обучение, Филу же оставалось ещё несколько лет познавать все прелести бытия вечным студентом, но никто из нас ни о чём не жалел. Мы не жалели о сделанном в своё время выборе специальности, не жалели о том, что поступили в один ВУЗ, не жалели, что после четвёртого курса съехались, чтобы жить вместе. И пусть я вместе со своими родителями, включая моего эмоционального папочку, пролила немало слёз во время переезда, никто всё равно не жалел.

Поначалу казалось невозможным то, что отношения, начавшиеся с глупого подросткового спора, приведут к такому, но факт оставался фактом. Иногда школьные парочки держатся вместе на удивление долго, что получило прямое подтверждение от нас самих. Вот они мы, приехавшие сюда шесть лет спустя, чтобы найти капсулу времени. Какое-то странное, сравнимое с детским, предвкушением охватило меня, поскольку я уже не могла дождаться, когда же мы наконец-то найдём её. Все эти годы, стоило вспомнить об этих записках, мне всегда было интересно, что же написал Гардинер. Как-то раз я даже предложила ему просто сказать друг другу то, что мы смогли придумать тогда, но парень всякий раз отказывался, продолжая держать интригу и трепать мне нервы. Оставалось лишь ждать того дня, когда он соизволит преодолеть свою лень и вывезти меня сюда.

На сей раз мы не собирались ночевать в Лавенхеме, пусть и обоим хотелось побыть здесь немного дольше, но такой роскоши никто из нас позволить себе не мог. Почему? Потому что в Лондоне нас ожидало очень много дел и проблем, требовавших немедленного разрешения, несмотря на то, что сегодня воскресенье, наш выходной. А мы взяли и сбежали. Вот радовало меня, что хотя бы это не менялось.

— Нашёл! — вдруг с облегчением воскликнул парень, привлекая к себе моё внимание.

— Неужели? — не скрывая радости в своём голосе, спросила я. Получив в ответ утвердительный кивок, добавила: — Тогда доставай скорее, а потом пойдём в машину. Не хватало только солнечный удар получить.

Кажется, ностальгируя о прошлом, я забыла упомянуть об изменениях, которые, конечно же, произошли с нами обоими. Фил, к примеру, наконец-то перестал быть Мистером Икс, что не могло не радовать. Не сразу, но со временем Гардинер научился не

держат в себе то, что его беспокоит, рассказывая хоть кому-то. А ещё он, несомненно, стал более ответственным, поэтому конфузов, подобных тому, когда он попросту забыл, какой сегодня день недели, больше не случилось. Это если говорить о положительных изменениях. Из отрицательных...

Это всё тот же самоуверенный Фил Гардинер. Я наивно полагала, что со временем эта подростковая черта его характера искоренится, но, кажется, ошибалась. Годы шли, а его уровень самовосхваления рос не по дням, а по часам. Наверное, это хорошо, поскольку говорил шатен об этом только в шутливом тоне, а уверенность в себе никогда не была лишней, но это бесило. Не дай Бог хоть один из наших детей пойдёт этим в него — я же чокнусь.

Хотя и меня преследовали, пожалуй, не только приятные изменения. Мне самой, к примеру, казалось, что я изменилась лишь в худшую сторону. Чем дальше, тем больше я напоминала себе самой курицу-наседку. «Фил, не забудь пообедать, иначе потом опять будешь плохо себя чувствовать», «Фил, я понимаю, что тебе надо много учить, но поспи хоть немного, иначе какой из тебя врач, если ты и о себе позаботиться не можешь?», «Мама, вот что ты делаешь, зачем носишь такие тяжёлые сумки из магазина? Если водитель не может тебя подбросить — говори мне, я заберу тебя, в конце концов, у меня есть собственная машина!», «Лили, Дженни, почему вы никогда не говорите Майку о том, что запираются на сутки в мастерской — плохо? Да ещё и сами торчите там вместе с ним!»

И так далее, и так далее, и так далее. Иной раз я задумывалась над тем, что попросту ужаснулась бы произошедшим со мной переменам, скажи мне кто-то о них в то время, когда я была ещё учащейся школы. Сейчас же, когда за плечами хотя бы у меня университет (Гардинеру ведь дольше учиться ввиду особенностей выбранной им специальности), это пугало уже не так сильно. С годами отношение ко многим вещам кардинально меняется — теперь я это поняла. И даже втайне радовалась этому. Если вспомнить школьные годы... Я, пожалуй, была той ещё истеричкой. Боже, надеюсь, что изменилась хоть немного.

— Итак, — отрывая меня от размышлений, сказал Фил, с гордостью показав не без труда явившуюся на свет бутылку, — полдела сделано.

— Полдела? — зачем-то переспросила я, глядя на эту вещь загоревшимися от предвкушения глазами. Даже не верилось, что мы наконец-то сможем прочесть собственные послания друг другу. Учитывая, сколько я упрашивала парня сделать это, подобный исход действительно казался чуть ли не невозможным.

Гардинер кивнул, после чего, вручив мне бутылку, тут же перепачкавшую мои руки, вновь покрепче ухватился за лопату и сказал:

— Теперь осталось только закопать эту яму, чтобы нас вандалами не посчитали, — он многозначительно взглянул на хмурившегося пожилого человека, с явным неодобрением глядевшего на нас. — А потом нужно только доехать домой, где мы и читаем...

— Домой? — не веря собственным ушам, спросила я. — Ты издеваешься надо мной, да? Умоляю, скажи, что издеваешься.

— Что-то не так? — не знай я этого человека значительную часть моей жизни, я могла бы поверить, что он искренне удивился, но от меня Филу никогда не удавалось скрыть насмешливые нотки в своём голосе. Тем не менее, я почему-то всегда подыгрывала ему, объясняя, что же именно стало причиной моего возмущения. Как и сейчас.

— Я столько лет ждала возможности наконец-то прочесть это, — я покрутила в руках бутылку, отчего внутри зашуршали записки. — Уже боялась, что мы никогда не сделаем

этого. А теперь ты заявляешь, что я должна терпеть ещё и до дома?

— Ну, если ты смогла выдержать столько лет ожидания, то пару часов должны показаться тебе сущим пустяком, — пожав плечами, сказал шатен, после чего принялся закапывать им же вырытую яму.

Возмущение, зародившееся во мне, уже готово было вырваться наружу, однако в следующую секунду он добавил:

— Подожди меня в машине, иначе перегреешься. Включи кондиционер, чтобы было не так жарко.

подавив раздражение, несколькими мгновениями ранее появившееся у меня, я лишь хмыкнула и, ничего не сказав, молча направилась к машине Фила. Усевшись на переднее сиденье, я тут же включила кондиционер, без которого в жаркую летнюю погоду, подобную сегодняшней, просто не обойтись, а после принялась копаться в бардачке в поиске влажных салфеток, иначе грязь с бутылки рисковала перепачкать мне не только руки, но и одежду. Как назло, везде были то конспекты Гардинера, то его учебники, то ещё какие-то вещи, но никак не заветное средство личной гигиены. Да уж, видела бы его мама, что творится в бардачке машины её сына... Она бы похвалила его за то, что не позволил мне захлупить всё своими вещами.

Сэм была воистину терпеливой женщиной, как я смогла понять, стоило нам с Гардинером съехаться. Она любила, чтобы у каждой вещи было своё место, чем была на удивление схожа с моей мамой, но, к сожалению, эта черта не передалась мне по наследству. Нет, не стоит думать, что я не убиралась в доме, сгружая всю работу на парня, или же господствовала над хаосом. У нас было чисто, но для меня было не критично, если конспекты Фила будут лежать не в его комнате, а где-то на столике в гостиной. И я долго пыталась доказать маме, что нет ничего страшного в том, что Сосисочка с её семьёй периодически «гуляют» по дому. В конце концов, они полноправные члены семьи! Могут перемещаться там, где хотят. Захотят — будут в ванной, захотят — на кухне. Апокалипсис от этого не настанет.

Каждый раз, когда семьи проводывали нас, чтобы посмотреть, как их единственным отпрыском живётся, я видела, что миссис Уильямс передёргивает, стоит ей обнаружить тарелку со сладостями на прикроватной тумбочке в спальне (а ведь, по её мнению, быть подобной вещи там просто непозволительно), однако она упорно молчала и лишь улыбалась. Даже хвалила меня — одежда ведь не была разбросана по всему дому, да и беспорядка никогда не было, если только по мелочи. А вот Люси каждый раз устраивала мне многочасовые лекции, но, к счастью, довольно быстро поняла, что это бесполезно. Таким вот образом печенье в спальне стало легально. Ура мне.

Так вот, о машине. Поскольку мне было не так важно месторасположение вещей — главное, чтобы я помнила, где они, и могла найти в любой момент, — частенько я оставляла что-то на территории Гардинера. В его кабинете (как ни парадоксально, он всё же у нас в доме был), к примеру, а вот до машины ещё не добралась. В конце концов, ей и года ещё нет, хотя Фил был очень горд тем, что отчасти заработал на неё сам, помогая в клинике за определённое вознаграждение. Что характерно, работал он не у Эллиота, хоть и должен был взять на себя бразды правления больницей, когда тот отойдёт от дел.

Фил получал зарплату, подрабатывая в больнице, в которой всё ещё приходилось коротать свои дни Коди. Казалось бы, деньги — не проблема в нашем случае, но парню очень хотелось добиться хоть какой-то самостоятельности, хоть он и мог вполне законно

сидеть на шее своих родителей. Зато отложенные деньги смогли пойти на замену его мопеда на более удобное транспортное средство, чему он в первое время был до невозможности рад.

Говоря о Коди... К сожалению, не всё заканчивается настолько хорошо, насколько хотелось бы. Все верили в самый лучший исход для этого человека, ведь каждый считал, что он заслужил его, однако реальность была такова, что парень, хотя теперь, пожалуй, целесообразнее будет называть его мужчиной, всё ещё вынужден был находиться под постоянной опекой врачей, хотя Фил уже несколько раз пытался попробовать забрать его оттуда, даже поддержкой своего отчима, который был готов даже предоставить парню сиделку, заручился, но не всё складывается так, как нам хочется. Однако Фила не слишком сильно удручала эта новость (во всяком случае, он старался не подавать виду), поэтому он продолжал частенько навещать своего друга детства.

Как ни странно, со временем тот привык. Не было больше тех истерик, которые возникали всякий раз, когда шатен появлялся на пороге его палаты, они даже стали немного общаться, хотя перешагнуть через барьер, возникший между ними из-за многих неприятных событий прошлого, так и не могли. Все мы надеялись, что рано или поздно это случится, однако никто не тешил себя иллюзиями по этому поводу.

Задумавшись над этим, я как-то упустила момент, когда шатен вернулся в машину и завёл её, а потому очнулась лишь тогда, когда мы уже отъехали. Гардинер, казалось, нисколько не удивился вопросительному взгляду с моей стороны, поскольку за столь долгое время уже привык к тому, как часто я выпадаю из реальности.

— Я закончил и даже умудрился не схлопотать штраф, хотя мне пытались его выписать, — спокойно пояснил он. — Кажется, в следующий раз нам нужно поискать более укромное местечко, иначе моё умение заговаривать зубы может уже не спасти.

— В следующий раз? — улыбнувшись, спросила я, выхватив из всего сказанного лишь то, что меня по-настоящему интересовало. — Хочешь повторить?

— Есть много чего, что я хотел бы повторить, — хитро улыбнулись мне в ответ. — Некоторое хотелось бы повторять регулярно, а потом наслаждаться результатом.

— Я просто надеюсь, что ты говоришь о прогулках и всяких других милых штучках, — недовольно сказала я, отнюдь не обрадовавшись тону, которым он произнёс последнюю фразу.

— А ты подумала о чём-то другом? — наигранно удивился тот. — Неужели в моих словах можно было уловить какой-то странный подтекст?

— Да ну тебя, — пробурчала я, давая понять, что разговор окончен.

Фил рассмеялся, в который раз наслаждаясь моей реакцией, я же, фыркнув, вновь отвернулась к окну. Ребёнок, ей-Богу. И что мне с ним прикажете делать? Порой ему очень нравилось вгонять меня в краску — эта черта осталась у него ещё со школы. К сожалению для парня, я всё же выросла, а потому перестала смущаться из-за его невинных подколов и мелких знаков внимания. На свою голову.

Поначалу я искренне радовалась, что могу спокойно переносить все его ухаживания, внезапные объятия и поцелуи, а также перестала столь бурно реагировать всякий раз, стоило ему взять меня за руку. Было приятно, но неловкости больше не ощущалось. Однако я даже не успела как следует насладиться тем, что вышла на новый уровень, как Гардинер тоже решил, что ему давным-давно пора это сделать. К сожалению, противостоять его новым уловкам я ещё не научилась. Поэтому можно сказать, что именно в этом аспекте наши отношения остались всё ещё на уровне школьных, пусть в остальном мы и продвинулись.

По пути нам понадобилось заскочить в магазин, из-за чего мне захотелось вернуться в школьные годы, когда можно было стукнуть парня прямо на улице и на тебя не посмотрят, как на сумасшедшую, потому что «Ты же взрослая, веди себя соответственно». Но такое желание возникало у меня неспроста, а потому, что шатен будто намеренно оттягивал момент с открытием капсулы, хотя мне с каждой секундой становилось всё сложнее терпеть, учитывая, что она была у меня в руках.

Если честно, мне было интересно не только то, что написал парень, но и что написала сама я. Какое-то время слова на бумажке держались у меня в памяти, однако со временем стали забываться, а теперь же я помнила лишь общий смысл. Интересно было вспомнить, что тогда волновало меня больше всего и чего я тогда хотела для нас. И что хотела сказать Филу. В то время наши отношения находились в несколько подвешенном состоянии, поэтому я буквально жаждала узнать, что в тот момент думали мы оба об этой ситуации и оба ли видели в этом проблему. Ведь порой мне кажется, что я просто мастер высасывать их из пальца.

Когда мы переделали все возможные дела по пути домой и наконец-то добрались до него, я готова была уже вскипеть от негодования, хотя старалась не подавать виду, несмотря на наглую ухмылку Гардинера, который делал это всё, естественно, специально. Но я не оставила парня безнаказанным, сказав, что все покупки, сделанные нами по пути, он будет заносить в дом сам, а я подожду его в нашей спальне. Тот, как ни странно, не стал особо сопротивляться, позволив мне делать то, что хочу.

По пути в нашу комнату я всё же заскочила в ванную, чтобы отмыть руки от грязи, а заодно и получше очистить саму бутылку, только после этого зайдя в спальню. Делать было особо нечего, поэтому сперва я просто легла на кровать, намереваясь дожидаться Фила, но никак не могла оторвать взгляда от стеклянного предмета в моих руках. Вроде всего лишь бутылка, а несёт в себе больше смысла, чем некоторые фотографии, которые у меня появилась привычка коллекционировать и развешивать на стенд, расположенный на одной из стен нашей комнаты. Кажется, я стала чересчур сентиментальной.

Вспомнив о стенде, я встала с кровати и, пройдя буквально пару шагов к противоположной стене (фотографии были развешены прямо напротив кровати, хотя внимательно рассматривать их оттуда было всё же не очень удобно), остановившись рядом с ним. Все фото были развешены, если так можно сказать, в хронологическом порядке, а потому мне нравилось пробегаться по ним взглядом, восстанавливая уже прожитые моменты в своей памяти. Возможно, дело в том, чем мы сегодня занимались, но у меня появилось странное и непреодолимое желание сделать так ещё раз.

Посмотрев левее, я наткнулась взглядом на самую первую фотографию, которую прикрепила сюда, когда мы только въехали. Это было наше первое совместное с Филом фото, которое я когда-то отправила Фиби, желая позлить девушку и заявить свои права на парня. Многие спрашивали меня, почему я начала именно с него, а не с детских фото, ведь так было бы правильнее, но мне всегда казалось, что для детских фото есть альбомы, которые лучше оставлять родителям. Они будут смотреть их и вспоминать былые деньки, сетуя, что они уже прошли. Мне же хотелось стенд лишь с фото, которые я делала осознанно, которые несли для меня особый смысл. Просто я искренне сомневалась, что мне удастся вспомнить, какое значение я придавала роботам сына маминой подруги, у которых в своё время открутила все конечности.

Вспомнив это, я скользнула взглядом дальше — на две фотографии с выпускного. На

первой я была со своими родителями — у мамы на глазах стояли слёзы, а папа просто обнимал меня и, как обычно, широко улыбался. К тому моменту все неурядицы между ними были позабыты, а также они обо всём поговорили. Не во время моей учёбы в школе, но Люси всё же рассказала мне, в чём была суть их разговора с Робертом, когда они помирились. Моя мама не собиралась ни на кого менять папу, у неё и в мыслях подобного не было, просто он погряз в своей работе, я стала взрослее и, конечно же, немного отдалилась от неё в то время, из-за чего женщина, постоянно сидя дома, попросту стала чувствовать себя ненужной. Арон же стал тем, кто в той или иной степени понимал её, проводил с ней время и утешал. По сути, они оба стали чем-то вроде жилетки друг для друга, в которую могли поплакаться, однако никто и предположить не мог, во что выльется их дружба.

У Арона не было намерений разрушать нашу семью, а колкие фразы, которые он бросал в адрес Роберта, были адресованы ему лишь из-за того, что он был на стороне Люси в тот момент и злился на моего отца за то, что тот допустил в своей семье подобное. Сам мужчина был в своё время на грани развода, за что до сих пор чувствовал вину перед женой и дочерью, и ему искренне не хотелось, чтобы и наша семья прошла через подобное. Как ни парадоксально, это был именно тот случай, когда мы просто ошиблись в человеке. Кстати, он с моей мамой до сих пор дружит, даже иногда в гости заходит. Папа первое время обижался на это, но со временем даже привык, а мама его так похвалила за это, что у меня создалось впечатление, будто всю жизнь я жила не с папой в доме, а с братиком — ещё одним ребёнком Люси.

Улыбаясь тому, что всё у них до сих пор хорошо, я перевела взгляд на следующий снимок. На нём уже была вся наша компания — я, Фил, Лили, Дженни, Майк и Генри. Нравилась мне эта фотография тем, какая настоящая она была. Если моё фото с родителями было сделано до выступления со спектаклем, то это — после. Взъерошенные, покрасневшие из-за того, что пришлось неплохо попрыгать во время исполнения финальной песни (которая была под угрозой срыва, поскольку Сью решила добавить её за неделю до выступления), но счастливые мы стояли одной большой кучей друзей и, обнимаясь друг с другом, смотрели в камеру. Помню, перед тем, как получить необходимый результат, мы испортили кадров двадцать, поскольку поочерёдно то вздыхали от усталости, закатывая глаза, то просто закрывали их, на что Роберт грозился наказать нас. Но фото, в конечном итоге, было сделано, несмотря на то, что нам нужно было быстрее переодеться из костюмов в более удобоваримую одежду.

Кстати, о спектакле. Говорить, что он прошёл на «Ура», я не буду, потому как, откровенно говоря, это не так. Мы пару раз забыли свои реплики, из-за чего приходилось импровизировать — удачно и не очень, — ещё у нас возникали проблемы с костюмами, которые большинству были не по размеру, а также во время выступления я едва не отдала Гардинеру все ноги, когда в нашей общей сцене он должен был резко потянуть меня на себя, отводя в сторону, а я запнулась о длинное платье злой принцессы, которое почему-то было слишком яркое. Наверное, чтобы я тоже стала злой, ведь мне оно не нравилось.

Однако, с горем пополам, мы всё отыграли, всё спели и даже заслужили аплодисменты собравшихся и одобрителный кивок от директрисы. Сью поначалу держалась, но под конец налетела на нас с объятиями, восклицая, что мы сделали всё даже лучше, чем она предполагала. Майк резонно заметил, что у него возникли опасения, как же тогда, по мнению учительницы, мы должны были отыграть, если то, что было, — это здорово, на что та лишь шутливо пихнула его в плечо. Мы все посмеялись, после чего, сделав совместное

фото, висевшее теперь на стенде, побежали переодеваться.

Я не могла не радоваться, глядя на этот снимок, потому что, во-первых, мы все до сих пор общаемся. Были моменты, когда кто-то из нашей компании подумывал переехать в другой город или страну и продолжить обучение там, но, в конечном итоге, все остались здесь. Радовало то, что связь мы не потеряли, а со временем она стала только крепче. У всех нас. Мы с Лили и Дженни по выходным часто выбирались куда-то, чтобы провести вместе время, тогда как Фил, Майк и Генри занимались тем же, но уже в своей компании. У нас были «выходные школьных друзей», если их можно так назвать, а ещё мы, естественно, собирались вместе на все праздники. Не сравнить со школьными деньками, когда мы проводили вместе большую часть времени, но всё же.

Дженни и Генри, как оказалось, хотели учиться вместе. Те разы, когда парень и девушка вместе покидали нашу компанию, отлучаясь куда-то, они посвящали занятиям. Дженни училась лучше, поэтому с доброй душой помогала разбираться парню со всем, заодно и сама материал повторяла, поэтому они спокойно смогли поступить в один ВУЗ и на один факультет, о чём с радостью нам сообщили, когда это произошло. И сейчас эта пара была хорошими друзьями, дружба которых, если честно, для многих оставалась загадкой, учитывая, насколько эти двое разные, но всё же. У брюнетки есть парень, у блондина — девушка, которые обоюдно ревнуют этих двоих друг к другу, но пока что им удавалось справляться с приступами ревности своих вторых половинок.

Говоря о вторых половинках, нельзя не упомянуть Майка и Лили. Что бы вы думали? Эти двое, как и мы с Филом, всё ещё вместе, так как им хватило сил и желания вновь сойтись в школе. К тому же, они оказались гораздо расторопнее, чем мы, и уже где-то на третьем курсе поженились. Это звучало настолько идеалистически и, признаться, неправдоподобно, что никто из нашей компании, когда эти двое позвали нас для того, чтобы объявить эту новость, не поверил в происходящее. Эти двое? Женятся? Серьёзно? Наверное, такие вопросы появились в голове у каждого, не только у меня, но парень с девушкой объяснили это тем, что больше не хотят повторять своих прошлых ошибок, желая оставаться вместе как можно дольше.

Они ссорились, ссорятся и будут ссориться, но теперь эти двое уже полноценная ячейка общества, которая радует меня до одури, поскольку теперь есть надежда и на то, что мы с Филом тоже станем такой ячейкой, но мне никогда не нравилось забегать вперёд.

Переведя взгляд с фотографий с выпускного на следующие несколько, которые были то с Дня рождения, то ещё с какого-то праздника, я не смогла не улыбнуться, увидев там Алекса и Рэнди. С этими двоими связь, конечно, была не такой крепкой и, признаться, она несколько потерялась за все эти годы, но я до сих пор не могла вспоминать об этих двоих, не улыбаясь. К тому же, не они были виноваты в том, что наша связь ослабела.

Алекс, к примеру, был попросту очень занят. Этот парень оказался не только амбициозным, но и настоящим трудоголиком, который постоянно находит, чем себя занять. Не знаю, с деньгами ли у него были проблемы, а может он просто из того типа людей, который постоянно должен чем-то заниматься, но встречать его во время подработки в кафе, магазине или ещё каком-то месте стало для меня вполне привычным делом. Каждый раз, стоило нам пересечься, недорыжик выглядел до жути усталым, из-за чего казалось, что он прямо сейчас рухнет передо мной в обморок, но при этом он казался счастливым.

Пожалуй, именно из-за работы он порой забывал об обещаниях, которые нам давал, поэтому однажды не пришёл на День рождения Фила. Тот, если честно, не хотел его звать,

однако я настояла, поэтому когда парень не пришёл, шатен, кажется, был близок к тому, чтобы свернуть ему шею. Извинился Алекс за это оригинально, он пришёл на следующий день к дому Филадельфии и засыпал его дверь открытками с извинениями (самодельными, кстати), полевыми цветами (в одной из открыток он писал, что хотел купить розы, но они оказались слишком дорогими, а тратить такие деньги на Гардинера он не собирается) и даже на пару шоколадок расщедрился. Увидев такой «подарок» под своей дверью, Фил ещё долго не мог прийти в себя, попросту не понимая, к чему всё это. Когда же недорыжик признался, что так он обычно успокаивает девчонок, я думала, они убьют друг друга, но всё закончилось мирно.

Они могли отрицать это сколько угодно, но с годами привязались друг к другу, даже порой кто-то из них интересовался у меня, как поживает другой, но, конечно же, это было лишь для того, чтобы узнать, что «он ещё жив и по-прежнему отравляет окружающим жизнь», да и вообще «Кэтрин, ему необязательно знать, что я спрашивал об этом». Я, конечно, никому не рассказывала, в одиночку посмеиваясь над этими странными отношениями, но у меня было фото, где они стояли рядом и даже улыбались, и я по поводу и без вспоминала о нём, вызывая у этих двоих лишь раздражение. Гардинер даже грозился удалить его, но я всё время говорила, что копия есть у Рэнди, а против него идти бесполезно — он в другой стране, поэтому парень сразу же успокаивался.

И да, как бы ни печально это было, мой рыжеволосый друг оказался дальше всех от меня, решив, что ему хочется попробовать учиться в Германии, — у него там, кажется, родственники даже есть. Стоило мне узнать об этом, как я почувствовала, будто у меня почву из-под ног выбили, но спрашивать, почему он этого хочет, не стала, ведь в какой-то степени прекрасно понимала его. У всех в жизни бывают моменты, когда хочется начать с чистого листа, пожалуй, именно это случилось и с Рэнди, когда он решил сменить обстановку, в которой живёт. Парень сам говорил, что не прижился здесь, а там у него сейчас всё хорошо. Он уже работает, у него есть вторая половинка, которая совсем немного поразила меня, когда я увидела фото, а ещё он нашёл там себе друзей.

Люди порой становятся жертвами обстоятельств, как в своё время стал Рэнди. Он не был плохим, не был слабым, возможно, он лишь был немного не таким, как все, но даже это ведь не сильно бросалось в глаза. Просто в своё время ему не повезло столкнуться с компанией, которая считала своим долгом отравлять парню жизнь и делала это настолько успешно, что даже у Стивена, искренне переживавшего за своего племянника, не хватало сил ему помогать. Но теперь у него было всё хорошо, поэтому я искренне была рада за парня, который показал мне кое-что очень важное.

Несмотря ни на что, он ни на кого не злился. Этот человек, которого так много донимали, которого мне хотелось защищать, хотя он всякий раз возмущался такому порыву с моей стороны, поскольку он был до жути неправильным, на его взгляд, остался собой. Он всё ещё был добрым и милым, а также до сих пор искренне переживал за наши с Филом отношения. Каждый раз, когда мы созванивались, он спрашивал, как у нас дела, выслушивал мои жалобы на парня и давал советы, порой даже ругал, когда была не права я. И каждый раз, когда рыжик ненадолго приезжал сюда, я освобождала время для того, чтобы встретиться с ним и поговорить.

По этому человеку я до жути скучаю и мне очень не хватает наших разговоров вживую. По сути, он стал последним другом, которого мне удалось обрести в своей жизни, ведь в университете у меня хоть и была компания, с которой мы действительно хорошо общались, сравнивая наши отношения с ними и с тем же рыжиком, я не могла назвать их друзьями. Но

меня это не расстраивало, ведь важно не количество, а качество, верно? В Рэнди я, к примеру, не сомневалась, потому что даже тот случай, когда он якобы настучал на меня Джону, разрешился. Оказалось, в тот момент, когда они с Алексом обсуждали мои проблемы, парни были не одни.

Мы все как-то забыли о моей тёзке, которая оказалась той ещё стервой. Ей не нравились ни я, ни Рэнди, причём по абсолютно необъяснимым причинам, поэтому именно она стала той, кто рассказал человеку, с которым мы оба тогда были в, мягко говоря, натянутых отношениях, то, из-за чего в дальнейшем произошло множество неприятных событий, попросту подслушав разговор. Мы узнали об этом случайно — Кэтрин сама проговорила Алексу, с которым искренне хотела общаться как можно больше, но после этого, понятное дело, их общение прекратилось, как бы девушка ни старалась возобновить прежние отношения.

К сожалению, жизнь оставляет не только приятные воспоминания, как мы уже успели убедиться, но даже такие я не собиралась стирать из своей памяти, чтобы пытаться учиться хотя бы на своих ошибках. У меня и так это получалось с трудом, поэтому и речи не было о возможном обучении на чужих.

— О чём задумалась? — спросил Фил, вдруг возникнув за моей спиной и, обнимая меня сзади, сомкнул кольцо своих рук на моём животе.

Вздвогнув из-за того, что его голос прозвучал слишком близко и внезапно, я уже в следующую секунду довольно улыбнулась и, прижавшись к нему спиной, ответила:

— Думаю о том, что мне хочется сегодня вечером созвониться с Рэнди.

— Я думал, у нас другие планы на сегодняшний вечер, — Гардинер хитро улыбнулся, но я предпочла проигнорировать этот выпад с его стороны.

— Подождёшь, мы недолго.

— Как же, — фыркнув, сказал он, отстраняясь, из-за чего я лишь удивлённо посмотрела на парня. — Ты правда не понимаешь, да?

— Пожалуй, не совсем, — неуверенно проговорила я, чувствуя себя не в своей тарелке. Я опять где-то облажалась, да?

— Можно забыть обо всём, что хотели сделать вечером, если Кэтрин созванивается с Рэнди, — недовольно буркнул шатен, отходя от меня, а в следующую секунду рухнул на кровать. — Я честно пытался ждать окончания ваших разговоров, но вы же две подружки-болтушки, ей-Богу! Я до сих пор не могу понять, как можно разговаривать по четыре-пять часов. О чём, чёрт возьми?!

Он посмотрел на меня полным негодования взглядом, из-за чего я только и смогла, что улыбнуться. Я уже было подумала, будто произошло нечто серьёзное, а всё оказалось так просто. Гардинер никогда не понимал долгих разговоров по телефону или же по скайпу, как нам приходилось связываться с рыжиком, а потому мои с ним (да и не только — с Лили и Дженни мы тоже много болтаем) разговоры всегда вызывали у шатена лёгкий (или не совсем) душевный диссонанс. Поначалу меня это возмущало, но со временем такое полнейшее непонимание с его стороны начало казаться забавным.

— Мы же с ним не видимся, да и созваниваемся не так часто, вот и накапливается много того, что хотелось бы рассказать, — примирительно сказала я, усаживаясь рядом на кровать, хотя знала, что подобные отговорки уже давно на него не действуют, но, в конце концов, это было всё, на что я была способна.

Фил ничего не ответил мне, поскольку ему уже нечего было говорить по этому поводу, я

же, улыбнувшись шире, принялась гладить его по животу, скрытому под футболкой. Странное это было действие, первое время шатен даже удивлённо поглядывал на меня, когда я начинала так делать, но теперь привык. Некоторым кажется, что так делают только мамы своим деткам, к тому же только в те моменты, когда у тех болит живот, но для меня этот жест означал совсем другое. Как бы мне ни нравилось трогать волосы Гардинера, он никогда не позволял успокаивать себя, гладя по голове или же по плечу, но от этого действия поначалу терялся, а после стал реагировать нормально. Можно сказать, это был универсальный способ успокоить парня, ведь он тут же закрывал глаза и просто позволял мне продолжать делать это.

— Мы будем сегодня открывать эту чёртову бутылку или нет? — подала голос я, нарушая затянувшееся молчание.

Фил приоткрыл один глаз и заинтересованно посмотрел на меня. Я уже знала, что он сейчас скажет, но решила подыграть, вопросительно посмотрев на парня.

— И что же такое мне за это будет?

— Ты издеваешься, да? — простионала я, убирая руку с его живота, недовольно посмотрев на шатена. — Ты весь день обещаешь мне, что мы откроем её!

— Ладно, можешь сделать это сама, я не против, — пожав плечами, сказал он, после чего лёг на бок, повернувшись ко мне спиной.

Мне захотелось ударить его, но вместо этого я лишь покрепче сжала челюсти, пытаюсь унять в себе этот агрессивный позыв, а после, сделав глубокий вдох, а сразу за ним — выдох, спокойно сказала:

— Ты же знаешь, что без тебя это не имеет смысла. Знаешь ведь?

Тот лишь кивнул, упрямо не поворачиваясь ко мне, я же сжала руки в кулаки. Нет, нельзя давать Гардинеру общаться с детьми, которых в доме у его университетского друга аж трое, — он же перенимает их повадки! Хотя всё должно быть наоборот!

— Ладно, чего ты хочешь? — устало выдохнула я, поняв, что эту битву мне не выиграть.

И так всегда. Я выигрывала лишь тогда, когда Фил мне позволял, что за столько лет совместного времяпрепровождения, несколько из которых были окрашены ещё и прелестями совместной жизни, это стало надоедать. Но мы либо миримся со странностями друг друга, либо ничего получиться не может — это закон жизни.

— Я хочу от тебя этот вечер, — тут же оживившись, сказал Фил, поворачиваясь ко мне, но оставаясь в полулежачем положении, приподнявшись на локтях. — Никакого Рэнди и никаких разговоров по пять часов. В конце концов, это было спонтанное решение, а наши с тобой планы были построены задолго до этого.

— Если не сегодня, то я созвонюсь с Рэнди завтра, и ты знаешь это, — решила напомнить я.

— Да пожалуйста, сколько влезет, — отмахнулся тот. — Завтра я всё равно поздно вернусь и буду до жути уставшим. Делайте, что хотите, хоть онлайн-вечеринку устраивайте.

Я не смогла сдержать очередной вздох. Что я там говорила о том, что этот парень всегда выигрывает?

— Хорошо, — примирительно сказала я, но прежде, чем он успел что-либо вставить, добавила: — Только мы прямо сейчас возьмём и посмотрим, что в этой чёртовой бутылке!

Гардинер ухмыльнулся и, покорно кивнув, встал с кровати, быстро осмотрев её, а после, наткнувшись взглядом на нужный предмет, взял его в руки. Когда бутылка оказалась у него, я уже предвкушала этот момент, но вместо того, чтобы открыть её, Фил вдруг замер, а под

моим полным нетерпением взглядом попросил:

— Только давай каждый из нас прочитает записку сперва самостоятельно, хорошо? Потом, если захотим, можем напомнить себе, что именно написали, но сначала это нужно сделать раздельно.

— Почему? — только и смогла спросить я, не скрывая собственного разочарования. Боги, мы никогда её не откроем...

— Мне нужно, чтобы ты хорошенько подумала над тем, что читаешь.

Удивлённо посмотрев на Гардинера, я только и смогла, что открыть рот, но так ничего и не сказала. Задуматься над тем, что там написано? Это что же такое восемнадцатилетний Фил мне написал, раз над этим стоит хорошо подумать?

— Ты помнишь, что ты написал? — это была скорее констатация факта, чем вопрос, но я всё же решилась озвучить. Это также было и укором моей собственной памяти, которая слишком хорошо оправдала своё название — «девичья».

— Не слово в слово, но да, я прекрасно помню, что написал, — спокойно заметил парень, которого, казалось, абсолютно не смутила забывчивость его девушки. — Я не был уверен, когда писал это, но, раз уж всё сложилось хорошо, мне правда хочется, чтобы ты подумала над тем, что там написано.

— Ты же не мог каким-то образом подложить туда новую записку? — с подозрением спросила я, вызвав у парня лишь улыбку.

— Нет, мне было бы слишком страшно возвращаться к тому старику ещё раз, если бы я видел его до этого.

Я лишь улыбнулась в ответ на его реплику, после чего, принимая правила игры, согласилась со всеми требованиями Фила. Тот, удовлетворившись этим, не стал больше тянуть резину, открыв бутылку, а после выудив оттуда два сложенных вчетверо листика, которые уже не выглядели такими новенькими, что, впрочем, было не удивительно.

В прошлый раз мы догадались подписать их, поэтому не пришлось тратить время на то, чтобы отгадать, где чей. Отдав мне записку, написанную им для меня, Гардинер, в свою очередь, взял свою, усаживаясь обратно на кровать. Я же, напротив, встала и подошла ближе к стенду, чтобы, как парень и просил, мы смогли прочитать всё отдельно, независимо друг от друга.

Странное ощущение трепета охватило меня, когда я взяла в руки этот помятый листочек. Очень долго пришлось ждать для того, чтобы открыть его, а теперь же у меня даже начали слегка дрожать руки. Не решаясь заглянуть внутрь, я смотрела на надпись «Для Кэтрин от Фила», улыбаясь тому, как изменился со временем почерк парня. Пусть тогда мы и писали на собственных коленях, за неимением чего-то лучшего, всё равно даже сам Гардинер говорил о том, что его почерк изменился. Это было так странно — казалось, что совсем недавно мы в первый раз съездили в Лавенхем, где пообещали друг другу устроить День откровений. И ещё казалось, что прошло совсем немного времени с тех пор, как мы начали общаться в школе.

В голове пронеслись разом все воспоминания: и моя просьба подружиться; и лабиринт, в котором мы оказались на одной из вечеринок, куда были приглашены обе наши семьи; и поездка в лагерь; и прогулка по парку вместе с Ником; и наша поездка на лыжи с моей семьёй; и момент, когда Фил решил мне показать подвал, в котором проводятся концерты какой-то уличной группой. И ещё много-много всего... Подаренный им дельфин даже красуется в качестве брелока на моих ключах.

Я определённо стала слишком эмоциональной и сентиментальной, поскольку слёзы подступали к глазам уже тогда, когда я только начала разворачивать записку. Когда же я прочитала то, что там написано, они хлынули из глаз, а я была не в силах остановить их, поскольку не верилось в то, какой же дуручкой я была тогда.

Думая о том, что мы отдаляемся, я и не подозревала о том, что в то время Гардинер хотел сблизиться как можно больше едва ли не сильнее меня самой. Было странно осознавать это, понимая, что ты не можешь повернуть время вспять для того, чтобы подойти к самой себе и попросить обнять парня как можно сильнее, поскольку это нужно было нам обоим. Но, к счастью, я могла сделать это сейчас.

Повернувшись к шатену, который всё ещё сидел на кровати и смотрел на меня, я смогла только слабо улыбнуться, думая, что обязательно обниму его, но только после того, как он сам скажет, что думает о моей записке. Поняв, чего я от него хочу, Гардинер встал и, в несколько шагов преодолев расстояние, разделявшее нас, сказал:

— Фил из будущего, — он ухмыльнулся, произнося это, а мне вдруг захотелось провалиться под землю от стыда из-за того, что тогда назвала его так, — хотел бы сказать, что да, у него всё хорошо, Кэтрин. И тогда, когда я писал тебе, у меня тоже всё было хорошо, потому что я писал письмо именно тебе. И, согласишься, я не смог бы предложить это человеку, к которому отношусь плохо, правда?

Я лишь кивнула, сморгнув ещё одну слезинку, которая покатилась по моей щеке, тут же поспешив вытереть её, чтобы шатен не подумал, будто я схожу с ума из-за того, что именно он мне написал.

— Твоя очередь, — ненавязчиво напомнил он, придвигаясь ближе.

Очень много раз я представляла себе подобную ситуацию, думала, что же будет лучше ответить ему в этот момент, но всё, как обычно, шло не по плану, поскольку я не представляла, как именно всё сложится. Можно было бы долго говорить, можно было бы произнести много красивых фраз, но я не смогла придумать ничего лучше, чем:

— Когда писал это, ты уже знал, что я соглашусь, мистер Самоуверенность.

Гардинер улыбнулся, коротко рассмеявшись, после чего притянул меня к себе, заключая в крепкие объятия. В тот момент казалось, будто мы не обнимались тысячу лет, хотя вот недавно он повторял это, казалось бы, простое действие. Тем не менее, чувства, которые теперь буквально переполняли меня, делали этот момент более особенным. Словно почувствовав это, Фил слегка отстранился для того, чтобы было удобнее наклониться ко мне и поцеловать. Обычный и достаточно целомудренный поцелуй, но большего сейчас не было нужно, хватало и этого.

— Остальное сегодня вечером? — с усмешкой спросила я, отстраняясь от него.

— Именно, — лукаво ухмыляясь, ответил он, после чего добавил: — Ведь, если верить тебе, у нас в запасе теперь очень и очень много таких вечеров.

Я улыбнулась, в который раз обнимая шатена, желая простоять так как можно дольше. Он, кажется, разделял моё желание, поэтому сложно было сказать, сколько времени мы пробыли в таком положении, прежде чем отстранились друг от друга. Когда же это всё же случилось, я взяла из его рук записку и, предварительно взяв со стола кнопку, прикрепила её вместе со своей на стенд, любуясь этим старыми, но такими красивыми клочками бумаги.

— Это же не фото, — резонно заметил Гардинер, пристраиваясь сзади и положив подбородок на мою макушку, а свои руки — на мои плечи. Он всегда делал это, пользуясь своим преимуществом в росте, а я была не против.

— Это лучше, — улыбаясь, сказала я. — Ни на одном фото не запечатлён момент, когда ты говорил, что любишь меня.

— Я и там не написал этого.

— Да, ты написал кое-что другое, — легко согласилась я, поворачиваясь к нему, чтобы обнять и, глядя снизу вверх, добавила: — Потому что это лучше.

Фил улыбнулся, в который раз обнимая меня, но ничего не сказал, потому что это было сейчас и не нужно. Все те чувства, которые мы стремились донести друг до друга всё это время, сейчас были понятны, как никогда раньше. От этого хотелось и плакать, и смеяться одновременно, но я лишь продолжала улыбаться, радуясь тому, что нахожусь в объятиях человека, в котором была уверена на все сто. Он же, в свою очередь, ежедневно подкреплял эту уверенность, а также, я надеюсь, становился и более уверенным во мне. Хотя, как оказалось, Гардинер был уверен во мне и в нас даже больше, чем я сама, иначе не написал бы это.

Потому что в записке было следующее:

«Всегда сложно предугадать, что тебя ждёт, но я всё же надеюсь, что этот мой прогноз окажется верным. Правда, мне будет немного неловко, если в будущем мы всё же разбежимся, но я надеюсь, что твоей душевной доброты хватит для того, чтобы избавить меня от этих неприятных ощущений. На самом деле, давно хотел сказать тебе что-то в этом духе, поэтому надеюсь, что хотя бы в будущем ты мне не откажешь в подобном удовольствии. Оставайся со мной и дальше, Кэтрин. И не просто оставайся, будь дальше тем человеком, который мне ближе, чем остальные, а также позволь рано или поздно произнести эту фразу вслух.

Я надеюсь, что сегодня ты сияешь, Кэтрин Гардинер».

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net